ЭВЕЛИНА
ДЕ
ВАЛЬЕРОЛЬ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Ж. Кукольника.

Второе, исправленное изданіе.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА И К°.
1841.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 31 октября 1841 года.

Цензоръ *А. Фрейгангъ.*

ЭВЕЛИНА ДЕ ВАЛЬЕРОЛЬ.

ЧАСТЬ ПЯТАЯ.

ПРІЕМЫ.

Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/evelinadevalerol348800

ПРІЕМЫ.

Vinta sarà natura, e da tuoi inganni
Rosa eloquente dirà, te laudando,
Che tu solo il pitor sei de'pittori.

FRANCIA.

ГЛАВА I.

ОТЪѢЗДЪ.

Часть нижняго жилья вандомскихъ палатъ, гдѣ проживали нѣкогда многочисленные слуги герцога, пажи и комнатныя дамы герцогини, ревностью и усердіемъ искусству ординарнаго живописца его королевскаго величества, Филиппа

Депорта, была обращена въ довольно обширную залу. Въ разныхъ мѣстахъ этой залы Альфредъ Дени и еще трое молодыхъ людей занимались живописью. Порядокъ въ школѣ Депорта былъ удивительный: ученики работали каждый у своего окна; всѣ мольберты, стулья, палитры и прочія принадлежности были одинаковыя; въ каждомъ углу стояла гипсовая статуя; у стѣнъ на полкахъ разложены ноги, руки и головы людей и животныхъ; внизу восковыя раскрашенныя фигурки въ двѣ трети противъ натуры и въ различныхъ костюмахъ. Вся зала была вымыта и вылощена; у оконъ, подъ рабочими мѣстами, разостлано было сукно, которое всякій разъ поспѣшно убирали, какъ-скоро ожидали важнаго посѣтителя. Депортъ ходилъ взадъ и впередъ, читая длинныя наставленія; ученики ихъ не слушали; Альфредъ Дени работалъ для извѣстной намъ цѣли, а прочіе трое были изъ жидовъ, и счастіе Депорта считали геніемъ перваго разряда. Одинъ изъ нихъ подавалъ недурныя надежды, и въ этотъ разъ писалъ съ эскиза видъ монастыря визитокъ, а Дени писалъ картину сочиненія самого Депорта, сочиненія (nota bene) не карандашемъ на бумагѣ, а на словахъ: «Ангелъ, въ видѣ монахини, благословляетъ Людовика Святаго во время бо-

лѣзни.» Изъ-подъ монашеской рясы торчали крылышки. Депортъ сердился на Дени, зачѣмъ крылышекъ почти не видно.

— Поправьте, сдѣлайте одолженіе, право не знаю, сказалъ Дени.

— Хороша будетъ школа, когда я самъ буду за всѣхъ работать, отвѣчалъ Депортъ.

Карета съ шумомъ подкатилась къ крыльцу.

— Мазарини! Мазарини! закричалъ Депортъ. Сукно долой!

Онъ спокойно сѣлъ за круглый столъ, гдѣ лежало множество рисунковъ. Ученики со смѣхомъ исполнили приказаніе, и, бросивъ сукно въ другую комнату, чинно усѣлись на свои мѣста.

Мазарини вошелъ и остановился съ видомъ изумленія. Депортъ, съ карандашомъ въ рукахъ, погруженъ былъ въ глубокія размышленія и не замѣчалъ гостя. Молодежь не выдержала; но, желая заглушить смѣхъ, Депортъ рѣшился прервать молчаніе: какъ-будто нечаянно увидалъ Мазарини, подыммаясь съ важностью съ креселъ, сказалъ:

— Благодаримъ за честь, монсиньоръ! Наконецъ и вы посѣтили мою школу!

— Истинно на диво! отвѣчалъ Мазарини, притворно удивляясь. Это образецъ порядка, чистоты, точности... (и безъ талантности! прибавилъ онъ въ мысляхъ).

— Да, да, сказалъ Депортъ смиренно. Богъ милостивъ! по-крайней-мѣрѣ труды, усердіе и деньги не пропадаютъ даромъ.

— Жаль, что я не могу войти во всѣ подробности вашего превосходнаго заведенія. Я спѣшу сообщить вамъ весьма пріятныя приказанія.

— Какія, монсиньоръ?

— Тайна, тайна! Но предупреждаю, пріятная и достойная такого выбора.... Пойдемъ наверхъ.

— Нѣтъ, монсиньоръ, мой кабинетъ теперь внизу. Пожалуйте. — Господа! прошу не лѣниться. Къ пріѣзду его величества картины должны быть готовы!

Чрезъ парадныя сѣни Депортъ повелъ Мазарини въ небольшой кабинетъ, убранный, по времени, съ изяществомъ и вкусомъ, но вмѣстѣ похожій болѣе на книжную лавку въ галереяхъ Палаты Юстиціи. Огромный прилавокъ стоялъ по-серединѣ; кругомъ кресла, полки съ книгами и богатыя занавѣски, — наслѣдство Вандомовъ. За этимъ прилавкомъ Депортъ ежедневно принималъ заказы, продавалъ краски и другія художническія принадлежности, получаемыя будто-бы изъ Италіи; снабжалъ совѣтами придворныхъ слугъ, обѣщалъ протекцію, и такъ далѣе. Рядомъ съ этой лабораторіей, гдѣ

выдѣлывалось тончайшее плутовство, была другая небольшая комната, въ одно окно съ желѣзною рѣшеткою изнутри. Это была токарная мастерская. Подражая великимъ людямъ, любившимъ это пріятное искусство, Депортъ ежедневно запирался въ свою токарную, гдѣ у него были и хозяйство и архивъ. Произведеній уединной работы было немного: шахматы, по заведенному обычаю, палочки для кисточекъ, дамскія палитры и тому подобное; но оттуда больше всего выходило ящиковъ съ красками, которыя онъ сбывалъ за римскія, флорентинскія, венеціянскія, болоньскія, севильскія, съ безчисленными вторыми названіями. Въ эти времена врачи были вмѣстѣ и аптекарями, художники продавцами матеріяловъ для своего дѣла, и подобная торговля ни мало не считалась предосудительною. Но, по особенному соображенію, нельзя было Депорта находить въ кабинетѣ-лавочкѣ во всякое время: для того назначены были извѣстные часы самаго ранняго утра, когда еще высшія касты Парижа пребывали за богатыми занавѣсками своихъ дубовыхъ кроватей съ золоченной рѣзьбою. Депортъ ввелъ Мазарини въ кабинетъ и, запирая двери, спросилъ съ любопытствомъ: — Какія приказанія, монсиньоръ?

— Поѣзжайте въ Фонтенбло́, для принятія Пуссена.

— Какъ! неужели?

— Люди Шантлу уже пріѣхали. Пуссенъ будетъ завтра въ Фонтенбло́. Вотъ инструкція для его пріема. Она написана на имя Горда, но я выпросилъ у кардинала это порученіе для васъ. Первые дни составляютъ все; потомъ трудно измѣнить публичное мнѣніе.

— Глубокій расчетъ! Я черезъ часъ поѣду въ Фонтенбло́.—Что, монсиньоръ? спросилъ Депортъ съ коварной улыбкой: каково́ идутъ ваши дѣла съ Джудитой?

— Неужели вы не знаете? отвѣчалъ Мазарини, съ примѣтной досадой. Она согласилась допустить меня къ свиданію, по вашему убѣжденію, въ гостиной, одного, и безъ свидѣтелей. Обѣты возратить всю прежнюю нѣжность она приняла съ холоднымъ равнодушіемъ и отвѣчала фразами: «Нельзя возвратить невозвратнаго... Невѣрность — стихія мужчинъ...», и тому подобное. «Послушайте сказала она послѣ мгновеннаго молчанія: я согласна, но не иначе, какъ на слѣдующихъ условіяхъ: вы должны объявить меня титулованной любовницей вездѣ, отъ покоевъ королевы до рюэльскаго кабинета!» Это безуміе!

«Это расчетъ!» подумалъ Депортъ.

Мазарини проолжалъ: Дальнѣйшихъ условій я и слушать не хотѣлъ; но она продолжала настойчиво: »Вы должны исходатайствовать прощеніе капитану Вальеролю.»

«Это безуміе!» подумалъ Депортъ.

Мазарини продолжалъ: Это расчетъ, подумалъ я: и расчетъ весьма умный! Она сдѣлаетъ Эвелину недоступною. Храбрый капитанъ не такъ сговорчивъ. Однимъ словомъ, всѣ условія были только рядъ невозможностей. Я предлагалъ деньги и требовалъ дѣтей. «Какія дѣти? спросила она, съ видомъ изумленія. Утѣшьтесь! ихъ давно убралъ Господь; а эти — плодъ другой любви.»

— Не можетъ быть! не правда! конечно, мужъ знаетъ лучше! сказалъ Депортъ. Такъ вы ничемъ не кончили?

— Ничѣмъ! Я хотѣлъ испугать ее местью и тѣмъ принудить къ молчанію: она отвѣчала, что случай открылъ и ей дѣйствительныя средства къ той же цѣли. Однимъ словомъ, вся надежда на васъ. Мнѣ нужно молчаніе, тайна, на нѣсколько недѣль. Съ другой стороны, я хотѣлъ вамъ сказать, что, съ такимъ поведеніемъ Джудиты, вамъ опасно держать Эвелину въ своемъ домѣ, и я полагаю, пора ее выдать за-мужъ.

— Рано, монсиньоръ! Ужасъ какъ мо-

лода! И по расудку можно замѣтить, что она еще не развилась вполнѣ.

— Пустое, пустое! За мужемъ разовьется, и я для нея пріискалъ жениха.

— Кто́ же это?

— Добрый малой, скромный, покорный. Я сдѣлаю его своимъ секретаремъ, поведу и дальше.

— Я не знаю какъ благодарить васъ, монсиньоръ, за доброе расположеніе къ нашему дому. Конечно́, человѣкъ ужъ не молодой?...

— Онъ, нельзя сказать молодъ, но еще свѣжъ, крѣпокъ, дѣятеленъ.

— Ей надо именно такого мужа, и я при первомъ случа́ѣ испрошу позволеніе у кардинала....

— Боже васъ сохрани, Депортъ!

— А что́?...

— Нѣтъ! Вѣдь это только предположеніе. Надо еще поговорить съ женихомъ. Пока, отложимъ... Прощайте, любезный Депортъ. Поѣзжайте поскорѣе въ Фонтебло̀; а я ѣду, въ новомъ званіи государственнаго совѣтника и секретаря, показаться въ парламентъ, и потомъ на ратушѣ: прескучныя формы!... Прощайте.

«Надо придумать другое средство, говорилъ про себя Мазарини, уходя. Черезъ людей?... Надо ихъ задобрить. Денегъ тутъ нечего жалѣть: сто́итъ....

И кошелекъ, туго набитый золотомъ, остался въ рукахъ Гаръ-Піона, который помогалъ Мазарини усѣсться въ карету.

Изумленный Гаръ-Піонъ стоялъ у крыльца въ раздумьѣ, потомъ, какъ-будто опомнясь, закричалъ: — Гойко, Гойко! Богъ послалъ!

Но Гойки не было.

— Пойду я самъ къ головѣ: авось умилостивлю! сказалъ Помпей, и отправился на островъ.

Голова и старшины, — такъ мы будемъ называть monsieur le prévôts et les échevins, — были въ полномъ замѣшательствѣ, когда Гаръ-Піонъ вошелъ въ главную залу ратуши. Множество сановитыхъ горожанъ, купцовъ и мелкихъ торговцевъ изъ лавокъ, разставленныхъ въ нижней галереѣ Палаты Юстиціи, тѣснились въ залѣ съ своими тяжбами. Какъ Гаръ-Піонъ былъ выше всего парижскаго народонаселенія цѣлою головою, то ему очень удобно было видѣть, въ какомъ смущеніи находилось собраніе старшинъ. Гаръ-Піонъ неустрашимо протѣснился къ перегородкѣ, перевѣсился и сказалъ на ухо самому головѣ: — Денежное дѣло, господинъ голова!

Голова повернулся и пришелъ еще въ бо́льшее смущеніе, увидѣвъ одинъ усъ и огромный ростъ Гаръ-Піона.

— Что́ тебѣ угодно, почтеннѣйшій?

— На два слова, господинъ голова!... жалѣть не будете.

— Но мы ждемъ важной особы, съ предложеніемъ отъ его эминенціи, кардинала-герцога.

— Будьте спокойны: воротиться успѣете.

— Странная настойчивость!... вѣрно, дѣло важное, сказалъ голова, шепнулъ нѣсколько словъ ближайшему старшинѣ и вышелъ съ Гаръ-Піономъ въ смежную комнату.

— Я Помпей, по прозвищу Гаръ-Піонъ, фамиліи не помню, драгунъ его величества, нынче въ услугахъ у господина кавалера Депорта, ординарнаго королевскаго живописца, пользующагося особенною милостью короля, королевы, дофина и всѣхъ министровъ. Это — мой титулъ; а просьба — отпустить Сару, или... какъ ее иначе зовутъ, по книгамъ?... на которую имѣется подозрѣніе, якобы она жидовка. Эта женщина нужна господину Депорту для модели, и мужъ ея согласился на то съ условіемъ, чтобы господинъ Депортъ доплатилъ сколько будетъ слѣдовать.

Голова покраснѣлъ и не безъ затрудненія отвѣчалъ:

— Это была шутка, любезный Гас-

паръ: женщина замѣшана въ вандомское дѣло.

— Не извольте продолжать шутки, господинъ голова. Я самъ замѣшанъ въ вандомскомъ дѣдѣ, то есть, служилъ у друга герцога Вандомскаго, знаю всѣхъ друзей герцогскихъ, которыхъ вы, изъ угожденія кому-то, изволили выслать изъ Франціи... и за-что́?... курамъ на-смѣхъ: зачѣмъ они друзья герцога! зачѣмъ по четвергамъ у него обѣдали, да разъ въ годъ ѣздили въ его помѣстья охотиться!... Такъ ужъ не извольте говорить. Теперь и королю извѣстно, что заговора ни какого не было; а эта женщина — несчастная жертва дурнаго порядка въ городѣ. Молодежь, что́ хочетъ, то и дѣлаетъ: только на дуэль не выходи, а такъ, рѣжь, бей, крадь — ратуша ничего не скажетъ. Каждую ночь, слышно, или женщину, или дѣвушку украли, и ужъ на какомъ предмѣстьѣ будетъ исторія, тамъ, вѣрно, ни одного городскаго стрѣлка не встрѣтишь. Мало того, украли эту женщину, вамъ бы слѣдовало освободить несчастную, а виновныхъ послать въ бастильскій или венсенскій за́мокъ; а вы ихъ безъ наказанія, по другому дѣлу, за границу выслали, а женщину въ тюрьму, да изъ бѣдности послѣдній сокъ давите. Такъ извольте мнѣ отдать ее; а вотъ и деньги.

— Какія деньги, любезный Помпей? Говорятъ тебѣ, шутка. А брали съ мужа за лучшее содержаніе жены и самого кормили. Истинный подвигъ милосердія! Но скажи, помилуй, какъ это все дошло до мосье Депорта?...

— Да еще не дошло со всею подробностью. Мнѣ, просто, приказано было модель отыскать, во что́ бы то ни стало, потому что картину надо написать къ королевскому пріѣзду. Такъ я только о цѣнѣ объявилъ; а исторію приказано ввечеру разсказать, на свободѣ и досугѣ...

— Ты конечно меня оправдаешь передъ г. Депортомъ?

— Только помогите мнѣ быть исправнымъ и доставить ему модель черезъ часъ. пока свѣтло, такъ ужъ я и за мужемъ и за женою смотрѣть буду; научу что́ говорить; и вы скажете про Гаръ-Піона: «Умница!» А я вамъ на досугѣ послужу.

— Сейчасъ, любезный другъ; вотъ я напишу записочку.

— Такъ ужъ и расписочку въ полученіи денегъ.

— Нѣтъ, любезный! Ты человѣкъ бѣдный: пригодятся.

— А обѣдни, господинъ голова?

— Да я ужъ на свой счетъ отслужу... Но у меня есть и къ тебѣ просьба.

— Приказывайте, господинъ голова.

— Нѣтъ ли у твоего господина портрета аббата Мазарини?

— Не знаю. Можетъ, и есть. Они друзья.

— Мы въ большомъ затрудненіи. Онъ будетъ у насъ сегодня, а въ залѣ нѣтъ его портрета, когда всѣхъ другихъ совѣтниковъ по два, одинъ въ залѣ, другой въ галереѣ.

— Да скоро ли онъ будетъ?

— Черезъ часъ, не позже.

— Портретъ будетъ, только взаймы, господинъ голова; а черезъ двѣ недѣли получите уже свой. У меня есть молодой живописецъ: чортъ его побери, какъ пишетъ! У него есть на дому портретъ моего капитана: какъ прійду, да, знаете, съ-разу отворю двери, не могу удержаться, такъ и гаркну: Добрый день, капитанъ!

— Хорошо, мой другъ. Пусть напишетъ. А что́ будетъ стоить?

— Квитъ, господинъ голова: услуга за услугу. Прощайте!

— Что́ баринъ? спросилъ Гаръ-Піонъ, подходя къ крыльцу своего дома.

— Уѣхалъ въ Фонтенбло́, отвѣчалъ Гойко, лежа на своемъ львѣ. Спрашивалъ

тебя. Я сказалъ: вѣрно, въ кабачкѣ. «Бѣдный Гаръ-Піонъ! вскричалъ онъ: у него, я думаю, и денегъ нѣтъ на что́ выпить!» Да, отвѣчалъ я: когда развѣ знакомые поподчиваютъ. — »Подчивай его почаще, сказалъ баринъ и далъ денегъ. Лучше, когда онъ почаще и подальше отъ дому бываетъ.»

— Ахъ, онъ старая морковь съ хрѣномъ! Посѣдѣлъ въ плутовствѣ, а краска стыда съ рожи не сходитъ: такъ пристыдился! Сегодня же найму квартиру и увезу Эвелину.

— Не дурачься, Гаръ-Піонъ! не дурачься! Видишь, какіе сильные люди за нею волочатся. Тутъ только хитростью возьмешь. Ты ужѣ теперь ничего не бойся. Видишь?... и къ женѣ не хожу, день и ночь лежу, да примѣчаю.

— Да я, знаешь, скажу Альфреду: такъ онъ его гдѣ-нибудь, въ переулкѣ...

— Боже тебя сохрани! Только Альфреда погубишь, госпожу убьешь, а самого скрутятъ.

— Да что́ же мнѣ дѣлать?

— Сидѣть на мраморномъ львѣ; а придетъ время, всѣхъ перессоримъ: подерутся; вотъ тогда, во время войны, наше дѣло — дамъ припрятать.

— На, поди же, найми гдѣ-нибудь подальше квартиру.

— Сколько у тебя денегъ, Гаръ-Піонъ?

— Ступай, ступай! Ничего не дамъ, если не исполнишь, о чемъ прошу! Найми квартиру, прійди сказать гдѣ, и ступай, сторожи ее; а я ввечеру приведу туда...

— Эвелину?

— Нѣтъ.

— Кого же?

— Увидишь.

Эвелина и Джудита сидѣли за завтракомъ. Альфредъ стоялъ за стуломъ Эвелины.

— Не повѣрите, какъ у меня бьется сердце! сказалъ Альфредъ. Сегодня пріѣзжаетъ въ Фонтенбло́ знаменитый Пуссенъ.

— А вамъ отъ него какая прибыль? спросила Джудита.

— Откроются работы въ Луврѣ. Пуссенъ — великій человѣкъ, не только великій живописецъ! Онъ дастъ и мнѣ работу, и, можетъ-быть, войдетъ въ мое положеніе.

— Неужели вамъ не хорошо у насъ? спросила Джудита.

— Рай съ адомъ по-поламъ! Знать, что

я любимъ, и видѣть мою властительницу въ такой опасности!

— Какой ревнивый вздоръ! сказала Джудита. Опасность женщины только въ ея собственной волѣ. Посмотрите на меня: я пала единожды, и послѣ этого, казалось бы, скромность и добродѣтель излишни: особенно съ такимъ мужемъ: а я дозволила себѣ только забаву, забаву, достойную уваженія, потому-что она отвлекаетъ искателей отъ Эвелины! И мы каждый день смѣемся надъ побѣжденными: это не мѣшаетъ намъ любить пламенно, искренно...

— Кого же?

— Про Эвелину вы знаете; про себя не скажу.

— Наконецъ и ваше сердце побѣждено?

— Воспоминаніями.

— Неужели этотъ извергъ?...

— Не спрашивайте.

Вошелъ Гаръ-Піонъ.

— Позвольте мнѣ, милостивая госпожа, украсть на два часа портретъ господина Мазарини изъ столовой.

— Нельзя ли украсть его совсѣмъ?

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, и отправился за добычей.

— Другъ мой, сказала Джудита, взявъ за руку Эвелину: Депортъ долго пробу-

детъ въ Фонтенбло́; мы можемъ избавиться отъ комедіи, которую безпрестанно разыгрываемъ; можемъ отдохнуть, подышать свѣжимъ воздухомъ, подкрѣпиться для дальнѣйшихъ подвиговъ...

— Куда же? спросила Эвелина.

— Въ за́мокъ Орбиньи! Онъ недалеко отъ Парижа: три, четыре часа ѣзды.

— Ахъ, Джудита! тамъ много молодыхъ дворянъ, сказалъ грустно Альфредъ.

— Перестаньте, ревнивецъ! Вы, право, надоѣли. Вы хотите, чтобы она, какъ бездушное зеркало, отражала только васъ! Молодая дѣвушка... ей нужно разсѣянье, а ваша любовь, право, похожа на темницу.

— Да и прилично ли однѣмъ дамамъ къ холостому человѣку? замѣтилъ Альфредъ.

— Опять! закричала Джудита. Да это въ модѣ! И какой онъ холостой человѣкъ? У него есть мать, двѣ сестры. Мы познакомились съ ними недавно въ театрѣ. Моя Марія... помните?... дочь моей Катерины, у которой я выросла... любила д'Орбиньи прежде Пальфи, и какъ я ни смѣялась надъ первою любовью, а надо согласиться, что эта любовь не умираетъ. Пальфи скоро отойдетъ къ предкамъ: жаль! онъ добрый человѣкъ; но Небо мило-

сердо: д'Орбиньи больше любилъ Марію, всю жизнь остался ей вѣрнымъ, и, теряя друга, получитъ любимую жену. Вотъ и все тутъ. Поняли?... Такъ ѣдемъ!

— Но я не могу, у меня срочныя работы, опять заговорилъ Альфредъ.

— Да васъ кто проситъ безпокоиться? съ неудовольствіемъ сказала Джудита и, замѣтивъ, что Эвелинѣ были не весьма пріятны подобные разговоры, шепнула ей на ухо: — Надо, любезная Эвелина! Такъ надо, если не хотите нажить несноснаго тирана. — И потомъ, снова обращаясь къ Альфреду, весело продолжала: — Моя школа труднѣе Депортовской: тамъ вы учитель, а у меня лѣнивый и непонятливый ученикъ. Пойдемъ, Эвелина, одѣваться! Каждую минуту я жду кареты. Прощайте!

Обѣ присѣли, улыбаясь, и оставили Альфреда, одного въ обществѣ самыхъ грустныхъ думъ, темныхъ сомнѣній и разнообразныхъ намѣреній.

— Нѣтъ! громко говорилъ Альфредъ, почти бѣгая изъ угла въ уголъ: я догадываюсь... Мои опасенія были справедливы... Тутъ что́-то кроется!... Меня обманываютъ...

Стукъ кареты остановилъ на-время потокъ мыслей и словъ.

— Хорошо! прекрасно! я дождусь ихъ здѣсь... я потребую объясненій... я... я...

Снова раздался стукъ кареты. Альфредъ подбѣжалъ къ окну: задергивая занавѣски кареты, Джудита, съ насмѣшливой улыбкой, поклонилась Альфреду.

— Онѣ уѣхали! кричалъ Дени.

— Укатили! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, входя въ комнату...

— Въ за́мокъ Орбиньи!

— Въ за̀мокъ Орбиньи?

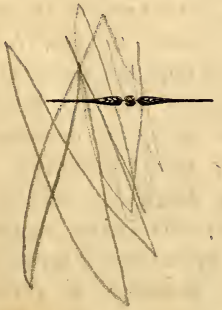
— На свиданіе съ Сенъ-Марсомъ!

— На свиданіе съ Сенъ-Марсомъ?

— Нѣтъ! этого не будетъ!...

Альфредъ убѣжалъ.

— Чего не будетъ? спросилъ изумленный Гаръ-Піонъ, повторявшій восклицанія Альфреда. Но на этотъ вопросъ Помпей не получилъ никакого отвѣта.



ГЛАВА II.

ИНСТРУКЦІЯ.

Вечерѣло. Парижскій декабрь не то, что сѣверные богатырскіе декабри: дрянь, каррикатура, кислая погода!... а безъ предосторожностей гораздо опаснѣе *сирокко* и сорока-градуснаго морозу! Впрочемъ, въ этотъ вечеръ воздухъ освѣжился морозомъ, правда, миніатюрнымъ, но и то благо! Солнце ложилось весело; во всемъ отдѣленіи фонтенблóскаго дворца, назначенномъ для временнаго жительства Пуссена, пылали камины, и дымъ, кудрявыми столбами, восходилъ въ чистое не-

бо. Депортъ, въ зеленомъ, шитомъ шелками, камзолѣ, съ зелеными узкими исподнями, въ короткой мантіи съ золотымъ бордюромъ, висѣвшей на двухъ золотыхъ снуркахъ съ кутасами, и въ сапогахъ съ фрезами, какія обнимали его шею, безпрестанно подходилъ къ зеркалу и смотрѣлъ, не сдвинулась ли съ мѣста новоріобрѣтенная шпага. О лицѣ онъ мало заботился; но историческая строгость запрещаетъ намъ пропустить одно обстоятельство, о которомъ мы не имѣли случая упомянуть прежде. Несмотря на зрѣлыя лѣта и сѣдой волосъ, о чемъ такъ аллегорически въ предшествующей главѣ изъяснился Гаръ-Піонъ, Депортъ, чтобы поддержать честь *совершеннаго* придворнаго, выучилъ наизустъ всѣ романы Скюдери, трагедіи Ришліё, комедіи Корнеля, и отпускалъ тирады изъ нихъ, по собственному усмотрѣнію, безъ всякаго посторонняго порученія, передъ г-жею Дюмишель, по спискамъ десятой комнатной дѣвицей королевы. Страсть эта имѣла одно послѣдствіе. Дюмишель не могла видѣть полнаго и краснаго лица, съ сѣдыми волосами. Депортъ обрился, и руководствуясь врожденнымъ вкусомъ, надѣлъ рыжій парикъ, съ длинными локонами à la Chlodowig, или, какъ тогда говорили, à la Clovis. Такимъ-образомъ,

въ парикѣ и при шпагѣ, Депортъ бѣгалъ изъ комнаты въ комнату, безпрестанно поглядывая въ зеркало, суетился, разстанавливалъ стулья, развѣшивалъ картины, отвѣдывалъ вино и переприказывалъ кушанья къ ужину. Истощивъ всѣ приказанія, Депортъ усѣлся у камина и началъ снова перечитывать свою инструкцію.

§ 1. Ординарный живописецъ Пуссенъ проведетъ три дня въ Фонтенбло́, для отдыха, а господинъ Шантлу отправится прямо въ Рюэль, со всѣми людьми, въ его службѣ состоящими.

§ 2. Втеченіи трехъ дней пребыванія въ Фонтенбло́, дворянинъ его величества Гордъ (*Гордъ* вездѣ перечеркнуто и надписано «Депортъ») неусыпно будетъ наблюдать, дабы, какъ столъ, такъ и другія удобства, были самаго лучшаго качества, въ обиліи, какъ прилично королевскому дому.

§ 3. Не обременять своимъ присутствіемъ господина Пуссена (sieur Poussin) и приходить къ нему только по зо́ву, наказавъ слугамъ увѣдомлять себя о томъ каждую четверть часа во время дня; а ночью осмотрѣть два раза, находятся ли всѣ слуги на мѣстахъ, нѣтъ ли гдѣ шуму, и тому подобное.

§ 4. На другой день, показавъ всѣ драгоцѣнности дворца, въ придворномъ эки-

пажѣ сопутствовать господину Пуссену въ прогулкахъ, не упуская отмѣчать въ особой тетради его отзывы, какъ о существующихъ уже достопримѣчательностяхъ, такъ и на счетъ украшеній, какія и гдѣ могутъ быть прибавлены, и таковыя отмѣтки, предъ истеченіемъ третьяго дня, отослать съ нарочными, одинъ экземпляръ въ Рюэль, къ его эминенціи, кардиналу-герцогу, а другой ко мнѣ, въ Парижъ.

§ 5. По истеченіи трехъ дней, сопутствовать господину Пуссену въ Парижъ, въ моей каретѣ, и прямо въ мой домъ, гдѣ обязанности господина Горда будутъ поручены другому дворянину.

де-Нойе́.

— Чудеса! сказалъ Депортъ: можно подумать, что принимаютъ какого-нибудь турецкаго султана! Мягко постлано: каково-то будетъ спать?... И чортъ его знаетъ, какимъ слогомъ съ нимъ разговаривать!

— Ѣдутъ! кто́-то крикнулъ на дворѣ, и по всѣмъ комнатамъ, отъ лакея къ лакею, пробѣжалъ крикъ: «Ѣдутъ!» — Депортъ стоялъ уже на крыльцѣ.

Пуссенъ, Шантлу, Гаспаръ и де-Вальероль сидѣли въ большой придворной каретѣ, которая была выслана на встрѣчу за нѣсколько лиѣ. Первый вышелъ изъ

кареты Шантлу. Увидѣвъ Депорта, который почтительно ему раскланялся, Шантлу отворотился съ неудовольствіемъ и сказалъ сквозь зубы: «Все дѣло испортятъ!» За Шантлу вышли прочіе путешественники.

— Депортъ, снявъ шляпу и положивъ лѣвую руку на шпагу, подошелъ къ Пуссену, котораго легко можно было узнать по лицу, осанкѣ и обращенію съ нимъ спутниковъ, и торжественно возгласилъ: — Его королевское величество удостоилъ меня завиднаго счастія принять величайшаго живописца нашего времени и подарилъ мнѣ на три дня честь быть неотлучнымъ его слугою!

— Какъ на три дня? спросилъ Шантлу. Короля здѣсь нѣтъ? Мы поѣдемъ дальше!

— Васъ ожидаетъ въ Рюэлѣ его эминенція, со всѣми людьми, и немедленно, о чемъ мнѣ приказано васъ увѣдомить; а мосье Пуссенъ отдохнетъ въ Фонтенбло́, для того, что не все еще готово для его принятія въ Парижѣ.

— Что́ за вздоръ! сказалъ Пуссенъ. Да развѣ мнѣ не позволятъ отдохнуть денька два послѣ такой утомительной дороги?

— Три дня, но въ Фонтенбло̀, на всемъ готовомъ, далеко отъ докучливаго любопытства.

— Хорошъ отдыхъ. Быть по-вашему!

— Не угодно ли пожаловать въ покои? сказалъ Депортъ.

Пуссенъ поклонился. Депортъ пошелъ впередъ; за нимъ всѣ путешественники, кромѣ де-Вальероля, который вынималъ изъ кареты разныя бездѣлушки.

— Да я здѣсь и не засну, сказалъ Пуссенъ: меня ночью задавитъ это великолѣпіе.

— А вотъ здѣсь уборная, говорилъ Депортъ.

— Еще!

— А здѣсь для слуги. Тамъ особенный выходъ...

— Слуга спитъ со мною въ одной комнатѣ, какъ ѣздитъ въ одной каретѣ и ходитъ объ-руку. Да гдѣ Жоржъ?

— Позовите Жоржа! кричалъ Депортъ, и де-Вальероль вошелъ съ узелками.

— Какова наша квартира? спросилъ Пуссенъ.

— На три дня, не дурно; а на три недѣли... можно умереть.

— Я долженъ съ вами проститься, сказалъ Шантлу.

— Вы поѣдете увѣдомить кардинала, что арестантъ въ безопасной темницѣ?

— Неужели вы не перестали на меня сердиться?...

— Не на васъ. Я знаю, какъ больно повиноваться такимъ приказаніямъ.

— Мы постараемся изгладить непріятныя воспоминанія.

— Едва ли вамъ это удастся, добрый Шантлу.

— Богъ милостивъ! До свиданія... въ Парижѣ!

— Шантлу уѣхалъ. Де-Вальероль хотѣлъ приготовить постель, но Пуссенъ, оборотясь къ Депорту, сказалъ: — Нельзя ли облегчить моего слуги и приказать кому-нибудь изъ вашего множества смѣнить Жоржа на эти три дня?

— Не извольте безпокоиться! На этотъ счетъ уже сдѣланы распоряженія. Вашъ Жоржъ можетъ дѣлать и итти, куда ему угодно.

— Я хотѣлъ его послать въ Парижъ, съ увѣдомленіемъ о моемъ пріѣздѣ къ немногимъ знакомымъ.

— На этотъ счетъ я не могу отвѣчать вамъ: въ инструкціи моей ничего не сказано. Можетъ-быть, это будетъ непріятно кардиналу... Впрочемъ весь Парижъ уже знаетъ о вашемъ пріѣздѣ.

Пуссенъ взадъ и впередъ ходилъ по комнатѣ, потирая руки. Гаспаръ потягивался послѣ дурной дороги и заснулъ крѣпкимъ сномъ на софѣ, противъ постели, приготовленной Пуссену. Де-Вальероль

ушелъ въ другую комнату, сѣлъ у окна, и глядѣлъ на заходящее солнце. Тысячи мыслей волновали душу печальнаго отца, и онъ самъ не могъ понять, радуется ли онъ своему пріѣзду, или боится невидимыхъ послѣдствій дерзкаго и опаснаго поступка.

— Я долженъ удалиться, сказалъ Депортъ. Вы хотите отдохнуть. Но если что-нибудь, понадобится, одинъ звукъ этого колокольчика...

— Сдѣлайте милость, не безпокойтесь. Мнѣ, право, ничего не надо.

Депортъ ушелъ. Пуссенъ продолжалъ ходить по комнатѣ. Не прошло пяти минутъ, Депортъ возвратился и спросилъ: — Не угодно закусить послѣ дороги?

— Нѣтъ, еще рано, отвѣчалъ Пуссенъ, разсѣянно.

Прошло десять минутъ. Опять пришелъ Депортъ:

— Не прикажете ли чего-нибудь?

— Ничего, ничего! также отвѣчалъ Пуссенъ.

Спустя около четверти часа, Депортъ появился въ дверяхъ съ вопросомъ: — Не пора ли ужинать?

— Покорнѣйше благодарю. Мнѣ ѣсть не хочется.

И такъ каждую четверть часа, и чаще, Депортъ мучилъ Пуссена докучливою уч-

тивостью. Наконецъ, на послѣдній вопросъ его, «Не угодно ли чего?», несчастный гость съ досадой отвѣчалъ: — Покою!... быть одному!... и ужъ если непремѣнно я долженъ чего-нибудь потребовать, то прикажите подать мнѣ воды.

— Вина?...

— Воды!

— Съ виномъ?

— Чистой.

— А потомъ ужинать?

— Хорошо, хорошо! потомъ ужинать... вотъ имъ! сказалъ Пуссенъ, указывая на Гаспара, который проснулся отъ разговору и снова заснулъ.

Депортъ возвратился съ четырьмя лакеями: одинъ несъ воду въ хрустальномъ сосудѣ, другой вино, третій ликеры, четвертый закуску.

Пуссенъ налилъ въ кубокъ воды. Депортъ подбѣжалъ съ бутылкой вина, но Пуссенъ уже выпилъ, поставилъ стаканъ на мѣсто, махнулъ рукой и сталъ ходить по-прежнему. Депортъ и всѣ лакеи ожидали дальнѣйшихъ приказаній; но Пуссенъ не замѣчалъ ихъ. Депортъ закашлялъ, и Пуссенъ сталъ будить Гаспара: — Вставай! ступай ужинать; а то этотъ господинъ справедливо будетъ сердиться на нашу неучтивость. Мнѣ, право, не до ѣды!

Всѣ вышли. Пуссенъ бросился на кровать, волнуемый безчисленными мыслями, и уснулъ въ платьѣ.

Какъ ни утомительно было путешествіе, Пуссенъ однако жъ проснулся въ обычное время и былъ неожиданно удивленъ забавною картиной: два огромные канделабра или, лучше сказать, два пучка свѣчъ, освѣщали комнату, отражая сіяніе въ огромныхъ зеркалахъ; у самой постели дремалъ въ креслахъ Депортъ, и нѣсколько человѣкъ лакеевъ, у дверей, шептались между собою, умножаясь ad infinitum въ зеркалахъ спальни и слѣдующаго покоя. Пуссенъ не могъ понять, во снѣ, или на яву, онъ все это видитъ. Но, вскочивъ съ постели, онъ убѣдился въ забавной дѣйствительности, потому что лакеи разбѣжались по мѣстамъ и Депортъ проснулся.

— Что́ это значитъ? спросилъ Пуссенъ.

— Вы были не раздѣты, отвѣчалъ Депортъ: люди ожидали вашего пробужденія; я хотѣлъ принять ваши приказанія на слѣдующій день и вздремнулъ.

— Послушайте! сказалъ Пуссенъ: вы замучите меня своимъ этикетомъ и не довезете до Парижа!

— О, какъ бы охотно я исполнилъ ваше желаніе и послалъ къ чорту всю

эту челядь, если бы не инструкція де-Нойé!

— Такъ вамъ дана инструкція меня мучить?

— Совсѣмъ нѣтъ. Думали угодить, но я самъ вижу, что нашему брату, художнику, сладость этой блистательной заботливости горька какъ порошки отца Ромуальда, которыми теперь въ Парижѣ лечатъ отъ спазмовъ. Пошли спать! сказалъ Депортъ, обращаясь къ лакеямъ. Я беру на себя отвѣтственность за нарушеніе моей инструкціи, лишь бы доставить вамъ нѣсколько часовъ покою и показать, какъ много я уважаю такого великаго живописца.

— Такъ вы художникъ?

— Ординарный живописецъ его величества, Филиппъ Депортъ, дворянинъ.

— Какая пріятная нечаянность! Слѣдственно мы можемъ провести время не совсѣмъ скучно.

— Пока не помѣшаютъ.

— Кто?

— Придворные. Ихъ не мало въ Фонтенбло̀, потому что не извѣстно, куда пожалуетъ король, сюда или въ Сенъ-Жерменъ. Но я постараюсь оградить васъ отъ ихъ посѣщеній.

— Заранѣе благодарю васъ за все. Спасите, спасите меня. Я не знаю, какъ вамъ

сказать: камень лежитъ на душѣ моей! Ужасъ беретъ, когда подумаю, сколько пустыхъ, ничтожныхъ посѣщеній, фразъ безъ значенія, похвалъ безъ похвальныхъ причинъ, лести безъ сердечнаго участія, свиданій съ людьми, отъ которыхъ желалъ бы бѣжать, не только за Альпы, а за Карпаты: сколько этого всего лежитъ передо мною! И зачѣмъ? Я этого ничего не искалъ. Художникъ, вы понимаете меня....

— Успокойтесь. Плѣнъ вашъ не продолжителенъ!

— Неужели? сказалъ обрадованный Пуссенъ.

— Быть откровеннымъ.... Нѣтъ, этого не сказано въ инструкціи....

Пуссенъ улыбнулся. Депортъ смѣялся, и, оборотясь къ Пуссену, сказалъ дружескимъ тономъ: — Спите спокойно, любезный Пуссемъ. Вамъ нуженъ отдыхъ. А завтра познакомимся поближе, поговоримъ.

— Какъ завтра? Да который часъ?

— Ахъ, правда! ужъ пять часовъ утра.... Неужели вы не заснете?

— Я обыкновенно встаю въ это время.

— Представьте! я никакъ не могъ понять, отчего я такъ свѣжъ; а я междутѣмъ порядочно выспался въ креслахъ,

и всталъ, какъ обыкновенно встаю дома. Что жъ вы будете теперь дѣлать?

— Самъ не знаю.

— Пойдемъ подышать свѣжимъ воздухомъ на балконѣ. Богъ далъ прекрасное время, какъ-будто нарочно для вашего пріѣзду: до вчерашняго дня самая суровая зима мучила насъ. Вы привезли съ собой италіянское небо: такъ стало хорошо!.... Пойдемъ!

Пуссенъ и Депортъ вышли на большой балконъ. Заря чуть занималась; было свѣжо, но не холодно. Депортъ усѣлся въ углу на деревянной скамьѣ, съ которой были сняты штофныя подушки, и, стуча шпагой по высокимъ каблукамъ, сказалъ съ улыбкой: — Я думаю, и въ Парижѣ многіе не спятъ по вашей милости.

— Кто́ же это?

— Разумѣется кто: Вуэ и Лемерсіе́.

— Судите, какъ непріятно мое положеніе!.... я долженъ быть невиннымъ поводомъ чувствительныхъ неудовольствій людямъ, которыхъ уважаю!

— Которыхъ хотѣли бы уважать: это большая разница. Но они сами освободятъ васъ отъ излишней снисходительности.

— Какимъ образомъ?

— Интригами и клеветами.

— Неужели?

— Вотъ виновники вашего пріѣзду въ Парижъ. Если бы они сидѣли смирно и занимались каждый своимъ дѣломъ, перестройка Лувра продолжалась бы безостановочно, кое-какъ, плохо, но покойно; а то у насъ, главное, заумничали, перессорились, надоѣли, обратили вниманіе на свою безталантность и принудили добраго короля къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ. И увидите, что они не дадутъ вамъ спокойно работать: тысячи интригъ, сплетней, клеветъ падутъ на имя, до-сихъ-поръ знаменитое и безъ упреку. Увидите!

— Вы меня приводите въ ужасъ!

— Лучше сказать вамъ все это заранѣе: хуже, когда вы не будете приготовлены и впадете въ разставленныя сѣти. А они связали ихъ! связали!.... и можетъ-быть, даже, съ помощью тѣхъ, которые....

Депортъ остановился.

— Окончите, ради Бога!

— Нѣтъ! до такой степени не должна простираться откровенность, сколько бы я васъ ни уважалъ, дорогой гость нашъ. Я полагаю только, что въ Парижѣ не спитъ теперь ни одинъ художникъ: соображаютъ, что́ вы будете говорить, какъ будете дѣйствовать, и куда надо бросить

препятствіе, гдѣ вырыть яму. Симонъ Вуэ — человѣкъ не безъ таланта, но такого вялаго живописца, я думаю, на свѣтѣ не бывало: жаръ, который бы долженъ одушевлять его въ искусствѣ, обнаруживается только въ громогласныхъ рѣчахъ, которыя онъ читаетъ своимъ ученикамъ. Онъ имѣетъ своихъ почитателей, которымъ написалъ по картинѣ въ подарокъ и тѣмъ купилъ себѣ ихъ фанатическій восторгъ. Есть еще особенная каста знатоковъ не-художниковъ. Вуэ имъ льститъ, увѣряетъ, что они умнѣе Леонарда и Дюрера, и лучше понимаютъ художество, нежели какъ его понимали первые геніи. Обласканное самолюбіе — тотъ же фанатизмъ. Каждый, кто не хочетъ, по знанію дѣла, согласиться съ защитниками Вуэ, объявляется невѣждой, а иногда, по обстоятельствамъ, и лазутчикомъ, доносчикомъ, и другими красивыми именами. Это первый вашъ врагъ, съ многочисленнымъ войскомъ: его отряды разсыпаны во всѣхъ классахъ публики и при дворѣ; вы ихъ и не замѣтите: дѣйствія вы увидите, но причинъ никогда! Второй вашъ врагъ — архитекторъ Лемерсіé, котораго тѣ же фанатики и знатоки ставятъ на-равнѣ съ Микель-Анджело. Вы увидите, какъ произведенія этого человѣка далеки даже отъ посредственности; но всё же это не мѣ-

шаетъ ему быть парижскимъ Буонароти. Эти люди тѣмъ опаснѣе, что они корчатъ простодушныхъ, невинныхъ дѣтей; говорятъ мистическія глупости, которыя затверживаются компаніей и передаются отъ одного къ другому какъ изреченія мудрецовъ. Невѣжество подразумѣваетъ въ этихъ афоризмахъ высокій смыслъ, глубокую ученость. Эти искры вѣтеръ обстоятельствъ заноситъ иногда въ газеты, даже ко двору. Самъ кардиналъ, при всемъ своемъ умѣ, иногда вѣритъ этимъ глупостямъ, какъ вѣритъ колдовству и чародѣйству.

— Какъ! Ришліё?...

— Я самъ недавно узналъ объ этомъ. Что́ бы ни сдѣлалъ иностранецъ въ Парижѣ, хоть бы вещь первокласснаго достоинства, старики бросятъ ее въ грязь, компанія притопчетъ; но какъ шарлатанство и педантство не долговѣчны, не могутъ быть тайною, а между-тѣмъ масса публики, не подкупная масса, остается холодною зрительницею всѣхъ этихъ обмановъ, не восхищается произведеніями знаменитыхъ, даже не знаетъ о существованіи домашнихъ геніевъ, то все это навело сомнѣніе. Призвали васъ, не для того, чтобы воспользоваться вашимъ талантомъ, нѣтъ!... это не главное: причина вашего вызову — надежда, что вы разрѣ-

шите сомнѣнія; а тогда поѣзжайте поскорѣе, куда угодно, потому что люди, которые привыкли жить сомнѣніемъ, станутъ сомнѣваться и въ вашихъ способностяхъ.

— Каждое ваше слово уничтожаетъ болѣе и болѣе туманъ, закрывающій глубину пропасти, куда меня тащатъ насильно. Кажется, спастись нельзя: какъ вы думаете?

— Нельзя! торжественно отвѣчалъ Депортъ. Падайте! нечего дѣлать! Но въ глубинѣ пропасти мы найдемъ какой-нибудь выходъ. По-крайней-мѣрѣ я не теряю надежды. Есть еще и другое средство. Вамъ дадутъ въ руки возжи всего французскаго художества: схватите ихъ такъ сильно, чтобы никто уже не могъ ихъ у васъ вырвать; какъ Аполлонъ неситесь побѣдно въ блистательной колесницѣ, попирая невѣжество, злобу, коварство, и мѣшая все съ прахомъ. Чѣмъ болѣе неуклонной гордости, чѣмъ болѣе самовластной жосткости, тѣмъ труднѣе будетъ дѣйствовать вашимъ непріятелямъ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Пуссенъ, сомнительно поглядывая на Депорта: я не хамелеонъ, и никогда, ни въ чемъ, не измѣняюсь. Пойдемъ будить Гаспара.

Не ожидая отвѣта, Пуссенъ ушелъ въ покои.

— Чортъ его знаетъ, сказалъ Депортъ, что́ онъ думаетъ! Но во всякомъ случаѣ зернышки знаменитаго яблока раздора брошены; скоро увидимъ, хороша ли почва, стоитъ ли благопріятная погода.

ГЛАВА III.

ПОДВИГИ ДВУХЪ ДРУЗЕЙ.

Въ итальянскомъ предмѣстьѣ, въ уединенномъ переулкѣ, въ небольшомъ домикѣ, опрятно убранномъ простою мебелью въ главной комнатѣ, ходилъ новый постоялецъ. Въ мелкихъ стеклахъ двухъ оконъ дробился свѣтъ отъ нагорѣвшей и единственной свѣчи. Было поздно. Хозяинъ съ улицы заперъ ставни. «Вотъ дуракъ! подумалъ Гойко: да какъ же найдетъ меня Гаръ-Піонъ въ такомъ захолустьѣ безъ «того сигнала?» И Гойко, съ небольшаго крылечка, выползъ

на улицу и сталъ отворять ставни. Мимо его промелькнулъ кто-то; на-встрѣчу незнакомцу шелъ другой незнакомецъ. Оба засвистали. Гойко отвѣчалъ имъ также свистомъ, и оба примѣтно испугались.

— Ты ли, Самуилъ? тревожно спросили незнакомцы, подбѣгая къ нему съ ножами.

— Ну, я! отвѣчалъ Гойко, отпирая ставень.

— Мы тебя искали цѣлый день сегодня. Куда ты запропастился? сказалъ старшій, одѣтый городскимъ купцомъ, весь въ черномъ.

— Да зачѣмъ я вамъ нуженъ?

— Такъ ты ничего не знаешь? Нашего Абраамку сегодня въ городъ взяли, на ратушу, къ отвѣту!

— За что̀?

— То-то и есть, дуракъ такой!.... днемъ сталъ печатать блины!

— Какіе? на кого?

— Какъ на кого? Теперь только на одного кардинала и расходъ, а на прочихъ хоть не пиши. Плохо стали покупать: не то̀ время. Бывало, письмо пустишь отъ королевы-матери къ королю, или отъ Гастона Орлеанскаго въ парламентъ, или отъ короля ратушѣ.... вотъ былъ расходъ! А нынѣ только про одно-

го кардинала и читаютъ. Да и что́ твой маркизъ де-Кокъ ничего не пишетъ? Право, нечѣмъ торговать. Ты, вѣрно, къ нему и не заходишь?

— Право некогда, ребята: такъ много дѣла.... и какого дѣла! На чистоту!... ни какого страху: только много бѣготни. А съ маркизомъ связался, — бацъ! ратуша и объявила всѣмъ полковникамъ и капитанамъ: «Такого-то маркиза де-Кока ловить, да на висѣлицу безъ суда отправить.» Да что отъ васъ таиться! Былъ я и у маркиза, но нашелъ въ его квартирѣ только бумажки отъ табаку, да прорванное кресло. Я бѣжать! Думаю: «чего добраго? гдѣ-нибудь стрѣлки, притаившись, сидятъ.» Какъ-то, было, и слухъ пронесли; будто его.... знаете?... за шею подняли. А?.... ничего не слыхали?

— Нѣтъ, ничего. А жаль: доходно было! Бывало, въ день штукъ триста продашь; подъ плащомъ и носишь себѣ сложенные блины. Сколько разъ случалось, самимъ парламентскимъ президентамъ продавалъ! Еще хвалятъ: только кардинальскими стращаютъ. Такъ что́ жъ, Абраамку?.... а?... выручишь?

— Да что́, вы съ ума сошли, что́ ли? Если якъ Авраамкѣ признáюсь, такъ голова и попроситъ меня на замо́къ. Добро бы съ женой; а то, можетъ-быть, въ

венсенскій лѣсъ или къ Святому Антонію.

— Не бойся, Самуилъ: завтра и голова другой будетъ. Этому и срокъ вышелъ, и, знаешь, не совсѣмъ-то онъ чистъ....

— Вѣрно, я лучше вашего знаю, какъ онъ на мой счетъ обѣдни служитъ. Ну, завтра подумаемъ! Да скажите, ребята, неужели вы меня въ этой сторонѣ искали?

— Нѣтъ, Самуилъ. Кстати ты здѣсь: если нѣтъ дѣла, иди съ нами.

— Пожалуй! Да зачѣмъ?

— Знаешь ты гостинницу Льва?

— Вотъ она торчитъ; словно Гаръ-Піонъ, въ десять ярусовъ.

— Ну, да. Такъ въ этой гостинницѣ — дворяне сегодня.

— Какіе?

— Орлеанскіе. А можетъ-быть, и самъ Гастонъ. Велѣно всѣхъ переписать и все переслушать.

— Вѣрно, это Эвоэ такъ глупо распорядился? Скажите старику, что Фонтрайя онъ никогда не поймаетъ. Намѣдни одного изъ нашихъ людей эти господа въ Сену бросили и камешекъ къ шеѣ подвязали. Пока усядутся, и гостинницу и огороды обыщутъ.

— Неужели?

— Да, да, сказалъ утвердительно Гойко. И, кажется идутъ! Убирайтесь пока живы!

Гойко вскочилъ въ свою новую квартиру. Товарищи исчезли въ ближайшихъ огородахъ.

— Молодецъ Эвоэ, даромъ что старикъ! сказалъ тихо Гойко, запирая двери: чужими руками каштаны изъ печи вынимать! Нѣть подика самъ!... а мы, пока, и сами узнаемъ. Пригодится.... Ты же, Эвоэ, мнѣ заплатишь. Только чтобы не опоздать! Гаръ-Піонъ нейдетъ. И кого это приведетъ мой добрый Помпей? Ужасная скука! И Сары-то я сегодня не увижу: городская тюрьма уже заперта. Бѣдняжка! что́ она передумаетъ въ эту ужасную ночь! Но, Гаръ-Піонъ, для тебя не тяжела и эта жертва.

— Десять ливровъ въ недѣлю? сказалъ Гойко, послѣ краткаго молчанія, остановясь по-серединѣ комнаты и осматриваясь. Не большія деньги! Пять ливровъ за свѣтъ и топливо: тоже не много. И у самаго кабачка, такъ что можно иногда и съ дворянами пировать, и шалунамъ въ наймы отдавать, когда имъ понадобится опрятная квартира, для любовнаго злодѣйства. Право, не дорого! Да все, вмѣстѣ, право жаль....

Гойко улыбнулся и сказалъ: — А мо-

жетъ-быть, намъ за каждый ливръ сто заплатятъ: какъ знать?

Гойко задрожалъ всѣмъ тѣломъ. Въ окно кто-то постучался, и раздался громкій разговоръ.

«Ага! господа Орлеанскіе! подумалъ онъ. А запереть ставни, такъ Гаръ-Піонъ и до завтра меня не отыщешъ!»

Нѣсколько головъ тѣснилось у окна и глядѣло въ мелкія стеклышки:

— Точно такъ! и стулья стоятъ, и картинки тѣ же, и походная часовня. Помните, какъ мы сюда затащили булочницу Жаннету?

— Славный вечеръ! Никогда не забуду. А Меріо́ потомъ пріѣхалъ съ тремя данаидами и съ амуромъ.

— Да, да!... Ахъ! знаете ли? маркизъ д'Обріо́ откупилъ у Меріо́ двухъ данаидъ и послалъ путешествовать къ себѣ въ за́мокъ. Осталась одна. Ни за что́ не отдаетъ!

— Пойдемъ! Что смотрѣть? Теперь тутъ живетъ какой-то холостякъ, и даже ставней не запираетъ. Это все одно что́ вывѣска; значитъ: «Милостивые государи, у меня въ домѣ нѣтъ ни одной женщины, и прошу меня оставить въ покоѣ.» Пойдемъ! Право пора.

— А далеко ли?

— Да вотъ видно. Пройдемъ этотъ раз-

ломанный частоколъ: тамъ домъ Катарины съ красными глазами (aux yeux rouges), а тамъ знаменитая гостинница Льва, чудовище, уродъ, въ четырнадцать этажей и въ два окна, надъ самой Сеной.

— Въ которомъ же мы?

— Во второмъ, потому что въ этомъ этажѣ нѣтъ оконъ.

— Да какъ же безъ оконъ?

— Все же лучше: въ случаѣ ссоры, некуда людей бросать. А третьягодня маркизъ д'Эрль какого-то лавочника съ пятаго этажа выбросилъ.

— Что́ жъ, расшибся?

— Да; немного; на-мѣстѣ умеръ.

Голоса смѣшались въ отдаленный гулъ. Гойко, прислушиваясь, съ лукавой улыбкой сказалъ: — Теперь и Депортъ можетъ выбросить изъ окна и Самуила и Помпея. Ратуша слова не скажетъ.

Вдругъ раздался женскій крикъ: — Помогите!

Неизвѣстное чувство обняло Гойку: онъ самъ не помнилъ, какимъ образомъ отворилъ окно, выскочилъ на улицу и, съ ножомъ въ рукахъ, очутился возлѣ своей Сары. Гаръ-Піонъ, вырвавъ изъ разрушеннаго забору огромный колъ, стоялъ, какъ Полифемъ, посреди улицы. Нѣсколько обнаженныхъ шпагъ сверкали

въ темнотѣ; но никто не рѣшался начинать приступу.

— Молодежь! я старый солдатъ, и на мосту, дай Богъ памяти.... не вспомню!.... одинъ стоялъ противъ шести Испанцевъ. Такъ ступайте съ Богомъ, пока ребра цѣлы!

— Весьма здравая логика! замѣтилъ кто-то изъ толпы. Мы сегодня, господа, нарушаемъ порядокъ: начинаемъ тѣмъ, чѣмъ надо кончить.

— И возьмемъ солдатку! сказалъ еще кто-то. Чтó проку?.... и куда вести? Не ко Льву же съ бабами таскаться.

— Возьмете?.... Нѣтъ, мóлоды! Вотъ я только отведу свою солдатку куда слѣдуетъ, а тамъ прійду одинъ Льва осаждать!

Всѣ захохотали.

— Приходи, служивый! кричали ему толпой: мы всегда уважали храбрость. Но коломъ не много сдѣлаешь. А мы тебя съ виномъ обождемъ.... Кромѣ шутокъ, приходи!

— Да противъ вашихъ шпаженокъ колъ все одно чтó пушка!

— Хорошо, хорошо! приходи только, молодецъ! отвѣчали въ толпѣ, и потянулись къ гостинницѣ.

Гойко не могъ опомниться отъ радости, и, когда Сара и Гаръ-Піонъ вошли въ комнату, онъ валялся у ногъ Помпея

и плакалъ горячими слезами, вскакивалъ и хваталъ руки своего благодѣтеля, прикладывалъ ихъ ко лбу, къ сердцу, и цѣловалъ.

— Полно, полно, Гойко! Теперь у тебя есть жена, деньги и ремесло. Живи съ Богомъ, да молись, чтобы изъ жидовъ выйти, коли ты жидъ. А я къ этимъ господчикамъ пойду. Пусть не вызываютъ! На вино, такъ на вино! Право, у нихъ денегъ, а у хозяйки вина, не хватитъ! Я васъ, пшеничники!

— О какомъ ремеслѣ говоришь ты, Помпей? спросилъ Гойко, выходя изъ задумчивости.

— Да вѣдь есть же у тебя какое-нибудь ремесло?

— Тысяча, отвѣчалъ веселый Гойко: и всѣ къ твоимъ услугамъ! Но разскажи, какимъ образомъ тебѣ удалось....

— Я люблю дѣлать, а не говорить. Вотъ тебѣ деньги, отъ которыхъ голова отказался: они твои. Прощай! Я самъ въ свѣтѣ живалъ: знаю учтивость. Не хорошо, что они меня такъ долго дожидаются: подумаютъ, струсилъ. Я ихъ съ коньковъ спѣшу!

— Послушай, Гаръ-Піонъ: осторожнѣе! Говорятъ, тамъ есть и важныя особы.

— Не вызывай, коли важная особа!

Лягу безъ памяти, только ужъ и они со мною!

— А домой развѣ не нужно?

— Не нужно. Господа на три дня уѣхали въ какой-то зáмокъ.

— Въ какой зáмокъ, Гаръ-Піонъ?

— Да если бы я могъ фамиліи помнить, такъ и свою бы зналъ! А вотъ этотъ, чтó съ капитаномъ, послѣ театра, отъ насъ ушелъ пѣшкомъ.

— Д'Орбиньи?

— Именно.

— Плохо, Гаръ-Піонъ! Это другъ Сенъ-Марса, и я думаю, нарочно нашихъ дамъ изъ Парижа выманили.... Но постой! завтра все узнаю.

— Просто, братъ Гойко, мы въ омутѣ!

— Не бойся, мы не утонемъ.

— Лишь бы не Эвелина: а тамъ хоть весь Парижъ!

— Завтра, завтра, Гаръ-Піонъ!

— Ну, прощай! сказалъ Гаръ-Піонъ, уходя. А теперь вы, господчики, держитесь! Просимъ не отставать!

— Сара, сказалъ Гойко: Богу молиться!

Послѣ краткой молитвы и трапезы, Гойко придумалъ множество укрѣпленій и, обезпечивъ безопасность Сары, заперъ двери на замóкъ, спряталъ ключъ въ карманъ, и исчезъ въ грязныхъ закоулкахъ предмѣстья.

*

ГЛАВА IV.

ЕЩЕ ЛОЖНАЯ ТРЕВОГА.

Небольшой зàмокъ д'Орбиньи носилъ еще всѣ признаки древнихъ зàмковъ феодальнаго времени. Кругомъ шли цвѣтники, убранные небольшими бесѣдками: они прикрывали глубокіе рвы, хоть и совершенно засохшіе; за ними довольно высокая стѣна, и десятокъ зданій, разнаго объему и архитектуры: нѣкоторыя изъ нихъ еще сохраняли ежевыя балюстрады, составленныя изъ желѣзныхъ иголъ; другія были въ новѣйшемъ вкусѣ, съ овальными вверху окнами и бѣлыми стеклами.

Одно изъ этихъ оконъ отличалось красивымъ чугуннымъ балкономъ и крышей въ два этажа, весьма схожей съ изображеніемъ крокодила на гравюрахъ въ ученыхъ книгахъ того времени. Высокая и пространная терраса, при старомъ жиломъ домѣ, соединенномъ съ новою крытою галереей въ три окна, была и удобна и красива; но, — таково вліяніе моды! — и старушка д'Орбиньи и дочери любили новый балконъ, который всегда назывался по имени, «балкономъ Лемерсіé», хотя во всемъ зáмкѣ не было другаго. Новое это зданіе и терраса были нѣсколько выше обводной стѣны, и изо всѣхъ оконъ представлялись грустные сельскіе виды. Въ этомъ небольшомъ домикѣ, въ тѣсной комнатѣ, сидѣло много гостей, болѣе сорока человѣкъ дворянъ, художниковъ, парламентскихъ совѣтниковъ, даже президентовъ, и разныхъ выборныхъ людей изъ счетной и другихъ палатъ. Де-Ту, совѣтникъ безъ мѣста, писатель безъ сочиненій, сынъ историка и любитель просвѣщенія, видимо былъ предсѣдателемъ общества. Всѣ занимались общимъ разговоромъ или, лучше сказать, разсказомъ молодаго человѣка, который былъ вчера на проводахъ Фонтрайя, въ гостинницѣ Льва. Больше всѣхъ хохотали Джудита и Эвелина, слушая, какъ

Гаръ-Піонъ участвовалъ въ заговорѣ противъ Ришліё и пробылъ съ шалунами до тѣхъ поръ, пока память и разсудокъ не измѣнили ему: онъ заснулъ, и тогда только началась бесѣда въ комнатѣ безъ оконъ.

— Господа! перервалъ де-Ту: вы разбудите стараго кота! Кчему эта тма сообщниковъ?.... Кто они? Недовольные кардиналомъ? Но даже безъ умыслу, по другому дѣлу, Ришліё можетъ съ ними помириться, и всѣ ваши шалости надѣлаютъ намъ много хлопотъ. Марильяка казнили за сѣно!

— Гости! сказалъ кто-то.

«Еще гости»! подумалъ де-Ту, и со вздохомъ погрузился въ кресла, которыя совершенно скрыли его отъ взоровъ собесѣдниковъ.

Симонъ Вуэ вошелъ въ залу, и все общество привстало. Д'Орбиньи пошелъ къ нему на встрѣчу и сказалъ привѣтливо: — Великій учитель! мы не ожидали такого пріятнаго гостя въ нашемъ уединеніи.

— Капитанъ, я присланъ къ вамъ гонцомъ, отвѣчалъ Вуэ и окинулъ взоромъ собраніе.

— Всё свои, замѣтилъ капитанъ: будьте спокойны.

— Но эти дамы?....

— Свои, свои. Садитесь и разскажите,

какому счастливому случаю мы обязаны вашимъ посѣщеніемъ.

— Маршалъ Шатильіонъ разбитъ, артиллерія и казна арміи въ рукахъ Бульіона, болѣе двухъ тысячъ плѣнныхъ; но и мы лишились храбраго графа Саксонскаго.

Все собраніе поднялось съ мѣстъ.

— Я не знаю, сказала съ трепетомъ старушка, радоваться ли побѣдѣ? Она огорчила короля.

— И весьма! Онъ возвратился въ Сенъ-Жерменъ и, кромѣ Сенъ-Марса, ни кого не хочетъ видѣть. Нельзя имѣть ни какихъ извѣстій.

— Пошлите моего мужа, прервала Джудита: онъ все узнаетъ.

— Конечно, сказалъ капитанъ. Но это можете сдѣлать только вы, Джудита. Депортъ для насъ не поѣдетъ: и Боже сохрани, если наша тайна попадется ему въ руки!

— Депортъ! закричалъ Вуэ, въ бѣшенствѣ: этотъ несчастный маляръ, который наушничествомъ получилъ дворянство, ординарный живописецъ на-равнѣ со мной и съ Пуссенемъ? этотъ титулованный шпіонъ? гадъ?.... Капитанъ! и вы меня не предупредили?

— Въ чемъ?

— Какъ же! тутъ жена этого хамелеона.

— Успокойтесь: Джудита самая ревностная роялистка.

— Простите моему изумленію....

— Ея причины стóютъ нашихъ, стóютъ обидъ всей Франціи; и, можетъ-быть, намъ не удастся задуманное дѣло, а она достигнетъ своей цѣли, она отомститъ и за себя и за васъ, почтенный Симонъ. Такъ, Джудита, поѣзжайте въ Парижъ: нечего дѣлать! посылайте Депорта! А мы, пока минуетъ буря, не тронемся съ мѣста.

— Депорта нѣтъ въ Парижѣ, онъ въ Фонтенблó, принимаетъ Пуссена, сказалъ Симонъ.

— Какъ? развѣ Пуссенъ пріѣхалъ? воскликнуло почти все общество.

— Вчера онъ пріѣхалъ въ Фонтенблó, послѣ-завтра пріѣдетъ въ Парижъ, и вотъ почему я не могу остаться у васъ позже вечера.

— Да вамъ какое дѣло до Пуссена?

— Я полагаю, кавалеръ, что мы, художники, должны принять художника, который заслужилъ славу въ Римѣ и во Франціи. О достоинствахъ его не разсуждаемъ: онъ ихъ покажетъ на-дѣлѣ; мы должны сдѣлать свое. Приготовляемъ обѣдъ, съ иллюминаціей и куплетами, чтобы зажать рты Депорту, Ришліё, де-

Нойé и Мазарини, чтобы доказать наше равнодушіе къ ихъ проискамъ. Пусть его пообѣдаетъ! А послѣ обѣда мы разстанемся навсегда: онъ отправится портить Лувръ, мы займемся каждый своимъ дѣломъ.

— Неужели васъ не оскорбляетъ эта немилость?

— Нимало. Я старъ: а гдѣ и когда уважали старость? Я предвидѣлъ это, и сколотилъ деньгу. Страшна немилость Фортуны, страшно нищенство, потеря независимости; а въ мои лѣта похвалъ и уваженія уже и требовать грѣшно: и хвалить устала Франція! Жалѣю Пуссена. Лучшее время жизни у него отнимутъ за безцѣнокъ; наградятъ славой, но прійдетъ старость: славу отнимутъ, одѣнутъ въ лохмотье, и будутъ удивляться себѣ, какъ могли когда-нибудь удивляться Пуссену! Люди.... о! съ нихъ надо брать впередъ огромную пошлину за всѣ ихъ будущія глупости! Немилость! Да едва ли добрый король и знаетъ, что́ надѣлали Депортъ и кардиналисты. Нѣтъ! меня оскорбили тѣ, которые окружаютъ короля, и этимъ господамъ мстить не предосудительно; и я мстить не перестану.

— А Пуссену? покраснѣвъ, спросила Эвелина.

Она вспомнила намѣреніе Альфреда пе-

рейти подъ начальство великаго живописца.

— Посмотримъ, какъ будетъ вести себя..... Но, однако жъ, господа, надо думать о нашемъ дѣлѣ, что-нибудь предпринимать....

— Не спѣшите, Вуэ! я удивляюсь вашей горячности, сказалъ де-Ту. Ради Бога, не спѣшите! Сенъ-Марсъ, вѣрно, заѣдетъ ко мнѣ сегодня ночью, и тогда....

— И тогда, де-Ту, сказала мадамъ д'Орбиньи съ сердцемъ: вы сдѣлаете какую-нибудь ученую выходку, которая дѣлу ни сколько не поможетъ, а поставитъ всѣхъ насъ въ новую опасность.

— Я, кажется, не заслужилъ этого упреку. Если мы съ Сенъ-Марсомъ иногда и дѣйствовали безъ согласія друзей, то должно винить не насъ, а обстоятельства, которыя требовали быстроты.

— Оставимъ, де-Ту, этотъ разговоръ, сказала старушка: Марильяки, Монморанси, д'Орбиньи, д'Обижу и другіе, — не говорю уже о принцахъ и князьяхъ, — кажется, стóютъ быть равными участниками въ дѣлѣ, которое должно утѣшить короля и Францію... а мы иногда узнаёмъ о важныхъ дѣйствіяхъ господина великаго отъ враговъ! Конечно, сынъ мой не ищетъ министерства, ни сана конетабля или адмирала; мы заботимся не о

себѣ, а о Франціи, о нашемъ добромъ королѣ, и убѣждены, что Богъ благословитъ наши желанія. Они просты, безъ ученой запутанности и хитрости: мы хотимъ изгнанія кардинала съ аббатикомъ и кардиналистами изъ Франціи; мы хотимъ, чтобы непомѣрныя богатства, которыми осыпали герцогиню д'Эгильіонъ за двойное родство съ кардиналомъ, возвратились въ руки законныхъ владѣльцевъ; а ея хоть и въ монастырь не отдавайте: такая женщина не минетъ наказанія и на этомъ свѣтѣ; мы хотимъ, чтобы король царствовалъ одинъ; мы хотимъ....

— Вы хотите, прервалъ де-Ту, чтобы дѣвица Лафайеттъ, ваша племянница, уступила свое мѣсто въ монастырѣ визитокъ герцогинѣ д'Эгильіонъ. — Мы будемъ объ этомъ стараться; но не забудьте, что вы сами, съ молодыхъ лѣтъ, поселили въ ней охоту къ монастырской жизни и теперь возлагаете на насъ трудную, а можетъ-быть и невозможную, обязанность возвратить ее свѣту.

— Сенъ-Марсъ! Сенъ-Марсъ! раздалось въ залѣ, и почти всѣ бросились къ окнамъ или выбѣжали на площадку башни.

Сенъ-Марсъ былъ уже у подъемнаго мосту, въ цвѣтникахъ, окружающихъ за-

мокъ. Прошло нѣсколько мгновеній: красивый маркизъ появился въ залѣ, и все общество поспѣшило къ нему на встрѣчу.

— Поздравляю съ побѣдой! сказалъ Сенъ-Марсъ весело: съ двойной побѣдой! Король простилъ Бульіона и всѣхъ его друзей.

Общій крикъ огласилъ залу. Почти никто не вѣрилъ: одна Джудита, обнявъ Эвелину, радовалась безъ вопросовъ.

— Джудита! Эвелина! воскликнулъ маркизъ, примѣтивъ этихъ дамъ. А я хотѣлъ прямо отсюда летѣть въ Парижъ, если бы не желаніе короля, чтобы объ этомъ важномъ событіи какъ-можно скорѣе узнали наши роялисты....

— Какъ? спросила Джудита: такъ и самъ король.....

— Отпуская меня, перервалъ Сенъ-Марсъ, король сказалъ: «Маркизъ, передайте вашимъ двѣ непріятныя для кардинала новости, усмиреніе Бульіона и пріѣздъ Пуссена». Ваше участіе, прелестныя дамы, въ общемъ дѣлѣ, насъ сближаетъ, и я не могу не поблагодарить кардинала, что какою-нибудь несправедливостью онъ подарилъ намъ такихъ милыхъ сообщницъ.

Старушка между-тѣмъ усадила гостей. Сенъ-Марсъ помѣстился возлѣ Джудиты, а де-Ту, стоя, держалъ длинную рѣчь о

дальнѣйшихъ дѣйствіяхъ противъ кардинала.

Сенъ-Марсъ въ короткое время, съ тѣхъ-поръ, какъ мы съ нимъ не встрѣчались, значительно перемѣнился. Упреки короля, жалобы Маріи Неверской, измѣны любовницъ, путешествіе въ Ренсъ и невольное тамъ уединеніе, совѣты и наставленія де-Ту—все это сильно подѣйствовало на пылкаго и добраго юношу. Онъ сталъ угрюмъ, задумчивъ, разсудителенъ, послѣдователенъ, и король не могъ нарадоваться счастливой перемѣнѣ. Онъ видѣлъ въ своемъ «великомъ» прежняго любимца, конетабля де-Люина, и, казалось, пора его приближалась: Ришліе былъ въ дѣйствительной опасности. Неохотно подписывалъ Сенъ-Марсъ испанской трактатъ: онъ видѣлъ въ немъ государственную измѣну. Но друзья увлекли его и заглушили справедливыя сомнѣнія. Онъ не соглашался на немедленное отправленіе трактата въ Испанію, оставляя это средство для крайняго случая, но Орлеанскіе отправили Фонтрайя безъ его вѣдома и шумными проводами возмутили гостинницу Льва и окрестныя улицы и огороды. Такимъ образомъ составились противъ Ришліе два заговора: одинъ обширный и шумный, — главою его почитался Гастонъ Орлеанскій; второй былъ

въ лицѣ двухъ человѣкъ, — Сенъ-Марса и де-Ту: заговоръ съ нѣсомнѣнными послѣдствіями, основанный на угожденіи королю и личномъ возвышеніи обоихъ друзей. Въ этомъ послѣднемъ, косвенно, какъ мы видѣли, участвовалъ и самъ король, невѣдавшій, что орлеанскій заговоръ соединенъ съ государственною измѣной. Несмотря однако жъ на примѣтную и существенную перемѣну, Сенъ-Марсъ, въ обществѣ женщинъ, становился попрежнему веселымъ, беззаботнымъ, милымъ, и, послѣ продолжительнаго отсутствія, увидѣвъ Эвелину, невольно увлекся ея очаровательною красотою. Онъ не слушалъ де-Ту, или слушалъ вскользь, зная, что другъ его говоритъ только длятого, чтобы занять умы своихъ слушателей и оковать ихъ опасную дѣятельность; онъ не спускалъ глазъ съ Эвелины и тихо шепнулъ Джудитѣ:— Какъ мой любезный де-Ту заранѣе министерствуетъ!

— Да. Но я ему не поручу моего дѣла: онъ плохой прокуроръ.

— Поручите его мнѣ, сказалъ Сенъ-Марсъ.

— Съ удовольствіемъ, маркизъ; только я еще не испытала вашихъ способностей по части судебной.

— Вы должны быть спокойны, пото-

му что я состою прокуроромъ при верховномъ апелляціонномъ судѣ, не въ парламентѣ: тамъ теперь ихъ болѣе шести сотъ, по милости кардинала. Каково-то Франціи отъ продажи этихъ мѣстъ въ такомъ ужасномъ числѣ!.. Но въ чемъ же ваше дѣло?

— Въ трехъ пунктахъ.

— Пунктъ первый? спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Заключеніе Мазарини на-мѣсто маршала Бассомпіера.

— Въ Бастилію? Очень охотно! Маршалъ мнѣ съ-родни, и я по его милости пошелъ по этой скучной дорогѣ: онъ уговорилъ матушку отпустить меня ко двору. Пунктъ второй?

— Заставить Мазарини исполнить одинъ пунктъ, который перестанетъ быть тайной съ его заключеніемъ.

— Повинуюсь. Но тайна любопытна.

— Пунктъ третій, перебила Джудита: дозволеніе драгунскому капитану де-Вальеролю возратиться въ Парижъ.

— Извините! третій пунктъ будетъ первымъ по необходимости. Завтра же! Но...

Сенъ-Марсъ остановился и, глядя на Эвелину, которая съ выраженіемъ ужаса и негодованія, слушала рѣчь де-Ту, сказалъ про себя: — Едва ли это нужно!

— Маркизъ, отвѣчала Джудита: те-

перь я вполнѣ вѣрю, что вы самый великодушный человѣкъ, и что ваше министерство будетъ непрерывнымъ праздникомъ для Франціи.

— Но, Джудита, «завтра» я сказалъ не подумавъ: капитанъ де-Вальероль изъ партіи вандомской, и выхлопотать ему прощеніе, можетъ-быть, труднѣе чѣмъ помирить короля съ Бульіономъ.

— Вы полагаете?

— Я увѣренъ... Но будьте спокойны. Подъ добрый часъ можно сдѣлать все: надо только дождаться такого времени. Теперь вы будьте прокуроромъ по моему дѣлу. Вамъ легче.

— Едва ли! отвѣчала сухо Джудита.

— Не будьте жестоки! Подарите хотя надежду!

— На что́?

— На вашу дружбу.

— И вы могли сомнѣваться?

— Но, можетъ-быть, ваша дружба не согласится быть проводникомъ моихъ чувствъ.

— Къ чему, маркизъ?

— Къ сердцу женщины.

— Я угадываю; но только въ комедіяхъ отвѣчаютъ вдругъ на такіе вопросы.

— Подумайте, Джудита, но не передумайте.

— Давайте думать вмѣстѣ, маркизъ; я объ вашемъ дѣлѣ, вы объ моемъ.

— Но я не знаю вашей тайны.

— Маркизъ! я Италіянка, мстительная Италіянка! Вы не выдадите меня, не правда ли? Да если мы, чего Боже сохрани, и поссоримся....

— Повѣрьте моему слову....

— Его-то мнѣ и нужно. Все скоро будетъ готово. Я начну войну публично, блистательно! Я на все рѣшилась. Меня принуждаютъ молчать, стращаютъ темницами, казнями. Вы защитите меня?

— Клянусь! Но скажите....

— Теперь довольно. Успѣемъ, успѣемъ.

Де-Ту окончилъ свою пространную рѣчь. Слушатели были утомлены и, какъ-будто условившись, встали; многіе прощались съ хозяевами; другіе разбрелись по комнатамъ. Сенъ-Марсъ съ Джудитой и Эвелиной вышли на террасу. Зимнее солнышко было въ полномъ блескѣ; окрестность, пустынная, грустная, оживлялась только Сеной, и вдоль ея берега, по широкой, но дурной парижской дорогѣ, разнородные продукты тянулись на высокихъ фурахъ въ столицу. Вдругъ показался всадникъ изъ Парижа. Онъ ѣхалъ поспѣшно, и, проѣзжая мимо замка, остановился, подумалъ, и повернулъ лошадь

въ цвѣтники окружающіе замокъ. Моста не подымали, но всадникъ и не требовалъ; онъ черезъ ровъ спросилъ слугу: нѣтъ ли въ замкѣ де-Нойѐ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ слуга: такого мы и не слыхали. А на что тебѣ?

— Да кардиналъ, надо быть, черезъ часъ или два, умретъ; де-Нойѐ спрашиваетъ. Нигдѣ отыскать не можемъ!... Такъ нѣтъ его здѣсь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ слуга, и Гойко ускакалъ дальше.

— Какъ молнія пробѣжало по комнатамъ за́мка радостное извѣстіе. Всѣ суетились, бѣгали съ веселыми лицами и острыми словами. Мужчины, не прошло десяти минутъ, были уже на коняхъ и на пути, кто въ Сенъ-Жерменъ, кто въ Парижъ; остались только дамы, и тѣ вскорѣ разошлись. Джудита и Эвелина къ вечеру возвратились въ Парижъ.

ГЛАВА V.

ДОМИКЪ МЕНУ.

Въ садахъ тюильрійскихъ, которые теперь составляютъ одинъ пространный садъ, находился небольшой трехъ-этажный домикъ. Особенный садъ, принадлежащій къ домику, наполненъ былъ разнаго рода дорогими растеніями, цвѣтами, овощами и фруктовыми деревьями. Дворъ домика былъ украшенъ тремя небольшими фонтанами; по-серединѣ колодецъ, въ купѣ фруктовыхъ деревъ. Девять опрятныхъ веселыхъ, комнатъ,

кухня, конюшня, конурка для привратника (loge du portier), погребъ и нѣсколько чуланчиковъ, составляли его помѣщеніе. Изъ всѣхъ оконъ—прелестные виды, несмотря на зимнее время. Ленотръ передѣлывая, при Людовикѣ XIV, тюильрійскій садъ, уничтожилъ этотъ домикъ, со всѣми его принадлежностями; но во время нами описываемое, этотъ небольшой рай былъ въ полной своей цѣлости и красотѣ. Мену, неизвѣстно зачто, пользовался лучшею квартирою въ Парижѣ. Онъ умеръ, и король назначилъ домикъ пожизненнымъ жилищемъ Пуссену: замѣтьте, уже *пожизненнымъ!* У главнаго, единственнаго подъѣзда стояла огромная, почти овальная карета. Де-Вальероль съ Гаспаромъ вынимали вещи; множество людей наполняло садъ и какъ-будто ожидало появленія Пуссена. Но его не было: онъ съ Депортомъ поднимался въ это время на высокую лѣстницу обширнаго, украшеннаго множествомъ картинъ и статуй, дома де-Нойé. Въ гостиной было нѣсколько человѣкъ гостей, между ними и Шантлу. Швейцаръ ударилъ въ колоколъ, когда Пуссенъ сталъ на первую ступеньку. Нарядные лакеи одинъ за другимъ закричали: — Господинъ Пуссенъ, первый живописецъ его королевскаго величества!

— Лакеи всегда пожалуютъ въ старшее званіе, сказалъ Пуссенъ.

Депортъ улыбнулся. Они вошли въ первую комнату, или парадную прихожую. Все общество де-Нойѐ находилось уже тамъ. Государственный секретарь, въ полномъ, богатѣйшемъ, придворномъ костюмѣ, въ огромномъ парикѣ и огромныхъ сапогахъ съ фрезами, обвѣшанный орденами разныхъ государствъ, первый встрѣтилъ Пуссена. Протянувъ руку, онъ сказалъ торжественно: — Французскій Рафаэль возвратился въ свое отечество! Прославьте государство, обогатите его безсмертными произведеніями, а насъ, искреннихъ поклонниковъ и друзей вашихъ, полюбите и удостойте позволенія отъ души обнять васъ.

Пуссенъ кланялся. Де-Нойѐ крѣпко сжалъ его въ объятіяхъ и поцѣловалъ три раза.

— Счастіе мое совершенно, и я, ежегоднымъ торжествомъ въ этотъ день, буду праздновать ваше возвращеніе. Удостойте пожаловать въ покои, сказалъ де-Нойе́, съ особенною почтительностью, рукою приглашая Пуссена идти впередъ.

Пуссенъ чинился, но де-Нойе́ легонько взялъ его подъ-руку и повелъ въ гостиную, гдѣ секретарь де-Нойе́, съ портфейлемъ ожидалъ Пуссена. Лишь только

онъ вошелъ въ комнату, секретарь подалъ де-Нойé огромный листъ, украшенный королевскою печатью: это была граммата короля къ sieur Пуссену, исполненная самыхъ лестныхъ выраженій. Де-Нойè прочелъ ее громко, и не удержался отъ слезъ; все общество и самъ Пуссенъ были умилены королевскою милостью.

— Рюзъ! сказалъ де-Нойé: отвезите эту граммату къ г-ну Пуссену и дождитесь тамъ его возвращенія.

Секретарь уѣхалъ. Послѣ сотни комплиментовъ, которые по-очередно сыпались на Пуссена изъ устъ де-Нойé и собесѣдниковъ, пошли обѣдать. Пусенъ не могъ надивиться великолѣпію столоваго убранства, изяществу и разнообразію кушаньевъ, богатому костюму прислуги, отличному искусству рюэльскихъ музыкантовъ, которые на этотъ день призваны были къ де-Нойé изъ замка. Пуссенъ, противъ правилъ этикета, сидѣлъ на первомъ мѣстѣ. Еще бóльшаго удивленія заслуживала честь, оказанная первымъ министромъ первому живописцу: послѣ тоста за здоровье короля обыкновенно возглашалось здоровье кардинала-герцога; на этотъ разъ великій кардиналъ былъ третьимъ.

Пуссенъ всталъ, и, поблагодаривъ за

всѣ оказанныя почести, пожелалъ мосьё де-Нойé и его обществу всѣхъ благъ и долголѣтія, а себѣ съ успѣхомъ, къ удовольствію короля и всѣхъ знаменитыхъ своихъ покровителей, окончить предполагамыя работы возвратиться въ Италію. Этотъ отвѣтъ сдѣлалъ такое непріятное впечатлѣніе, что весь праздникъ сталъ не въ праздникъ. Де-Нойé былъ примѣтно огорченъ, Шантлу также; но Депортъ улыбался. Послѣ обѣда веселость нѣсколько возстановилась. Простодушныя замѣчанія Пуссена о Франціи, Парижѣ, о людяхъ въ случаѣ, возбуждали нерѣдко смѣхъ, иногда досаду; наконецъ разговоръ, казалось, истощился: устали и говорить и слушать. Пуссенъ всталъ и началъ откланиваться.

— Но вы не знаете своей квартиры, сказалъ де-Нойé.

— Я бывалъ въ Парижѣ и очень помню тюильрійскій домикъ. Тамъ я кого-нибудь найду; проводятъ, и укажутъ.

— Какъ это можно! сказалъ де-Нойé. Депортъ! потрудитесь.

Депортъ уже былъ со шляпой и кланялся. Де-Нойé и все общество проводили Пуссена на лѣстницу. Карета и четыре человѣка, съ фонарями на высокихъ палкахъ, ожидали ихъ у подъѣзда. Въ небольшомъ своемъ дворцѣ Пуссенъ на-

шелъ болѣе двадцати друзей: тотъ когда-то видѣлъ его разъ или два; тотъ заказывалъ ему портретъ свой, ради дешевизны; у того онъ жилъ на квартирѣ и платилъ за все изъ послѣднихъ крохъ. Всѣ эти друзья сбѣжались въ тюильрійскій домикъ. Гаспаръ былъ въ восторгѣ, что у Пуссена такъ много друзей въ Парижѣ, и усталъ отъ благодарности за безчисленныя похвалы, которыми усердно осыпали его затя. Пуссенъ даже не узнавалъ многихъ изъ своихъ друзей, но душевно радовался ихъ посѣщенію. Его утѣшала мысль, что Франція въ короткое время сдѣлала такіе успѣхи въ должномъ къ художеству уважаніи: онъ даже любовался ихъ безсовѣстною лестью, считая ее искреннимъ изліяніемъ недостаточно образованнаго чувства. Депортъ, лишь-только замѣтилъ гостей, тотчасъ распорядился объ угощеніи, и всѣ девять комнатъ пуссеновскаго дворца наполнились драгоцѣнными, несвоевременными фруктами и добрымъ виномъ: цѣлая толпа лакеевъ суетилась на маленькомъ дворикѣ и въ тѣсныхъ покояхъ, услуживая друзьямъ. Пуссенъ не могъ налюбоваться на свое жилище, и ходилъ изъ комнаты въ комнату, осматривая всѣ закоулки, подъ руководствомъ Депорта.

— А это что́? спросилъ онъ, сходя по опрятной лѣстницѣ въ подвалы.

— Погреба, отвѣчалъ Депортъ, свѣтя на лѣстницу. Сойдите, сойдите! Я вамъ долженъ все показать.

— Да эти погреба лучше иныхъ жилыхъ комнатъ.

— Это прихожая, а погреба по-сторонамъ. Здѣсь, налѣво, бочка добраго двулѣтняго вина; а здѣсь, направо, дрова: на всю зиму станетъ!

— Кому я долженъ этою обязательною предупредительностію?

— Всякой сдѣдалъ бы то же для такого великаго человѣка.

— Пожалуйте сюда, Николо! кричалъ Гаспаръ сверху. Кто́-то важный васъ спрашиваетъ.

Пуссенъ, изъ рукъ Рюза, принялъ граммату, и, по совѣту Депорта, положилъ ее подъ стеклянный колпакъ, который, какъ нарочно, былъ для того приготовленъ. Тогда всѣ усѣлись и началась бесѣда. Пуссенъ скоро замѣтилъ, что въ Парижѣ мало для него собесѣдниковъ: только и говорили о кардиналѣ, герцогѣ Бульіонскомъ, о томъ, что король простаго солдата сдѣлалъ градоначальникомъ за то, что онъ изъ пистолета убилъ графа Соассонскаго; разсказывали, что король, кромѣ Сенъ-Марса, не видитъ ни

кого, что маркизъ никогда еще не бывалъ въ такихъ милостяхъ, и что на дняхъ будетъ непремѣнно или адмираломъ, или даже конетаблемъ.... Пуссену было скучно; но зато Депорту весело: онъ забылъ свою должность и не слушалъ, а впивалъ городскія новости. Наконецъ друзья сжалились надъ Пуссеномъ и разошлись. Остался Депортъ для принятія приказаній.

— Въ Фонтенбло́ я могъ вамъ дѣлать льготы, сказалъ онъ: но здѣсь, простите меня, не сердитесь, я долженъ васъ мучить. Завтра я представлю вамъ всѣхъ художниковъ, послѣ-завтра дворянъ, гражданъ и вообще всѣхъ тѣхъ, которые захотятъ васъ видѣть и, не будучи съ вами знакомы, могли бы вамъ надоѣсть своими отдѣльными представленіями: приказано допустить ихъ всѣхъ разомъ. Потомъ мы отправимся къ кардиналу; потомъ опять три дня отдыху; а тамъ къ королю: и за работу!

— Всего семь дней! Кажется, у меня не достанетъ ни силъ, ни умѣнья.

— Будьте спокойны и надѣйтесь на человѣка, который столько къ вамъ привязанъ. Простите!

— Подозрительный человѣкъ! сказалъ Пуссенъ, когда Депортъ скрылся.

— Отчего вы такъ думаете? спросилъ Гаспаръ.

— Болѣе двадцати лѣтъ я изучаю человѣческую физіономію. Онъ собираетъ мои слова; онъ приставленъ руководить мое простодушіе, при случаѣ имѣть законныя доказательства моей неосторожности, если по расчету погибель моя окажется нужною для пользъ этихъ придворныхъ. Ты не слыхалъ, ты не замѣтилъ, сколько здѣсь, въ Парижѣ, самобытныхъ тщеславій? Я воображаю, каково на мѣстѣ ихъ общаго столкновенія! Я думаю, небу жарко отъ страшной битвы происковъ и козней! Только и хорошаго, что не слышно стоновъ.... Гаспаръ, что́-то теперь дѣлается въ Римѣ? А сестрѣ твоей крѣпко хотѣлось въ Парижъ!

— Что вамъ за охота, Николо, говорить всегда про жену? Какъ-будто меня хотите попрекать! Ужъ, вѣрно, я не виноватъ въ ея характерѣ и привычкахъ.

— Да кто объ этомъ думаетъ? Но вотъ, любезный другъ, я сколько лѣтъ отучаю себя отъ ревности, а не могу отвыкнуть. Горько! Утрату жены вознаградилъ мнѣ ты, Гаспаръ, своею прекрасною дружбою; а она....

— Да и она, Николо, право, не заслужила такихъ положительныхъ обвиненій. Молодая женщина — всегда ко-

кетка, а вы — древній Римлянинъ: вотъ и все тутъ! Да между вами и ссоры никогда не было, и я право не понимаю, на какихъ доказательствахъ вы основали свое мнѣніе.

— На какихъ доказательствахъ?.... Цѣлый Римъ говоритъ....

— Да въ Римѣ нѣтъ Ришліё, такъ говорятъ о Пуссенѣ; нѣтъ племянницы кардинала, Мазарини, Комбалле́, герцогини Эгильіонской, такъ и клевещутъ на жену Пуссена. Вотъ и все тутъ!

Вошелъ де-Вальероль. Глубокая грусть осѣняла прекрасное лице капитана. Онъ былъ одѣтъ въ платье простаго Швейцарца; шляпа и маска были въ рукахъ у него.

— Ахъ, Жоржъ! что́ же это я васъ цѣлый день не видалъ сегодня?

— Днемъ я прятался отъ людей, которые осаждали вашъ домъ. Любопытство ихъ стало опасно: хотя и немного, а все-таки и у меня есть знакомые. Ночью, въ платьѣ Швейцарца, я отправился въ предмѣстье Сенъ-Дени, въ Райскій Переулокъ. Въ моемъ домѣ живетъ булочникъ, а сосѣдей я, безъ маски, не смѣлъ разспрашивать: они всѣ знаютъ меня въ лицо. Два или три дня спустя послѣ моего несчастія, Эвелина переѣхала, съ итальянскимъ живописцемъ, съ пред-

мѣстья въ эти мѣста; но какъ зовутъ живописца, куда они переѣхали, никто не помнитъ. Вся надежда на Гаръ-Піона: онъ, по привычкѣ, приходитъ къ своей знакомой табачницѣ, табакъ покупать; но очень рѣдко: иной разъ, мѣсяцъ его не видно. Самъ не знаю, что́ дѣлать.

— А вотъ что́: пи̇ти спать. Отдохнемъ! Ждали больше. Когда отдѣлаюсь отъ церемоніала, который кончится ровно черезъ недѣлю, даю вамъ слово, я отыщу Эвелину.

— Какимъ образомъ?

— У меня есть сильное подозрѣніе на этого Депорта. Онъ долженъ быть однимъ изъ сокровеннѣйшихъ клевретовъ кардинала; онъ мнѣ отыщетъ Эвелину. Для васъ я рѣшусь на хитрость.

— Но если онъ узнаетъ, что я....

— Говорю вамъ, я рѣшусь на хитрость. А теперь спать!

Рано поутру, еще было темно, Пусленъ разбудилъ де-Вальероля, и отослалъ на-верхъ, подъ видомъ заготовленія холстовъ и красокъ. — Прійдутъ гости, говорилъ онъ: могутъ васъ увидѣть; а въ верхней залѣ моя мастерская: такъ я назначилъ; поэтому никто не осмѣлится зайти туда безъ моего позволенія, а ваше постоянное отсутствіе можно оправдать лакейскими работами. Гаспаръ будетъ ва-

шимъ товарищемъ, и семь дней не вѣчность: поскучайте; мнѣ хуже.

Почти съ разсвѣтомъ пріѣхалъ Депортъ, примѣтно встревоженный. Пуссенъ замѣтилъ странное состояніе духа своего надзирателя и промолчалъ объ Эвелинѣ. Вскорѣ собралась толпа титулованныхъ художниковъ. Глядя на нихъ въ окно, Депортъ улыбнулся и подумалъ: «Это мой дворъ, помѣстье. Нѣтъ, Пуссенъ! ты у меня ихъ не отнимешь.»

— Прикажите впустить почтенныхъ моихъ сотрудниковъ, сказалъ Пуссенъ.

— Нельзя, рѣшительно отвѣчалъ Депортъ, барабаня по стеклу пальцами.

— Такъ я выйду самъ къ нимъ на встрѣчу.

— И этого нельзя. Не сердитесь на меня. Они привыкли къ безпорядку, и первый вашъ шагъ долженъ обнаружить строгость и любовь къ порядку. Вы не можете знать, какъ снисходительность не кстати съ этой челядью! Художниковъ нѣтъ въ этой толпѣ: не вижу ни одного. Всѣ эти господа — жрецы расчета.

«Говоритъ — честный человѣкъ, а лицо изверга», подумалъ Пуссенъ.

— Наружность обманчива, сказалъ Депортъ, какъ-будто отвѣчая на тайную мысль Пуссена: посмотришь — смирное стадо овечекъ; а въ существѣ — нѣтъ звѣрей

съ такою злобою, съ такимъ пронырствомъ.

«Можетъ-быть, онъ и правъ, подумалъ Пуссенъ. Философія его очень согласна со всѣмъ, что́ я вижу въ Парижѣ. Для опыта, послѣдуемъ его примѣру.»

— Вотъ теперь можно впустить, сказалъ Депортъ, примѣтивъ кого-то въ носилкахъ.

То былъ знаменитый старикъ Калло́. Художники вошли. Впереди, при шпагѣ, шелъ Калло́. Фукіерръ, также при шпагѣ, старался перебить ему дорогу. Симона Вуэ и Лемерсіе́ не было. Не сто̀итъ исчислять именъ остальныхъ, хотя всѣ эти господа были титулованные художники и по различнымъ причинамъ сохранились въ историческихъ извѣстіяхъ, разбросанныхъ въ безчисленныхъ книгахъ. Почти всѣ заговорили вдругъ; но Фукіерръ, гордо окинувъ взоромъ своихъ сопутниковъ и возвысивъ голосъ, сказалъ: — Мнѣ и всѣмъ здѣшнимъ художникамъ очень пріятно васъ видѣть въ Парижѣ. Я слышалъ очень много хорошаго объ вашихъ римскихъ работахъ и очень радъ съ вами познакомиться.

Фукіерръ протянулъ руку. Пуссенъ не охотно подалъ свою и отвѣчалъ; — Вы должны простить, если я не могу привѣтствовать достойно каждаго: я давно изъ

Парижа, а въ Римъ, господа, вы совсѣмъ не присылаете своихъ работъ, кромѣ немногихъ художниковъ, которые почти всѣ и живутъ тамъ. Прошу вѣрить моему доброму ко всѣмъ вамъ расположенію и желанію на-дѣлѣ сколько-нибудь доказать мою благодарность его величеству и достойнымъ моимъ покровителямъ. Я очень чувствителенъ къ чести, которую вы мнѣ сдѣлали своимъ посѣщеніемъ, и всегда и каждому готовъ служить совѣтомъ и всякою возможною помощью. Прошу садиться.

Калло́ глядѣлъ съ улыбкой, то́ на Пуссена, то́ на Фукіерра, который, отступивъ на три шага, съ бѣшенствомъ смотрѣлъ на римскаго владыку. Депортъ едва скрывалъ свою радость. Многіе изъ молодыхъ художниковъ покраснѣли. Калло́ обратился къ Лабелю и сказалъ: — Подѣломъ нашему барону! пусть не принимаетъ на себя роли павлина: орелъ побьетъ самую огромную птицу.

— Нѣтъ, Калло́, отвѣчалъ Лабель: не ладно! Что́ Фукіерръ? иностранецъ!.... а пришли французскіе художники.

Услышавъ имя Калло́, Пуссенъ оглянулся.

— Если я не ослышался, сказалъ онъ: я имѣю счастіе видѣть знаменитаго Калло̀?

— Калло́, только не знаменитаго, потому

что въ вашемъ присутствіи есть гораздо искуснѣйшіе, и вотъ начну съ Лабеля....

— Какое неожиданное удовольствіе! Въ Парижѣ соперники умѣютъ быть друзьями и отдавать справедливость.

— Да кто́ же въ этомъ могъ и сомнѣваться?.... и вотъ вамъ лучшее доказательство, сказалъ Лабель: Калло́, длятого только, чтобы посмотрѣть на великаго Пуссена, нарочно пріѣхалъ изъ Нанси!

— Милости просимъ, господа! Садитесь, садитесь!

Но всѣмъ усѣсться не было возможности.

Пуссенъ по-очереди принималъ поздравленія и рекомендацію отъ каждаго: около сорока именъ безъ славы вскочили въ одно ухо, въ другое вылетѣли. Когда поименное представленіе кончилось, Пуссенъ съ грустью подошелъ къ граверамъ и спросилъ: — Скажите, что́ же вы гравируете во Франціи?

— Съ римскихъ и флорентинскихъ запасовъ, отвѣчалъ Калло́: а вотъ теперь ждемъ Лувра. Я старъ; но Лабель, вѣрно, будетъ такъ счастливъ, что передастъ потомству подвиги нашего Геркулеса.

— Вы развѣ оставили рѣзецъ?

— Сами руки оставили его.

— Но я не видалъ многихъ вашихъ

работъ. Вы удостоите меня позволенія посѣтить вашу мастерскую.

— Она вся въ одномъ портфёйлѣ, отвѣчалъ Калло́: и прошу у васъ жертвы, посвятите свободную минуту....

— Сегодня, дорого́й Калло́! сегодня!

— А вотъ и Симонъ Вуэ, и Лемерсіѐ, сказалъ Лабель, глядя въ окошко.

Пуссенъ встрѣтилъ ихъ на порогѣ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, Симонъ Вуэ всталъ и всѣ за нимъ.

— У насъ есть просьба, сказалъ онъ.

— Приказывайте.

— Удостойте посѣтить общество французскихъ художниковъ и откушать вмѣстѣ съ нами.

— Послѣ семи дней, отвѣчалъ Пуссенъ, я вашъ.

— Такъ ровно черезъ недѣлю, въ будущую среду?

— Въ среду, непремѣнно!

Представленіе кончилось.

— Простите, сказалъ Пуссенъ Депорту: бѣгу работать!

И бросился наверхъ къ де-Вальеролю.

— Спасибо за все! сказалъ Депортъ про себя. Теперь уже не зернышко, а цѣлое яблоко брошено. Мнѣ тоже нуженъ досугъ. Гдѣ найду я ихъ? Въ какую сторону броситься? Мазарини или Сенъ-Марсъ? И за нихъ я отомщу Пуссену!

ГЛАВА VI.

СВАТЫ.

Тѣ же львы, тѣ же собесѣдники.

— Что́ ты это, Гаръ-Піонъ, всё дремлешь? Кажется, теперь не жарко.

— Да вчера было жарко. Это черти, не люди, право!

— Не хвастай. А еще какъ усадили тебя вчера возлѣ хозяйки, такъ ты и давай съ нею смѣяться надъ Орлеанскими! А она, вѣрно, тебѣ зелья какого и подбросила.

— Вотъ умная голова! Сейчасъ видно. Такъ, чистымъ виномъ, меня не возьмешь.

— А ужъ какую говорилъ ты гиль, когда тебя увели въ общую, въ буфетную!

— Да какъ ты знаешь?

— Эге! мало ли чего! Вѣдь я съ ними былъ, съ ними и Фонтрайія провожалъ.

— Да какъ же я тебя не видалъ?

— Да и они меня не видали.

— Что́ же ты невидимка, что́ ли?

— По нуждѣ, братъ, и невидимка. Нужда — старая колдунья. Да что́ объ этомъ толковать! Вотъ хуже, господа не ѣдутъ, а кажется, изъ замку я всѣхъ разогналъ. Любо было смотрѣть на тревогу: словно охота высыпала въ поле, словно военная вылазка!

— Мастеръ, мастеръ, нечего сказать! да мнѣ ужасно надоѣла вся эта путаница. Какъ хочешь, а я выдамъ за-мужъ Эвелину.

— За кого?

— За Альфреда.

— А чѣмъ она будетъ жить? Нѣтъ, Гаръ-Піонъ! по-моему, такъ выдать ее за-мужъ за Сенъ-Марса.

— Ты съ ума сошелъ! Первая особа въ Парижѣ: мало ли у него невѣстъ?

— А Эвелина самая первая во всемъ Парижѣ, потому что Сенъ-Марсъ поряд-

комъ влюбленъ въ нее. Только не много искусства, и дѣло сладится!

— Куда бы хорошо! сказалъ Гаръ-Піонъ, потирая руки; потомъ какъ-будто опомнился, плюнулъ и продолжалъ: — Да ты съ ума сошелъ, Гойко! Альфреда она крѣпко любитъ, только не говоритъ.

— Да это развѣ дѣлу помѣха? Вздоръ! И Альфреда сдѣлаютъ маркизомъ, герцогомъ. Знатная дама: какъ же ей безъ угодниковъ жить?

— Гойко! сказалъ Гаръ-Піонъ, грозя кулакомъ и приподнимаясь.

— Да это мы съ тобою, Помпей, такъ разсуждаемъ; но хоть убей меня, у Эвелины на умѣ знатность и знатные нравы. Ну, посмотри, какъ она съ Альфредомъ обращается: за милю держитъ его отъ себя; оба говорятъ всегда съ-высока, полчаса кланяются.... Нѣтъ, Гаръ-Піонъ, ты, можетъ-быть, честнѣе, да не умнѣе меня... Ѣдутъ! ѣдутъ!

Карета д'Орбиньи, окруженная дюжиной вооруженныхъ слугъ, подъѣхала ко львамъ. Проходя мимо Гаръ-Піона, Эвелина спросила, не былъ ли Сенъ-Марсъ, и пошла на лѣстницу, почти не ожидая отвѣта.

— Стыдно, сударыня, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ: вѣдь не вы, а я буду отвѣчать капитану. Но Эвелина была уже далеко.

— А что̀? видишь сказалъ Гойко. Да и что́ тутъ дурнаго? Ужъ вѣрно маркизъ получше замарашки, живописца, отъ котораго всегда или масломъ или скипидаромъ пахнетъ. Твое дѣло не за тѣмъ смотрѣть.

— А за чѣмъ?

— Чтобы все кончилось свадьбой.

— Давай стряпать, чортъ возьми! Только послушай: что скажетъ капитанъ, какъ узнаетъ?

— Ну! скажетъ капитанъ: славнаго мнѣ слугу далъ Богъ! И въ бѣдѣ выручилъ! А Сенъ-Марсъ, ты знаешь, что́ захо́четъ, то́ и сдѣлаетъ. Скажетъ слово королю: капитана привезутъ, маршаломъ сдѣлаютъ, помѣстьями и титулами осыплютъ. Вѣдь все, братъ, закрыто; а я тебѣ на ушко скажу: кажется, кардиналу послѣдній часъ приходитъ; сегодня на рынкѣ такую штуку читали, что право и маркизу де-Коку не придумать.

— Все это славно; да, право, мнѣ этого Альфреда жаль.

Гойко не успѣлъ отвѣчать Гаръ-Пiону....

Карета уѣхала; но ее смѣнили носилки. Вошелъ Депортъ.

— Кто́ пріѣхалъ? спросилъ онъ со злобой.

— Наши, отвѣчалъ Гойко, не поднимаясь со льва.

— Гдѣ онѣ были?

— Плохо платите, господинъ ординарный живописецъ! Спросите у нихъ. Онѣ вамъ скажутъ:—«Изъ замка Орбиньи», — вы и успокоитесь.

— Да откуда же они пріѣхали?

— Да намъ-то какое дѣло?

Депортъ имѣлъ время и случаи убѣдиться, что Гойко безъ денегъ не говоритъ ни слова, и сунулъ ему какую-то монету. Тотъ поглядѣлъ на руку и отвѣчалъ:

— За это, право, немного можно сказать. Развѣ только то, что не изъ зàмка Орбиньи.

— Да откуда же?

Гойко продолжалъ смотрѣть на руку и отвѣчалъ: — Пока ничего больше не знаю.

Еще деньги, и еще отвѣтъ: — Альфредъ Дени разбогатѣлъ: прогулки!.... а по дорогѣ, пожалуй, и въ церковь заѣдутъ.

— Діаволо! въ бѣшенствѣ завопилъ Депортъ. Не пускайте его въ домъ!

И побѣжалъ наверхъ.

Почти вслѣдъ за нимъ прибѣжалъ Дени. Платье его было въ безпорядкѣ, гла-

за красные; онъ говорилъ гре..., размахивая руками.

— Пріѣхали! черезъ три дня пріѣхали! Я знаю гдѣ вы были. Я былъ тамъ же; я видѣлъ какъ пріѣхалъ Сенъ-Марсъ... я видѣлъ все.... О! мы объяснимся, мы кончимъ это дѣло!

И Дени вскочилъ уже на лѣстницу. Гаръ-Піонъ сталъ у дверей, а Гойко со льва сказалъ Альфреду:

— Позвольте, позвольте! не горячитесь. Не приказано принимать.

— Меня? съ изумленіемъ спросилъ Альфредъ. Помпей, что́ это значитъ?

— Кажется, вамъ ясно сказано, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, ушелъ и заперъ двери изнутри.

— Послушай, Филиппъ, сказалъ блѣдный, смущенный Дени, вынимая кошелекъ: послѣднія деньги....

— Не надо. За васъ ужъ заплачено, и я скажу вамъ радостное извѣстіе. Эвелина васъ любитъ страстно и длятого выходитъ за-мужъ, только не за васъ, потому-что она васъ любитъ страстно. Она васъ сдѣлаетъ богатымъ и знатнымъ человѣкомъ и, главное, домашнимъ другомъ. Только, пожалуйста, не горячитесь и не выдайте насъ; а то, и себя и ее погубите вашею мѣщанскою любовью, если узнаютъ, что вы любите какъ лю-

бятъ въ комедіи: тогда Эвелина никуда глазъ не показывай! Стыдъ, просто стыдъ, для такой знатной невѣсты имѣть любовника до свадьбы!

Альфредъ заплакалъ и едва могъ произнести: — Я зналъ, что этимъ кончится! Какъ могла молодая дѣвушка устоять противъ такихъ блистательныхъ искушеній! Но позволь мнѣ сказать ей послѣднее прости....

— Далеко же вамъ надобно за этимъ ѣхать!

— Какъ? Да я видѣлъ изъ окна моего друга, Корнеля, какъ онѣ пріѣхали въ каретѣ д'Орбиньи!... я самъ былъ въ деревнѣ, что́ при замкѣ!

— Такъ вы видѣли въ каретѣ Эвелину? спросилъ Гойко, улыбаясь.

— Нѣтъ, Филиппъ, я ея не видалъ: занавѣски были задернуты. Но кто́ же пріѣхалъ?

— Пріѣхала карета за Жаннетой. Посмотрите, еще и пыль не улеглась.

— Филиппъ! досказывай, разсказывай, не мучь меня!

— Нѣтъ, сударь, вы горячитесь, и я вамъ не довѣрю жизни своей, не довѣрю тайнъ страшныхъ.

— Клянусь Богомъ!.... честью!... искусствомъ!... Говори, говори! Ты видишь, я спокоенъ.

— Здѣсь? на улицѣ?... Это видно, что вы совершенно ко всему равнодушны и съумѣете сохранить страшную тайну.

— Пойдемъ ко мнѣ, Филиппъ! Куда хочешь, только пойдемъ!

— Лучше всего въ тюильрійскій садъ: два шага!

— Ну, говори, Филиппъ! сказалъ Альфредъ, останавливая Гойку въ темной и глухой аллеѣ.

— Вы были въ деревнѣ, вы видѣли суматоху въ замкѣ, вы знаете куда бросилась толпа дворянъ: а?... Вы ничего не знаете! Можетъ-быть, теперь бьетъ послѣдній часъ кардинала.

Альфредъ вздрогнулъ.

— Можетъ-быть, говорю я, потому что, въ случаѣ неудачи, всѣ эти господа бросятся въ Седанъ, къ герцогу Булыонскому. А?.... поняли?

— Но гдѣ Эвелина, Филиппъ?.... гдѣ Эвелина?

— Теперь, право, не знаю, отвѣчалъ спокойно Гойко: полагаю, уже близко границы.

— Такъ и она уѣхала?

— Въ Седанъ.

— Я ѣду въ Седанъ!

— Мнѣ для этого оставлены и деньги. Извольте. Но, ради Бога, будьте благоразумны; сдѣлайте видъ, будто вы и не-

знакомы съ Эвелиной, а познакомиться ищите случая на охотѣ, на балѣ, что-нибудь въ этомъ родѣ.

— Благодарю за совѣтъ! Не нужно мнѣ твоихъ денегъ; возьми ихъ за дьявольскую услугу. Рано стали помогать несчастному любовнику! Но я отомщу за себя!

— Видите? вы горячитесь, и вмѣсто благодарности, хотите погубить насъ! Погодите до вечера. Я тоже ѣду сегодня въ Седанъ. Не прикажете ли сказать?....

— Ни слова! ради Бога, ни слова! Они успѣютъ приготовиться.... Женщины! и я повѣрилъ вамъ!.... О! какъ злобно, какъ коварно избавились вы отъ несчастнаго бѣдняка!... Въ замокъ Орбиньи!.. Я тогда же сомнѣвался, и какъ ужасно сбылись мои сомнѣнія!

— Да какія сомнѣнія? Говорятъ вамъ, что васъ любятъ страстно.

— И я съумѣю отблагодарить за эту честь!

Альфредъ исчезъ, какъ молнія.

— Я зналъ, что онъ не возьметъ денегъ, сказалъ Гойко. Какой благородный характеръ! Постой дружокъ! ты въ Парижъ не воротишься, только бы уѣхать тебѣ сегодня.

Гойко бросился за Альфредомъ въ погоню.

Депортъ дрожалъ отъ бѣшенства. Дамы хохотали, когда онъ имъ разсказывалъ небывалую прогулку съ Альфредомъ; но когда дѣло дошло до угрозъ, Джудита приняла важный видъ и сказала съ нѣкоторою торжественностію:—Перестаньте, Депортъ! Я сдѣлала васъ дворяниномъ; хлопочу о маркизатѣ не для васъ, а для себя. Хотите итти въ долю? хорошо, мнѣ все равно; не хотите? я тотчасъ беру дѣтей и Эвелину, Жаннету, Гаръ-Піона, и переѣзжаю въ замокъ Орбиньи, а вы безъ насъ не далеко пойдете. Вѣдь, право, скучно! Какія вы имѣете на меня права? Сами подумайте. Какіе предлоги къ подозрѣніямъ? Изъ благодарности, вы бы должны молчать, или говорить съ нами какъ соучастникъ общаго заговора.

Депортъ смягчился.

— Джудита, сказалъ онъ съ нѣжностью: кардиналъ принимаетъ участіе въ судьбѣ бѣдной сироты; я долженъ отдавать ему ежедневный отчетъ во всемъ, что́ до нея касается; кругомъ толпа лазутчиковъ: войдите въ мое положеніе!

— Вы лжете.

— О! чѣмъ увѣрить тебя въ этой горькой истинѣ?

— Почему же горькой?

— Потому-что за ваши прогулки достанется мнѣ.

— Кардиналу теперь не до васъ: онъ умираетъ.

— Вы шутите: онъ почти совсѣмъ выздоровѣлъ! Вчера я былъ у него ночью. Онъ не диктовалъ, какъ обыкновенно, а писалъ самъ.

Джудита поблѣднѣла и отворотилась. Стукъ кареты прервалъ объясненіе. Вошелъ Гаръ-Піонъ и доложилъ:

— Марія Пальфи, изъ Милана.

Джудита была уже на крыльцѣ, Марія въ ея объятіяхъ.

— Моя сестра, сказала Джудита отрывисто, обращаясь къ Депорту. Вотъ Депортъ, Марія! Пойдемъ, пойдемъ въ мои комнаты.

Депортъ остался одинъ въ залѣ.

—Что́ за дьявольщина? сказалъ онъ мрачно. Еще новое лицо!.. еще красавица! Но, или я несчастливъ по этой части, или слишкомъ широко раскинулъ тенета. Попалось много птицъ, а ни одной не могу подрѣзать крыльевъ. Положеніе мое опасно. Господи! когда же выдадутъ за-мужъ эту Марію Неверскую? Тогда онъ мой! совсѣмъ мой!.. тогда счастіе мое упрочено надолго, навсегда! Милость короля къ Сенъ-Марсу за это ручается. Со дня на день откладываютъ это замужество. Плохъ кардиналъ, плохъ сталъ! Значитъ, близко къ новому министерству. Но кто́ будетъ

министромъ? Сенъ-Марсъ или аббатъ Мазарини?

— Аббатъ Мазарини! сказалъ громко Гаръ-Піонъ, и маленькій аббатъ вошелъ въ залу.

Депортъ невольно взглянулъ на стѣну и остолбенѣлъ: на ней не было портрета Мазарини.

— Здравствуйте, сказалъ аббатикъ. Что́ вы это такъ задумались?

— Объ васъ, г. Аббатъ!

— Называйте меня по-прежнему эминенціей.

— Какъ!

— Въ Римѣ стали платить впередъ. Завтра все будетъ извѣстно: но ради самого Бога, Пуссена скорѣе вонъ изъ Парижа!.... Да! кстати! исторія Джудиты перестаетъ быть тайной: въ новомъ платьѣ, я самъ разскажу нашу повѣсть со слезами на глазахъ. Печальная необходимость произведетъ эффектъ на придворныхъ дамъ, не правда ли?

— Что́ вы хотите дѣлать, eminenza? Ради самого Неба, что̀ вы хотите дѣлать?

Мазарини не отвѣчалъ, сѣлъ и осматривалъ комнату.

— Мнѣ помнится, въ этой залѣ, сказалъ онъ, висѣлъ и мой портретъ.

— Онъ теперь въ мастерской: заказано пропасть копій.

— Не забудьте перемѣнить костюмъ.

— И вы это говорите мнѣ! Не я ли предрекъ вашей эминенціи скорое возвышеніе? Не я ли усердствовалъ для пользъ вашихъ?

— Полно, полно, Депортъ! Ты служилъ усердно другому кардиналу, моему благодѣтелю, и противъ меня. Къ счастію, твоя злоба не могла насытиться во дворцѣ Мазарини. Обстоятельства, которыми связаны были мои дѣйствія, ничтожныя, пустыя любовныя интриги молодыхъ лѣтъ, могли помѣшать мнѣ при дворахъ Людовика и Урбана. Цѣль достигнута, и я самъ болѣе не хочу хранить тайны: хуже, если эту тайну разскажутъ другіе. Понимаешь ли, Депортъ? это — расчетъ по твоей наукѣ. Благодарю за уроки!

— Но вы погубите меня, отчаянно сказалъ Депортъ: вашего друга, слугу, приверженца! Тайна нужна мнѣ; Парижъ долженъ почитать мою жену ангеломъ чистоты и простоты.

— А зачѣмъ, смѣю спросить?

— Это мой расчетъ. Но, впрочемъ, Богъ съ вами! разсказывайте что́ вамъ угодно. Я придумалъ нѣкоторыя оборонительныя средства.

— А какія, смѣю спросить?

— Ваша эминенція, насмѣшливо отвѣчалъ Депортъ, изволите считать меня пошлымъ дуракомъ. Какой полководецъ показываетъ врагамъ свои планы?

— Ага! такъ я уже врагъ?

— Вы хотите быть врагомъ моимъ, но я заставлю васъ быть моимъ другомъ, если вы не согласны добровольно....

— Напротивъ! Пожалуй, я могу и замолчать. Но, за сохраненіе тайны, позвольте мнѣ, въ свою очередь, предложить условія.

— Какія, осмѣлюсь спросить?

— Первое: Пуссенъ; второе: Эвелина.

— Это только имена, ваша эминенція: я не вижу условій.

— Первое: выдумайте, сочините, создайте, изобрѣтите, украдьте какія-нибудь причины немедленнаго удаленія Пуссена изъ Парижа; второе не требуетъ объясненія.

— На первое я по душѣ согласенъ и, съ вашею помощью, конечно, достигну цѣли; на второе.... охъ! вы не знаете, кто Эвелина, вамъ никогда и не снилось, какая ужасная тайна скрывается подъ вымышленнымъ именемъ! Мы взяли имя изгнанника, и, кажется, ничего искуснѣе не могли выдумать. Но кардиналъ-герцогъ никогда не прочь отъ хорошей партіи, отъ партіи, которая бы согласова-

лась и съ происхожденіемъ Эвелины и съ политическими видами.

— Кого же вы хотите женить на ней?

— Вы должны были давно угадать жениха. Догадывайтесь. Но клянусь вамъ, я не скажу ни слова, хотя бы васъ сдѣлали папой римскимъ.

— Теперь я понимаю требованія кардинала! Послушайте, Депортъ. Условіе перемѣняетъ видъ свой: «до смерти кардинала-герцога, Эвелина не выйдетъ замужъ». Это въ вашей власти.

— Я простой дворянинъ: мнѣ трудно противиться приказаніямъ кардинала-герцога: велитъ, и сегодня же повезу Эвелину въ церковь. Если бы я былъ маркизомъ, напримѣръ, имѣлъ свой замокъ, помѣстье.... можетъ-быть, въ надеждѣ будущихъ благъ, при другомъ министерствѣ, я сыгралъ бы роль влюбленнаго, увезъ бы Эвелину въ укрѣпленный замокъ; можетъ-быть, исчезъ бы на время изъ Франціи съ Эвелиной: но не иначе, какъ маркизомъ!

Мазарини призадумался.

Депортъ продолжалъ: — И вообще мнѣ какъ-то неловко при вашемъ дворѣ. Новопожалованный дворянинъ, я сижу почти послѣднимъ за столами нашихъ вельможъ; кругъ моей дѣятельности на пользу вашей эминенціи тѣсенъ: мнѣ нужны дру-

гой чинъ, другое званіе. Что́ такое живописецъ? Ремесленникъ, наемникъ!.... Дайте какое-нибудь начальство, власть, почетную должность. Не понимаю, какъ я до-сихъ-поръ хлопочу Богъ знаетъ для кого и безъ малѣйшихъ выгодъ! Что́ ваше дворянство? Вы раздаете его сотнями: скоро шпагъ не станетъ. И вотъ награда за такія опасныя заслуги!

— Но, милый мой, маркизатъ не жалуется. Длинная исторія: надо отыскать или купить свободный маркизатъ.

— Тѣмъ легче для вашей эминенціи.

— Я подумаю, отвѣчалъ Мазарини, понизивъ голосъ: но нельзя ли видѣть Эвелины?

— Не знаю, будетъ ли вамъ пріятно видѣть ее вмѣстѣ съ Джудитой.

— Одну, одну, ради Бога! Надо же намъ познакомиться.

— Когда кончится пріемъ Пуссена, я вамъ назначу свиданіе въ тюильрійскомъ саду. Но....

— Довольно, довольно, Депортъ! За услуги я умѣю быть благодарнымъ: и такъ свѣжи еще доказательства!.... Прощайте.

ГЛАВА VII.

НЕДОРАЗУМѢНІЯ.

Въ уединенномъ покоѣ, который справедливо назывался кабинетомъ Джудиты, сидѣли три прелестныя собесѣдницы. Съ двумя мы уже знакомы, но третья была тремя, четырьмя годами постарше Джудиты. Италіянскій узкій костюмъ придавалъ Маріи много прелести, съ большой точностью означая прекрасный ростъ и изящность формы. Лицо, чуднаго очертанія, сохранило всю пріятность, доброту и свѣжесть юности; глаза пылали попрежнему: однѣ губы нѣсколько были

сухи. Ни время года, ни усталость дальняго и невыгоднаго пути, не имѣли ни какого вліянія на эту веселую вдову въ глубокомъ траурѣ. Она говорила почти одна, хохотала; руки и глаза ея были въ постоянномъ движеніи. Нѣсколько разъ она вскакивала съ мѣста и разыгрывала цѣлыя сцены изъ любопытной и драматической жизни своей. Но мы не смѣемъ обратить ея разсказовъ въ третій эпизодъ нашей исторіи, потому что случаи жизни Маріи не имѣютъ никакой связи съ ея содержаніемъ.

— Какъ жаль, сказала Джудита, что ты опоздала тремя днями, Марія! Теперь въ за́мкѣ д'Орбиньи остались только дамы, не совсѣмъ довольныя постоянствомъ капитана. Онѣ просватали за него, я думаю, полъ-Парижа; но Генрихъ остался вѣрнымъ данному слову.

— Да мнѣ какое дѣло до вашихъ дамъ? Лишь бы Генрихъ любилъ меня попрежнему! Правда, я опоздала нѣсколько пріѣздомъ. Но ты виновата, Джудита, виновата твоя милая Эвелина, и Генрихъ, вѣрно, за это на меня не разсердится. Мужъ мой умеръ въ пятницу, и не умеръ, а сгорѣлъ, угасъ.... такъ тихо, такъ спокойно! Онъ зналъ нашу тайну и благословилъ меня на замужество. Одно его мучило: что я должна ѣхать во

Францію, туда, гдѣ царствуетъ ужасный Ришліе. Въ Италіи такъ же ненавидятъ кардинала, какъ и въ Парижѣ. Я обѣщала выманить д'Орбиньи въ Флоренцію, въ нашъ небольшой палаццо, въ наши роскошныя виллы. Умеръ: пошли хлопоты съ похоронами; я едва-едва умѣла распорядиться. Чувства мои были совершенно перемѣшаны: мнѣ было жаль покойнаго: я такъ его уважала!.... но будущность мнѣ улыбалась. Долгъ дружбы отстрочивалъ мое счастіе: я поѣхала въ Римъ, искать де-Вальероля.

— Сама? воскликнули слушательницы.

— Да что́ за чудо? Но вотъ бѣда: около трехъ дней ни малѣйшаго слѣда не могла я открыть; на четвертый отыскала я гостинницу, гдѣ, по всѣмъ примѣтамъ, капитанъ прожилъ около трехъ недѣль, расплатился и ушелъ. — Такъ онъ не уѣхалъ? невольно спросила я. — «Конечно не уѣхалъ!» отвѣчала мнѣ дѣвочка лѣтъ десяти, дочь хозяина: «я частенько встрѣчала его съ Пуссино на Испанской Площади.» — Я къ Пуссино: уѣхалъ во Францію, и весь домъ запертъ и заколоченъ. Мнѣ совѣтовали обратиться къ г. Дюге́, тестю художника. Пріѣзжаю: все семейство Дюге́ съ женою Пуссино уѣхало въ Неаполь. Что́ за бѣда! подумала я: съѣздимъ и въ Неаполь; я же

никогда его не видала, а можетъ-быть, прійдется умереть во Франціи. Но и тутъ неудача: семейство Дюгé уѣхало, недѣлю тому назадъ, въ дальнѣйшее путешествіе. Куда? Никто не могъ сказать мнѣ. Тогда, нечего дѣлать, я цѣлую ночь убѣждала себя, что долгъ дружбы исполненъ; наконецъ убѣдилась и отправилась во Францію. Вы видите....

Но Эвелина прервала рѣчь Маріи жаркимъ поцѣлуемъ благодарности.

— Намъ остается, сказала Джудита, узнать объ отцѣ твоемъ отъ самого Пуссена.

— Но какъ это сдѣлать?

— Пошлемъ Альфреда.

Позвали Гаръ-Піона.

— Чтó, Альфредъ въ мастерскóй? спросила Эвелина.

— По-дѣлóмъ вамъ, сударыня: вы его болѣе не увидите!

Общее изумленіе.

— Да! господинъ Депортъ прогналъ его со двора и не приказалъ въ домъ пускать!

Общій ужасъ.

— А онъ, бѣдняжка, съ горя поѣхалъ въ Седанъ бунтовать.

Всѣ расхохотались.

— Не извольте смѣяться. Гойко лошадей нанималъ, вещи укладывалъ и

господину Депорту доложилъ: такъ ужъ нечего сомнѣваться.

Эвелинѣ стало дурно. Гаръ-Піонъ, глядя на нее, качалъ головой; женщины около нея суетились. На улицѣ раздался стукъ, и Гаръ-Піонъ поспѣшилъ на свое мѣсто.

Эвелина ожила.

— Не Альфредъ ли? вскрикнула она, и дамы бросились въ гостиную, но тамъ нашли Сенъ-Марса и д'Орбиньи.

Сенъ-Марсъ остолбенѣлъ, когда д'Орбиньи бросился въ объятія Маріи; но удивленіе его еще болѣе возрасло, когда Эвелина, увидавъ ихъ, упала въ обморокъ.

— Что́ съ нею? спросилъ Сенъ-Марсъ.

— Ахъ! не спрашивайте. Какая-то невидимая сила ходитъ между нами и преслѣдуетъ всѣхъ насъ неутомимо: то́ обманула насъ ложною смертью кардинала, то́ испугала ложнымъ бѣгствомъ Альфреда Дени въ Седанъ.

— Ложнымъ? сказалъ Сенъ-Марсъ. Нѣтъ, дѣло уже въ парламентѣ. Король простилъ Бульіона и всѣхъ его приверженцовъ; но кардиналъ сдѣлалъ свое, и парламентъ объявилъ, что кто осмѣлится, безъ особеннаго позволенія властей, ѣздить или ходить въ Седанъ и нѣкоторыя другія провинціи, будетъ почитаться из-

гнанникомъ и, подъ смертною казнію, возвратиться во Францію не можетъ. И эта мѣра принята вслѣдствіе бѣгства какого-то Альфреда Дени съ бумагами отъ здѣшнихъ друзей Бульіона.

— Кажется, пора кончить этотъ маскарадъ, сказала Джудита, съ трудомъ скрывая бѣшенство. Мести, маркизъ!.... я требую мести!

— Кому, Джудита?

— Депорту! Онъ сдѣлалъ Альфреда изгнанникомъ. Но пока молчите; надо обмануть Эвелину.

— Какъ? развѣ этотъ Альфредъ?....

— Ея женихъ.

Сенъ-Марсъ измѣнился въ лицѣ. Оскорбленіе было велико. Онъ не зналъ что́ отвѣчать; но Джудита не обращала вниманія на его замѣшательство и продолжала хлопотать около Эвелины. Д'Орбиньи съ Маріей не видѣли, не слышали ничего у окна: они на-скоро что́-то разсказывали другъ другу. Сенъ-Марсъ не зналъ къ кому обратиться. Вошелъ Депортъ въ то самое время, когда Эвелина очнулась.

— Гдѣ Альфредъ? спросила Джудита торжественно.

Депортъ глядѣлъ на всѣхъ изумленными глазами.

— Гдѣ Альфредъ? повторила Джудита, такимъ голосомъ, что всѣ вздрогнули.

Оправясь нѣсколько, Депортъ отвѣчалъ: — Альфредъ въ мастерской или дома.

— Сыщите его! закричала Джудита: гдѣ хотите, найдите моего Альфреда! Безъ него, наша комедія кончена; понимаете ли, г. Депортъ?

— Что́ съ тобою, Джудита? спросилъ Депортъ, умоляющимъ голосомъ.

— Довольно, довольно! Безъ моего согласія вы изгнали изъ Франціи бѣднаго Альфреда. Но это не удастся! Я сама пойду къ кардиналу и разскажу, какъ вы употребляете во зло довѣренность Ришліе. Мнѣ онъ повѣритъ: мои доказательства слишкомъ явны. Признайтесь: какую клевету взвели вы на Альфреда? За дворянство, вы бы продали жену, дѣтей, если бы вы ихъ имѣли!

Депортъ не зналъ, куда дѣваться..... Вошелъ Корнель.

— Кто изъ васъ, господа, Филиппъ Депортъ, изъ Ліона? спросилъ онъ, твердымъ, но мрачнымъ голосомъ.

— Что́ вамъ угодно? сказалъ Депортъ, запинаясь.

— Скажите, какое преступленіе сдѣлалъ молодой человѣкъ Альфредъ Дени, изъ

Руана, въ которомъ я принимаю живое участіе?

— Что́ за дьявольщина! со злобой закричалъ Депортъ. Да я никому не обязанъ отчетомъ въ поступкахъ моихъ учениковъ внѣ школьной залы! Говорю вамъ, всѣмъ и каждому, что я ничего не понимаю въ вашихъ вопросахъ!

— Бѣдная мать Альфреда, сказалъ Корнель, умретъ съ горя, если повелѣніе парламента достигнетъ до Руана, прежде нежели я успѣю ее приготовить къ этому неожиданному несчастію. Объясните мнѣ преступленіе Альфреда: я еще не теряю надежды умилостивить кардинала.

— Карету! сказалъ Депортъ: карету! Черезъ часъ я все узнаю.

— Стой! закричалъ Сенъ-Марсъ: ты не поѣдешь, пока не объяснишь мнѣ, Депортъ!.... понимаешь ли? *мнѣ!*.... всѣхъ своихъ клеветъ и обмановъ.

— Объясню все королю и никому болѣе!

— Къ королю? сказалъ Сенъ-Марсъ. Мы ѣдемъ вмѣстѣ!

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ! отвѣчалъ Депортъ. — А вы, милостивый государь, сказалъ онъ Корнелю: потрудитесь обратиться съ вашими вопросами къ сообщникамъ заговора, а не ко мнѣ: я не участникъ.

Всѣ поблѣднѣли, кромѣ Корнеля.

— Но кто́ они? спросилъ Корнель.

— Не мое дѣло, отвѣчалъ Депортъ лукаво: я ихъ не знаю. Я раздумалъ, маркизъ. Теперь поздно: король спитъ. Но кардиналъ, я думаю, проснулся. Не угодно ли къ кардиналу?

Замѣшательство заговорщиковъ еще болѣе возрасло, когда Депортъ какъ-будто что́-то вспомнилъ и пошелъ въ кабинетъ, приговаривая: — Хорошо если ихъ не украли!

— Нѣтъ ли у него какихъ-нибудь записокъ, писемъ? спросилъ д'Орбиньи тревожно.

— Я ничего не понимаю, отвѣчала испуганная Джудита. Кажется, я погорячилась. Но, ради Бога, уѣзжайте всѣ! Я его не выпущу сегодня и все узнаю.

Всѣ уѣхали. Остались только дамы. Депортъ вошелъ съ пучкомъ бумагъ.

— А гдѣ же они? спросилъ онъ съ изумленіемъ.

— На своихъ мѣстахъ, отвѣчала Джудита: Сенъ-Марсъ поѣхалъ къ королю, д'Орбиньи къ Мазарини, Корнель къ кардиналу.

— Любопытно, что́ они наговорятъ тамъ. Завтра будетъ комедія, какой при дворѣ не бывало. Но, милая Джудита, клянусь тебѣ, что въ судьбѣ Альфреда я не принималъ никакого участія.

— Такъ, вѣрно, какой-нибудь особенный противъ насъ заговоръ! сказала Джудита съ притворнымъ видомъ изумленія.

— Весьма быть можетъ.

— Да какой же заговоръ? Нѣтъ ли у васъ по-крайней-мѣрѣ слѣдовъ? Вы напрасно отъ меня скрываетесь. Недоразумѣніе между нами опасно: одна минута, съ моимъ характеромъ, и все наше зданіе разрушилось бы до основанія. Ради Бога, каковъ бы онъ ни былъ, уклоняйтесь отъ заговора! Не знаете ли вы хотя одного сообщника?

— Ты напрасно перепугалась, Джудита. У меня это такъ сорвалось съ языка, а я право не знаю ни какого заговора, ни какихъ заговорщиковъ. Желая разогнать незванныхъ гостей, я употребилъ хитрость по инстинкту, по вдохновенію, ни мало не воображая, что у нихъ есть какой-то заговоръ.

— И презабавный! отвѣчала со смѣхомъ Джудита. Но отъ васъ это тайна, потому что вы ненавидите Симона Вуэ.

— Ради Неба, какой же это заговоръ? Клянусь, я мѣшать не буду. Я ненавидѣлъ Вуэ, пока онъ у меня лежалъ на дорогѣ: перешагнулъ, и совершенно сталъ къ нему равнодушенъ. Теперь у меня другой врагъ.

— Вотъ ужъ не могу придумать, кто́ можетъ быть врагомъ вашимъ.... развѣ Альфредъ?...

— Боже сохрани! Я крайне огорченъ, что обстоятельства отняли у меня правую руку, и завтра же Альфредъ получитъ прощеніе.

— Вы не шутите? воскликнули дамы.

— Ахъ, Господи, Боже мой! когда вы перестанете сомнѣваться? Ну, сами подумайте: я не имѣю времени заниматься работою, а заказовъ пропасть. Кто ихъ теперь будетъ исполнять съ такимъ усердіемъ и искусствомъ? Конечно, я, въ досадѣ на ваши прогулки, отказалъ ему отъ дому, но съ умысломъ, чтобы онъ опомнился. Какой онъ теперь женихъ? Надо много накопить денегъ для свадьбы, а онъ нищій. Сколько работъ я заказалъ ему! Вы видите, что я самъ думалъ составить ему состояніе и берегъ Эвелину.... для кого? для него же. Неужели вы меня считали такимъ пошлымъ дуракомъ, что я уже не могъ и замѣтить вашей взаимной склонности? Неожиданный отъѣздъ Альфреда только мнѣ одному понятенъ. Это услуга Симона Вуэ: онъ сманилъ въ Седанъ Альфреда, куда уже давно герцогъ Бульіонскій приглашаетъ хорошаго живописца; сманилъ длятого, чтобы лишить меня такого превосходна-

го товарища, не ученика. И, конечно, я не прощу этого Симону, если навѣрное узнаю. Но ради Бога, въ чемъ же этотъ заговоръ?

— Не противъ васъ, но противъ вашего друга, сказала Джудита.

— У меня нѣтъ друзей.

— А этотъ Пуссенъ?

Депортъ улыбнулся и отвѣчалъ: — Не понимаю, за что́ такая немилость къ Пуссену!

— Какъ за что? Вспомните, какъ его принимали въ Фонтебло́ и Парижѣ! Король и кардиналъ назначили особенный церемоніялъ для свиданія съ художникомъ. Каково это видѣть старымъ дворянамъ, которые по мѣсяцу ожидаютъ позволенія явиться въ Рюэль? Такъ не принимали многихъ пословъ и принцевъ! Съ другой стороны, Симонъ Вуэ любимъ и уважаемъ всѣми. Немилость къ нему чувствительна всему Парижу.

— Такъ на что́ же рѣшились дворяне?

— Вы увидите.

— Если вы полагаете, что я другъ Пуссену, смѣшная ошибка! Пуссенъ именно тотъ врагъ, о которомъ я намѣкнулъ уже.

— Какимъ образомъ?

— Старинная римская исторія.... Но я не хочу участвовать въ заговорѣ.

— По-крайней-мѣрѣ не будете препятствовать?

— Въ этомъ вы можете ихъ увѣрить. Вы не знаете, Джудита: въ этомъ заговорѣ есть и политическая цѣль. Слава Пуссена огромна: боятся, чтобы онъ не сдѣлался любимцемъ короля. Забавное безпокойство!... я думаю, никто менѣе Пуссена не способенъ быть придворнымъ! Чему вы смѣетесь, Джюдита?

— Не могу безъ смѣху вспомнить, какая поднялась буря и разрѣшилась пустяками! И вотъ вамъ урокъ, г. Депортъ, какъ вредна для насъ взаимная тайна! Но пора. Прощайте, г. Депортъ. Не забудьте Альфреда.

Депортъ почтительно раскланялся дамамъ. Долго заполночь дамы шептались и хохотали надъ легковѣріемъ Депорта, а Филиппъ, до самаго утра, соображалъ всѣ слова, всѣ взгляды этой занимательной сцены и перечитывалъ пукъ писемъ, къ Альфреду отъ разныхъ лицъ, доставленный Депорту услужливымъ Гойкой за нѣсколько золотыхъ монетъ; перечитывалъ и добивался въ каждомъ словѣ какого-нибудь особеннаго, тайнаго смысла.

ГЛАВА VIII.

СТОЛИЧНАЯ ОБИТЕЛЬ ПОЭТА.

Во дворцѣ герцогини Эгильонской, племянницы кардинала, въ отдаленномъ флигелѣ, на дворѣ, слуга убиралъ кое-какъ небольшую комнату. Простая кровать, съ старыми занавѣсками, стояла въ углу; каминъ—съ признаками дурнаго состоянія трубъ; окна — въ видѣ географическихъ картъ, которыя чертятъ ученики въ классахъ, заклеенныя бумажками. У средняго окна, которое всему флигелю съ фасада сообщало видъ циклопа, потому что было вдвое противъ прочихъ, а по формѣ

походило на греческую Ω, стоялъ рабочій столъ временъ Франциска Втораго. Каждый ящикъ былъ облѣпленъ рѣзьбою, во многихъ мѣстахъ обвалившеюся; на дверцахъ-стекла съ неразгаданными картинками; три ножки были рѣзныя каріатиды съ египетскими головками, а четвертую замѣняло отесанное, даже не окрашенное полѣно. Выдвижной столъ, поддерживаемый двумя амурами въ красивыхъ шапочкахъ, покрытъ былъ бумагами и книгами. Убирая комнату, лакей вытеръ не засохшее еще перо о лоскутки старыхъ разорванныхъ обоевъ, закрылъ чернильницу огромной шапкой, въ видѣ корабля, потому что стеклянная чернильница, по огромности и формѣ, представляла скульптурное изображеніе Чернаго Моря, и сталъ укладывать книги, большія внизъ, маленькія наверхъ, gradailm. Двери въ сѣни были растворены, потому что пыль, встревоженная слугою, несмотря на всю его лѣность, съ избыткомъ наполняла комнату и столбомъ выходила въ сѣни и садъ.

— Дома ли господинъ Корнель? спросила какая-то женщина.

Слуга посмотрѣлъ на гостью и отвѣчалъ съ улыбкою, какъ-будто самъ про себя:— Рано пташечка прилетѣла! Видишь какой!.. и за нимъ водится.

— Дома ли г. Корнель? покраснѣвъ, спросила женщина.

— Въ саду грѣется... (Кстати пришла: и камина топить не надо.)

Лакей, вѣроятно, еще бы любезничалъ по-своему, но въ сѣняхъ появился Корнель, съ карандашомъ и книжечкою въ рукахъ.

— Г-жа Депортъ! воскликнулъ Корнель: кого вы ищите?

— Великаго Корнеля!

— Корнель—я, безъ прилагательныхъ, къ услугамъ вашимъ.... Милости просимъ! милости просимъ!...

Вошли. Лакей, улыбаясь, удалился и заперъ дверь!

— Чему обязанъ я такимъ пріятнымъ и неожиданнымъ посѣщеніемъ? спросилъ Корнель.

— Необходимости, отвѣчала Джудита. Депортъ обманываетъ насъ. Ссылка или удаленіе Альфреда — это его хитрость. Вы въ милостяхъ у кардинала и, можетъ-быть, вамъ удастся.....

— Все кончено, отвѣчалъ Корнель. Жалѣю, что я просилъ объ Альфредѣ.

— Когда же успѣли вы?

— Сегодня ночью. Никакой надежды! Тутъ что-нибудь кроется. Кардиналъ отвѣчалъ мнѣ, чтобы я занимался стихами и не вмѣшивался въ дѣла политическія. Онъ прибавилъ къ этому сотню шутокъ. О! гло-

тать эти пилюли не весело.... Въ милостяхъ! Какъ бы я дорого заплатилъ, если бы кто-нибудь купилъ у меня домъ, языкъ націю: я переѣхалъ бы изъ Руана въ Италію, и тамъ, на сладостномъ языкѣ Петрарки и Аріоста... Нѣтъ! и тамъ мысли въ оковахъ; и тамъ слава завистъ отъ монсиньоровъ: всѣ деньги въ рукахъ крохотныхъ владыкъ, вкусъ въ ихъ гостиныхъ. Пиши, учись, думай.... объ чемъ?..... какъ приличнѣе испортить созданіе души, которая творитъ въ отсутствіе Ришліё. Повѣрьте, рука мерзнетъ, когда воображу, что стихъ, такъ звучно изливавшійся изъ воспламененной души, долженъ прежде коснуться чугуннаго слуха кардинала-герцога, слуха, который, кромѣ лести, не понимаетъ другихъ человѣческихъ чувствъ и страстей!

Корнель остановился и со слезами глядѣлъ на Джудиту; глаза его блистали, безпокойство сіяло во всѣхъ чертахъ.

— Не глядите на меня съ сомнѣніемъ: я не продамъ великаго человѣка, сказала Джудита.

— Да! тяжело! грустно! больно! Работаешь для Франціи; какъ пчела, несешь добро на вѣрныя страницы; знаешь условія и обвертываешь завѣтныя мысли въ хлопчатую бумагу лести: страшная рука, звѣрскія когти сотрутъ добро, и оставятъ

только лесть и ничтожныя фразы.... И эта поэзія Французовъ!

Корнель такъ сильно стукнулъ ногой, что рабочій столъ или, какъ Французы называютъ, секретарь, во многихъ мѣстахъ потерялъ рѣзьбу и струи пыли поднимались въ комнатѣ.

Но этотъ порывъ угнетеннаго генія былъ слишкомъ силенъ, и, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, холодъ, лихорадочная дрожь смѣнили горячку: Корнель примѣтно измѣнился въ лицѣ; опустивъ голову на грудь, онъ долго молчалъ. Джудита не смѣла прервать молчанія. Корнель вздохнулъ и сказалъ съ горечью:

— Вамъ смѣшно, я думаю?

— Досадно, отвѣчала Джудита. Пусть мы, простые люди, проходимъ жизнь какъ оврагъ, исполненный всѣхъ возможныхъ колючихъ растеній, съ отравленнымъ воздухомъ, съ гніющими болотами; но за что́ вы страждете вдвойнѣ? Не понимаю!

— И вы несчастны? А мнѣ казалось....

— Я привыкла глядѣть на злодѣйства и улыбаться. Но чувствительность женщины имѣетъ свои предѣлы, и судьба Эвелины не даетъ мнѣ покою: она невѣста Альфреда.

— Знаю.

— Мазарини ищетъ ея любви.

— Мерзавецъ!

— Сенъ-Масъ тоже.

— Шалунъ.

— А мужъ мой, Депортъ, только оттого не рѣшается на злодѣйство, что не знаетъ, кому прійдется заступить мѣсто кардинала.

— Ну, ужъ вашего мужа я и назвать не умѣю!... что́ же вы намѣрены дѣлать? спросилъ Корнель.

— Я пришла съ вами посовѣтоваться.

— Когда я полюбилъ нынѣшнюю мою жену, я пришелъ къ кардиналу. Примѣтивъ грусть мою, онъ спросилъ: «Что, пятый?», то есть, пятый сочинитель комедій по планамъ кардинала.—Я полюбилъ дѣвушку, хочу жениться; но отецъ не соглашается.—«А кто отецъ?»—Я назвалъ. Кардиналъ написалъ записку и послалъ въ Руанъ: несчастнаго тестя моего притащили изъ Руана съ дочерью и велѣли согласиться на мое желаніе.

— Такъ что́ же? спросила Джудита.

— То, отвѣчалъ Корнель, что нашъ совѣтъ безполезенъ. Я исполню мой долгъ. Напишу къ женѣ, чтобы сейчасъ ѣхала въ Парижъ: пусть возьметъ Эвелину и отправляется въ Руанъ. Матушка Альфреда—единственный другъ моей жены и самая достойнѣйшая въ мірѣ женщина.—Но, продолжалъ онъ, подумавъ: наложитъ

ли это узду на дерзость любострастныхъ злодѣевъ?

— Несомнѣнно, отвѣчала Джудита: въ Руанъ за ней не погонятся. Я хотѣла перевести Эвелину въ замокъ д'Орбиньи, но тамъ она не укроется отъ преслѣдованій.

— Васъ зоветъ герцогиня, сказалъ слуга, отворивъ двери.

— Вы слышите, замѣтилъ Корнель: даже не просятъ, а зовутъ... и я долженъ повиноваться! Подумайте, безопасенъ ли руанскій мой домъ для невѣсты Альфреда. Я сомнѣваюсь!

Новые друзья разстались.

ГЛАВА IX.

СОВѢТЫ.

Въ кардинальскомъ дворцѣ примѣтно было особенное движеніе. Слуги суетились, епископы, каноники, монахи и свѣтскіе люди тѣснились въ обширной залѣ. Отъ шопоту гостей слышенъ былъ странный шелестъ; ни одинъ голосъ не возвышался; всѣ безпрерывно поглядывали на дверь, откуда долженъ былъ выйти кардиналъ. Ришліё, въ это время, умножалъ соръ кабинета, обрѣзывая своимъ ножемъ линѣйку. Передъ нимъ стоялъ Шавиньи и докладывалъ по испанскимъ дѣламъ.

— Хорошо, Шавиньи, очень хорошо. Не всегда мы пишемъ такъ умно и замысловато.

Шавиньи продолжалъ чтеніе. Кардиналъ прервалъ:

— Безподобно! Такъ хорошо, что, сдѣлай милость, не читай дальше. Я начинаю сомнѣваться, въ самомъ ли дѣлѣ наши бумаги такъ превосходно изготовлены? не кажется ли мнѣ? А это со мной случается, когда я въ хорошемъ расположеніи духа. Перестань, перестань! Отложимъ до перваго неудовольствія; а этого ждать не долго.

Помолчавъ нѣсколько, кардиналъ спросилъ: — Что́ парламентъ? Состоялось повелѣніе, или господа заспорили?

— Оно уже объявлено и разослано по городамъ.

— Очень умная поспѣшность! Но кто у насъ въ Седанѣ?

— Жюль Лафрель.

— Этому ничего не поручайте, потому-что ему и такъ довольно дѣла смотрѣть за Бульіономъ и Гизами.

— Такъ есть еще три монаха, по спискамъ, но; для какихъ назначеній....

— А! знаю, знаю.... Тамъ есть отецъ Іонаѳанъ: пошлите къ нему отъ моего имени предписаніе принять въ свое покровительство Альфреда Дени, изъ Руа-

на, хорошаго живописца. Кчему казнить безъ нужды? А онъ, узнавъ, что въ Седанѣ нѣтъ Эвелины, какъ влюбленный, надѣлаетъ глупостей, вздумаетъ возвратиться въ Парижъ, и важныя намѣренія Депорта не принесутъ ни какой пользы.

Шавиньи глядѣлъ на кардинала съ изумленіемъ: онъ не понималъ ни одного слова. Ришлиё улыбнулся.

— Не подумайте, мой добрый Шавиньи, сказалъ кардиналъ, что я хлопочу о себѣ. Нѣтъ, мнѣ ужъ пора думать о другой невѣстѣ. Нѣтъ! Для моего Сенъ-Марса, котораго я возвысилъ, для него берегу я эту красавицу съ предмѣстья; хочу поблагодарить его за примиреніе короля съ Бульіономъ. Мальчишка рано начинаетъ заступать мое мѣсто. Шавиньи! я не скрою отъ васъ: мы сдѣлали большую ошибку. Надо было позволить обмануть себя и, при первой жалобѣ короля, сдѣлать Сенъ-Марса губернаторомъ какой-нибудь крѣпостцы въ Лотарингіи. Мы дали промахъ! Милость къ Сенъ-Марсу возрасла до опасной степени. Не думаю, чтобы онъ съумѣлъ ею воспользоваться: но, пока онъ падетъ, мы уже шатаемся. Вижу теперь, вижу! Де-Ту — человѣкъ не безъ способностей; де-Ту — разумъ и воля Сенъ-Марса.

— Неужели такъ велика опасность?

— А вы полагали, что я безъ причины веселъ?.. Нѣтъ! они разбудили усыпленную дѣятельность: и поплатятся! Разскажите все это на-покоѣ де-Нойе́. Вы двое замѣнили мнѣ сѣрую эминенцію, и только съ вами я дѣлюсь моими тайнами. Конечно, вашъ расчетъ, Шавиньи, справедливъ: намъ нужно бы еще нѣсколько мѣсяцевъ для приготовленій къ испанской войнѣ, особенно послѣ седанскихъ потерь; но король скучаетъ, а Сенъ-Марсъ или, лучше сказать, де-Ту, и Лафайеттъ, усердно работаютъ. Пріѣздъ Пуссена займетъ ихъ дѣятельность на нѣсколько недѣль. И вы, и де-Нойе́, прошу васъ, придумывайте для Пуссена новыя почести: это нужно!.... для народа, не для художествъ. А между-тѣмъ не забудьте объ отцѣ Іонаѳанѣ.

Вошелъ Мазарини изъ внутреннихъ покоевъ.

— Здравствуйте, любезный кардиналъ, сказалъ Ришліё. Садитесь и разсказывайте. Я усталъ говорить.

— Что̀ же вамъ разсказать, Кардиналъ? Развѣ о новыхъ подвигахъ нашего Депорта?

— А что́? Опять онъ огорчилъ васъ похищеніемъ сожженныхъ писемъ?

— Напротивъ. Онъ согласилъ Пуссена навсегда остаться во Франціи.

— Это истинный подвигъ и требуетъ примѣрной награды.

— Я вчера восхищался его нѣжною заботливостью объ Эвелинѣ; шутя, я хотѣлъ ее видѣть: онъ не согласился.

— Перестаньте шутить, ваша эминенція.... право, вы прошутите свою судьбу! отвѣчалъ Ришліё, съ неудовольствіемъ.

Мазарини еще болѣе убѣдился въ своихъ догадкахъ, и продолжалъ: — Не спѣшите ея замужествомъ. Право, въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ нѣтъ ни вѣрной фортуны, ни вѣрнаго титла. Дайте поукрѣпиться порядку, дайте упасть временщикамъ. Они сами выроютъ себѣ яму.

Кардиналъ расхохотался и закашлялся.

— Какимъ замужествомъ? спросилъ онъ, продолжая и кашлять и смѣяться.

— День загадокъ! сказалъ Шавиньи.

— Депортъ стóитъ двойной награды и двойнаго наказанія, замѣтилъ кардиналъ, значительно поглядывая на Мазарини. Видно, Джуліо, вы далеко зашли въ своихъ требованіяхъ, если принудили Депорта къ изворотамъ.

Мазарини покраснѣлъ.

— Признайтесь: дѣло прошлое! сказалъ Ришліё, съ язвительною улыбкою. Не всегда меня можно обмануть; но я вижу, что вы еще не можете управлять....

Ришліё остановился. Мазарини сидѣлъ

какъ на иголкахъ. Наконецъ злобный кардиналъ дополнилъ смыслъ своей рѣчи: — Управлять своими страстями. Годъ сроку, Мазарини! Годъ сроку!

— Ахъ, ваша эминенція! воскликнулъ Мазарини: вы всегда мучительную пытку своихъ разспросовъ окапчиваете благодѣяніями. Не годъ, двѣ, три недѣли....

— О, нѣтъ! сказалъ кардиналъ. Только не съ Эвелиной. Видите? я догадался. Дайте мнѣ слово, другъ мой!

— Ѣдутъ! сказалъ слуга, одѣтый въ парадное красное платье, обшитое золотыми галунами и съ золотыми петлицами на груди.

— Кардиналъ всталъ и поморщился.

— Шавиньи, сказалъ онъ: вы встрѣтите на крыльцѣ. Мазарини, вы въ галереѣ. Потрудитесь оказать мнѣ эту дружбу.

Двери растворились. Шавиньи и Мазарини пробѣжали на свои мѣста; кардиналъ тихо, опираясь на костыль, вошелъ въ залу. Ришліе кивалъ на обѣ стороны, но ни кого не удостоилъ привѣтливаго слова: тихо и молча подвигался онъ къ главнымъ дверямъ залы.

Карета де-Нойѐ подъѣхала къ крыльцу кардинальскаго дворца; изъ нея вышли Депортъ, Шантлу, де-Нойе́ и, наконецъ, Пуссенъ.

Толпа Швейцарцевъ и Каталонцевъ, въ національныхъ костюмахъ, украшенныхъ однако жъ золотомъ и кардинальскими гербами, наполняла крыльцо, по которому, вдоль до самой кареты, разостланы были богатые ковры. Шавиньи стоялъ на послѣдней ступенькѣ; и когда Пуссенъ вошелъ, онъ, наклонясь, медленно произнесъ: — Soyez le bien venu! Добро пожаловать, давно-желанный гость! Кардиналъ-герцогъ почувствовалъ облегченіе отъ недуга при одной мысли, что онъ увидитъ великаго Пуссена.

Пуссенъ, безотвѣтный, только кланялся.

— Извольте итти впередъ и одни, сказалъ де-Нойé тихо: нечего дѣлать, повинуйтесь церемоніялу.

Пуссенъ пошелъ; за нимъ, по лѣвую руку де-Нойé, по правую Шавиньи; за ними Шантлу и Депортъ.

Въ галереѣ остановилъ Пуссена Мазарини.

— Кардиналъ-герцогъ поручилъ мнѣ засвидѣтельствовать, достойный художникъ, сколько онъ, со всею Франціею и со всѣмъ просвѣщеннымъ міромъ, уважаетъ вашъ геній, и удостоилъ меня чести быть вашимъ спутникомъ и свидѣтелемъ искренней радости, которая наполняетъ сердце моего благодѣтеля.

Пуссенъ опять кланялся и не отвѣчалъ

ни слова. Обѣ половинки дверей въ галерею отворились. Кардиналъ-герцогъ стоялъ на порогѣ; за нимъ зала чернѣла множествомъ гостей. Мазарини взялъ за руку Пуссена и подвелъ къ Ришліе.

— Обнимите меня, дорогой сынъ мой! обнимите!

И обнявъ Пуссена, кардиналъ трижды поцѣловалъ его губами, которыя уже давно не освѣжались поцѣлуемъ и, казалось, самой природой были уже сдавлены, замкнуты для лобзаній любви и дружбы.

Взявъ за руку Пуссена, кардиналъ повелъ его въ залу, и остановясь по-серединѣ, торжественно сказалъ: — Великій человѣкъ! передъ вами лучшіе цвѣты Франціи. Недоставало драгоцѣннѣйшаго, украденнаго завистливыми Италіянцами. Мы побѣждали ихъ не разъ, но ни одна италіянская побѣда не была для меня слаще послѣдней. Каково ваше здоровье, дорогой мой другъ?

— Благодареніе Богу!.... несмотря на здѣшній климатъ, отвѣчалъ Пуссенъ.

— Да, сказалъ кардиналъ: климатомъ мы не можемъ похвалиться; особенно въ послѣдніе годы я замѣчаю какой-то безпорядокъ въ природѣ. Небесныя явленія не обѣщаютъ хорошаго.

Кардиналъ, говоря это, примѣтно из-

мѣнился въ лицѣ и угрюмо посмотрѣлъ на собраніе, но, не прошло мгновенія, онъ сталъ веселъ попрежнему.

— Какъ вы нашли Парижъ? спросилъ онъ.

— Я не нашелъ Парижа. Благодаря щедрости и просвѣщенному вкусу вашей эминенціи, это ужъ другой городъ и получаетъ видъ столицы.

— Помогите же его величеству, отвѣчалъ кардиналъ, довершить начатое. Мы, какъ всѣ вѣрные Французы, будемъ содѣйствовать вамъ чѣмъ сможемъ и чѣмъ съумѣемъ. Не правда ли, господа?

Одобрительный шопотъ пробѣжалъ въ толпѣ.

— Представьте, любезный другъ! сказалъ кардиналъ: глядя на васъ, я считаю себя человѣкомъ не безъ воображенія. Никогда не видавъ ни васъ, ни вашего портрета, я составилъ себѣ портретъ вашъ въ головѣ и не могу нарадоваться сходству его съ натурой. Послѣ этого, мнѣ кажется, и я былъ бы не дурнымъ живописцемъ.

— Ваша эминенція, сказалъ маркизъ Дезюмидъ, согнувшись въ три погибели: поэзія и живопись — сестры.

— Конечно, сказалъ кардиналъ, улыбаясь и отворачиваясь. (Несносный проныра! подумалъ онъ: тебѣ хочется, что-

бы я представилъ тебя Пуссену, какъ знаменитаго художника, и ты вѣрно впередъ уже, по этому случаю, нацарапалъ перомъ на насъ невольную карикатуру.) — Видѣли вы, спросилъ кардиналъ, обращаясь къ Пуссену: видѣли вы главный предметъ вашихъ занятій?

— Ваша эминенція изволите говорить о Луврѣ? Пока еще не успѣлъ. Но я его помню.

— Мнѣ, кажется, любезный другъ, что при перестройкѣ галереи, можно подумать и о цѣломъ. Лувръ помнитъ Дагобера; при Филиппѣ-Августѣ онъ былъ огромнымъ замкомъ съ башнями; изъ нихъ одна называлась «Башней гордости»: прекрасное названіе для слабоумныхъ вассаловъ! — Ришліе улыбнулся и продолжалъ: — Я любопытствовалъ и пересматривалъ всѣ виды и планы Лувра; но, до временъ Франциска Перваго вы мало найдете свѣдѣній. Карлъ Пятый сдѣлалъ весьма много передѣлокъ и украшеній, но еще ни онъ самъ, ни его преемники, не любили жить въ Луврѣ. Онъ у насъ былъ для гостей: въ немъ проживали Мануилъ, императоръ греческій, Сигисмундъ, императоръ германскій, а во время Франциска Перваго—знаменитый врагъ его, Карлъ Пятый. Не забудьте, дорогой другъ: въ Луврѣ обра-

зовалась первая публичная библіотека, которая по-тогдашнему называлась «la librairie». Старый Лувръ уничтожился при Франциске I. По рисункамъ знаменитаго клюнійскаго аббата, Петра Леко́, воздвигся главный фасадъ: не знаю, какъ вамъ, а мнѣ, онъ чрезвычайно нравится, особенно съ этими каріатидами добраго Гужона. Вотъ, если бы возможно было, достойный учитель, согласить и то, что̀ есть; и то, что́ будетъ, въ одно цѣлое, но такъ, чтобы и Лувръ Леко́, и павильіонъ нашего Лемерсіе́, могли уцѣлѣть въ настоящемъ видѣ.... Шести башень, или шести темницъ, не жалѣйте. Въ нихъ нѣтъ болѣе нужды: прошли времена феодальнаго своеволія и, благодаря Богу, для Франціи наступилъ вѣкъ кротости и мира.

Кардиналъ говорилъ съ такою увѣренностью, какъ-будто послѣднія седанскія событія принадлежали къ временамъ давнопрошедшимъ. Многіе, закусивъ губы, дрожали отъ злости; многіе восхищались спокойнымъ правительственнымъ героизмомъ кардинала; нѣкоторые, въ томъ числѣ и Пуссенъ, ничего не понимали въ многочисленныхъ намѣкахъ Ришліе. Пуссенъ былъ изумленъ словами кардинала въ художественномъ только отношеніи, потому что архитектурные труды

вовсе къ нему не относились по званію ординарнаго королевскаго живописца, и онъ позволилъ себѣ сдѣлать на этотъ счетъ замѣчаніе.

— Ваша эминенція, сказалъ онъ, слишкомъ милостивы; но я не знаю, какимъ образомъ могу исполнить ваши великія желанія.

— Неужели вы думали, сказалъ кардиналъ, что его величество рѣшился бы нарушить тишину и счастіе вашей римской жизни длятого только, чтобы получить отъ васъ десятка два картинъ для украшенія галереи? — За этимъ не стóило, любезный Пуссенъ, сказалъ кардиналъ, улыбаясь и взявъ за руку художника: посылать маршала и армію, и вести новую войну съ апостольскимъ престоломъ. Всѣ эти картины и картинки вы бы могли написать въ Римѣ. Нѣтъ! король, вѣроятно, передастъ вамъ все свое художественное хозяйство. Чтó до меня, то я только и сплю и вижу, когда поставятъ въ рюэльскую галерею хоть эскизъ карандашомъ, набросанный рукою Пуссена.

— Внезапность моего отъѣзда, отвѣчалъ Пуссенъ, помѣшала исполнить долгъ, но ящики мои уже въ дорогѣ, и я буду имѣть счастіе представить нѣкоторыя попытки картинъ. Если онѣ не удостоятся

одобренія вашей эминенціи, то я постараюсь немедленно сдѣлать что́-нибудь болѣе достойное.

— Я впередъ не доволенъ вашими римскими работами. Я имѣю право быть недоволенъ. Онѣ мои, не такъ ли? Отдохните, любезный Пуссенъ, и принимайтесь за новыя. Дворецъ мой обширенъ и пустъ: мѣста довольно. А если для вашихъ картинъ онъ дурно освѣщается, прикажите: я построю новый. Вы будете архитекторомъ, я вашимъ каменнымъ мастеромъ.

— Ваша эминенція! сказалъ растроганный Пуссенъ: столько милостей....

— Мы платимъ часть долгу, потому что заплатить вамъ всего Франція не въ состояніи. — Простите, господа! сказалъ кардиналъ, обращаясь къ толпѣ: если я васъ лишу занимательной бесѣды нашего Рафаэля. Имѣйте состраданіе къ моимъ недугамъ. Пойдемъ ко мнѣ!

При словѣ «недугамъ» кардиналъ улыбнулся и кивнувъ головой всему собранію, взялъ за руку Пуссена и повелъ во внутренніе покои. Де-Нойе́, Шавиньи и Шантлу исчезли въ боковыхъ комнатахъ; гости стали разъѣзжаться, въ молчаніи и грустно. Мазарини и Депортъ глядѣли другъ на друга съ какимъ-то торжественнымъ восторгомъ. Маркизъ Дезюмидъ подо-

шелъ къ нимъ, когда уже никого болѣе не оставалось въ залѣ.

— Какой умнѣйшій человѣкъ этотъ Пуссенъ! сказалъ маркизъ.

Мазарини и Депортъ расхохотались: рыжій толстякъ смутился и еще болѣе развеселилъ новаго кардинала.

— Удивительно умный человѣкъ! со смѣхомъ сказалъ Мазарини. Я полагаю, что многіе дураки считаются умными людьми потому только, что умѣютъ молчать, и что многіе дураки пріобрѣли невыгодную знаменитость потому только, что вездѣ суются съ своею глупостью. Не правда ли, маркизъ? Какъ вы думаете?

— Представьте! отвѣчалъ маркизъ, запинаясь: а мнѣ показалось, что это молчаливое поведеніе г. Пуссена — глубокій расчетъ глубокаго ума! Какъ иногда можно ошибиться!

И маркизъ смѣялся вмѣстѣ съ Мазарини и Депортомъ. Впрочемъ смѣхъ его трудно было отличить отъ гнѣва, скорби, возвышеннаго восторга и негодованія. Полное лицо маркиза, осѣненное рыжими бакенбардами и красноватыми волосами, носило на себѣ какую-то печать ничтожества и никогда не могло быть зеркаломъ внутреннихъ движеній, потому что ихъ не бывало въ душѣ рыжаго толстяка — отъ рожденія. Рисуя перомъ дрян-

ные ландшафты и непохожіе портреты, маркизъ, отъ привычки къ ремеслу, началъ догадываться, что онъ съ талантомъ. Двѣ дамы, остроумной шуткой, обратили догадку въ убѣжденіе; молодые люди, въ присутствіи маркиза, какъ-то разсердились на кардинала за назначеніе де-Нойé начальникомъ всей художественной части во Франціи и, можетъ-быть, шутя, а можетъ-быть, и по невѣжеству, одинъ изъ нихъ сказалъ: «И зачѣмъ брать кардиналиста, который всю жизнь занимался только интригами, когда при дворѣ, на глазахъ, есть маркизъ Дезюмидъ, и художникъ и знатокъ!» Съ тѣхъ-поръ маркизъ только-что не подписывался — «Художникъ и знатокъ.» Червь честолюбія заползъ въ маленькое сердце рыжаго толстяка, и онъ почти открыто искалъ мѣста де-Нойё. Мазарини зналъ объ этомъ и отвѣчалъ:

— Особенно вамъ непростительны подобныя шутки, маркизъ.

— Почему, ваша эминенція, изволите такъ думать? спросилъ маркизъ.

— Помилуйте! приготовляясь управлять художествами во Франціи, вы не должны соблазняться ни славою именъ, ни наружнымъ поведеніемъ художниковъ.

— Это въ первый и послѣдній разъ

меня обманули, отвѣчалъ маркизъ. Я не такъ простъ и не позволю себя дурачить.

— Маркизъ ушелъ. Депортъ качалъ головою.

— Что́, Депортъ? что́ ты думаешь?

— Думаю, не рано ли вы бросили обвиненіе: маркиза осмѣютъ и разувѣрятъ.

— Ты ошибаешься. Тѣ общества, гдѣ маркизъ бываетъ ежедневно, не умнѣе его. Ты видѣлъ какъ искусно кардиналъ-герцогъ не одинъ разъ бросилъ обиду въ толпу дворянъ, изъ которыхъ онъ сдѣлалъ малеваныхъ свидѣтелей блистательнаго пріема простому художнику; эта обида не останется безъ мести. Кардиналу мстить нельзя: отомстятъ Пуссену. А когда же въ Тюильри?

— Потерпите еще денька два, три, пока меня развяжутъ, и тогда... А вы меня и не благодарите за Альфреда?

— Да! я и забылъ спросить! Что это за исторія?

— Представьте, эминенца! этотъ мальчишка вздумалъ влюбиться въ мою Эвелину, а та, какъ ребенокъ....

— Неужели?

— Ничего, ничего! будьте спокойны! Я уничтожилъ любовь, разлучивъ любовниковъ.

— Да какъ же ты это сдѣлалъ?

— *Папа* помогъ, отвѣчалъ Депортъ,

указывая на двери, куда ушелъ кардиналъ. За одну мысль объ Эвелинѣ, мы послали его въ Седанъ, и тотчасъ за нимъ заперли двери, и ключъ — въ воду. Но разойдемся, эминенца: *папа* не одобряетъ нашей дружбы.

Мазарини, закусивъ губы и не отвѣчая ни слова, пошелъ къ Ришліё. «Старый котъ! думалъ онъ: ты опытнѣе меня и чуть не обманулъ своею притворною искренностью. Но я теперь понимаю, кто Эвелина!»

Въ знаменитомъ кабинетѣ Ришліё, гдѣ творилось столько политическихъ чудесъ, въ низкихъ креслахъ съ особенно-высокими спинками, сидѣли кардиналъ-герцогъ и Пуссенъ.

— Не сердитесь на меня, любезный Пуссенъ, за мѣры; простите моему нетерпѣнію. Я спѣшу: мнѣ не дологъ срокъ! Но, умоляю васъ, откиньте философскую вашу гордость, пожертвуйте личнымъ тщеславіемъ пользѣ общей. Ваша спокойная, невозмутимая честность не понравится; ваша твердость родитъ тамъ упрямство, гдѣ его ни когда не бывало. Будьте уступчивы и умѣйте во́-время притворяться. Больно!... но, иначе, вы для Франціи безполезны и долго у насъ не проживете. Вы поставите на своемъ,

стараясь иногда свое дать въ займы нищему.

Кардиналъ закашлялся, отеръ бѣлымъ платкомъ губы и поблѣднѣлъ.

— Кровь!... Это слѣдствіе моего сегоднишняго притворства. Недавно меня уморили. Я хотѣлъ показать моимъ недругамъ, что я совершенно выздоровѣлъ. Страданія мои въ залѣ были ужасны; но, вы видѣли, я скрылъ ихъ, и плачу за то.... кровью. Но не жалѣю: Франція видѣла какое я къ вамъ питаю уваженіе и въ какомъ состояніи мое здоровье. Вдругъ два подвига.

— Мнѣ остается сожалѣть, что ваша эминенція сдѣлали такую жертву для недостойнаго, сказалъ Пуссенъ.

— Наше дѣло, любезный другъ! наше дѣло! Только не погнушайтесь моими совѣтами. — Кажется, идетъ мой котенокъ, сказалъ кардиналъ и сталъ охать.

— Пуссенъ всталъ и спросилъ торопливо: — Не прикажете ли, ваша эминенція, позвать кого?

— Ужъ идутъ, отвѣчалъ кардиналъ,— и дѣйствительно вошелъ Мазарини.

Мученія Ришліё возрасли. Мазарини и Пуссенъ были въ отчаяніи: показались слуги, прибѣжали врачи, наконецъ Шавиньи, де-Нойé.

— Дайте мнѣ покой, стоналъ карди-

налъ. Припадокъ продолжится. Мазарини! не медлите церемоніей; а вы, де-Нойé, поѣзжайте съ Пуссеномъ къ королю. Вы видите, болѣзнь лишаетъ меня этого счастія.

Слуги уже раздѣвали кардинала, врачи хлопотали по своей части; прочіе тихо выходили изъ кабинета.

— Прощайте, Пуссенъ! сказалъ кардиналъ, измѣнившимся голосомъ: прощайте! Пріѣзжайте изъ Сенъ-Жермена ко мнѣ.... въ Рюэль.... Потолкуемъ.

ЭВЕЛИНА ДЕ ВАЛЬЕРОЛЬ.

ЧАСТЬ ШЕСТАЯ.

МАРКИЗЪ ДЕ-КОКЪ.

МАРКИЗЪ ДЕ-КОКЪ.

Eh bien! en une seule nuit, un vent du nord, excité par la force de la lune rousse, avec une grande quantité de neige, a repoussé le beau-temps qui s'était trop hâté, beaucoup plus loin certainement de nous qu'il ne l'était dans le mois de janvier.

NICOLAS POUSSIN.

Laissez passer le Mazarin!
Il s'en va faire merveille
Avec son magnifique train
Laissez passer le Mazarin!
Il dit qu'il va pour certain
Mettre à raison les rebelles,
Laissez passer le Mazarin!
Laissez passer le malin!

TRIOLET DE LA COUR.

ГЛАВА X.

ВИЗИТЫ.

Герцогиня Эгильіонская была уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда, несмотря на всѣ вспомогательные союзы съ косметическими лавками, трудно, одерживать побѣды. Но въ женщинѣ есть неувядающая красота сердечной доброты, которая, если не

умѣетъ дѣлать новыхъ, то, по-крайней-мѣрѣ, умѣетъ сохранять старыя завоеванія.

Огромые красные занавѣсы изъ-подъ черныхъ ящиковъ струились по окнамъ; желѣзные вызолоченные прутья, къ которымъ были прикрѣплены концы занавѣсъ, катались по полу отъ сильнаго весенняго вѣтра; въ промежуткахъ синѣлъ горизонтъ, покрытый множествомъ башень и башенокъ. Изъ тѣхъ черныхъ ящиковъ зелень лѣпилась по всему потолку и падала, рзнообраными фестонами, на золотыя обои, украшенныя ткаными изображеніями святыхъ; полъ былъ покрытъ пестрымъ ковромъ; вся мебель осыпана кудрявою рѣзьбою; двѣ дамы, въ узкихъ платьяхъ, съ короткой таліей и съ гигантскими вѣерами, сидѣли на софѣ. Въ углу стоялъ Корнель въ своей черной, поношенной, короткой мантіи, въ рыжихъ отъ времени чулкахъ, и въ башмакахъ со стальными пряжками: въ рукахъ его была шляпа съ черными перьями. Несмотря на глубокую задумчивось, Корнель берегъ свои перья и дамы не-разъ тишкомъ смѣялись между собою надъ костюмомъ и посадкой Корнеля. Вошелъ человѣкъ среднихъ лѣтъ: волоса его были тщательно завиты и уложены, красный кафтанъ покрытъ золотомъ и гербами; бѣлое атласное исподнее

платье, бѣлый камзолъ съ фламандскимъ батистовымъ жабо̀, бѣлые шелковые чулки и башмаки съ золотыми пряжками. По сравненію съ Корнелемъ, новопришедшаго можно было принять за маркиза; но это былъ только Эдуардъ Ролé, главный слуга герцогини.

— Герцогиня проситъ извиненія, сказалъ онъ. Какъ скоро она кончитъ утреннія молитвы, тотчасъ поспѣшитъ принять г-жу Рамбульé и г-жу д'Орбиньи.—А вы пожалуйте, прибавилъ Ролé, обращаясь къ Корнелю.

— Любезный Корнель, когда же я буду слушать Поліевкта? спросила Рамбульé.

— Въ среду, если позволите.

— Я васъ ожидаю. Я пришлю за вами карету.

Корнель пошелъ за Ролѐ въ молельню герцогини. Это была небольшая комната съ алтаремъ. На двухъ окнахъ стояли такъназываемыя походныя часовни съ стеклянными расписанными дверцами, по-серединѣ низкое кресло съ огромною спинкой, безъ ручекъ: бархатная покрышка кресла доходила до самаго помоста и была украшена кругомъ золотой бахрамой съ жемчужными шариками. Передъ кресломъ большая бархатная подушка, обшитая такою же бахрамой, для колѣнопрекло-

ненiй; за подушкой налой изъ драгоцѣннаго дерева, бизъ рѣзьбы, со внутренними полочками: на нихъ стояло болѣе десятка книгъ въ переплетахъ, убранныхъ расписанными стеклышками, финифтью, перлами и дрогоцѣнными камнями. На налоѣ лежалъ раскрытый молитвенникъ in folio: прелестныя миніатюры уркашали текстъ, печатанный или рисованный разноцвѣтными красками; закладкой служила тонкая черепаховая досчечка, прорѣзанная въ кружевной узоръ, съ ручкой изъ цѣльнаго лалла. Въ креслахъ сидѣла герцогиня. Она, какъ видно, перестала молиться и, въ тихомъ размышленіи, глядѣла на исповѣдный кивотъ, стоящій у боковой стѣны и украшенный герцогскими коронами, перьями, а по стѣнкамъ, врѣзаннымъ перламутромъ. Только уборка головы герцогини принадлежала къ современному костюму; впрочемъ герцогиня была одѣта по-мѣщански: бархатный капотъ въ родѣ мужскихъ восточныхъ халатовъ; вмѣсто мѣховой опушки, шла уборка въ семь или осемь кружевъ, съ золотомъ; ноги въ остроконечныхъ восточныхъ туфляхъ съ дорогими пряжками Въ углу стояли, на высокихъ четырехъ ножкахъ, большіе часы, осыпанные безчисленными страссами.

— Здравствуйте, любезный другъ ска-

зала герцогиня.—Роле́! оставь насъ.—Скажите: чѣмъ вы прогнѣвали кардинала?

— Клянусь, я и не думалъ ничѣмъ оскорблять вашего дяди.

— Я такъ и знала, что это ссора соперниковъ, ссора, которую обѣ стороны хотятъ скорѣе окончить, потому что связаны взаимнымъ уваженіемъ.

— Клянусь вамъ, герцогиня, мнѣ и въ умъ не приходило.... А, можетъ быть, исторія моего Альфреда....

— Какая исторія?

Корнель разсказалъ. Герцогиня плакала.

— Такъ вы хотите взять Эвелину въ свой домъ? сказала она. Кчему эти издержки при вашемъ недостаткѣ, любезный другъ? Хорошо, что вы не потревожили своей жены. Не пишите; погодите. Я возьму Эвелину къ себѣ, я спасу невинную.... Но прежде намъ надо съѣздить въ Рюэль и помириться съ кардиналомъ.

Корнель со слезами глядѣлъ на герцогиню. Она, протянувъ къ нему руку, тихо сказала:—Я понимаю васъ, добрый другъ! безъ словъ я васъ понимаю!

Корнель съ жаромъ цѣловалъ руку герцогини.

— Вы, какъ любовникъ, пламенны, поэтъ!.... Но, довольно! Меня ждутъ дамы. Кажется, скоро будетъ полчаса, какъ онѣ

пріѣхали: пора! Инструкція исполнена... Не смотрите не меня съ такимъ сомнѣніемъ! Я люблю этихъ женщинъ; но дядя, для пріема знатныхъ людей Франціи, предписалъ мнѣ особый порядокъ, согласный съ его видами; а вы знаете, какъ я люблю дядю и какъ дорого заплатила за эту привязанность! Клевета обратила долгъ въ предосудительную склонность... Но вы знаете все это и по-прежнему меня любите; не правда ли?... Не отвѣчайте! Сегодня забѣгáлъ ко мнѣ Бріеннъ. Кардиналъ посылаетъ его въ Руанъ. Позвольте отдать ему маленькую посылочку для вашей жены.

— Герцогиня!...

— Пора, пора!... Въ среду мы ѣдемъ въ Рюель.

— Герцогиня! я обѣщалъ въ среду читать Поліевкта въ рамбульетскихъ палатахъ.

— Такъ въ субботу.

Герцогиня вошла въ гостиную. Послѣ свѣтскихъ извиненій, мадамъ д'Орбиньи съ грустію сказала герцогинѣ: — Поздравьте меня: сынъ мой женится.

— На комъ?

— Исполняя долгъ свой, отвѣчала старушка, я пріѣхала повѣстить объ его свадьбѣ. Невѣста его, вдова одного флорентинскаго вельможи, Марія Пальфи.

— Отъ души поздравляю и васъ и ва-

шего сына. Неужели въ послѣднюю поѣздку д'Орбиньи познакомился съ Маріей?

— О нѣтъ! Подивитесь моему сыну: прошло болѣе десяти лѣтъ....

— А любовь не прошла? прервала герцогиня. Я всегда говорила, что достойный д'Орбиньи не похожъ на нашу вѣтренную молодежь.

Старушка схватила за руку герцогиню и, крѣпко пожавъ ее, сказала съ одушевленіемъ: — Ахъ, герцогиня! зачѣмъ вы племянница нашего тирана?

Герцогиня смѣшалась, и не умѣла отвѣчать.

— Вы мстите племянницѣ за племянницу, сказала маркиза де-Рамбулье. Но развѣ у Лафайетъ есть другъ, кромѣ герцогини? Конечно это тайна, и вы не измѣните доброй герцогинѣ?...

— Какъ? сказала мадамъ д'Орбиньи съ трепетомъ.

— Не она ли уговаривала вашу племянницу оставить свои монашескія привычки, и быть чистымъ источникомъ счастія для несчастнаго Людовика?

— Какъ? повторила д'Орбиньи.

Изумленіе ея возрастало.

— Вы чуждались двора, чуждались племянницы, продолжала маркиза де-Рамбулье: сами даже, въ припадкѣ запальчивости, назвали ее недостойной люби-

мицей; а дружба ихъ была и до-сихъ-поръ остается тайной: эта дружба извѣстна мнѣ случайно, какъ извѣстенъ одинъ глупый заговоръ....

И сожалѣніе и досада смѣнялись на лицѣ мадамъ д'Орбиньи. Она встала и сказала торжественно:—Я успѣю все поправить!...

И, не простясь, ушла.

— Что́ съ нею? спросила герцогиня.

— И не спрашивайте! У нихъ какой-то заговоръ, и, по смѣшной сегоднишней выходкѣ, кажется, противъ кардинала.

— Дядя не будетъ защищаться; но я боюсь, что король не пощадитъ заговорщиковъ.

— Король самъ въ заговорѣ.

Герцогиня улыбнулась, Рамбулье́ также, и обѣ поспѣшили перемѣнить разговоръ, который имъ показался слишкомъ ничтожнымъ... Странное явленіе! Заговоръ, довольно обширный, не былъ тайной. Кардиналъ считалъ его комнатной интриго́й, и старался только умножать дѣла́ и томить королевскую дѣятельность. Прочіе министры, или, какъ тогда назывались, государственные секретари и совѣтники, смѣялись надъ замыслами де-Ту и ребячествомъ Сенъ-Марса. Народъ ожидалъ съ любопытствомъ развязки: кардиналъ всѣми мѣрами старался продлить ожиданіе.

Въ гостиныхъ бесѣда о заговорѣ вышла изъ моды. Многіе изъ дѣятельнѣйшихъ противниковъ Ришліё утомились медленностью и тайной главныхъ начальниковъ, и отстали отъ союза. Но въ чемъ состоялъ заговоръ? какая была цѣль де-Ту и Сенъ-Марса? Все это оставалось тайной для всѣхъ заговорщиковъ; даже самъ Гастонъ Орлеанскій, котораго согласили подписать испанскій трактатъ, не зналъ о дальнѣйшихъ послѣдствіяхъ своей неблагоразумной уступчивости, и охотился въ густыхъ лѣсахъ своего удѣла. Этому равнодушію способствовала и привычка къ заговорамъ противъ кардинала. Не помню, которымъ приходился этотъ по счету; но его должно причислить ко второму десятку неудачныхъ кровавыхъ шутокъ французскаго феодальнаго тщеславія.

— Пріѣзжайте ко мнѣ въ среду, сказала мадамъ Рамбулье.

— А что́ у васъ?

— Корнель будетъ читать Поліевкта.

— Я слышала эту піесу, но еще разъ готова прослушать ее, особенно въ вашемъ дорогомъ обществѣ. Что́ вы теперь сами дѣлаете?

— Передъ вами нѣтъ у меня тайны. Пишу романъ изъ нашего времени.

— Какъ это можно!

— А почему же нельзя? Кардинала я

выставляю съ хорошей стороны, и притомъ онъ въ тѣни.

— А кто же герои?

— Эвелина..... я еще не придумала фамиліи; но имя съ натуры. У Депорта живетъ молодая дѣвушка, высокаго происхожденія и весьма дурныхъ качествъ и склонностей.

— Помилуйте! да это ангелъ чистоты!

— Какъ можно, герцогиня!... Я имѣю объ ней всѣ подробности отъ самого Депорта. Мы не можемъ похвалиться нравственностью нашего времени; но эта дѣвушка превзошла героинь италіянскихъ новеллъ.

— Ахъ, моя милая! вы невольно вмѣшались сами въ заговоръ другаго рода.

Вошелъ Роле́, и торжественно провозгласилъ: — г. Воатюръ!

Дамы примѣтно обрадовались. Вошелъ человѣкъ небольшаго роста и весьма нѣжнаго сложенія. Необыкновенная опрятность царствовала во всемъ его костюмѣ до послѣдней булавочки. Доброта и веселіе оживляли пріятное лицо его. Онъ не переставалъ улыбаться и, входя въ двери, началъ уже говорить:

— Наконецъ я опять увижу пріятный гротъ нимфы, которую умѣю чествовать и обожать. Только предметы обожанія и чествованія....

— Воатюръ!... Воатюръ!... Добрый день, Воатюръ!.. Съ пріѣздомъ! Садитесь, садитесь!... Какая пріятная неожиданность! въ среду у меня будетъ весело!...

Такъ говорили дамы. Воатюръ ужь сидѣлъ и продолжалъ свою повѣсть: — Наконецъ я могу пріятно отдохнуть въ ея тайномъ цвѣтникѣ, гдѣ она одна лучше всѣхъ цвѣтовъ міра! она, тихая, царственная нимфа, отъ кого вѣетъ благодѣяніемъ и покровительствомъ?...

— Полно, полно, Воатюръ!..

— Никакъ нельзя. Позвольте мнѣ окончить метаморфозу, которую я написалъ объ васъ, герцогиня, въ Испаніи, стихами.

— Метаморфоза въ стихахъ! да это противъ правилъ, любезный Воатюръ, сказала маркиза. Послѣдній разъ и въ академіи рѣшили, что метаморфозы должно писать прозой.

— Вы совершенно правы, маркиза. По-французски такъ, но по-испански стихами: тамъ другія правила. Надо сообразоваться съ духомъ языка и народа....

— Это дѣло другое, отвѣчала маркиза, и осталась совершенно довольною объясненіемъ Воатюра.

— Вотъ, напримѣръ, для васъ, маркиза, я написалъ метаморфозу по-французски и прозою.

— Ахъ, прочтите, прочтите!

— Ваша снисходительность меня ободряетъ, и такъ....

Воатюръ поднялъ глаза къ небу, и сталъ читать на распѣвъ:

«Въ долинѣ, между семи горъ, которыя такъ долго заставляли трепетать *землю*, родилась Нимфа. Солнце въ нее влюбилось; боги и люди любили ее равномѣрно. Она была слаба, но сложена совершенно. Съ мудростью божества, она соединяла чудное обхожденіе. Венера, за красоту, желала зла Нимфѣ, и, полагая, что она не чествуетъ ея такъ какъ другихъ богинь, посягнула на жизнь Нимфы. Но Ѳебъ спасъ ее, превративъ въ цвѣтокъ, который до сей поры остался, подобно ей, самымъ прелестнымъ и самымъ нѣжнымъ предметомъ всего созданія. Небо и земля на него не налюбуются. Онъ— солнце между цвѣтами, какъ она нѣкогда была солнцемъ между красавицами. Она носитъ одежду стыдливости и цѣломудрія, и понынѣ сохранила свойство, что кого бы она ни сопровождала, обливаетъ благоуханіемъ. Какъ и прежде, она не хочетъ чтобы къ ней приближались; вооружается шипами противъ нападающихъ, и, весьма легко видѣть, она не любитъ, чтобы къ ней прикасались. Три поры года она сидитъ въ-заперти. Сильный жаръ и сильный холодъ для нея смертельны: она появляется только весною!

Воатюръ кончилъ, но не опускалъ глазъ и скромно улыбался.

— Чудно! прелестно! очаровательно! восклицали дамы; но неумолимый Ролé прервалъ восторгъ ихъ, объявивъ о пріѣздѣ маркиза Дезюмидъ. Очарованіе разрушилось. Герцогиня, обратясь къ маркизѣ, сказала съ злобной улыбкой:

— Вы читали Корнелева «Лгуна»?

— Читала.

— Отнимите у Доранта умъ, любезность и красоту, и маркизъ Дезюмидъ предъ вами.

И дѣйствительно, маркизъ уже былъ передъ дамами, сохраняя невыгодное сходство съ героемъ превосходной комедіи Корнеля.

— Добрый день, маркизъ! сказала герцогиня, не поднимаясь съ мѣста. Откуда?

— Отъ вашего дядюшки. Я пораженъ его умомъ и свѣдѣніями.... Представьте! онъ разсказалъ этому Пуссену всю исторію Лувра съ ученостію Сорбоны... Жаль, что онъ безполезно разсыпалъ столько познаній передъ человѣкомъ, который не въ состояніи воспользоваться ни однимъ его словомъ.

— Какъ, маркизъ! вы говорите о римскомъ Пуссенѣ? спросилъ Воатюръ съ вѣчной улыбкой.

— Другаго, по счастію, нѣтъ. Мнѣ очень жаль Лувра: чего можно ожидать отъ распоряженій де-Нойѐ и отъ посредственности главнаго художника?

— Но его картины превосходны, прервала герцогиня.

— Предразсудокъ, герцогиня! повѣрьте мнѣ, предразсудокъ! Кажется, въ этомъ дѣлѣ я кое-что разумѣю. Меня увѣряли, что если картины Пуссена и глупы и сухи, то это потому, что ужь онъ слишкомъ дорожитъ своею ученостью и хочетъ ее выказать въ каждой картинѣ всю. Я всегда утверждалъ, что умъ его долженъ быть весьма ограниченъ. Вышло по-мóему: онъ очень простъ; все время молчалъ, не умѣлъ кончить ни одной фразы, и каждую начиналъ грубостью или дерзостью.

— Ахъ, Боже мой! тревожно сказала Рамбульѐ. А я хотѣла пригласить его въ среду!

— Въ вашемъ обществѣ онъ будетъ совершенно лишнимъ: мѣщанскіе пріемы, дурной тонъ, площадныя шутки. Онъ заимствовалъ въ Римѣ только дурное: нравы транстеверинцевъ.

— А вы были въ Римѣ? спросилъ Воатюръ.

— Нѣсколько лѣтъ. Копія моя съ Ра-

фаэля до-сихъ-поръ въ сенъ-Жерменѣ, пока нѣтъ лучшей.

— И, конечно, не будетъ, замѣтила герцогиня.

— Не смѣю хвалить себя; но, по-крайней-мѣрѣ, могу сказать: «я поправилъ Рафаэля».

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Вотъ тоже художественный предразсудокъ! Рафаэль не во всемъ хорошъ: напримѣръ лошади его хуже античныхъ лошадиныхъ статуй, и, копируя Рафаэля, я писалъ лошадей съ натуры.

— Въ такомъ случаѣ вы копировали, маркизъ, не Рафаэля, а лошадь, сказалъ Воатюръ, улыбаясь.

— Конечно, конечно, со смѣхомъ отвѣчалъ маркизъ.

Маркиза де-Рамбулье́ встала, простилась и уѣхала. Маркизъ и Воатюръ послѣдовали ея примѣру. По пути проходя вмѣстѣ длинный рядъ комнатъ, маркизъ сказалъ съ улыбкой: — Я не могу себѣ вообразить, какъ любезнѣйшій и пріятнѣйшій человѣкъ парижскаго общества, г. Воатюръ, будетъ представлять этого дикаго человѣка брату короля.

— Да развѣ онъ посланникъ? спросилъ Воатюръ, потому что этотъ литераторъ

имѣлъ должность *вводителя* посланниковъ при дворѣ Гастона.

— Нѣтъ, онъ просто плохой художникъ; но Ришліё принялъ его гораздо лучше нежели какъ принимаетъ шведскаго посланника!

— Ба! отвѣчалъ Воатюръ, садясь въ карету: Ришліё!... шведскій посланникъ!... Прощайте, маркизъ! до свиданія!

Нельзя было понять, что́ думаетъ осторожный Воатюръ; но маркизъ былъ доволенъ, что успѣлъ бросить въ общество одну сплетню, сѣлъ въ свою карету, и покатился за Воатюромъ въ Тюильри, къ тоалету королевы.

ГЛАВА XI.

ОХОТНИЧІЙ ДОМИКЪ.

Король одѣвался. Сенъ-Марсъ снялъ съ подушки, которую держали два пажа, орденъ Святаго Духа и подалъ Людовику. Дюбоа расправлялъ фрезы у королевскихъ сапоговъ, и хлопоталъ, какъ бы покрасивѣе уложить мантію. На особомъ столѣ лежала небольшая кардинальская шапочка и возлѣ пергаментный свертокъ съ большою печатью. Король нѣсколько разъ на нихъ поглядывалъ съ примѣтнымъ неудовольствіемъ. Наконецъ, какъ-будто что-нибудь насильно увлекло

его къ этому столу: король схватилъ шапку, и сталъ разсматривать ее съ какимъ-то страннымъ любопытствомъ и злобной улыбкой.

— Сенъ-Марсъ! сказалъ Людовикъ: не правда ли, эти шапки похожи на крѣпости? Подъ ними такъ же безопасно какъ за бастіонами Перпиньана. Мазарини, я думаю, не можетъ дождаться этого подарка.... Ну, хорошо! получитъ. Какая надежда смѣнитъ эту?

Послѣдовало краткое молчаніе. Король продолжалъ:

— Министерство, опека моего сына, угнетеніе королевства... Да, если мы позволимъ! прибавилъ король, значительно взглянувъ на Сенъ-Марса. Что́? собрались наши?

— Всѣ въ залѣ, отвѣчалъ Сенъ-Марсъ.

— Какъ всѣ? Вѣрно, ты пригласилъ герцоговъ и придворныхъ?

— Нѣтъ, государь. Вы знаете, что у насъ значитъ *всѣ*: отецъ Сирмондъ, Клодъ, Дерюѐ, Годо̀, Кусто́, Модюи, я, Шантлу.

Король перебилъ и окончилъ исчисленіе: — Депортъ, Гордъ, Дюбоа, и я! Однакожъ, Сенъ-Марсъ, ты ступай на свое мѣсто. Если Ришліё пріѣдетъ съ своимъ сынкомъ и внуками, я боленъ, я

нездоровъ, я не могу сегодня ни кого видѣть.... Но, я надѣюсь, кардиналъ будетъ столько уменъ и останется дома: наше свиданіе не можетъ быть пріятно и подъ защитой Пуссена.... А если пріѣдетъ де-Нойé, не пускать! Я не здоровъ. Онъ душою и тѣломъ преданъ кардиналу; плохой слуга, дурной свидѣтель: я имѣлъ несчастіе убѣдиться.

Сенъ-Марсъ ушелъ и воротился.

— Ѣдутъ, ваше величество!

— Съ кѣмъ?

— Съ де-Нойé и Депортомъ.

— Депорта впустить! Онъ обманетъ самого кардинала.

Людовикъ поспѣшилъ въ залу.

— Господа! сказалъ онъ придворнымъ, которыхъ Сенъ-Марсъ называлъ *всѣми*: Гордъ! стань на мое мѣсто.... Годó! ты сюда.... Я стану за вами, отецъ Сирмондъ. Посмотримъ, узнáетъ ли онъ своего короля.

Вошелъ Сенъ-Марсъ, и торжественно возгласилъ: — Ординарный живописецъ его королевскаго величества, Николай Пуссенъ!

Пуссенъ окинулъ глазами бѣдное собраніе и, примѣтивъ короля за отцомъ Сирмондомъ, прямо пошелъ къ Людовику, и, въ трехъ шагахъ отъ него, преклонилъ колѣно. Король былъ въ восхище-

ніи и, протянувъ руки къ Пуссену, сказалъ весело:

— Поздравляю васъ, дорогóй нашъ художникъ, съ пріѣздомъ! поздравляю отъ души!.... Чтó, каково здоровье ваше?

— Я блаженъ, видя ваше величество въ полномъ здоровьѣ. Насъ испугалъ господинъ великій.

— Пожалуйста ни кому не сказывайте, что я здоровъ. Я хотѣлъ принять васъ по-домашнему. Довольны ли вы пріемомъ? Умѣли ли мои подданные засвидѣтельствовать все то уваженіе, которое къ вамъ питаетъ король?

— Государь! я утомленъ незаслуженными почестями.

— Пустое, пустое, заслуженными! И еще не конецъ всѣмъ знакамъ особеннаго нашего къ вамъ расположенія! — Господа! рекомендую вамъ нашего перваго живописца!

Всѣ поклонились Пуссену, а король, оборотясь къ Депорту, сказалъ: — Вотъ попался Вуэ! Voilà Vouet bien attrapé! Доволенъ ли ты, Филиппъ?

— Справедливость всегда приводитъ меня въ восторгъ, отвѣчалъ Депортъ.

— Ничего не пожалѣю, сказалъ Людовикъ: ничего! Вы должны составить художественную славу моего царствованія. Кажется, и просить объ этомъ не надо....

Но успокойте меня, дорогóй гость, успокойте! На первый случай, по картинѣ въ церкви Фонтенблó и Сенъ-Жерменя. Будутъ?

— Это будутъ лучшія мои картины, государь! отвѣчалъ съ жаромъ Пуссенъ. Желаніе быть достойнымъ милостей вашего величества укрѣпитъ слабыя мои силы!

— Браво! браво! сказалъ король. Вы— и министръ и художникъ! Господа! — учитесь объясняться съ достоинствомъ у господина Пуссена.... Онъ говоритъ какъ честный вассалъ, а пишетъ какъ король живописи! — Но теперь помогите мнѣ въ Сенъ-Жерменѣ. Хочу построить въ охотничьей рощѣ небольшой павильіонъ. Пропасть лисицъ завелось: можно иногда провести съ пріятностью нѣколько часовъ въ удобной комнатѣ. — Филиппъ! покажи рисунокъ.

— Государь! кажется, рисунокъ у меня въ Парижѣ, отвѣчалъ Депортъ, запинаясь, потому что рисунокъ былъ начерченъ Депортомъ въ Сенъ-Жерменѣ на глазахъ самого короля.

— Нѣтъ, нѣтъ! возразилъ Людовикъ: онъ у меня на столѣ. Я нарочно его сегодня вынулъ и приготовилъ, чтобы просить совѣта нашего знаменитаго Пуссена.

Депортъ, по необходимости, повиновался.

— Я васъ долженъ предупредить, сказалъ король: къ рисунку этому я не имѣю ни какого предубѣжденія. Посмотрите: годится, хорошо! не годится, скажите только какъ вы думаете... Вотъ, вотъ онъ!

— О! это уродливо! сказалъ Пуссенъ съ художнической досадой, разсматривая планы и фасадъ домика.

Король съ неудовольствіемъ посмотрѣлъ на Депорта, и сказалъ: — Не посовѣтуете ли вы мнѣ чего-нибудь получше?.... Только поскорѣе! Лисицъ пропасть.

— Кстати и карандаши! отвѣчалъ Пуссенъ.

— И бумага и краски! сказалъ король, подвигая кресла свои къ Пуссену.

— Изъ чего ваше величество изволите стрѣлять по лисицамъ? спросилъ Пуссенъ.

— Изъ аркебуза. — Гордъ! принеси Левіана.... Нѣтъ! этотъ аркебузъ хорошъ и для руки: принеси моего Птоломея!.... Славный замо́къ!

Пуссенъ между-тѣмъ чертилъ планъ.

— Это что́-то очень мило, сказалъ король, глядя на работу изъ-за креселъ.

— Вотъ большая зала, говорилъ Пуссенъ, чертя карандашомъ планъ: съ лѣстницей въ мезонинъ, гдѣ можетъ быть

устроенъ небольшой арсеналъ. Изъ залы четыре окна на четыре крытые балкона: одинъ будетъ служить и подъѣздомъ. Въ залѣ тепло, потому что здѣсь я полагаю поставить два камина. Въ другихъ же двухъ углахъ кушетку и рабочій столъ. Черезъ окна, ваше величество можете съ четырехъ сторонъ видѣть приближеніе звѣря, и выйти съ аркебузомъ на тотъ балконъ, къ которому лисица подходить будетъ. На балконахъ сырости быть не можетъ; а полы можно покрыть коврами. Въ подвальномъ этажѣ комнаты для слугъ и караульня: это будетъ обогрѣвать полъ залы, который также должно покрыть коврами, а также и лѣстницу, чтобы звѣрь не слышалъ шаговъ.

— Превосходно! удивительно!..... А фасады? спросилъ король.

— Фасадъ одинъ на всѣ четыре стороны, хоть въ этомъ родѣ.

— Необыкновенно мило!.... Депортъ! скажите де-Нойе́, чтобы онъ приготовилъ граммату къ господину Пуссену: мы жалуемъ мосьё Пуссена первымъ нашимъ ординарнымъ живописцемъ, и поручаемъ ему главное начальство надъ всѣми живописными и орнаментными работами въ королевскихъ домахъ нашихъ.

Депортъ хотѣлъ итти.

— Постойте, постойте! сказалъ король.

Пусть прибавитъ въ грамматѣ, что мы желаемъ, чтобы всѣ другіе живописцы наши не дѣлали для насъ ни какихъ работъ, не показавъ прежде своихъ рисунковъ мосьё Пуссену и не получивъ на нихъ его мнѣній и совѣтовъ.

Депортъ исчезъ, боясь новыхъ приказаній. Гордъ принесъ Птоломея.

— Вы любите охоту? спросилъ король.

— Пріятное занятіе, отвѣчалъ Пуссенъ: но я такъ мало имѣю времени.

— А пейзажи?.... Какъ же вы пишете свои превосходные пейзажи?.... Мнѣ показывалъ Шантлу: просто чудеса! Неужели вы не совѣтуетесь съ природою, не ходите въ поле, въ лѣсъ?

— Всякой день, государь.

— Такъ ходите же съ моимъ Птоломеемъ: онъ вамъ напомнитъ, что и Людовикъ хотѣлъ бы имѣть пейзажъ Пуссена.

— Государь!....

— Пойдемте, пойдемте! Я хочу васъ нарядить охотникомъ: и кстати! вы, ловецъ людей со вкусомъ.... Пойдемъ!

Король ушелъ, за нимъ и Пуссенъ. Прочіе остались въ залѣ.

Въ огромной комнатѣ, въ величайшемъ порядкѣ, лежало множество оружій и разныхъ принадлежностей охоты. Король надѣлъ на Пуссена сумку изъ барсовой

кожи съ королевскими гербами, потомъ поясъ съ двѣнадцатью висячими карманами, потомъ засунулъ ему за поясъ ножъ, употреблявшійся только на кабаньей охотѣ, и навѣсилъ рогъ.

— Сапоги и прочее я вамъ пришлю, сказалъ король. — Говорятъ, что вы, продолжалъ Людовикъ: и удивительный портретный живописецъ?

— Не могу похвалиться, ваше величество, потому что портретовъ я писалъ очень немного.

— Не можетъ быть! не можетъ быть! Для меня вы напишите одинъ, только одинъ?

— Государь! извольте приказывать: усердію моему не будетъ мѣры!

— Я въ этомъ увѣренъ! Вы понимаете свой долгъ; но, кажется, и я исполнилъ свой: будемъ квитаться, будемъ соперничествовать! Мнѣ нуженъ портретъ визитки Лафайетъ. Я написалъ мои намѣренія: вотъ записка и письмо къ сестрѣ старшей.

Король вынулъ изъ кармана двѣ бумаги, подалъ Пуссену, схватилъ рогъ и затрубилъ. Все общество, оставленное въ залѣ, прибѣжало въ арсеналъ.

— Простите, любезный Пуссенъ! сказалъ король: простите! вы у меня домашній человѣкъ, и не разсердитесь за

дружеское обращеніе. — Сенъ-Марсъ, ѣдемъ!

— Король ушелъ очень скорыми шагами; Сенъ-Марсъ за нимъ. Пуссенъ съ Депортомъ вошли въ комнаты де-Нойé.

— Поздравляю васъ! сказалъ де-Нойé со слезами: поздравляю! Не знаю, кто подсказываетъ государю желанія кардинала. Теперь вы совершенно свободны. Но я лишенъ удовольствія провожать васъ въ Парижъ. Видите? я заготовляю граммату, и, вѣроятно, еще сегодня король подпишетъ. — Депортъ! вы не откажетесь проводить господина Пуссена?

Депортъ поклонился.

ГЛАВА XII.

МОНАСТЫРЬ.

Почти всю дорогу Пуссенъ дремалъ въ каретѣ, боясь входить въ искренній разговоръ съ Депортомъ. Не доѣзжая, до Парижа, онъ сказалъ своему спутнику: — Вы живописецъ: вамъ должны быть извѣстны парижскія натурщицы. Мнѣ бы хотѣлось написать картину въ церковь Фонтенбло́ немедленно по двумъ причинамъ: во-первыхъ, чтобы угодить моему доброму королю; во-вторыхъ, ознаменовать всѣ мѣста, гдѣ государь изливалъ на меня высокія свои милости; а эта

цѣпь незаслуженныхъ наградъ началась съ Фонтенбло́. Безъ натурщицы я не могу написать того, что̀ мнѣ нужно.

— У насъ этотъ классъ женщинъ, отвѣчалъ Депортъ, еще не существуетъ. Мы обыкновенно дѣлаемъ такъ: знакомимся съ бѣднымъ семействомъ, гдѣ есть хорошенькія женщины, беремся даромъ писать ихъ портреты; потомъ, мало-по-малу, свыкаемся: деньги и тайна разоблачаютъ самыя прелестныя формы, какихъ вы и въ Римѣ не найдете. Труда много, но для художника этотъ трудъ благодаренъ. У меня есть на примѣтѣ одно бѣдное семейство. Для васъ, я рѣшусь сдѣлать предложеніе: сначала, только для натуры лица; потомъ вы познакомитесь: не пожалѣйте только денегъ, и сохраните тайну. Сегодня что̀ у насъ?... вторникъ?... Я думаю, сегодня же я съѣзжу къ нимъ. Онѣ живутъ на предмѣстіи, и завтра по-утру, очень рано, или съ натурой или безъ натуры, я прійду къ вамъ. Но, умоляю васъ: отошлите куда-нибудь вашего зятя, слугъ; будьте въ цѣломъ домѣ одни. Иначе, вы меня погубите.»

— Все будетъ по вашему, отвѣчалъ Пуссенъ, и карета въѣхала въ сады тюильрійскіе.

═══

— Господа! сказалъ Пуссенъ Гаспару и Вальеролю: завтра у меня будетъ натура, но здѣсь иные обычаи. Ухитритесь: васъ обоихъ не должно быть въ домѣ.

— Я могу уйти куда-нибудь днемъ; но Вальероль? замѣтилъ Гаспаръ.

— Поди, купи ему парикъ! Я завтра такъ его распишу и размалюю, что самъ Депортъ не узнаетъ.... А теперь, прощайте!

— Куда же вы?

— Въ Парижѣ все тайна! отвѣчалъ Пуссенъ, и ушелъ.

Еще было свѣтло, когда Пуссенъ постучался въ калитку монастыря Визитокъ. Сестра-привратница и нѣкоторыя инокини были на монастырскомъ дворѣ. Черезъ форточку Пуссенъ подалъ письмо къ сестрѣ старшей. Не прошло пяти минутъ, сестры скрылись, калитку отперли, и привратница проводила Пуссена въ пріемную залу. За рѣшеткой стояла сестра старшая и еще какая-то монахиня подъ густымъ покрываломъ.

— Привѣтствую великаго человѣка, сказала сестра старшая, посвятившаго труды свои на славу Господа и святыхъ Его!

— Да исполнятся святыя слова ваши! сказалъ Пуссенъ.

— Король пишетъ ко мнѣ о портретѣ

сестры Авреліи. Я разрѣшаю; но она не соглашается.

Пуссенъ молчалъ.

— Простите, зашепталъ тихій, ангельскій голосъ изъ-подъ покрывала: если я лишаю васъ возможности сдѣлать угодное лучшему моему другу на этомъ свѣтѣ.... Садитесь, добрый человѣкъ! Слухъ о вашихъ добродѣтеляхъ проникъ и въ наши обители. Удостойте насъ бесѣдой, и помогите мнѣ разрѣшить сомнѣніе души моей. Къ чему королю портретъ мой?.. Двери житейскихъ отношеній закрылись! Молитвы мои всегда съ нимъ, молитвы его всегда со мной: я въ этомъ увѣрена и счастлива; но портретъ живой женщины — признакъ ея себялюбія и житейскихъ притязаній. Не совмѣстны чувства эти съ христіанскимъ смиреніемъ: какъ вы думаете?

— Я раздѣляю ваши мнѣнія и плачу о моемъ королѣ? отвѣчалъ Пуссенъ, отирая слезу.

— Почему же? спросила Лафайетъ.

Голосъ обнаруживалъ смущеніе.

— Ваши слова, вашъ голосъ, все увѣряетъ меня, что вы могли быть истиннымъ, полезнымъ другомъ и совѣтникомъ короля. Вамъ показалось это бремя тяжело: вы предпочли монастырскую празд-

ность хлопотливой заботливости о лучшемъ человѣкѣ во Франціи.

— Это долгъ жены, сказала Лафайетъ съ достоинствомъ.

— Долгъ избранницы! Сохранить чистоту отношеній: для этого нужна твердость воли и познаніе законовъ добродѣтели. И на то и на другое, кажется, вы не можете пожаловаться.

— Если бы король слышалъ своего адвоката! сказала Лафайетъ, вставъ и подходя къ сестрѣ старшей.

— Я не зналъ, что король моего мнѣнія, замѣтилъ Пуссенъ. Теперь вдвое сожалѣю объ немъ, потому что онъ понесъ потерю, и видитъ всю ничтожность ея причинъ!

— Не возмущайте мира души моей! сказала Лафайетъ умоляющимъ голосомъ.

— Совершилось! отвѣчалъ Пуссенъ. Въ ангельской одеждѣ, воображайте, будто вы слышите голосъ съ оставленнаго вами свѣта, голосъ грѣховной ничтожности.... Такъ! мы не будемъ писать портрета! Отнявъ все, не должно утѣшать несчастья игрушками.

— Не понимаю словъ вашихъ, сказала сестра старшая.

— Сестра Аврелія, отвѣчалъ Пуссенъ, просила разрѣшить сомнѣніе души ея; я сказалъ что́ думалъ.

— Но вы можете повредить самому себѣ.

— Вотъ объ этомъ я никогда не думалъ, и какъ ни горько не выполнить первой просьбы добрѣйшаго изъ земныхъ властителей, я радъ, что сестра Аврелія не согласилась на портретъ. Не смѣю долѣе обременять васъ сухою бесѣдой.

— Вы ошибаетесь. Нѣсколько словъ вашихъ питательнѣе многихъ такъ называемыхъ назидательныхъ книгъ.

— Король!.... король!.... закричала сестра старшая. Вы должны уйти, г. Пуссенъ!

— Останьтесь! сказала Лафайетъ, и всѣ, молча, ожидали Людовика.

Между-тѣмъ съ обѣихъ сторонъ за рѣшетку тѣснились сестры. Вошелъ король въ охотничьемъ платьѣ; увидѣвъ Пуссена, потрепалъ его по плечу, и примолвилъ:— Я не ожидалъ такой поспѣшности, и остался въ долгу передъ вами. Я хотѣлъ предупредить васъ милостью.

— За непріятность отказа....

— Какъ? Вы не хотите писать портрета?....

— Не я одинъ, государь.

— Неужели? спросилъ король, подходя къ сестрѣ Авреліи.

— Умоляю, государь, оставьте ваше намѣреніе! сказала Лафайетъ.

— Я никогда уже не вижу вашего лица: по-крайней-мѣрѣ въ живописи Пуссена желать этого было позволительно.

Лафайетъ откинула покрывало. Болѣзненное, но прекрасное лицо ея озарено было нѣжнымъ румянцемъ и лучами солнца, пылавшаго на западѣ. Пуссенъ устремилъ на нее неподвижный взглядъ, а король совершенно забылся и смотрѣлъ, въ восторгѣ, на томные глаза истинно-ангельской красоты, покрытые легкой слезою. Сестра старшая и всѣ монахини, потупивъ глаза, безмолвствовали.

— Другъ мой! сказала Лафайетъ едва слышно и опуская покрывало: солнце низко....

— Благодарю васъ! отвѣчалъ король еще тише: я счастливъ надолго!

Молча, поклонился онъ монахинямъ и пошелъ съ Пуссеномъ. Въ корридорѣ ходилъ Сенъ-Марсъ въ охотничьемъ платьѣ.

Неудача! сказалъ король, увидѣвъ великаго.

— Напротивъ! замѣтилъ Пуссенъ, по милости вашего величества, я бѣгу домой съ портретомъ сестры Авреліи.

— Гдѣ онъ? спросилъ король съ изумленіемъ.

— Въ головѣ, отвѣчалъ Пуссенъ; и сегодня же перейдетъ на бумагу.

— Научите, какъ благодарить васъ,

сказалъ король: воображеніе мое истощилось.

— Вы подарили мнѣ, государь, впередъ величайшую награду: ваше доброе расположеніе и довѣренность.

Король снялъ простое гладкое золотое кольцо, надѣлъ на руку Пуссена, сѣлъ на лошадь, и ускакалъ съ Сенъ-Марсомъ.

ГЛАВА XIII.

РИМЛЯНЕ.

Пуссенъ возвратился домой съ сердцемъ, исполненнымъ грусти и сожалѣнія.

— Гаспаръ! сказалъ онъ: вели подать, лампу, бумагу и карандаши.

Пуссенъ усѣлся, началъ сочинять портретъ сестры Авреліи на множество, какъ онъ называлъ, модуляцій, и остановился именно на томъ положеніи, въ какомъ ее увидѣлъ съ отброшеннымъ покрываломъ. Гаспаръ перечерчивалъ возлѣ эскизъ большаго пейзажа. Вальероль, облокотивъ голову на руки, погру-

женъ былъ въ тяжкія думы. Всѣ молчали. Пуссенъ изрѣдка поправлялъ лампу, и продолжалъ работать.

— Что́ вы, капитанъ, такъ задумались? спросилъ Гаспаръ.

Вальероль вздохнулъ и, поднявъ полные слезъ глаза, воскликнулъ: — Господи! кому нужны наши печали, наши страданія? Я женился на больной дѣвушкѣ, жилъ съ нею годъ, не больше. Война оторвала меня отъ любимой супруги. Разлука охладила мою привязанность. Я полюбилъ другую дѣвушку, но умѣлъ побѣдить беззаконную страсть.... Прошли годы: я почти каждый день вспоминалъ о женѣ и о прелестной дѣвушкѣ, вмѣстѣ. Прошли годы: я нашелъ въ Парижѣ жену на краю гроба. Любовь ко мнѣ была ея болѣзнью; радость о моемъ возвращеніи причиною ея смерти. Два мѣсяца она каждый день умирала. Три раза, во все это время, я успѣлъ побывать у герцога Вандомскаго, какъ вассалъ, по дѣламъ моего семейства: за это меня выгнали въ день смерти моей жены! Два мѣсяца я страдалъ болѣзнью жены, восхищался красотою и нравомъ моей дочери.... И за что́, за что́ послѣдняя казнь мучительной неизвѣстности?

— До завтра, дорого́й капитанъ, до завтра! Вы напомнили мнѣ слово.

Вошелъ Корнель съ молодымъ человѣкомъ. Пуссенъ поглядѣлъ на нихъ не безъ изумленія, и, положивъ карандашъ, всталъ и сказалъ съ обычною вѣжливостью:—Что̀ вамъ угодно, господа?

— Петръ Корнель и Михаилъ Корнель изъ Руана, отвѣчалъ Корнель.

— Боже мой! какое счастіе!.... Садитесь! Вы украсите нашу искреннюю бесѣду.

Усѣлись. Вальероль ушелъ наверхъ, и заперся въ мастерской.

— Не сынъ ли вашъ? спросилъ Пуссенъ, глядя на молодаго человѣка.

— Какимъ же вы меня считаете старикомъ! отвѣчалъ Петръ Корнель. Это мой однофамилецъ; живетъ въ Руанѣ. Онъ живописецъ и, вслѣдствіе послѣдней воли короля, теперь подъ вашимъ начальствомъ. Позвольте спросить: въ которомъ часу вы изволили пріѣхать въ Парижъ изъ Фонтенбло̀?

— Ровно въ полдень.

— Мой Михаилъ недавно женился: Богъ послалъ ему сына въ день и часъ вашего пріѣзда! Михаилъ живописецъ: вы, по всей справедливости, должны быть воспріемникомъ отъ купели.

— Съ величайшей охотой! отвѣчалъ Пуссенъ, пожимая руку Корнеля. Когда назначите? Я вашъ.

Новорожденный былъ Михаилъ Корнель, живописецъ, пріобрѣтшій въ царствованіе Людовика XIV почетную извѣстность.

— Вы не можете повѣрить, дорогой гость, съ какимъ нетерпѣніемъ я жду представленія Цинны или Гораціевъ. Говорятъ, въ этихъ піесахъ я услышу истинный языкъ, истинныя чувства Римлянъ.

— По-крайней-мѣрѣ я стремился къ этой цѣли, отвѣчалъ Корнель. Наше художество не свободно. Мысли Римлянъ не понравятся Французамъ: я долженъ былъ говорить языкомъ французскаго героизма, а гдѣ хотѣлъ сохранить Римъ, тамъ всегда принужденъ былъ прилагать на одинъ стихъ по десяти стиховъ толкованій. Вамъ легче: каждый вѣкъ будетъ переводить и объяснять ваши чувства по-своему, и каждый вѣкъ останется доволенъ и собой и вами. Меня осудятъ....

— За что́?

— У насъ есть правила.... и не правила, а мѣрки, какъ у портныхъ.... и не мѣрки, а образцовыя формы, какъ въ платьѣ! Посредственность, около ста лѣтъ, защищала свою знаменитость соблюденіемъ старыхъ и изобрѣтеніемъ новыхъ правилъ. Что́, если бы я заставилъ васъ писать всѣ руки въ такомъ положеніи,

го́ловы въ такомъ поворотѣ; не позволилъ бы вамъ въ картинѣ болѣе двухъ плановъ, и опредѣлилъ бы холстъ въ пять локтей длины и ширины, ни больше, ни меньше? Въ поэзіи изобрѣли подобные законы и, какъ я сказалъ, посредственность употребила сто лѣтъ для утвержденія своего варварскаго кодекса.... Преступленія противъ этихъ законовъ не простятъ! Надо употреблять хитрости, и я безпрестанно долженъ извиняться въ умышленныхъ ошибкахъ, извиняться невѣжествомъ, Г. Пуссенъ,.... своимъ невѣжествомъ!

— Но развѣ сильными, убѣдительными доказательствами, изложенными вашимъ перомъ, нельзя разгромить нелѣпыхъ бредней неразумныхъ животныхъ?

— Животныя завели неприступное гнѣздо, французскую академію, и Скюдери подавала въ этотъ ареопагъ формальную жалобу на моего Сида.

— Вы шутите!.... И они смѣли судить?

— И осудили.

— Къ чему же присудили вашего Сида?

— Остаться отъ нынѣ и до вѣка посредственнымъ, неудачнымъ произведеніемъ!

— А публика?

— Что̀ публика! Она не имѣетъ голо-

са.... Гдѣ ей судить! Ей позволено только чувствовать.

— Слава Богу, что и это право не отдано на откупъ!... Такъ вы ничего не пишете?

Корнель горько улыбнулся и спросилъ: — Скажите: неужели васъ не утомила дорóга и безпрерывные переѣзды? Вы уже за работой!

— Отъ васъ у меня не будетъ тайны, дорогòй гость.

— Взаимно! отвѣчалъ Корнель.

И оба другъ другу пожали руки.

— Это портретъ монахини Лафайетъ!

— Камень свалился съ души моей! прошепталъ Корнель, вздохнувъ глубоко. Я также льстилъ по необходимости, безпрестанно обвинялъ себя: но вы меня извинили. Особенно для этого добраго, кроткаго короля, искренно расположеннаго къ добру.... нѣтъ! я не знаю, можетъ ли быть на свѣтѣ жертва, которой бы я не принесъ для Людовика! Вы спѣшите: не правда ли?

— Да, хотѣлось бы завтра послать эскизъ въ карандашѣ.

— Идемъ, Михаилъ, идемъ!

— Останьтесь, посидите: вы мнѣ не мѣшаете.

— Ни за чтò! Завтра.... нѣтъ, послѣзавтра мы увидимся!

Корнель схватилъ за руку Михаила и, не простясь, ушелъ. Пуссенъ покачалъ головою и тихо сказалъ: — Я думаю, его Римляне лучше моихъ.

ГЛАВА XIV.

ПАСКВИЛЬ.

Старушка д'Орбиньи, повѣстивъ всему Парижу о помолвкѣ сына своего, капитана королевской гвардіи Генриха д'Орбиньи, съ вдовою Маріею Пальфи, поздно вечеромъ пріѣхала въ вандомскія палаты за невѣстой.

— И ты съ нами, Джудита, сказала Марія, собираясь въ дорогу.

— А Эвелина? а Пуссенъ? Нѣтъ, поѣзжайте одни, Богъ съ вами; а мы къ вамъ пріѣдемъ, какъ отдѣлаемся.

Прощанье было непродолжительно.

Друзья разстались. Джудита ушла въ свой кабинетъ, и стала писать на-чисто стихи. Эвелина стояла на-стражѣ. Услышавъ голосъ Депорта, который что́-то приказывалъ Гойкѣ, Эвелина бросилась въ кабинетъ, говоря шопотомъ:— Пріѣхалъ! пріѣхалъ!

Бумага исчезла, чернилица закрыта, перья сложены, и обѣ усѣлись другъ противъ друга, какъ-будто продолжая давно начатую бесѣду.

— Что́? кончили? спросила тихо Эвелина.

— Почти: остается десять, двѣнадцать стиховъ, не болѣе.

— Ахъ Джудита! какъ я боюсь!....

— Не бойся, Эвелина. Случай насъ избавилъ отъ Сенъ-Марса. Онъ не захочетъ быть соперникомъ Альфреда. Маркизъ еще и самъ не знаетъ, влюбленъ ли онъ въ тебя или въ другую. Я узнала: онъ влюбчивъ, но честенъ; а этого Мазарини теперь ни чѣмъ нельзя унять. Шапка избавила его отъ ненужной скромности. Цѣль достигнута: онъ теперь самъ въ состояніи разсказать о своемъ преступленіи, въ превратномъ видѣ. Я рѣшилась предупредить его, и путь, мною избранный, самый надежный, самый дѣйствительный.

— Богъ знаетъ, Джудита! Онъ не оставитъ и съ своей стороны безъ мести.

— Лучше испытать всѣ роды пытки, нежели жить въ такомъ презрѣніи.

— Но несчастныя дѣти?....

— Теперь ихъ состояніе въ надежныхъ рукахъ моей Маріи и д'Орбиньи. Я передамъ ей завѣщаніе и всѣ бумаги д'Арголы; я передамъ моимъ дѣтямъ свои несчастія, подарю имъ другаго, вымышленнаго отца и месть къ родному, но преступному; однимъ словомъ.... Но перестанемъ говорить объ этомъ! Теперь намъ должно думать о твоемъ отцѣ.

— Ахъ, Джудита! какъ бы намъ увидѣться съ Пуссенемъ? Вальероль не даромъ такъ часто гулялъ съ нимъ по Испанской Площади. Не послать ли Гаръ-Піона?

— Боюсь, Эвелина, боюсь его искренности. Я сама увѣрена, что Пуссенъ привезъ письма; но сношенія съ изгнанникомъ опасны; и мы доджны непремѣнно сами, или ты, или я....

— Но какимъ образомъ, Джудита? помилуйте!

За дверьми раздались шаги. Собесѣдницы замолчали. Послышался голосъ: — Можно?

— Войдите! сказала Джудита.

Вошелъ Депортъ, и сѣлъ за столъ противъ дамъ.

— Слава Богу, тяжкая моя обязанность кончилась! сказалъ онъ: теперь я могу предаться снова моей школѣ, моимъ домашнимъ занятіямъ. Послушайте, Джудита! не пора ли намъ оставить дворъ, Парижъ, весь этотъ скользкій путь ложныхъ честей и суетной гордости? Какъ вы думаете?

— Какъ хотите, отвѣчала Джудита съ примѣтною сухостью. Вы совершенно независимы и можете располагать собой какъ угодно.

— Но вы?....

— Я также совершенно независима. Я привела всѣ мои дѣла въ порядокъ, и теперь еще ни на что́ не рѣшилась.

Джудита закрыла платкомъ правую руку: на пальчикахъ были пятнышки отъ чернилъ.

— Вся моя забота — Эвелина, продолжала она: я хочу отвести ее въ монастырь Визитокъ. Тамъ сестра старшая съ характеромъ, какого я и не читывала: она защититъ Эвелину отъ недостойныхъ преслѣдованій.

— Что́ вы мнѣ напомнили, Джудита! сказалъ Депортъ особенно ласковымъ голосомъ.

— Что́ такое?

— Эвелина двѣ капли воды похожа на дѣвицу Лафайетъ. Что́ если бы ее увидѣлъ Пуссенъ?

Дамы значительно взглянули другъ на друга, и спросили:— А что́ такое?

— Король заказалъ ему портретъ сестры Авреліи. Оригинала видѣть нельзя: Лафайетъ не согласилась. Но онъ бы могъ удивить короля портретомъ Эвелины.

— Что́ за вздоръ! сказала Джудита: будто уже такое сходство?

— До обмана, Джудита, до обмана! Какъ жаль, что нѣтъ Альфреда!.... Кстати! я просилъ кардинала. Обѣщалъ, но не сейчасъ. Пока повелѣніе такъ свѣжо, прощать неловко; но черезъ мѣсяцъ я обниму моего Альфреда..... мою школу!

Дамы опять недовѣрчиво взглянули другъ на друга.

— Отчего же вы не хотите помочь Пуссену? сказала робко Эвелина. Я съ удовольствіемъ готова служить моделью для портрета достойной женщины, написаннаго рукою такого художника. Пусть пріѣдетъ Пуссенъ. Можетъ-быть, такого рода услуга доставитъ намъ дружбу Пуссена. Мы слышали, онъ не благоволитъ къ вамъ.

— Пріѣдетъ!.. О! вы не знаете гордости этого человѣка: онъ не согласится пи-

сать портрета даже самого кардинала не у себя въ мастерской!

— Такъ поѣдемъ къ нему.

— Нельзя! Онъ завтра долженъ послать свой эскизъ, а до завтра это уладить трудно.

— Отчего же, г. Депортъ? Два слова вашей руки....

Депортъ не соглашался; но дамы настаивали такъ сильно, такъ убѣдительно, что наконецъ Депортъ рѣшился написать къ Пуссену записку, и ушелъ въ кабинетъ. Написавъ два письма, онъ позвалъ Гойку и, отдавая ихъ, сказалъ:— Это къ Пуссену, это къ Мазарини; а потомъ сбѣгай въ королевскія конюшни, и скажи, чтобы чуть свѣтъ у крыльца моего была карета.

Около полуночи Джудита разбудила Гаръ-Піона.

— Поди сюда! сказала она, и, заперевъ двери своей спальни, спросила ласково:— Скажи, мой другъ: любишь ли ты Эвелину?

— Какъ самого маршала Шомберга! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ.

— А что́ читаютъ теперь на рынкахъ?

— Вчера читали сатиру на господина великаго, какъ онъ воевалъ противъ Бульіона и какъ король въ газетахъ хва-

лилъ маркиза, за тó, что онъ берегъ свою жизнь и здоровье.

— И чтó жъ? хороша сатира?

— Нѣтъ. Кардиналъ стихи плохо пишетъ: не смѣшно!

— Какъ? развѣ это самъ кардиналъ писалъ?

— Э, милостивая госпожа! и у насъ на рынкахъ есть ученые: съ-разу узнаютъ ктó писалъ. Вотъ у насъ, напримѣръ, есть свой.... мы прозвали его маркизъ де-Кокъ,.... такъ посмотрѣли бы вы: четыре риѳмы прочтутъ, всѣ и кричатъ: «Кокъ! Кокъ!» А кардиналъ не мастеръ: и поддѣлаться не умѣетъ! все съ-высока!

— Какія же ваши рыночныя сатиры? печатныя?

— Печатныя.

— А гдѣ же ихъ печатаютъ?

— Разно. Кардиналъ у себя печатаетъ: такъ и по рукѣ узнаютъ; а прочіе на фабрикѣ.

— А гдѣ же эта фабрика?

— А чортъ ее знаетъ. Говорятъ, будто на Михайловскомъ Мосту, да не думою: давно бы всѣхъ перехватали! Скорѣе, гдѣ-нибудь подъ землею.

— А нельзя ли узнать?

— Можно, можно, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, простодушно полагаясь на разнообразные таланты своего друга.

— Да когда же ты мнѣ узнаешь? спросила Джудита.

— А вотъ, извольте только запереть за мной двери, да посидите, покуда вернусь.

— Не такъ, Гарпъ-Піонъ! На́ рукопись! Тутъ описаны всѣ плутни Мазарини. Надо напечатать еще сегодня, а завтра чтобы все это было на рынкѣ: иначе, Эвелинѣ бѣда!

— Право?.... Такъ пожалуйте, и будьте спокойны.... Мы его завтра на рынкѣ!

— Но тайна!

— Самъ чортъ не узнаетъ!.... Спокойной ночи! Заприте за мной двери.

—

— Отвори! кричалъ Гаръ-Піонъ.

— Что́ такъ поздно? спросилъ Гойко.

— Какъ поздно? да вы еще ужинаете!

— Будто у насъ есть день или ночь! Все перемѣшано. Вотъ и сегодня пол-Парижа ночью облеталъ; а чтобы не проспать зари, вотъ видишь, и книги приготовилъ.

— А зачѣмъ тебѣ заря?

— Тебя будить, да совѣтъ вести. Завтра, въ семь часовъ утра, назначено Мазарини свиданіе съ Эвелиной.

— Кто́ назначилъ:

— Депортъ.

— Гдѣ?

— Въ Тюильрійскомъ Саду, у новаго мостика, въ палаткѣ.

— А прочти-ка это! Что тутъ написано?

Гойко пробѣжалъ рукопись.

— Коротко, да хорошо! Это весь рынокъ подыметъ. Постой, я еще два стишка прибавлю: такъ весь Парижъ завтра къ новому мостику сбѣжится!

— Да развѣ ты умѣешь писать стихи?

— Э! мы, братъ, иногда за Кока пишемъ!.... Постой, я вотъ сейчасъ по-нашему отхватаю!

Гойко, схвативъ перо, внимательно пересмотрѣлъ бумагу, и сталъ приписывать внизу, громко повторяя каждый стихъ:— Post scriptum:

Мазарини кардиналъ
Въ Тюильрійскій Садъ попалъ:
У палатки, на мосту
Ждетъ съ предмѣстья красоту,
На часахъ, съ семи часовъ,
Семь часовъ онъ ждать готовъ.
Проситъ онъ честной народъ
Приходить на мостикъ тотъ,
Посмотрѣть, какъ кардиналъ
Въ семь часовъ въ просакъ попалъ.

— Что́ же изъ этого будетъ? спросилъ Гаръ-Піонъ.

— А вотъ увидишь! Да еще, для скорости и вѣрности, въ ришліевской типографіи отпечатаю.... Сара! давай денегъ.

— Сколько?

— Сто добрыхъ пистолей!,.... Прощай! дай Богъ успѣть.... Приходи на рынокъ!

— На какой?

— Извѣстно: на Островъ Святаго Людовика!.... Всю гразь подымемъ!

ГЛАВА XV.

НАТУРЩИЦА.

«Чудное утро!» говорилъ про-себя Мазарини, сидя въ павиліонѣ Тюильрійскаго Сада и глядя на пробуждающуюся природу. Фонтаны шумѣли; птицы завели свои разнообразныя пѣсни съ солнцемъ; весь міръ похорошѣлъ. «Превосходный это уголокъ! продолжалъ мечтать Мазарини: никогда живой души! Даже и на гуляньяхъ тутъ встрѣтишь только ревнивыхъ любовниковъ. Много въ этомъ пескѣ крови.... тайной, жаркой крови! много въ этой па-

латкѣ замерло чудныхъ рѣчей! Если бы они ожили, что́ тогда сонеты Петрарки, наши письма? что́ тогда сама Скюдери?.... Каретѣ здѣсь нѣтъ проѣзду: они пойдутъ пѣшкомъ, къ задней калиткѣ домика Мену. Я—будто гуляю. Слажу, слажу! или я отсталъ отъ науки, забылъ Овидія и Маккіавели, и не жилъ въ Парижѣ.... Вотъ, вотъ они!....

Мазарини вышелъ и ошибся: то были два булочника. Они шли и хохотали. Одинъ, путемъ-доро́гой, читалъ стихи по складамъ, нѣкотрые прочитывалъ съ-разу.

«Не они!» Мазарини хотѣлъ воротиться въ палатку, но посѣтители прибывали. Многіе, увидѣвъ его, кричали позади идущимъ:— Такъ и есть! такъ и есть!

«Что́ за дьявольщина? почти крикнулъ Мазарини. Нѣтъ ли гдѣ по-близости праздника? Вѣрно, путь на этотъ проклятый мостикъ.» Но, къ особенному удивленію Мазарини, толпа не шла дальше, тѣснилась у мостика. Многіе въ толпѣ что́-то читали громко, но голоса ихъ мѣшались: не возможно было разслушать. Между-тѣмъ мальчишки, съ разныхъ сторонъ, забѣгали посмотрѣть на кардинала въ черной епанчѣ и испанской шляпѣ. Одинъ изъ нихъ, бѣгая кругомъ Мазарини, читалъ на-распѣвъ стихи Гойко.

— Ай да Кокъ! кричали въ толпѣ. Вотъ стихи!

Мазарини пришелъ въ бѣшенство, и у перваго лавочника, который стоялъ поближе, вырвалъ изъ рукъ огромный синій печатный листъ. Общій хохотъ и крикъ испугалъ кардинала: онъ бросился на мостикъ; толпа за нимъ; онъ въ калитку и былъ счастливѣе: толпа остановилась и не осмѣлилась войти на дворъ домика, гдѣ жилъ Пуссенъ.

— Назадъ! закричала усатая табачница. Господинъ пріѣзжій вѣрно спитъ еще. Назадъ! на мѣста! въ лавки! Довольно потѣшились!

И толпа медленно разбрелась, читая и напѣвая стихи. Гаръ-Піонъ не могъ надивиться удачѣ: глаза его были полны слезъ отъ смѣху. Гойко тащилъ его за руку.

— Наши пріѣхали: слышишь? наши пріѣхали! шепталъ Гойко.

— Дай, разскажу Эвелинѣ.

— Ты съ ума сошелъ! Тебя повѣсятъ и меня съ тобою!

Гойко увлекъ Гаръ-Піона въ боковыя аллеи. Между тѣмъ Депортъ велъ подъ-руку Эвелину прямо къ мостику. Мальчишка подбѣжалъ къ нему съ печатнымъ листомъ.

— Купите, честной господинъ! Тутъ и Кóковы стихи есть.

Депортъ, молча, вынулъ мелкую мене-

ту, бросилъ въ разорванную шапку мальчишки, началъ читать, весь задрожалъ, поблѣднѣлъ, и, почти невольно, сказалъ въ ужасѣ:— Намъ измѣнили!

— Что́ такое? спросила испуганная Эвелина.

— Пустяки, пустяки, этихъ стихотвореній нельзя читать дамамъ, отвѣчалъ Депортъ, скомкалъ синій листъ и, положивъ въ карманъ, спокойно продолжалъ:

— Ришліё казнитъ герцоговъ, и позволяетъ черни смѣяться надъ своими друзьями!... А! вотъ и домикъ Пуссена.

Калитка была заперта. Депортъ постучался.

— Кто́ тамъ? спросили два голоса вдругъ, одинъ изъ окошка, другой за калиткой.

— Я, Депортъ! отвѣчалъ Филиппъ.

— Почтеннѣйшій, сказалъ кому-то Пуссенъ изъ окна: потрудитесь отворить. Мои люди всѣ ушли, а я ждалъ г. Депорта въ каретѣ и не съ этого подъѣзда.

Калитка отворилась. Эвелина вошла спокойно и, не оглядываясь, продолжала итти по мощенной плитою дорожкѣ. Депортъ оглянулся: глаза Мазарини сверкнули молніей; сжатый кулакъ поднялся и задрожалъ на воздухѣ, и, чрезъ мгновеніе, калитка захлопнулась за бѣглецомъ.

Депортъ не смѣлъ итти ни назадъ, ни впередъ: и у самыхъ тонкихъ злодѣевъ при-

сутствіе духа имѣетъ свои предѣлы. Эвелина оглянулась.

— Что́ съ вами, г. Депортъ?

— Да, да! отвѣчалъ онъ быстро, и схвативъ Эвелину за руку, бросился бѣгомъ на лѣстницу.

Вошли прямо въ мастерскую. Пуссенъ уже стоялъ съ кистью и палитрой.

— Войдите, войдите! говорилъ Пуссенъ съ особенной ласкою. Бѣдность не порокъ. Я самъ былъ бѣденъ,

Эвелина покраснѣла и значительно взглянула на Депорта.

«Чортъ возьми, или все противъ меня?» подумалъ онъ, и рѣшительно не зналъ что̀ дѣлать.

— Сдѣлайте одолженіе, присядьте, продолжалъ Пуссенъ, подавъ кресла и усаживая Эвелину. Поверните голову вотъ такъ. Эту руку совсѣмъ опустите. Не забудьте: вы молитесь: передъ вами образъ Богоматери.... очень хорошо.... Болѣе умиленія! Вы будете у меня въ картинѣ на первомъ планѣ; вдали катакомбы, а вы въ преддверіи.

Эвелина до того повиновалась; но когда рѣчь зашла про картину, она повернулась, и опять значительно поглядѣла на Депорта. Бѣдный Филиппъ былъ въ отчаяніи.

— Лицо Эвелины.... началъ Депортъ.

— Эвелины? спросилъ Пуссенъ съ такимъ любопытствомъ, что Филиппъ чуть не сѣлъ на полъ.

— Да, совершенно такъ, отвѣчалъ онъ, запинаясь: лицо этой дѣвушки, видно, такъ понравилось вамъ, что вы хотите просить позволенія помѣстить его въ какой-нибудь картинѣ.

Пуссенъ вспомнилъ условія и отвѣчалъ:-- Смѣю ли надѣяться, что прекрасная Эвелина позволитъ мнѣ эту дерзость?

— О, конечно, конечно, сказалъ Депортъ, успокоиваясь. За портретъ вашей руки можно согласиться, кажется, на эту, не жертву, а честь.

— Могу ли вѣрить? спросилъ Пуссенъ.

Эвелина улыбнулась, и все пошло наладъ. Около получасу продолжалась безмолвная работа. Депортъ начиналъ разговаривать о постороннихъ предметахъ, но, не получая отвѣта, замолчалъ и смотрѣлъ пристально на садъ, боясь открыть того кого, можетъ-быть, искалъ глазами.

— Гдѣ вы живете? спросилъ Пуссенъ, положивъ кисти и палитру. Не правда ли: портретъ почти конченъ? Просохнетъ, пройдемъ еще разъ: и готово! Но мнѣ совѣстно безпокоить васъ и оставлять ваше семейство въ такомъ продолжительномъ безпокойствѣ. Маменька ваша

охотнѣе позволитъ окончить портретъ у себя дома.

— Что́ это значитъ, г. Депортъ? вскочивъ съ креселъ, закричала Эвелина.

— Позвольте вамъ объяснить все это доро́гой.

— Здѣсь! здѣсь!

— Не просите!

— Я приказываю!

— Не возможно!

Пуссенъ испугался и, не желая быть свидѣтелемъ непріятнаго объясненія, вышелъ въ другую комнату.

— Послушайте, Эвелина: какъ вамъ не стыдно?

— Какъ вамъ не совѣстно, г. Депортъ?

— Пойдемъ!

— Нѣтъ! прикажите подать карету: я поѣду домой одна, безъ васъ.

— Но карета, вы знаете, у воротъ.

Вошелъ Пуссенъ и сказалъ: — Не угодно ли мою? Она, я думаю, уже на дворѣ. — Г. Депортъ! потрудитесь позвать Жерома.

«Скорѣе вытащить ее отсюда!» подумалъ Депортъ, и бросился внизъ.

— Жеромъ! Жеромъ! кричалъ онъ на весь садъ, подавай карету!

— Не видали ли вы въ Римѣ моего отца, де-Вальероля? поспѣшно спросила Эвелина.

— Онъ здѣсь, отвѣчалъ Пуссенъ.

— Онъ здѣсь? вскрикнула Эвелина, и упала безъ чувствъ.

— Карета подана! сказалъ Депортъ.

Эвелина очнулась, поглядѣла умоляющими глазами на Пуссена, съ ужасомъ на Депорта, бодро встала, и пошла къ дверямъ.

— И не простясь! сказалъ Пуссенъ ласково.

— Если позволите, отвѣчала она голосомъ, въ которомъ замѣтны были и страхъ и радость, я пріѣду завтра, и мы окончимъ портретъ.... Простите!

Эвелина схватила за руку Депорта и увлекла насильно.

— Чудеса! ворчалъ Депортъ, спускаясь съ лѣстницы: ничего не понимаю!

— Зато я все понялъ! сказалъ Пуссенъ, заперъ свою мастерскую на замокъ, и спряталъ ключъ въ карманъ.

Не успѣлъ онъ сойти внизъ, какъ цѣлыя толпы гостей, длинной вереницей, втѣснились въ небольшую его гостиную. Просьбамъ и похваламъ не было конца; но, къ общему неудовольствію, Пуссенъ объявлялъ, что не смѣетъ сдѣлать ни одного очерка для частныхъ людей безъ позволенія де-Нойé; что просить о томъ не будетъ, не желая просить кого-либо и о чемъ бы тó ни было, и совѣтовалъ об-

ращаться съ требованіями въ государственную канцелярію. Неудовольствіе обоюдное возрастало. Приходили съ восторгомъ и удивленіемъ, уходили съ презрительной улыбкой и двусмысленною рѣчью. Пуссенъ тяготился докучными посѣщеніями и, вспомнивъ, что день тотъ былъ среда, воспользовался благовиднымъ предлогомъ и отправился на пиръ. Не станемъ описывать торжества: всѣ праздники этого рода одинъ на другой похожи до скучнаго однообразія: яства, вино, пѣсни, крики, лавровый вѣнецъ, бюстъ, рѣчи, и прочая, и прочая. Пиръ кончился.

Болѣе полутораста человѣкъ художниковъ провожали Пуссена домой съ факелами. Вино и слава знаменитаго гостя одушевляли провожатыхъ шумнымъ восторгомъ; пѣсни оглашали тѣсныя улицы Парижа: даже Симонъ Вуэ и Лемерсіé шли съ факелами и напѣвали пѣсни. Фукіерръ, при шпагѣ, предводительствовалъ отрядомъ. За толпою, шагомъ, двигались кареты, носилки и волны любопытнаго народа. Тихій весенній вечеръ, огни, толпа, хорошенькія головки въ окнахъ, все это представляло прелестную картину; даже самъ философъ любовался, и слава впервые показалась ему не ничтожнымъ гуломъ слѣпой черни, а голосомъ внутреннихъ, искреннихъ чувствъ народа.

— Лебрёнъ, кажется, вамъ измѣнястъ, сказалъ Лемерсіе; онъ не отстаетъ отъ Пуссена.

— Нѣтъ, не бойтесь, Лемерсіе! Я его просилъ объ этомъ; а то сказали бы, что я и самъ завидую и вооружаю моихъ учениковъ.

— Зато Лессюэръ идетъ особнякомъ, и не поетъ и не веселится.

— Онъ не пристанетъ къ Пуссену какъ не присталъ ко мнѣ.

— Завтра, кажется, онъ назначилъ быть мнѣ въ Луврѣ.

— Завтра?

— Да. Но я не поѣду: онъ еще у меня не былъ; а въ Парижѣ, онъ обязанъ сохранять наши правила общежитія.

— Конечно, конечно, съ улыбкой отвѣчалъ Вуэ: я по-крайней-мѣрѣ, знаю, что это послѣднее наше свиданіе. Исполнивъ свой долгъ, я ѣду изъ Парижа надолго.

— Какъ на-долго?

— Пока Пуссенъ будетъ занимать мое мѣсто.

— Такъ ужь лучше оставайтесь, потому-что я ему не долго позволю смѣяться надъ моими товарищами. Милость короля къ Пуссену слишкомъ велика: тѣмъ менѣе надежна. Надо нѣсколько ловкости, и дѣло сладится. Но мы отстали.

Приближались къ Тюильрійскому саду. Очередные десятскіе и стрѣлки со всѣхъ сторонъ стекались унимать художниковъ; но старшины магистрата и самъ голова запрещали безпокоить торжественное шествіе Пуссена. Художники, не только въ комнатахъ домика Мену, но даже въ саду и на дворикѣ, съ трудомъ могли помѣститься. Пуссенъ былъ въ восторгѣ; мысли его толпились: онъ созидалъ въ Парижѣ новый Римъ, въ садахъ тюильрійскихъ свою медицейскую академію. «Нѣтъ моихъ лимоновъ», подумалъ онъ, и вспомнилъ, что у него, въ подвалѣ стоитъ цѣлый боченокъ добраго двухлѣтняго вина. Онъ объявилъ о томъ собесѣдникамъ, и боченокъ съ небольшимъ въ два часа, опустѣлъ съ дрожжами.

Художники разбрелись. Депортъ сѣлъ въ карету, и уѣхалъ почти послѣдній. Пуссенъ остался вдвоемъ съ Гаспаромъ у небольшаго колодца, на дворикѣ.

— Славная молодежь? сказалъ Пуссенъ: но знаменитые точно устарѣли. Мнѣнія ихъ полезны какъ живыя письмена опыта; но сами они пойдутъ уже не впередъ, а назадъ, и скоро ученики будутъ стирать работы учителей, и писать тайкомъ за нихъ. Такъ дѣлали ученики съ дряхлымъ Тиціаномъ; но отъ того Тиціанъ

все-таки не меньше: заслуга не отцвѣтаетъ.... Плохо!

— Да отчего же плохо? спросилъ Гаспаръ.

— Ни за что́ не останусь во Франціи! Вуэ умретъ, и меня пересадятъ на его мѣсто.

— Какъ это можно?

— Во Франціи все можно. Но гдѣ Вальероль?

— Сами его раскрасили, и сами не узнали! онъ подавалъ вино.

— Зачѣмъ же онъ это дѣлалъ?

— Онъ искалъ въ толпѣ художниковъ какого-то живописца Дени, который долженъ знать, гдѣ его Эвелина.

— Такого живописца я не слыхалъ, а Эвелину.... Посмотри, посмотри, какъ онъ усердно лакействуетъ! зажегъ свѣчи.... Пойдемъ!

— Любопытенъ я знать похожа ли, говорилъ Пуссенъ уже въ комнатѣ, и взялъ со стола трехсвѣтильникъ. Пойдемъ въ мастерскую!

— А что́, наши натурщицы не хуже римскихъ? спросилъ Вальероль, слѣдуя за Пуссеномъ.

— Удивительной красоты! отвѣчалъ Пуссенъ.

— И такъ же веселы и страстны, какъ

моя Анджела или какъ Бальбина Стеллы! прибавилъ Гаспаръ.

— Нѣтъ! сегоднишняя грустна какъ сирота, понимающая свое положеніе.

Вошли въ мастерскую. Пуссенъ освѣтилъ еще не засохшій портретъ.

— Эвелина! вскричалъ капитанъ.

— Эвелина де-Вальероль, тихо сказалъ Пуссенъ.

— Моя Эвелина.... натурщицей!... натурщицей!... О! до чего я дожилъ! сказалъ капитанъ съ отчаяньемъ, и плакалъ какъ ребенокъ.

Пуссенъ поставилъ трехсвѣтильникъ на полъ, и, обнимая де-Вальероля съ участіемъ, сказалъ: — Успокойтесь! ваша Эвелина....

— Гдѣ она?

— Мнѣ привозилъ ее Депортъ.

— Довольно, довольно, я боюсь подробностей! отвѣчалъ де-Вальероль убѣгая.

Постойте!... Вы погубите себя!... Мы увидимъ Эвелину завтра!

— Сегодня! отвѣчалъ де-Вальероль уже изъ саду, и скоро тѣнь его исчезла въ аллеяхъ тюильрійскихъ.

ГЛАВА XV.

HOTEL DE RAMBOUILLET.

Корнель окончилъ чтеніе Поліевкта. Все общество безмолвствовало. Въ огромной залѣ, гдѣ болѣе шестидесяти человѣкъ сидѣли на-просторѣ въ обширныхъ креслахъ, слышны были только шаги и легкій кашель Корнеля. Онъ подошелъ къ окну, и съ улыбкой посмотрѣлъ на вереницу каретъ, наполнявшихъ всю улицу и небольшую площадку передъ рамбульетскими палатами. Отирая плоткомъ потъ, крупными каплями катившійся по смуглому его лицу, Корнель подумалъ: «Не понравилось!... Но виноватъ не я.... Прочту

Пуссену: если и онъ.... Нѣтъ! и тогда я не перемѣню ни одного слова.... Вздоръ! это лучшая моя піеса!«

Молчаніе продолжалось. Скюдери нѣсколько разъ порывалась высказать свое мнѣніе, но никто не могъ или не хотѣлъ ее слушать. Бальзакъ, въ притворной задумчивости, каталъ въ рукахъ карандашъ. Рамбулье́, закрывъ рукою глаза, искренно погрузилась въ разнообразныя размышленія. Герцогиня Эгильіонская, отеревъ слезы, спокойно разсматривала общество, стараясь угадать какое впечатлѣніе произвела піеса на тогдашнія знаменитости. Воатюръ сидѣлъ съ неподвижной улыбкой. Ротру сохранялъ академическую важность. Котле́, сжавъ губы, зажмурился. Л'Этоаль и аббатъ Боа-Роберъ, молча, глядѣли другъ на друга съ выраженіемъ презрительнаго сожалѣнія. Прочіе старались согласоваться, въ положеніяхъ и въ выраженіи лица, съ любимцами: кто подражалъ Бальзаку и щелкалъ пальцами, кто съ презрѣніемъ смотрѣлъ на сосѣда, но никто не подражалъ Ротру и герцогинѣ Эгильіонской. Молчаніе, мучительное для Корнеля, было прервано пріѣздомъ Депорта. Хозяйка очнулась, и, привставъ, упрекала зачѣмъ опоздалъ.

— Я въ отчаяніи! отвѣчалъ Депортъ. Но причины моего проступка вы удостоите уважить. Всѣ художники торже-

ствовали сегодня прибытіе Пуссена: мы отвели, съ пѣснями и съ огнями, нашего торжественника домой, и тогда только кончилась моя должность.

— Неужели вы до этой поры обѣдали?—

— Безъ малаго! отвѣчалъ съ улыбкой Депортъ, садясь въ пустыя кресла.

— Разскажите, разскажите, какъ это было. Въ Парижѣ подобнаго праздника не бывало.

Корнель, видя, что имъ никто не занимается, никто не говоритъ своего мнѣнія о дорогомъ Поліевктѣ, тихонько свернулъ тетрадь и еще тише выскользнулъ изъ рамбульетскихъ палатъ.

— Ушелъ!.. ушелъ! пробѣжалъ шопотъ, и громкіе голоса смѣшались. Крикливымъ мнѣніямъ не было конца: больше всѣхъ кричали Скюдери и Котлé. Боалó отмстилъ за Корнеля злобными, но справедливыми выходками противъ Котлé, а Скюдери, за несправедливость къ первому литературному генію своего времени, безвинно поплатилась въ потомствѣ. Всѣ прочія знаменитости и знатности составляли хоровой акомпаньементъ дуэту Скюдери и Котлé. Защитники—были; но чтó въ нихъ, когда они оправдывали Корнеля въ душѣ и, не говоря ни слова, спѣшили уѣхать? Герцогиня Эгильіонская ускорила отъѣздомъ, чтобы утѣшить и ободрить лю-

бимаго поэта. Ротру, прослушавъ двѣ, три выходки Котлé, торжественно и громогласно сказалъ:— Я выскажу свое мнѣніе въ академіи: тамъ есть какой-нибудь порядокъ.—И уѣхалъ. Наконецъ образовалось общее мнѣніе слѣдующаго содержанія. Выводить на сцену христіанскаго мученика нельзя: причинъ не сказано; сонъ обращающейся язычницы долженъ быть свыше, и потому сонъ Павлины ложенъ: оправдательныя причины пропущены, а именно тó, что сонъ Павлины посланъ врагомъ человѣчества и введенъ чрезвычайно умно, съ расчетомъ высшаго генія; наконецъ, Поліевктъ на театрѣ произведетъ только смѣхъ: причины якобы уже изложены выше. Послѣднее испугало мадамъ Рабульé и всѣхъ не-авторовъ. Рѣшили послать депутацію къ Корнелю, и умолять, именемъ всѣхъ друзей его, не отдавать Поліевкта на театръ. Жребій палъ на Воатюра какъ на человѣка, который во всю жизнь ни кого не обидѣлъ, всегда говорилъ шутя, былъ въ Испаніи чѣмъ-то въ родѣ посланника отъ Гастона Орлеанскаго, и понравился горцогу Оливаресу и дамамъ, былъ членомъ французской академіи, и, наконецъ, не писалъ піесъ для театра.

— Непріятное порученіе, но воля такого почтеннагó собранія должна быть уважена, сказалъ Воатюръ.

— Поѣзжайте любезный Воатюръ! примолвила мадамъ Рамбулье́; поѣзжайте сейчасъ! Корнель говорилъ мнѣ, что чтеніе Поліевкта у меня будетъ послѣднее. Поѣзжайте, и возвращайтесь съ отвѣтомъ.

— Я боюсь, что такого посланника Корнель помѣститъ въ комедію, сказалъ Воатюръ.

— Члена французской академіи! съ ужасомъ воскликнуло нѣсколько голосовъ, и Воатюръ уѣхалъ.

Пока продолжались литературныя пренія, Депортъ съ маркизомъ Дезюмидъ удалились въ боковую комнату.

— Ну что́? сказалъ маркизъ.

— О! да это просто пьяница! отвѣчалъ Депортъ: онъ развратитъ только наше юношество; весь столъ только выдумывалъ новыя заздравья: даже за жену и, въ очередь, за всѣхъ римскихъ своихъ знакомыхъ!

— Транстеверинскіе нравы, транстеверинскіе нравы, ворчалъ маркизъ. Но чѣмъ же кончилось?

— Насилу привели пьянаго домой: давай еще вина! Слуги ему говорятъ: «Да ту бочку, что приготовлена была вамъ на годъ, вы изволили уже выкушать съ пріятелями».. Представьте мой ужасъ!

Не даромъ онъ такъ любитъ писать вакханаліи!

— Просто любитъ вакханаліи. Но, маркизъ, сдѣлайте дружбу, ни кому объ этомъ не говорите: само разойдется, а если мы первые, то могутъ подумать....

— Конечно, конечно! Я не такъ глупъ.... Но пойдемъ! Кажется, утихли.

— Нѣтъ, я уѣду, маркизъ! Я такъ огорченъ тѣмъ, что́ видѣлъ, что право чувствую себя совершенно разстроеннымъ. Простите. Я и въ залу не пойду.

«Ты и безъ меня все сдѣлаешь!» подумалъ Депортъ, и уѣхалъ.

Маркизъ возвратился въ залу и, почти у дверей, повстрѣчался съ Скюдери.

— Куда вы? спросилъ онъ.

— Хочу заѣхать къ Пуссену: хочу заказать ему виньетку къ моей рукописи, для представленія королевѣ.

— Только пожалуйста не сегодня.

— А что́ такое?

— Такъ.... онъ разстроенъ...

— Чѣмъ?

— Сказать стыдно! Вѣдь сегодня былъ обѣдъ, и онъ, знаете, по обыкновенію....

— Ахъ, какая жалость! сказала Скюдери, возвращаясь къ обществу: по обыкновенію!

— Что́ такое? что́ такое? спрашивали многіе.

Въ этотъ ужасный вечеръ состоялось еще одно общественное мнѣніе въ рам-

бульетскихъ палатахъ: Пуссенъ объявленъ человѣкомъ не трезваго поведенія.... Люди, люди! все это, къ несчастію, не выдумка романистовъ, а историческое зеркало человѣчества!

ГЛАВА XVII.

СВИДАНІЕ.

Эвелина то радовалась какъ ребенокъ, то задумывалась, и поминутно спрашивала: который часъ. Джудита напрасно старалась успокоивать движеніе возмущенной души. Гаръ-Піона безпрестанно звали наверхъ: разспрашивали, не видалъ ли капитана, не проходилъ ли кто мимо, не освѣдомлялся ли объ Эвелинѣ. Гаръ-Піонъ былъ одѣтъ въ новый мундиръ, который сшила ему благодарная Сара; волоса его были причесаны, усъ намасленъ и завитъ. Онъ приходилъ и уходилъ съ

какою-то праздничною торжественностію. Джудита изрѣдка прочитывала синій печатный листъ: улыбка удачной мести оживляла прекрасное лицо. Эвелина не могла смѣяться, не могла и слушать Джудиты.

— Боже мой! Боже мой! говорила она: неужели до завтра я не увижу отца моего?.... Гаръ-Піонъ! Гаръ-Піонъ!

— Что́ прикажете? Я здѣсь, на перепутьѣ!

— Какъ ты думаешь, не сходить ли тебѣ къ Пуссену?

— Почему же и нѣтъ? Только дома никого нѣтъ: Гойко сегодня не приходилъ; у меня и двери не заперты.

— Эвелина!....

— Батюшка!....

— Жоржъ!....

— Капитанъ!....

Читатель догадается, что вошелъ въ комнату де-Вальероль, и Эвелина упала въ объятія отца. Всѣ плакали.

— Не сонъ ли? сказалъ де-Вальероль, увидѣвъ Джудиту: васъ ли я вижу? Вы заступили мѣсто матери этой несчастной сиротѣ?... Вы, кого я такъ любилъ... вы отмстили мнѣ за невольный тяжкій отказъ! Вы сдѣлали дочь мою натурщицей живописцевъ!

— Что́ такое? съ гордостью сказалъ Гаръ-Піонъ. Ложь, капитанъ, ложь!

— Гаръ-Піонъ! другъ мой! товарищъ! утѣшь меня, разувѣрь, докажи.....

Объяснились. Де-Вальероль былъ въ восторгѣ, цѣловалъ дочь свою, руки Джудиты и добраго, вѣрнаго Гаръ-Піона.

— Я съ тобой не разстанусь! говорилъ онъ, обнимая дочь. Правда, много горя Господу было угодно излить на мою голову; но найти тебя, найти Джудиту, вѣрнаго моего Помпея, обмануться въ ужасныхъ предположеніяхъ.... о! за это я готовъ страдать снова! Скорѣе, дочь моя, скорѣе изъ этого дома! Джудита! пока что́ Богъ дастъ, скройте передъ Депортомъ бѣгство моей дочери. Завтра мы будемъ ужь далеко отъ Парижа..... Простите, Джудита! Если возможно, спѣшите соединиться съ нами. Мы васъ будемъ ждать въ Вальтелинской долинѣ, въ Сондріо, въ домѣ Ваоли..... Простите!

И капитанъ и Джудита забылись, и бросились другъ другу въ объятія.

Вошелъ Депортъ.

— Діаволо! лакей Пуссена обнимаетъ жену мою!....

— Извергъ! вскричалъ капитанъ и бросился на Депорта, но женщины его остановили.

Схвативъ за руку Эвелину и обуздывая гнѣвъ свой, де-Вальероль едва могъ сказать, и то задыхаясь: — Хорошо!....

хорошо!,... Но все это будетъ извѣстно королю!.... Пойдемъ, Эвелина!

— Кто смѣетъ? закричалъ Депортъ въ бѣшенствѣ. Разбой!.... насиліе!.... На помощь! на помощь!

— Замолчишь ли ты, морковь съ хрѣномъ! сказалъ Гаръ-Піонъ, засучивая рукава. Вотъ я тебя.... по-своему!

Депортъ поблѣднѣлъ; но лишиться Эвелины значило лишиться всего. Героизмъ отчаянія тотъ же обыкновенный героизмъ трусости. Депортъ схватилъ Эвелину и вырвалъ ее изъ рукъ де-Вальероля.

— Разбойникъ! кричалъ онъ: какое ты имѣешь право на Эвелину? Она моя: я воспитывалъ ее, я устроилъ ея будущность; а ты пьяный слуга пьянаго Пуссена!.....

— Какое право?.... какое право?.... Извергъ! у отца ни самъ твой кардиналъ не отниметъ дочери!

— Такъ ты?....

— Капитанъ де-Вальероль!

Депортъ выпустилъ Эвелину и, дрожа, отступилъ къ дверямъ.

Джудита, до свиданія! сказалъ капитанъ, и пошелъ съ Эвелиной.— Помпей! прибавилъ онъ, замѣтивъ, что Гаръ-Піонъ идетъ за ними: останься и защищай Джудиту.

— Слушаю-съ!

— Джудита! что́ все это значитъ? спросилъ Депортъ.

— Завтра вы подпишете нашу разводную: мы расходимся, отвѣчала Джудита.

— О! не такъ скоро, не такъ скоро! Вашего любовника завтра повѣсятъ!

Депортъ бросился изъ дому.

— Гаръ-Піонъ! нѣтъ ли у тебя какого-нибудь хорошаго знакомаго, куда бы я могла укрыться только на эту ночь?

— Есть.

— Буди дѣтей!

Джудита связала нѣсколько узловъ, гдѣ уложилось все ея богатство. Между-тѣмъ пришли и дѣти. Имъ было уже по четырнадцатому году. Красивые мальчики узнавъ, что Джудита въ опасности, просили у Гаръ-Піона оружья.

— Я вамъ дамъ его въ свое время, сказала Джудита, вы будете моими мстителями!

— До гроба! закричали дѣти, и бросились въ объятія обожаемой матери.

— Пойдемъ, пойдемъ! кричалъ Гаръ-Піонъ; а то еще, что́ добраго, этотъ чортъ воротится.... А про Жаннету мы и позабыли!

Наконецъ палаты вандомскія опустѣли.

Гаръ-Піонъ заперъ ихъ на замо́къ, спряталъ ключъ, приговаривая: «Пусть его ночуетъ на улицѣ!» и всѣ отправились на Италіянское Предмѣстье.

ГЛАВА XVIII.

ТРЕТІЙ.

Въ стекла большой двери на балконѣ дома, гдѣ жилъ Мазарини, спокойно глядѣла высокая тѣнь, но ея не могли видѣть собесѣдники. Оборотясь къ окнамъ спиною, Мазарини и Лемерсіé сидѣли въ большихъ креслахъ передъ пылающимъ каминомъ.

— Такъ вы на этой недѣлѣ доставите мнѣ рисунки для моего дворца, Лемерсіé? Дѣло кончено, не правда ли?

— Ваша эминенція удостоиваетъ меня неожиданной довѣренности, и, признаюсь,

въ такое время, когда наименѣе можно было полагать.

— Вы говорите о Пуссенѣ?... Вздоръ! я не увлекаюсь этими подготовленными похвалами. Впрочемъ, вы не видите собственныхъ средствъ. Вы можете на каждомъ шагу ставить препятствія; вы можете разоблачать хвастовство; вы можете избавиться отъ непріятнаго соперничества..... Хотите? Я вамъ буду способствовать, дамъ славнаго помощника; но на одномъ только условіи....

— Ваша эминенція, извольте приказывать.

— Это условіе: быстрота, скорость! Не медлите ни минуты!

Вошелъ слуга, снялъ съ полки молитвенникъ и четки, и положилъ на покрытый бархатомъ налой. Мазарини поспѣшно всталъ съ мѣста, и сказалъ Лемерсіé ласково:— Простите! Видите, слуга напомнилъ мнѣ, что наступило время молитвы.

Ламерсіè удалился.

— Гдѣ же онъ? спросилъ въ полголоса Мазарини.

— Въ библіотекѣ, отвѣчалъ слуга такъ же.

— Зови.

Вошелъ отецъ Сирмондъ, духовникъ короля.

*

— А! ваша эминенція уже за молитвой! сказалъ поздній гость.

— По обыкновенію, отвѣчалъ кардиналъ. Но бесѣда съ вами не прерываетъ священныхъ занятій. Садитесь, достойный отецъ. Кардиналъ приказалъ мнѣ поговорить съ вами.... Чтó, скажите, намѣренъ ли король отдать мнѣ шапку?

— Какъ-же ваша эминенція могли въ этомъ сомнѣваться?

— Но и вамъ Шантлу привезъ чтó-то изъ Рима?

— Мнѣ?.... Ваша эминенція изволите ошибаться.

— Конечно, обѣщаніе почти то же, что ничего; но апостольскій намѣстникъ такъ твердъ въ своемъ словѣ.

— Полноте! хитрость! сказалъ отецъ Сирмондъ, лукаво улыбаясь. Я, право, не виноватъ въ королевской медленности. Сенъ-Марсъ, одинъ Сенъ-Марсъ управляетъ волей добраго короля. Меня теперь и къ молитвамъ не приглашаютъ. А Сенъ-Марсу надо прежде быть конетаблемъ: тогда кардинальскій санъ онъ будетъ раздавать самъ, по своей волѣ.

— Конетаблемъ? Слѣдственно этотъ слухъ не безъ основанія?

— Теперь одна помѣха: до свѣдѣнія короля дошло, что Сенъ-Марсъ не шутя влюбился въ Эвелину де-Вальероль, бѣд-

ную дворянку; а вы знаете, прежде мѣтили на кого.

— Знаю, на Марію Неверскую. Но это небывалое дѣло: принцесса.. .

—А король любилъ эту мысль; и если Сенъ-Марсъ не поспѣшитъ оправдаться, дѣла могутъ перемѣнить видъ.

— Такъ не давай ему оправдаться.

— Ну, это не въ моей власти: я досихъ-поръ не знаю, поѣду ли я съ королемъ въ походъ.

— Послушайте, отецъ Сирмондъ! Я не вхожу въ ваши отношенія съ королемъ. Какъ хотите, а выдайте мнѣ шапку поскорѣе. Вѣдь и я со-временемъ могу пригодиться: и я въ Римѣ не безъ друзей.

— Послѣдній пасквиль повредилъ нѣсколько вашей эминенціи.

— Когда же король успѣлъ прочесть?

— Сегодня въ Сенъ-Жерменѣ онъ появился около полудня.

— Откуда?

— Я никакъ не могъ узнать.

«Не самъ ли ты его привезъ? Надо съ тобою кончить«! подумалъ Мазарини, и, вставъ, сказалъ сухо:— Я исполнилъ волю моего благодѣтеля. Простите, достойный отецъ.

— Сохраните ко мнѣ ваше расположеніе.

— Это отъ васъ зависитъ и отъ короля. Впрочемъ, если черезъ три дня,

въ наступающее воскресенье, я не получу моей шапки, Богъ съ вами: я ѣду въ Римъ!... Простите!

Низменно поклонясь, отецъ Сирмондъ ушелъ.

«Вретъ! подумалъ Мазарини, оставшись одинъ: захочетъ, сдѣлаетъ! Но капуцинъ, вѣрно, и его связалъ Пуссеномъ.... Бѣда, когда папа художникъ, а художникъ патріархъ!.... Великій Пуссенъ! зачѣмъ ты сталъ мнѣ на дорогѣ?... И эта Эвелина, и этотъ Сенъ-Марсъ, и сатира, и Джудита, и ванъ-Дейкъ, и Депортъ: я начинаю уставать.... Плохо безъ власти! Все надо дѣлать косвенно, черезъ другихъ, кланяться, притворяться, оглядываться.... Но эта сатира? Напрасные поиски: никто не знаетъ!

Вошелъ слуга, и доложилъ о пріѣздѣ маркиза Дезюмидъ.

— Что́ такъ поздно? А всё-таки кстати!.... Проси.

Вошелъ маркизъ. Опять усѣлись къ камину, и опять къ стекламъ двери подошла высокая тѣнь.

Мазарини сидѣлъ молча и грызъ ногти. Маркизъ Дезюмидъ, въ видѣ доклада, и не останавливаясь, разсказывалъ ему рамбульетскія новости. Когда онъ сообщилъ извѣстіе о нетрезвости Пуссена, Мазарини сказалъ разсѣянно — Я объ этомъ

зналъ еще до пріѣзда Пуссена, но не хотѣлъ разсказывать. Все выйдетъ скоро наружу, и всѣ эти почести умножатъ только стыдъ его бѣгства. Не должно потворствовать разврату, не должно молчать: надо кончить! надо стараться довести до свѣдѣнія королевы, короля, Ришліе! надо предупредить также и.... нѣтъ! де-Нойе не должно говорить объ этомъ. Я люблю Францію, и вы тотчасъ увидите, какъ я объ этомъ забочусь. Сейчасъ прійдетъ къ намъ преемникъ Пуссена: Римъ отъ него былъ въ восторгѣ! Рубенсъ пишетъ объ немъ какъ о единственномъ геніяльномъ своемъ ученикѣ, и совѣтуетъ удержать во Франціи. Если не ошибаюсь, это онъ.

Дѣйствительно, вошелъ ванъ-Дейкъ.

— Какая исправность! сказалъ Мазарини, пожимая руку художника. Позвольте васъ, господа, познакомить: Антоніо ванъ-Дейкъ, прозванный въ Италіи Фламандскимъ Тиціаномъ; маркизъ Гіацинтъ Дезюмидъ, любимецъ короля, знатокъ и художникъ! Вашему покровительству, маркизъ, передаю дорогаго гостя. Вы не откажете просить Сенъ-Марса представить ванъ-Дейка королю: я представлю его кардиналу-герцогу.... Что, каковъ Парижъ?

— Я не успѣлъ ничего видѣть, отвѣчалъ

ванъ-Дейкъ: былъ только въ пустой луврской галереѣ. Ее можно удивительно расписать портретами королей французскихъ.

— Здѣсь дурной вкусъ, замѣтилъ Мазарини; и не говорите о портретахъ! Хотятъ повторить Римъ на площадкѣ Лувра, хотятъ въ одну галерею вмѣстить колонну Траяна со всѣми барельефами, всѣ остатки Пантеона прилѣпить къ потолку, весь форумъ и всѣ римскіе музеи разставить на ста шагахъ! Отъ живописца требуютъ историческихъ машинъ только поогромнѣе, посложнѣе.... Вотъ вамъ вкусъ Парижа!

— Пуссенъ, конечно, на это не согласится, отвѣчалъ Фламандецъ съ гордостью. Историческія картины хороши для плафоновъ, а не для стѣнъ, и я сочинилъ девять плафоновъ....

— Пуссенъ сочинилъ девяносто картинъ! сказалъ Дезюмидъ.

— Быть не можетъ! возразилъ ванъ-Дейкъ. Пуссенъ честный человѣкъ, и я пріѣхалъ отнять у него работы, не интригой, не покровительствомъ.... нѣтъ! назначьте страженіе: кто лучше, тотъ и иди въ Лувръ! А если нельзя исполнить моего требованія, такъ я ему на дверяхъ напишу историческую картину и уѣду въ Голландію.

— Отчего же нельзя?... Маркизъ! вы должны похлопотать объ этомъ.

Толкая слугу, который шелъ съ докладомъ, Депортъ вбѣжалъ въ кабинетъ кардинала. Мазарини поблѣднѣлъ и, вынувъ изъ-за пазухи синый печатный листъ, съ угрозой держалъ его передъ Депортомъ.

— Оставьте насъ однихъ! закричалъ Филиппъ.

Дезюмидъ, уходя, сказалъ только:— Я обожду въ библіотекѣ.... Пойдемъ, великій человѣкъ, поговоримъ о нашихъ намѣреніяхъ! — увлекъ съ собою ванъ-Дейка.

— Не поздно ли пришелъ ты, предатель? спросилъ Мазарини, дрожа отъ злости.

— Нѣтъ, еще не поздно, кардиналъ: еще можно все поправить.

— Но эта сатира?...,

— Не постигаю, кардиналъ, кто ее могъ написать! Я и самъ не зналъ подробностей моей женитьбы: откуда ихъ узналъ кардиналъ-герцогъ?

— О верхъ плутовства!... Ришліё зналъ объ этомъ столько же, сколько и я: его не было въ Парижѣ; онъ никого не присылалъ въ типографію. Бріеннъ уже взялъ подъ стражу всѣхъ работниковъ: между ними было три жида; но эти жиды исчезли съ мѣшками печатальныхъ

буквъ. Кто, кромѣ тебя, могъ знать тайну назначеннаго свиданія?

— А! я понимаю все теперь! Это Гойко, это мой fac totum. Его подкупилъ Сенъ-Марсъ или Пуссенъ... Проклятый жидъ! Прикажите какъ можно скорѣе схватить его, и тайна откроется.

Мазарини позвалъ слугу, и послалъ за городскимъ голсвою. На бальконѣ раздался хохотъ. Въ ужасѣ, и Мазарини и Депортъ подбѣжали къ окну: съ улицы, кто-то сдергивалъ веревочную лѣстницу съ балкона, сдернулъ, и убѣжалъ.

— Это онъ, это Гойко! кричалъ Депортъ.

— Молчите, говорилъ Мазарини: ради Бога, молчите! Онъ не уйдетъ. — Но, прибавилъ онъ угрюмо: между нами былъ *третій!*

— Хорошо, съ улыбкой сказалъ Депортъ, что этотъ Гойко не все слышалъ.

— Богъ знаетъ! можетъ-быть, слишкомъ. А что̀ у васъ еще?

— Мы навсегда потеряли Эвелину.

— Депортъ! клянусь, я не пощажу васъ!

— Послушайте: Пуссенъ влюбился въ нее по уши и, съ-пьяна, послалъ пьянаго слугу взять Эвелину изъ моего дома.

— Ну такъ что̀ жъ?

— Слуга назвалъ себя отцомъ Эвелины и увелъ ее изъ моего дома.

— И вы позволили?

— Помилуйте? Это былъ заговоръ: жена и люди напали на меня.... чуть не убили.... заставили вѣрить.... заставили бѣжать....

Слуга воротился и объявилъ, что городской голова съ городскими стражами и стрѣлками вышелъ изъ торговой части города по тайному дѣлу. Депортъ былъ въ восхищеніи. Мазарини бѣсился.

— Гонецъ отъ кардинала! сказалъ другой слуга.

Мазарини развернулъ письмо: въ немъ было написано не много словъ.

«Пріѣзжайте сейчасъ въ Рюэль. Возьмите съ собой Депорта.

»*Ришліе*,

Уѣхали.

ГЛАВА XIX.

СОПЕРНИКИ.

«Долго же онъ не возвращается,» говорилъ Пуссенъ, ходя взадъ и впередъ по мастерской. Трехсвѣтильникъ все-еще стоялъ на полу. Гаспаръ дремалъ въ креслахъ. Вошли маркизъ Дезюмидъ и ванъ-Дейкъ.

— Мы замѣтили, что вы еще не спите, сказалъ маркизъ, и зашли поговорить о важномъ дѣлѣ.

— Пожалуйте внизъ, отвѣчалъ Пуссенъ, взялъ съ полу трехсвѣтильникъ и проводилъ неожиданныхъ гостей въ залу. Что́ вамъ угодно?

— Это гг. ванъ-Дейкъ и Тиціанъ!

— Простите: я не у зналъ васъ. Отъ души привѣтствую и обнимаю. Въ Римѣ непріятности не позволили мнѣ съ вами познакомиться. На-долго ли къ намъ?

Гости смутились. Ванъ-Дейкъ однако же собрался съ духомъ, и отвѣчалъ:— Вы меня обидѣли въ Римѣ, и я пріѣхалъ въ Парижъ искать удовлетворенія.

— Невольно развѣ?.... Не помню. Говорите: если я не правъ, буду просить извиненія.

— Вы меня сочли неспособнымъ къ исторической живописи.

— Не правда.

— Вы сказали, что по моей части въ Римѣ мало образцовъ

— Ложь! Я говорилъ, что римскіе художники нашего времени не пишутъ портретовъ. Изъ вашихъ произведеній, я только и видѣлъ портреты да портреты, и всегда говорилъ, что васъ напрасно называютъ Тиціаномъ, потому что вы вовсе не занимаетесь историческими предметами.

— Не правда.

— Я васъ считалъ и считаю способнѣйшимъ человѣкомъ къ какому бы то́ ни было роду. Кто любитъ и разумѣетъ природу, тому всѣ роды живописи — *свои*. А теперь, я только вижу, что вы чело-

вѣкъ заносчивый, гордый, честолюбивый, и, судя по вашимъ поступкамъ, вздорный, мелочной....

— Ложь! Прошу извиненія: я васъ не понялъ; но прошу и позоленія у васъ на дверяхъ написать исторію....

— Нельзя ли на холстѣ или на деревянной досчечкѣ?

Я вамъ отплачу тѣмъ же.

— Слово?

— Честное слово!....

— Мой адресъ: Антонію ванъ-Дейку, въ Антверпенъ, въ магистратъ.

— Мой адресъ въ Римъ, на Испанскую Площадь, въ гостинницу Чернаго Орла.

Дезюмидъ пришелъ въ ужасъ.

— Какъ, г. ванъ-Дейкъ? сказалъ онъ: а сраженіе? а Лувръ?

— Убирайтесь вы, льстецы и притворщики. Вы хотите насъ, добрыхъ и простодушныхъ художниковъ, обратить въ орудіе вашей злобы, личныхъ отношеній и тайныхъ злодѣйствъ. Вы мнѣ разсказали объ вашемъ знаменитомъ Депортѣ. Довольно! я понялъ, кого вамъ нужно: не Пуссена, даже не меня: льстецовъ, потворщиковъ, маленькихъ злодѣевъ, которые бы служили носильщиками для большихъ!.... Прощайте навсегда. Извините, что я васъ обезпокоилъ ночью. Вотъ

тотъ господинъ увѣрилъ меня, будто вы пьяны. Простите оскорбленному чувству: я хотѣлъ насладиться вашимъ нравственнымъ уничиженіемъ.... Вонъ, вонъ изъ Парижа!

Ванъ-Дейкъ горячо обнялъ Пуссена, надѣлъ въ комнатѣ шляпу и спокойно ушелъ.

— Маркизъ! я не имѣю чести васъ знать, сказалъ Пуссенъ съ важностью и спокойствіемъ: но клевета....

— Она чиста, она чиста какъ ангелъ! кричалъ де-Вальероль, вводя Эвелину. Поцѣлуйте ее! благословите! она достойна вашего благословенія: она сохранила чистоту въ новой Гоморрѣ!

— Не стану мѣшать вамъ, сказалъ маркизъ, язвительно улыбаясь, и ушелъ.

— Погодите, погодите, маркизъ! кричалъ Пуссенъ.

— Нѣтъ, я знаю, какъ въ подобныхъ обстоятельствахъ непріятны свидѣтели, отвѣчалъ маркизъ съ лѣстницы, и скрылся.

— Что́ вы надѣлали, капитанъ? спросилъ Пуссенъ съ грустью.

— Что я надѣлалъ?..... О! за этотъ

день я не перестану благодарить Бога. Я вырвалъ ее изъ рукъ смерти. Депортъ видѣлъ опасность своего положенія, и въ эту ночь могъ рѣшиться на все.

— Истинная Гоморра! сказалъ Пуссенъ, глубоко огорченный.

Зарево освѣтило окна домика. Съ разныхъ сторонъ послышались голоса: толпа городскихъ стрѣлковъ, съ факелами, наполнила дворъ и садъ. Пуссенъ съ горькою улыбкой поглядѣлъ на Вальероля. Капитанъ, прижавъ къ груди Эвелину и заливаясь слезами, сказалъ:

— Я готовъ; долгъ мой исполненъ.

— Вошелъ ратушевый швейцаръ и, низко кланяясь предстоящимъ, почтительно произнесъ: — Господинъ голова и старшины города Парижа просятъ позволенія войти въ квартиру господина Пуссена по королевскому дѣлу.

— Проси, отвѣчалъ Пуссенъ.

Голова и старшины вошли медленно и торжественно. Голова, поклонясь Пуссену, котораго легко было узнать по гордой осанкѣ и лицу, отуманенному досадой, тихо сказалъ: — Мы нарушаемъ формы только изъ уваженія къ вашей славѣ.

— Дурно дѣлаете! отвѣчалъ Пуссенъ. Законовъ вы не должны смягчать по указаніямъ вашихъ чувствъ: эти чувства могутъ быть ошибочны. Что́ вамъ угодно!

— Г. Пуссенъ! сказалъ голова: примите искреннее сожалѣніе, что мы рѣшаемся обезпокоить васъ покорнѣйшей просьбою сообщить намъ, кто изъ присутствующихъ капитанъ де-Вальероль.

— Я! отвѣчалъ Вальероль.

Въ то же время Пуссенъ указывалъ на него рукою.

— Не правда!.... не правда! кричала Эвелина.

— Успокойтесь, прекрасная Эвелина, опять началъ голова. Мы знаемъ ваши несчастія: часа два тому назадъ, Гойко разсказалъ мнѣ вашу повѣсть.

— Какъ? даже и Гойко не ушелъ въ этотъ день отъ общаго жребія?

— Не знаю что́ вы хотите этимъ сказать. Гойко-мой старый знакомый и способный, необходимый человѣкъ. Онъ былъ причиною, что мой предшественникъ долженъ былъ оставить свое мѣсто. Когда меня удостоили лестнаго выбора, Гойко самъ ко мнѣ явился и объявилъ причины своего поведенія. Я полюбилъ его за искренность и разумъ, и съ-тѣхъ-поръ онъ у насъ служитъ при ратушѣ: собираетъ свѣдѣнія. Онъ-то принесъ ко мнѣ пукъ сатиръ, разбросанныхъ сегодня на рынкѣ, и объяснилъ мнѣ все, между прочимъ, и ваши несчастія. Тронутый вашимъ положеніемъ, я послалъ Гойко

къ самому кардиналу, съ письмомъ. Ему не нравилось посольство; но.... что́ дѣлать! никто лучше его не зналъ всѣхъ подробностей этого запутаннаго дѣла. Пока мы соблюдемъ формы, капитанъ будетъ жить у меня; я, для виду, и стражу приставлю. А между-тѣмъ, если вы имѣете какіе пути..... Да чего лучше, вотъ г. Пуссенъ! Кардиналъ его примѣрно уважаетъ.... Если бы еще герцогиня Эгильіонская! Я тоже поѣду въ Рюэль: нельзя ли уговорить де-Нойе́....

— Можно, прервалъ Пуссенъ.

— Такъ чего лучше? Все кончится благополучно. Мы промедлимъ смертнымъ приговоромъ.

— Смертнымъ? закричала Эвелина.

— Да это только форма! Капитанъ изгнанникъ: не слѣдовало возвращаться. Господинъ Пуссенъ привезъ его въ Парижъ, но онъ не зналъ, что слуга — капитанъ де-Вальероль.

— Зналъ, возразилъ Пуссенъ спокойно.

— Не знали, не знали! Намъ это лучше извѣстно: мы такъ и въ актахъ записали. Постарайтесь завтра къ вечеру доставить ратушѣ мнѣніе кардинала.... и все будетъ кончено!

Вошелъ Стелла̀.

— Стелла̀! вскричалъ Пуссенъ: изъ мирнаго Рима!....

— Къ вамъ! отвѣчалъ Стелла.

— О! лучше бы за мною!

— Я привезъ ваши картины.

— Само Небо помогаетъ!.... Вынимайте кардинальскія.... скорѣе, скорѣе!

— Надо людей.

— Возьмите моихъ стрѣлковъ, сказалъ голова.

— Я сейчасъ ѣду въ Рюэль, продолжалъ Пуссенъ.

— Успѣемъ, успѣемъ!—Дранше! сбѣгай за моей каретой, сказалъ голова, обращаясь къ швейцару.

— А я иду съ вами, сказалъ де-Вальероль.

— Успѣемъ, успѣемъ! Ради Бога, не горячитесь. Мое правило: медленность прежде времени и поспѣшность во-время. Дайте мнѣ распорядиться. Позвольте, г. Пуссенъ: ужь мадмоазель де-Вальероль должна у васъ остаться на-время.

— Гаспаръ! сказалъ Пуссенъ: поручаю тебѣ спокойствіе Эвелины.

— Всю ночь буду стоять на часахъ съ королевскимъ Птоломеемъ, отвѣчалъ Гаспаръ.

— Это не дурно, замѣтилъ голова: а я, на всякій случай, сорокъ стрѣлковъ даю вамъ подъ начальство. Врагъ можетъ на все рѣшиться.... Постойте!... постойте!... постойте! Чтобы еще чего-нибудь

не позабыть.... Да вотъ г. Леримеръ, старшина! Вы заступите мое мѣсто. Теперь уже зá-полночь: кардиналъ скоро проснется и станетъ работать. Ночью онъ бываетъ болѣе милостивъ. Надо спѣшить: не близко..... Теперь все! Слушайте, капитанъ, и положитесь на общее усердіе.

Вошелъ Гаръ-Піонъ.

— Гдѣ Джудита? закричалъ капитанъ, измѣнясь въ лицѣ.

— Въ безопасомъ мѣстѣ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ. А я пришелъ провѣдать что̀ тутъ дѣлается....

— Все, слава Богу, хорошо, любезный другъ, отвѣчалъ голова.

— Ну, не знаю! сказалъ Гаръ-Піонъ. Вы мягко стелите, да жестко спать.

— Не всегда, не всегда, любезный другъ: по обстоятельствамъ.

— Плохо, плохо, замѣтилъ Гаръ-Піонъ: когда судьи судятъ по обстоятельствамъ!

ГЛАВА XIII.

ОДИНОКАЯ БЕСѢДА.

Два сына Джудиты прилежно слушали повѣсть, которую разказывала мать ихъ, ту же самую повѣсть, которую мы, вмѣстѣ съ Эвелиной и Альфредомъ, слышали отъ нея въ вандомскихъ палатахъ, въ началѣ романа. Не много было перемѣнъ въ печальномъ разсказѣ. Мстительная Джудита скрыла отъ дѣтей ихъ позорное происхожденіе: они остались законными сыновьями Депорта; но ненависть къ отцу, месть къ Мазарини, навѣки укоренились въ юныхъ сердцахъ. Бурный Же-

ромъ посмотрѣлъ на разсудительнаго Жана и, сжимая кулаки, закричалъ:— Мести, Жанъ.... мести!

— Холодной, разсудительной, страшной мести! отвѣчалъ Жанъ.

— Мести, дѣти, мести! Я васъ научу: еще не наступило время. Мазарини будетъ на мѣстѣ Ришеліё, Сенъ-Марсъ и де-Ту пустые люди. они не сладятъ съ кардиналами. Ножъ—слишкомъ пошлая, слишкомъ скорая месть: есть другая; но, милыя дѣти, надо учиться, работать, надо заслужить любовь народа. Я вамъ куплю мѣста прокуроровъ въ парламентѣ. Вы богаты. Ваше достояніе будетъ въ надежныхъ рукахъ д'Орбиньи. Ему извѣстна жизнь моя. Если, какъ я полагаю, мнѣ должно будетъ уѣхать изъ Франціи, останетесь ли въ Парижѣ, для мести?

— Мы пойдемъ на край свѣта́! отвѣчалъ Жеромъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! сказалъ Жанъ: мы останемся въ Парижѣ, будемъ прокурорами въ парламентѣ, а тамъ научимся, если не научатъ, что́ намъ дѣлать.

— Пока, учитесь писать стихи: это ужасное оружье! Я цѣлый годъ сочиняла жизнь мою, и вчера весь Парижъ принялъ участіе въ моихъ печаляхъ. Никто не знаетъ, кто́ несчастная жертва Мазарини: полагаю, и не узнаетъ. Теперь онъ

можетъ разсказывать что ему угодно: никто не повѣритъ: у всѣхъ въ рукахъ страшная исповѣдь. Вы—Италіянцы, а Французы ваши враги: не жалѣйте Французовъ. Съ этого возраста пріучайтесь къ тайнѣ и къ хитрости. Для насъ нѣтъ, не будетъ блаженной жизни: одна месть наше счастіе!... Но пора вамъ уснуть, успокоиться. Вамъ нужно здоровье атлетовъ, бодрость змія, быстрота сокола... Спите, Богъ съ вами!

Дѣти простились, и улеглись въ другой комнатѣ на соломѣ.

— Джуліо, Джуліо, шептала Джудита, отирая слезы: я ненавижу дѣтей твоихъ!.... Да сбудется ужасная месть! Другихъ путей я не вижу.

Гаръ-Піонъ воротился и разсказалъ, что капитанъ снова задержанъ, что Пуссенъ и голова поѣхали въ Рюэль выручать де-Вальероля.

— Помпей! нельзя ли достать носилокъ? спросила Джудита, дрожа и плача.

— Ужь не въ Рюэль ли и вы хотите ѣхать?

— Нѣтъ; въ палаты герцогини Эгильіонской.

— Такъ пойдемте пѣшкомъ. Только холодно: развѣ мой солдатскій плащъ..... потому что вы, ужь не знаю почему, а

обѣ съ Жаннетой, со страху, ни какой одежды не захватили.

— Давай!

— Клянусь моимъ усомъ, такой чертовщины я не видалъ ни въ одномъ походѣ! По пяти ночей сряду не спи.... О! задамъ же я этому Депорту!

Такъ говорилъ Помпей, одѣвая Джудиту.

— Куда вы? спросила изумленная Сара, входя съ большимъ горшкомъ вареной рыбы. Поужинайте прежде; возьмите мою одежду.

— Нѣтъ, нѣтъ, дворяне во всѣхъ кабачкахъ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ: такъ безопаснѣе.

— Быть по-твóему, а я за васъ молиться буду, сказала Сара.

— Ну, не великъ прокъ въ твоей молитвѣ! а лучше поставь баррикады, чтò Гойко выдумалъ, и не впускай ни кого, не спрашивай, кто тамъ. Если мы или Гойко, такъ и сами окликнемся.

Въ палатахъ эгильіонскихъ все спало мертвымъ сномъ: только въ знакомомъ намъ флигелѣ, въ ветхой комнаткѣ, горѣло осемь свѣчей въ разныхъ углахъ и на верху конторки. На выдвижномъ столѣ лежалъ раскрытый Поліевктъ. Корнель, стоя, декламировалъ громко превос-

ходные стихи лучшей своей трагедіи: христіанское умиленіе сіяло въ глазахъ безсмертнаго поэта; черныя кудри живописно разбросились, засученные рукава обнажали сильныя руки. Корнель воображалъ, что онъ читаетъ свою христіанскую драму цѣлому міру: ночное безмолвіе казалось ему напряженнымъ вниманіемъ слушателей. Онъ кончилъ третій актъ и ждалъ съ гордостью одобренія. Міръ спалъ. Корнель улыбнулся и громко сказалъ:—Врутъ! безсовѣстно врутъ!... Поліевктъ превосходная трагедія. Новость ихъ испугала; христіанство непонятно семнадцатому вѣку: вотъ и все тутъ! Я поставлю Поліевкта, и въ Парижѣ наберется еще десятокъ другой людей, которые сохранили чувство религіи и познаніе добра.—Актъ четвертый! громогласно произнесъ Корнель, и задумался. Мысль за мыслью, воспоминаніе за воспоминаніемъ, оживленные образы прошедшаго, вся память обширнаго и ученаго ума вдругъ раскинулась въ головѣ Корнеля, подобно многолиственному роскошному цвѣтку, любимцу восточной Флоры. Этотъ безграничный міръ воображенія, смѣсь вѣковъ и народовъ, природъ и вѣрованій, нравовъ и обычаевъ, освѣщенный какою-то многоцвѣтной радугой, дрожалъ предъ воспаленными глазами по-

эта; голова его протянулась впередъ, улыбка любопытнаго вниманія очертилась на раскрытыхъ губахъ, глаза изсохли: стало больно.... Корнель зажмурился, потеръ кулаками глаза: показались слезы; міръ воображенія разрушился. Онъ самъ не зналъ что́ онъ видѣлъ, чего ему жаль; но, изъ разбѣжавшихся грезъ, многія еще мелькали въ засыпавшей памяти, какъ передъ смертію огонь иногда вспыхиваетъ яркимъ, но мгновеннымъ пламенемъ. Стало грустно Корнелю. Онъ началъ гасить свѣчи; остались только двѣ на выдвижномъ столѣ. Корнель сѣлъ, и хотѣлъ про-себя тихо продолжать чтеніе: не читалось. Процессъ поэтическаго восторга, достигнувъ высочайшей степени, совершился, и на душѣ поэта осталось цѣлое кладбище, цѣлая гора пеплу. Корнель, Пуссенъ, Декартъ, Беконъ, а въ недавнія времена Кантъ, старались, напряженнымъ дѣйствіемъ ума, переселить эту апатію памяти, безчувственность послѣ злаго припадка горячки. Иногда удавалось. Но, на этотъ разъ, Корнель не могъ продолжать чтенія: рамбульетское общество и ужасный Воатюръ заняли воображеніе.

— И зависть они называютъ участіемъ! Не давать на сцену Поліевкта, не печатать Поліевкта.... Кажется, пора мнѣ пе-

рестать подличать; кажется, я довольно знаменитъ и славенъ, и могу отвергнуть это позорное покровительство, сломать эти золотые прутья моей клѣтки.... Кончено! Завтра же ѣду въ Руанъ. Я, жена, Ѳома, мать Альфреда,— еще найдемъ охотниковъ,— мы станемъ играть Поліевкта, станемъ играть публично. Пріѣдутъ смотрѣть на насъ изъ Парижа. Что̀ въ самомъ-дѣлѣ, кланяться этой ливрейной челяди кардинала-поэта?

Корнель потушилъ еще одну свѣчу, а съ другою пошелъ къ кровати, и сталъ стлать себѣ постель. Вдругъ кто̀-то постучался въ ставни.

— Кто̀ тамъ? спросилъ онъ нетвердымъ голосомъ.

— Простите, г. Корнель! Пришла Джудита Депортъ, за такимъ дѣломъ, которое не позволяетъ медлить ни мгновенія.

Корнель накинулъ плащъ и отворилъ окно.

— Что̀ случилось? добрая Джудита?

Она все разсказала.

— Благодарю за вашу дружбу и довѣренность ко мнѣ, сказалъ Корнель. Постараюсь оправдать ваши надежды. Бѣгу къ герцогинѣ.

— Какъ? теперь же?.... Но герцогиня....

— Она понимаетъ Поліевкта; ей доступно христіанское чувство любви къ

ближнему, то есть, чувство безвозмездн-наго исполненія человѣческихъ обязанностей. Не хотите ли и вы съ нею видѣться?

— Нѣтъ. Несчастіе не любитъ встрѣчаться съ любимцами слѣпой фортуны.

— Ахъ, Джудита! какъ вы ошибаетесь! Вы еще можете мстить клеветникамъ и злодѣямъ; а у нея и это право отнято свѣтскими отношеніями. Но пора: уже за̂-полночь. Я васъ обо всемъ увѣдомлю.

Окно и ставни затворились. Корнель со свѣчей прошелъ узкій дворъ и вошелъ въ сѣни. Два швейцара схватились за ружья, но, узнавъ Корнеля, улыбнулись и пропустили.

Корнель поднимался по высокой лѣстницѣ. Швейцары улеглись на свои мѣста. Одинъ изъ нихъ, зѣвая, съ досадой ворчалъ:— Чортъ знаетъ, до чего дошло въ Парижѣ: со свѣчей и съ парадной лѣстницы!

Корнель между-тѣмъ вошелъ въ комнату Ролé. Тотъ вскочилъ съ постели, и сталъ-было кричать, но, узнавъ Корнеля, расхохотался, и отъ смѣху не могъ его слушать.

— Вставайте, Ролѐ! перестаньте смѣяться. Надо разбудить герцогиню.

— Чтó вы, съ ума сошли, Корнель! Вы, кажется, до-сихъ-поръ были тихи и смирны, и вдругъ вамъ пришла такая глу-

пая мысль. Это, вѣрно, огорченія. Мнѣ говорила герцогиня, что рамбульетскимъ господамъ не понравилась ваша трагедія. Напишите имъ другаго Цинну: вотъ и все тутъ! Это для васъ гораздо легче нежели для меня разбудить герцогиню.

Корнель, въ свою очередь, смѣялся, и наконецъ убѣдилъ Ролѐ въ необходимости разбудить герцогиню. Ролѐ надѣлъ длинную гороховую юбку, на верхъ родъ кофты или душегрѣйки; обмоталъ около шеи красную шаль, поправилъ передъ зеркаломъ папильіоты, и хотѣлъ итти, но вдругъ опомнился и воротился.

— Что́ это я, съ ума сошелъ! сказалъ онъ. Это костюмъ на случай пожара или другой какой тревоги: всѣ люди перепугаются.

— Но время не терпитъ.

— Позвольте, позвольте! Я надѣну охотничье платье. Это очень скоро. Лосинныя исподни, черное полукафтанье.... Ну, папильіоты могутъ остаться..... Пойдемъ!

Корнель остался въ маленькой гостиной, и зажегъ пукъ свѣчей въ канделабрѣ, а Роле́ вошелъ въ уборную и разбудилъ мадамъ Дри. Мадамъ Дри перепугалась, раскричалась, и пока собралась итти въ спальню, герцогиня уже вышла въ убор-

ную въ огромномъ чепцѣ, въ шубѣ и въ длинноносыхъ башмакахъ.

— Что́ случилось? спросила герцогиня.

— Г. Корнель хочетъ васъ видѣть.

— Теперь?

— Онъ въ гостиной.

Герцогиня сняла уродливый чепецъ, и приказала подать какую-нибудь наколку.

Мадамъ Дри, вынимая наколку изъ огромнаго шкафа, ворчала довольно громко:— Охота въ домѣ держать этихъ сумасшедшихъ! Бьюсь объ закладъ, онъ сочинилъ тираду; понравилась, некому прочесть: онъ давай будить герцогиню!

Помилуйте, мадамъ Дри! Да эта наколка хороша для утреннихъ визитовъ:— дома ее надѣть нельзя.

— Еще бы вы, отвѣчала мамадъ Дри: всю французскую академію помѣстили въ палатахъ.... Чего добраго! Пустыхъ квартиръ много.

— Ахъ мадамъ Дри! Да это не наколка. Видите: съ кружевнымъ воалемъ. Это на свадьбу хорошо.

— А, можетъ-быть, онъ вздумалъ жениться; влюбленъ: не спится, вотъ онъ и пришелъ просить вашего совѣту.

— Да онъ женатъ, мадамъ Дри, женатъ.

— Такъ хочетъ развестись.

— Вотъ, давно бы такъ! сказала герцогиня, прикалывая простой кружевной

чепецъ безъ донышка. Снимите цвѣты, мадамъ Дри: не кстати.

Наконецъ тоалетъ кончился, и герцогиня вышла къ Корнелю.

— Какое несчастіе встрѣтило моего друга? сказала герцогиня, садясь на софу.

Корнель разсказалъ.

— Ролѐ!.... Ролé!.... Карету!.... Мы ѣдемъ сейчасъ въ Рюэль. Помогите, Корнель, распорядиться отъѣздомъ, а я одѣнусь.

Герцогиня ушла въ уборную, а Корнель еще нѣсколько мгновеній оставался на-мѣстѣ въ пріятномъ раздумьѣ.

«Я полагаю, сказалъ онъ просебя: что отъ сотворенія свѣта всѣ женщины, даже язычницы, не были лишены чувствъ милосердія и заступничества.»

ГЛАВА XXI.

ХОДАТАЙ.

Передъ разсвѣтомъ блеснула луна, и густыя мрачныя тучи заволокли снова серебряный подносъ, которымъ такъ любуются поэты. Карета Мазарини катилась мѣрно, но тихо, потому что, въ тѣ блаженныя времена, дороги были такъ же дурны, какъ и государственные законы Франціи. И Мазарини и Депортъ приготовились къ допросу. Они полагали, что найдутъ кардинала одного; но вдругъ факелы освѣтили деревья, верховые съ ними проскакали впередъ, за ними о-

громная карета и телега, потомъ отрядъ всадниковъ.

— Кто бы это? сказалъ Мазарини. Вѣрно, въ Рюэль. Никто изъ секретарей такъ не ѣздитъ. Мы ужасно глупо сдѣлали: поѣхали безъ огней, даже безъ слуги.... Но, кажется, уже близко.

Луна прорѣзала черную тучу и освѣтила рюэльскія башенки. Оставалось до замка нѣсколько минутъ. Но въ то же время Мазарини замѣтилъ на дорогѣ тѣнь слуги за каретой.

— Вѣрно, мой Луи догадался, сказалъ онъ, и, высунувъ голову, спросилъ:— Луи! это ты?

Слуга соскочилъ и бросился въ лѣсъ.

— Это Гойко! закричалъ Депортъ, отворилъ дверцы и бросился за нимъ въ погоню.

Но Гойко исчезъ въ чащѣ лѣса. Луна скрылась, и, промедливъ еще добрую четверть часа, путники, съ тяжелыми предчувствіями, отправились въ Рюэль. Главный мостъ былъ опущенъ; городскіе стрѣлки спѣшились, воткнули въ землю факелы, и, въ кучкѣ, толковали съ огромными Каталонцами. Новопріѣзжихъ осмотрѣли и пустили черезъ мостъ, а карету отослали дальше въ деревню или посадъ, расположенный въ двухъ стахъ шагахъ

отъ замка и закрытый лѣсомъ. Тамъ жили отставные слуги кардинала.

Въ большой гостиной залѣ, украшенной знаменами и ключами городовъ, освѣщенной только пылающимъ каминомъ и краснымъ фонаремъ, стояли три жида въ христіанскомъ костюмѣ, въ цѣпяхъ и въ кандалахъ: даже головы ихъ были перевязаны надежными веревками. Входъ въ залу былъ прямо со двора. Вошелъ Гойко. Проходя мимо, онъ шепнулъ преступникамъ: — Молчать! Я васъ выручу!— и пропалъ въ темномъ углу залы. Почти вслѣдъ за нимъ, вошли Мазарини и Депортъ, а изъ отдѣленія, примыкавшаго къ залѣ допросовъ, Пуссенъ, де-Нойé, Шавиньи, Бріеннъ и городской голова. Общее изумленіе. Пуссенъ обратился къ де-Нойé и значительно сказалъ:— Вы видите?

— Кардиналъ, отвѣчалъ де-Нойé: конечно, пріѣхалъ за тѣмъ же, и не откажетъ помочь намъ. Мы собираемся просить у кардинала-герцога прощенія капитану де-Вальеролю. Теперь ужь все открылось. Онъ вовсе не участвовалъ въ вандомскомъ заговорѣ: не правда ли, Шавиньи?

— Ни малѣйше! Онъ теперь преступникъ, а въ изгнаніи былъ невиннымъ страдальцемъ. Я такъ и бумагу загото-

вилъ: «Вмѣнить ему изгнаніе въ наказаніе за нарушеніе законовъ.»

— Мы можемъ, кардиналъ, надѣяться на ваше содѣйствіе? спросилъ де-Нойѐ.

— Увѣряю васъ, господа, я первый разъ слышу объ этомъ де-Вальеролѣ. Но.... просить буду.

Вбѣжали слуги и суетливо ставили на столы свѣчи.

— Что́ такое? спросилъ де-Нойѐ.

— Герцогиня пріѣхала!.... герцогиня пріѣхала!

— Уберите этихъ жидовъ, сказалъ Шавиньи.

— Нѣтъ, нѣтъ! сказалъ де-Нойе́. Ко мнѣ, ко мнѣ просите герцогиню, ко мнѣ въ покои!... Пойдемте, господа!

Слуги со свѣчами побѣжали въ отдѣленіе де-Нойѐ; за ними пошло все общество. Герцогиня съ Корнелемъ вошла въ небольшую гостиную де-Нойе́, и не мало удивилась, найдя въ Рюэлѣ такое избранное общество передъ разсвѣтомъ.

— Любезный де-Нойе́! сказала она, не сердитесь: мы пріѣхали съ просьбой.

— Приказывайте, герцогиня. Вы знаете, для васъ все возможно.

— Вы погубили этимъ мое честное имя. Несправедливыя милости всегда приписывали моему покровительству, а я, во

всю жизнь свою, не просила за несправедливое дѣло.

— Объ чемъ же сегодня?

— Прощенія капитану де-Вальеролю!

Депортъ и Мазарини задрожали отъ злости; прочіе также вздрогнули, но отъ удовольствія. Голова съ важностью замѣтилъ:—Кажется, это дѣло справедливо, если начальникъ города Парижа пріѣхалъ просить за Вальероля.

— Достойный человѣкъ! сказала герцогиня: вы начали свое управленіе благодѣяніями. Не останавливайтесь, идите далѣе по трудному пути.

— Кардинала Ришліё, съ возрастающею важностью произнесъ голова: обвиняютъ въ несправедливости и жестокости. Во все время моего управленія, я этого еще не замѣтилъ; имѣлъ дерзость дважды отвергнуть его предложенія, и счастіе получить согласіе на мои мнѣнія. Не скрою отъ васъ, господъ секретарей и ученыхъ: если я въ мелочахъ и уступаю его эминенціи, то изъ уваженія къ безпримѣрнымъ государственнымъ его заслугамъ.... Ни кому другому, ни кому другому! Парижъ ропщетъ и на эту заслуженную снисходительность. Но чего, Боже сохрани, оставитъ насъ кардиналъ?.... Я уйму, обуздаю честолюбіе многихъ!

«Это та ужасная туча, подумалъ Мазарини, о которой пророчилъ Ришлiё. Посмотримъ, кто кого уйметъ и обуздаетъ!»

— Какой римскiй характеръ! сказалъ Корнель Пуссену.

— А, покуда, подличаетъ.

Какъ тихо ни произнесъ Пуссенъ свое обвиненiе, голова однако жъ услышалъ.

— Любезный де-Нойё! проводите жъ насъ къ кардиналу, сказала герцогиня.

— А вотъ сейчасъ. Рюзъ! сходи, узнай, проснулся ли кардиналъ.

— Позвольте, герцогиня, сказалъ Корнель, подводя къ ней Пуссена, представить вамъ величайшаго живописца нашего вѣка!

Герцогиня смутилась: такъ много дурнаго коснулось ея слуху, что она не нашлась что́ сказать, и только поклонилась. Пуссенъ также поклонился и отошелъ.

— Холодно же вы приняли перваго человѣка во Францiи! сказалъ Корнель съ выраженiемъ шутливаго упрека.

— Еще бы вы вздумали представлять мнѣ всѣхъ грубыхъ и нетрезвыхъ Французовъ, выросшихъ въ Транстеверре!

— Какая клевета! Я васъ насильно познакомлю: вы увидите, какъ безбожно лгутъ завистники. И, вѣрно, вамъ все это, съ сожалѣнiемъ и печалью, разсказалъ какой-нибудь художникъ?

— Маркизъ Дезюмидъ.

— Такъ и есть!.... И вотъ кто составляетъ мнѣніе! и вотъ какими путями!

Между-тѣмъ, въ другомъ углу Мазарини бесѣдовалъ съ де-Нойé.

— Быть не можетъ! почти воскликнулъ де-Нойé: онъ обѣдалъ у меня, велъ себя такъ скромно....

— Еще бы у васъ! отвѣчалъ Мазарини, и повторилъ всѣ сплетни Депорта и Дезюмида. Эвелина также не была забыта.

Де-Нойé вѣрилъ притворно. Мазарини забылъ министерскую хитрость: жаръ страсти распалялъ его злобу. Де-Нойé, сомнѣніями и восклицаніями, старался еще болѣе воспламенить мстительнаго Италіянца, и вынуть изъ сердца его сколько можно побольше тайнъ и намѣреній.

— Вы не поняли меня, въ то же время тихо говорилъ голова Пуссену, который пальцемъ на застывшемъ окнѣ рисовалъ око Провидѣнія: я все это говорилъ въ предостереженіе новому кардиналу, котораго непремѣнно, на зло здравому смыслу, хотятъ сдѣлать преемникомъ Ришліé. Чтó мы прощали Французу, того никогда не простимъ Италіянцу. Онъ понялъ предостереженіе: дай Богъ, чтобы послушался! Но, къ несчастію Франціи, въ немъ самолюбія и лукавства больше чѣмъ крови.

— Бѣдная Франція! отирая слезу, сказалъ Пуссенъ.

Вошелъ Рюзъ и сказалъ:—Кардиналъ-герцогъ спитъ.

ГЛАВА XXII.

НЕОЖИДАННЫЙ ГОСТЬ.

Кардиналъ-герцогъ не спитъ: онъ читаетъ письмо отъ городскаго головы.

— Странно! сказалъ Ришліё, бросивъ письмо въ каминъ: я разрѣшалъ самые сложные узлы политики, зналъ что́ думаютъ короли и министры, и не могу порядочно познакомиться съ этими ничтожными тайнами Депорта!

Кардиналъ посмотрѣлъ на списокъ своихъ гостей и продолжалъ:—Мазарини пріѣхалъ, но я отъ него узнаю какую-нибудь искреннюю ложь; отъ Депорта

ложную правду: они въ союзѣ; а мой глупый Эвоэ или устарѣлъ или позволилъ подкупить себя. Прочіе гости случайные. Но зачѣмъ пріѣхалъ голова? кчему эта забавная рекомендація? и что́ можетъ знать этотъ мелкій торговецъ, у котораго нѣтъ даже собственной лавки?.... Можетъ-быть колдунъ!

Ришліё измѣнился вь лицѣ.

— Но чего бояться? Если онъ....

Кардиналъ зазвонилъ и приказалъ ввести Гойко. Гойко вошелъ въ знакомый намъ рюэльскій кабинетъ смѣло и бодро. Ришліё лежалъ въ креслахъ подъ одѣялами и теплыми одеждами: видно было только голову и руки. Онъ устремилъ на Гойка зоркіе сѣрые глаза и долго любовался его одушевленной еврейской физіономіей.

— Ты жидъ? спросилъ онъ тихо.

— Гдѣ теперь жиды, ваша эминенція! Я Филиппъ изъ Ліона, мелочной торговецъ, служу моимъ благодѣтелямъ городскому головѣ и раненному драгуну Гаспару Гаръ-Піону. Жаль, что ваша эминенція не можете быть мнѣ благодѣтелемъ, а то бы я и вамъ служилъ.

— Служа головѣ, ты служишь мнѣ, и наоборотъ: мы оба хлопочемъ о томъ же, только въ разныхъ размѣрахъ. Но впрочемъ.... какъ знать? и я, лично, могу пригодиться: какъ ты думаешь?

— Я теперь боюсь только топора, а онъ въ рукахъ парламента.

— Ты полагаешь?

— Увѣренъ. По-краней-мѣрѣ, для меня. Конечно, я новый человѣкъ на этомъ свѣтѣ, но много знаю: на то Богъ науку далъ.

Кардиналъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и поблѣднѣлъ. Гойко вперилъ въ него свой огненный взглядъ: кардиналъ отвернулся.

— Что́ жъ, ты вѣрно гадаешь? спросилъ Ришліё почти шопотомъ.

— И гадаю. А то вѣдь какими путями мнѣ знать тайны вашей эминенціи?

Ришліё вскочилъ и запутался въ одѣялахъ. Паденіе было неизбѣжно; но Гойко поддержалъ, усадилъ кардинала, и покрылъ одѣялами.

— Какія тайны! какія тайны? задыхаясь спрашивалъ Ришліё.

— Да разныя! Наше дѣло мелочное; такъ я и занимаюсь пустяками; а объ важныхъ гадать дорого сто́итъ, да и не всегда удается.

— Пустое, пустое, я тебѣ не вѣрю, говорилъ кардиналъ, принужденно улыбаясь.

— Не вѣрьте: вамъ же спокойнѣе.

— Не вѣрю! А все однако жъ велю пытать тебя!

— Пустое, пустое, я вамъ не вѣрю!

Что́ вамъ за охота лишнихъ часа три страдать коликой?

— Какъ?.... что́?....

— А ваша эминенція вообразили, что вамъ судьба колику послала даромъ?.... Нѣтъ! она у васъ шестое чувство. Вспомните, когда она у васъ появилась. Не помню кого вы это перваго казнили: я тогда былъ еще ребенкомъ. Съ тѣхъ поръ...

Кардинала покрыла смертная блѣдность. Гойко продолжалъ:—Съ тѣхъ поръ кого ни казнятъ, кого ни пытаютъ, а у васъ колика! Заплачетъ въ Седанѣ изгнанникъ отъ нищеты и болѣзни, а у васъ другая бѣда, stranguria! Ночью несчастные станутъ говорить про кардинала-герцога, а у него дурные сны!

Ришліё мрачно посмотрѣлъ на Гойко.

— Ступай съ Богомъ! сказалъ онъ; ты мнѣ не нуженъ. Гойко уходилъ.

— Постой! шепнулъ кардиналъ. А что́ же ты хотѣлъ мнѣ разсказать?

— Я? спросилъ Гойко.

— Ты.

— И не думалъ!

— Но мнѣ писалъ голова.

— Голова ошибся. Я только сказалъ, что если самъ кардиналъ спроситъ, буду отвѣчать, и то такъ, мимоходомъ это сказалъ, въ разговорѣ.

— Ну хорошо, я у тебя спрошу: кто у меня въ за́мкѣ?

— Гости.

— Да какіе?

— Ваша племянница, городской голова, Пуссенъ, Корнель, Мазарини, Депортъ, де-Нойе́, Шавиньи, Бріеннъ и три невинные жида въ кандалахъ.

— Какъ невинные?

— Потому что сатиру писалъ Депортъ съ Сенъ-Марсомъ, печатали въ Михайловскомъ гнѣздѣ вашими буквами, и буквы украли заблаговременно, а жидовъ нарочно сманили въ кабачокъ, да пьянымъ мѣшки съ буквами и подложили.

— Ну, а про кого писана сатира?

— Про Мазарини.

— Нѣтъ, женщина кто?

— Жена Депорта.

— А зачѣмъ же она мститъ?

— За старое, что писано, да за новое, что̀ приписано.

— А что̀ приписано?

— Про Эвелину.

— А Эвелина что̀ на это?

— Плачетъ, да не объ этомъ.

— Объ чемъ же?

— Объ отцѣ своемъ, Вальеролѣ. Онъ, будто слуга Пуссена, въ Парижъ пріѣхалъ, дочь отнялъ у Депорта, а тотъ на ратушу, а голова и схватилъ Вальероля.

— Да когда же все это случилось?

— Вчера вечеромъ.

— А не знаешь ли кого любитъ Эвелина?

— Сенъ-Марса.

— На-вѣрное?

— На-вѣрное.

— А Сенъ-Марсъ?

— Любитъ.... про случай.

— Какъ про случай?

— Да, если на Маріи не дадутъ жениться.

— А есть ли на все это доказательства?

— Нѣтъ.

— А могутъ быть?

— Могутъ.

— Какимъ образомъ?

— Простите Вальероля.

— Нельзя: тогда ужь капитанъ не позволитъ Сенъ-Марсу волочиться за дочерью.

— Правда. Но и казнить капитана вы не будете?

— Хотѣлось бы, да....

Ришліе замолчалъ.

— Вижу, что твои свѣдѣнія огромны, сказалъ кардиналъ. Ты мнѣ нуженъ, Филиппъ, нуженъ. Говори: я окажу тебѣ благодѣяніе.

— Простите де-Вальероля, и я буду служить вашей эминенціи даромъ.

— Но почему ты хлопочешь объ Вальеролѣ?

— А онъ капитанъ моего раненнаго драгуна-благодѣтеля.

«А! подумалъ кардиналъ: вотъ чары, посредствомъ которыхъ онъ знаетъ такъ много!»—Хорошо, Филиппъ! ты будешь доволенъ. Ступай съ Богомъ.

Не будетъ ли какихъ порученій отъ вашей эминенціи?

— Доказательство любви Сенъ-Марса къ Эвелинѣ, письменное доказательство.

— Не нужно ли чего поважнѣе?

— Ничего, ничего не нужно! Да и что́ можетъ быть важнѣе этого?

— Напримѣръ, испанскій трактатъ Гастона Орлеанскаго...

— Что такое? что такое?

Кардиналъ привсталъ. Черты его измѣнились: досада и любопытство четко были написаны на лицѣ, изрытомъ страданіями.

— Какой трактатъ?

— Станемъ говорить искренно, ваша эминенція. Подпишите вотъ этотъ смертный приговоръ тремъ невиннымъ жидамъ.

— Ты съ ума сошелъ! Самъ оправдалъ, и самъ ищешь ихъ смерти!

— Боже меня сохрани! Люди достигаютъ невѣроятной степени искусства отъ выгоды и страху. Есть дѣла, для которыхъ надо употреблять оба средства. Наука открыла мнѣ тайну объ испанскомъ трактатѣ; она же научила меня и способамъ какъ получить его. Жизнь этихъ жидовъ должна быть въ рукахъ моихъ. Выгоды я самъ съумѣю изобрѣсти для нихъ. Не пройдетъ мѣсяца, трактатъ будетъ въ вашихъ рукахъ: только не медлите испанской войной... Къ Перпиньяну! А, пока, подпишите эту бумагу.

— Да я не осуждаю на смерть: я не судъ.

— Тутъ все обдумано. Это только утвержденіе судебнаго приговора.

— Подложнаго!

— Будьте спокойны, ваша эминенція: его услышутъ только три невинные преступника, услышутъ однажды, и потомъ я сожгу его.

— Во всю жизнь ничего подобнаго со мной не случалось.

— Не забудьте, ваша эминенція, что во всю жизнь вашу не было такого умнаго и дѣятельнаго заговора!

— Заговора?

— Вы слышите объ немъ ежедневно: вамъ доносятъ о шуткахъ, словахъ; васъ забавляютъ..... Но только одинъ маркизъ

де-Кокъ знаетъ обстоятельно всю нить заговора, сообщниковъ, намѣренія, и, безъ нужды, не хочетъ дѣлиться своими свѣдѣніями съ чернью.

— Маркизъ де-Кокъ! онъ надоѣлъ мнѣ: онъ бросаетъ и на меня клевету и ругательства.

— Случается. Только согласитесь, кардиналъ, вѣдь и вы ужасно всѣмъ надоѣли. Маркизъ говоритъ отъ лица Франціи. И чего онъ проситъ? Окончить трагедію, и начать что-нибудь повеселѣе, согласное съ національнымъ характеромъ.

— Но кто же этотъ маркизъ де-Кокъ?

— Я.

Наступило продолжительное молчаніе. Кардиналъ былъ пораженъ неожиданнымъ знакомствомъ съ ужаснымъ народнымъ трибуномъ.

— Маркизъ! сказалъ мрачно кардиналъ; вы знаете судьбу вашу?

— Благодарю за языкъ свѣтской учтивости, кардиналъ! Знаю приговоръ ратуши: онъ записанъ въ ратушевыхъ актахъ, объявленъ и прибитъ на всѣхъ угольныхъ домахъ Парижа, и я только могу благодарить господъ членовъ за прилежное стараніе распространить мою славу.

— Дерзкій!.... Я позову Каталонцевъ!....

— Не знаю, будетъ ли вамъ выгодно продать откровеннаго Кока! Не знаю, довольно ли плотны стѣны бастильскаго и венсенскаго замковъ! Ничего этого не знаю: не мое дѣло! Маркизъ де-Кокъ передъ вами.

— Чего же ты отъ меня хочешь? съ досадой сказалъ кардиналъ.

— Простите де-Вальероля и подпишите эту бумагу, а я вамъ за то доставлю копію, если не подлинникъ, испанскаго трактата.

Ришліе подумалъ и отвѣчалъ: — Подпиши за меня!

— Слушаю, кардиналъ, но только въ вашемъ присутствіи.

Гойко подписалъ бумагу и, показывая ее кардиналу, спросилъ: — Похожа ли?

— До обману! съ изумленіемъ произнесъ кардиналъ. Такъ не ты ли выдалъ рекомендательныя письма Фонтрайлю, который подъ чужимъ именемъ отправился въ Испанію?

— А вы знаете, зачѣмъ онъ отправился въ Испанію?

— Не знаю, но на дняхъ получу донесенія.

— Сомнѣваюсь! Впрочемъ, если я вамъ и скажу, это не повредитъ дѣлу. Онъ поѣхалъ туда съ трактатомъ. Письма ему даны только къ вашимъ приверженцамъ.

Вы не видали писемъ?.... Листы кругомъ, и вашею рукою!

Кардиналъ смѣялся, но сердце щемила досада.

— Но въ чемъ же заключается этотъ орлеанскій трактатъ?

— Не все вдругъ. Съ вами, кардиналъ, всегда надо оставлять при себѣ небольшой запасъ: иначе, изъ вашего кабинета можно прогуляться прямо на Гревскую Площадь.

— Помилуй, помилуй! сказалъ кардиналъ, лукаво улыбаясь. Ну, ступай съ Богомъ! Довольно на нынѣшній день.

— Только не забудьте обѣщаній, ваша эминенція, сказалъ Гойко и скрылся.

— Прикажете звать гостей? спросилъ слуга, проводившій Гойку.

— Погоди! Позови капитана Каталонцевъ!

Вошелъ Тромбара.

— Капитанъ! сказалъ кардиналъ по-испански: день и ночь я хлопочу о благоденствіи вашей страны..... Заплатите мнѣ за эти хлопоты!

— Приказывайте, покровитель и защитникъ бѣдной Каталоніи!

— Есть въ Парижѣ маркизъ де-Кокъ, жидъ Гойко, Филиппъ изъ Ліона: это три имени одного и того же человѣка. Онъ сейчасъ выйдетъ изъ моего замка

съ тремя жидами, которыхъ привели вчера. Дайте ему отойти отъ Рюэля подальше и....

Кардиналъ остановился.

— Что же прикажете съ ними сдѣлать? спросилъ Тромбара.

— Зарѣзать!

ГЛАВА XXIII.

ПРИГОВОРЪ.

Тромбара оставилъ кардинала въ сильномъ волненіи: онъ разметалъ уже одѣяла и подушки.

«Ты мнѣ не нуженъ, маркизъ! говорилъ онъ вполголоса: не нуженъ! Фонтрайля поймаемъ и безъ тебя: поручимъ Бріенну.... поручимъ Фаберу.... Шомбергу.... онъ не проскользнетъ во Францію.... Нѣтъ, маркизъ, ты мнѣ не нуженъ! Такіе люди болѣе опасны нежели полезны.... Жаль, если Сенъ-Марсъ не участвуетъ въ трактатѣ!.... И какой трак-

татъ?.... Впрочемъ жаль! можно бы его продержать денька три, четыре, пытать, допросить, а потомъ.... въ воду!.... Нѣтъ! волшебники есть; никто меня не переувѣритъ: есть! есть! Теперь ему и не снится опасность; онъ счастливъ моею милостью. Противъ внезапности не отколдуется. А Вальеролю головку долой: не умничай!.... Дочь! Вотъ выдумалъ!.... Она моя, мое орудіе, удочка, нужда!»— Зовите.... кто тамъ!.... зовите всѣхъ!

Такъ метались мысли Ришліё, и лицо отражало ихъ безпорядочное волненіе. Первая вошла герцогиня; за ней государственные секретари, Мазарини, де-Нойе́ и Шавиньи, потомъ голова, за нимъ Депортъ, наконецъ Пуссенъ и Корнель.

— Я знаю зачѣмъ вы пріѣхали, пронзительнымъ голосомъ сказалъ кардиналъ: знаю, знаю! Не говорите: не слушаю. Законъ неумолимъ.

Сильный припадокъ колики прервалъ рѣчь кардинала.

— Близко, близко! мѣшая слова со стонами, говорилъ Ришліё, Тромбара не далъ и отойти подальше.

Изъ горла хлынула кровь, и чувства оставили кардинала.

Гости съ ужасомъ окружили кресла. Прибѣжали врачи. Но обморокъ кардинала продолжался не долго. Открывъ

глаза, Ришліё сказалъ шопотомъ:— Они умерли!

— Лучше ли вамъ, дядюшка? спросила герцогиня.

— Ничего, ничего, все прошло, отвѣчалъ онъ, приподнимаясь, и глазами искалъ чего-то, но предусмотрительные врачи скрыли даже признаки крови.

Ришліё совершенно успокоился, и, не прошло четверти часа, онъ сталъ уже улыбаться.

— Благодареніе Богу! сказалъ онъ весело: четвергъ у меня всегда тяжелый день, а здоровье очень нужно. Не правда ли, Шавиньи?

Солнце сквозило въ малиновые занавѣсы. Всѣ лица были прирумянены отраженіемъ свѣта; все общество старалось казаться веселымъ, чтобы сохранить веселое расположеніе и въ кардиналѣ.

— А! дорогой преступникъ! сказалъ Ришліё, обратясь къ Пуссену: благодарю за посѣщеніе! Останьтесь у меня денька два въ Рюэлѣ: я совершенно оправлюсь. Присутствіе чистаго, добродѣтельнаго человѣка цѣлительно. Что́ не привезли вы съ собой рисунковъ, чего-нибудь такого? а?

— Вчера я получилъ изъ Рима мои картины и поспѣшилъ лично представить

въ Рюэль назначенныя для вашей эминенціи.

— Ради самого Неба, покажите!

— Пуссенъ подличаетъ, сказалъ голова Корнелю.

Пуссенъ улыбнулся и вышелъ.

— Ну, а ты что́? спросилъ кардиналъ, обращаясь къ Корнелю.

— Онъ пріѣхалъ со мною, прервала герцогиня.

— Неразлучные!.... Но не бойтесь клеветы: я думаю, маркизъ де-Кокъ не напишетъ ужь ни одной сатиры.... А сатира на васъ, кардиналъ, не дурна!

Мазарини покраснѣлъ и, запинаясь, отвѣчалъ:— Клевета, ваша эминенція, клевета.

— Будто я говорю, что я вѣрю! Стихи не дурны, и я не зналъ за Филиппомъ токого таланта.

— Какъ, ваша эминенція?

— Послѣ, послѣ!.... Что̀ скажетъ мой добрый блюститель порядка?

— Я пріѣхалъ, отвѣчалъ голова, просить помилованія капитану де-Вальеролю.

— У васъ есть законы: что̀ тамъ сказано?

— Иногда, ваша эминенція, summum jus summa injuria.

— Это ужь дѣло вашей совѣсти. Оправдайте, если можете: ошибся! если смѣете.

— Ваша эминенція! и я присоединю мою просьбу, сказалъ де-Нойé.

За нимъ и всѣ присутствующіе, кто съ жаромъ, кто нé-хотя, проговорили:— И я! и я!

И я! сказалъ Пуссенъ, держа въ рукахъ превосходную вакханалію.

— Какъ вамъ не стыдно, господа? сказалъ кардиналъ, улыбаясь. Во-первыхъ, это похоже на заговоръ; во-вторыхъ, взятки; въ-третьихъ, г. Пуссенъ, вы только тѣмъ и сами можете оправдаться, что не знали кто вашъ слуга.

— Зналъ, ваша эминенція; но, признаюсь, печаль отца....

— Оставимъ безполезный разговоръ. Голова на лицо: онъ знаетъ законы, а мы не въ свои дѣла мѣшаться не станемъ.

— Конечно, ваша эминенція, конечно, сурово отвѣчалъ голова: вы знаете мои правила и убѣждены, что я оправдаю капитана де-Вальероля. Сколько силъ будетъ, ваша эминенція, сколько силъ будетъ....

— Господинъ голова! перервалъ съ гордостью Пуссенъ: какое наказаніе за мое преступленіе положено законами?

— Вѣчное изгнаніе изъ предѣловъ Франціи!

— О! умоляю васъ, поспѣшите справедливымъ приговоромъ! Я рѣшительно

преступникъ: я буду требовать себѣ наказанія.

Кардиналъ измѣнился въ лицѣ.

— Друзья мои! сказалъ онъ, стараясь смягчить голосъ: неужели вы думаете, что одна жажда кров....

Кардиналъ не могъ кончить словъ, оглянулся, и продолжалъ:— Неужели вы думаете, что одна жестокость управляетъ моими поступками!.... Нѣтъ! я создалъ законы новой Франціи, я создалъ....

Кардиналъ опять остановился, и опять, помолчавъ, продолжалъ:— Кто́ же будетъ повиноваться игрушкамъ? Все, что́ могу я сдѣлать, это смягчить приговоръ. И объявляю рѣшительное мое мнѣніе: слушайте! Господинъ голова, возвратясь въ Парижъ, втеченіи получасу, вышлетъ капитана де-Вальероля, съ надежными людьми, изъ столицы, но *одного*,— слышите?— только *одного*, безъ дочери, а втеченіи четырехъ дней преступникъ не долженъ находиться въ предѣлахъ Франціи, какъ-будто бы онъ и не возвращался изъ-за чужихъ земель.... Господинъ голова! остальное на вашей отвѣтственности!

Кардиналъ, къ общему удивленію, всталъ, и довольно бодро ушелъ въ спальню. Всѣ были поражены неожиданной развязкой.

— Что́ намъ дѣлать? спросилъ Пуссенъ.

Голова отвѣчалъ угрюмо! — повиноваться!

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ПЯТОЙ ЧАСТИ.

ГЛАВЫ. *Стр.*
I. Отъѣздъ. 5
II. Инструкція. 24
III. Подвиги двухъ друзей. 42
IV. Еще ложная тревога. 52
V. Домикъ мину. 65
VI. Сваты. 83
VII. Недоразумѣнія. 99
VIII. Столичная обитель поэта. 113
IX. Совѣты. 120

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

X. Визиты. 141
XI. Охотничій домикъ. 157
XII. Монастырь. 167
XIII. Римляне. 175
XIV. Пасквила. 182
XV. Натурщица 192
XVI. Hotel de Rambouillet. 205
XVI. Свиданіе. 213
XVIII. Третій. 219
XIX. Соперники. 228
XX. Одинокая бесѣда. 237
XXI. Ходатай. 248
XXII. Неожиданный гость. 256
XXIII. Приговоръ. 268

ЭВЕЛИНА

ДЕ

ВАЛЬЕРОЛЬ.

РОМАНЪ

ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Ж. Кукольника.

Второе, исправленное изданіе.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИЛЬИ ГЛАЗУНОВА И К°.

1842.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ 3 октября 1841 года.

Цензоръ *А. Фрейганъ.*

ЭВЕЛИНА ДЕ ВАЛЬЕРОЛЬ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

РЕТИРАДА.

РЕТИРАДА.

J'ai vu le chat brûlé à la patte subtile
Ravir des mains d'autrui le paquet amoureux;
Mais on ne diroit pas qu'il fût sans croix ni pile,
Car il porte la croix et il pille de mieux.
«J'ai vu, qu'a tu vu.» 1616.

ГЛАВА I.

КАРЕТЫ.

Гойко и три *невинные* жида проходили черезъ мостъ рюэльскаго зàмка. За ними медленно подвигался отрядъ Каталонцевъ на лошадяхъ, съ капитаномъ Тромбарой. Освобожденные изъ рукъ вѣрной смерти,

жиды шли весело, но Гойко оглядывался и почесывался.

— Что́ съ тобой, Самуилъ? спрашивали спутники.

— Да не ладно: за нами посланы вотъ эти усачи каталонскіе.

— Что́ за вздоръ? почти вскрикнулъ Ефраимъ.

— Да ужь вѣрьте, цыплята, *пѣтуху*, сказалъ Гойко, намѣкая на прозвище своего маркизата. Постойте!.... За̀мокъ не далеко. Видно, не приказано насъ трогать у за́мка.... Назадъ!

— Что́ ты это, Гойко?.... съ ума сошелъ!

— Говорю, за мной! отвѣчалъ Гойко рѣшительно, и шибко пошелъ на встрѣчу Тромбарѣ.

Отрядъ остановился.

— А—га! такъ и есть! шопотомъ сказалъ Гойко, и, стараясь закрыть лицо, пробирался въ за́мокъ.

Жиды невольно за нимъ слѣдовали.

— Куда? спросилъ Тромбара.

— Забыли кое-что въ за̀мкѣ. А вы куда, капитанъ? Если въ Парижъ, обождите пять минутъ: и мы съ вами. Вы въ Парижъ не за дѣломъ, поѣдете шажкомъ: такъ всё-таки безопаснѣе съ военными людьми.

— Пожалуй, пожалуй!.... и намъ бу-

детъ веселѣе! сказалъ Тромбара съ глупой улыбкой. Только проворнѣе. Мы васъ обождемъ.

— Дожидайся! проворчалъ Гойко, и взошелъ на главный дворъ рюэльскаго зáмка.

— А чтó? сказалъ онъ, обращаясь къ товарищамъ, не угадалъ?

Блѣдные жиды тряслись какъ листья и пищали:—Самуилъ, Самуилъ! чтó съ нами будетъ?

— Тутъ безопасно! подумаемъ! отвѣчалъ Гойко, и присѣлъ на цѣпи у крылечныхъ балясъ.

— Сходи опять къ кардиналу, сказалъ Ефраимъ.

— Дурачьё! Испугать можно, разъ, а за вторымъ самого напугаютъ.... И всё отъ того, что пересолилъ! съ-дуру выболталъ такія тайны, за которыя могъ бы жить въ Парижѣ на кардинальскій счетъ... Поспѣшимъ!—Глянь, Ефраимъ, гдѣ Каталонцы.

Ефраимъ посмотрѣлъ въ ворота и, дрожа, отвѣчалъ:

— На пригоркѣ.

— Тутъ, кажется, и дороги другой нѣтъ.

— Нѣтъ, Самуилъ: во всемъ зáмкѣ одинъ мостъ и одни ворота. Дорога направо въ Парижъ, а налѣво въ посадъ,

а за посадомъ стѣна: тамъ аустерія и конюшни для гостей.

— Вторая глупость! сами себя заперли!

— Что́ же съ нами будетъ?

— Молчать!

Шесть Каталонцевъ проходили дворъ, смѣняя стражу. Часовой у воротъ, поглядывая на жидовъ, перешепнулся съ преемникомъ.

— Э-ге-ге! почесываясь сказалъ Гойко: и эти за-одно съ кардиналомъ.... Поскорѣй вонъ изъ зáмка!

Пошли; Гойко послѣдній. На мосту жиды невольно попятились, увидѣвъ Каталонцевъ.

— Не останавливаться! крикнулъ Гойко. Налѣво! въ посадъ! ровнымъ шагомъ!

Жиды, дрожа, повиновались. Каталонецъ верхомъ скакалъ во весь опоръ за ними. Жиды кинулись-было бѣжать, но Гойко скомандовалъ, и они, не смѣя оглянуться, снова пошли шагомъ.

— Ну что́ же вы? кричалъ Каталонецъ: капитанъ долго ждать не станетъ.

— Сейчасъ, сейчасъ отвѣчалъ Гойко. Виноваты ли мы, что вещи наши на посадъ отнесли?.... Пошли скорѣе, лѣнтяи!.... Доложи капитану, что мы и двухъ минутъ на посадѣ не пробудемъ.

Каталонецъ воротился, а Гойко со

свитой повернулъ въ посадъ, искусно закрытый отъ парижской дороги красивымъ прочищеннымъ лѣсомъ. Тамъ, на посадѣ, у небольшой сельской аустеріи, стояли три огромныя кареты, двѣ въ осемь лошадей, одна въ шесть. Кучера бесѣдовали въ аустеріи, а благородныя животныя думали обычную думу. Гойко посмотрѣлъ въ одну карету и сказалъ:— Это вѣрно городская: нѣтъ и занавѣсокъ! Голова на-показъ бѣденъ. А вотъ карета Мазарини.... Садись!

— Чтó ты, Гойко? спросили товарищи боязливо и отступая.

— Садись, говорятъ вамъ!

Жиды усѣлись.

— Задерни занавѣски!

Задернули.

— Теперь сидите смирно! сказалъ Гойко, и пошелъ въ аустерію.

Кучера продолжали спокойно бесѣдовать.

— Кто изъ васъ Ромуальдъ кардинала Мазарини? сурово спросилъ Гойко.

Ромуальдъ, допивъ на-скоро стаканъ, всталъ, оправился, и отвѣчалъ вопросомъ:—А чтó?

— Поѣзжай въ Парижъ, да скажи Луи дурака! Гдѣ синяя папка кардинальская съ бумагами. Чтó кардиналъ будетъ теперь докладывать?.... Болванъ! Чего добраго,

еще уронилъ съ просонья на улицѣ.... Мерзавецъ! А кардиналъ еще его въ холѣ держитъ, въ бархатъ наряжаетъ. Да и ты: чуть къ аустеріи, и лошадей бросилъ! Ступай, садись, и за папкой! проворнѣе! навскачь! Слышишь?

Ромуальдъ бѣгомъ бросился къ каретѣ, вскочилъ на козлы, щелкнулъ бичомъ, и осьмерикъ умчалъ дрожащихъ жидовъ.

— Хозяйка, вина! сказалъ Гойко, и потомъ про-себя шопотомъ прибавилъ: — Третья глупость: и мнѣ бы съ ними!

Подали вино.

— Не мнѣ одному! Я одинъ не пью. Всѣмъ вина!

—Какъ? и городскимъ стрѣлкамъ? спросила хозяйка.

— Дура! Всѣмъ значитъ всѣмъ.—А что ты прилегъ, сосѣдъ? спросилъ Гойко, подходя къ городскому стрѣлку, который лежалъ на скамьѣ и охалъ.

— Да вотъ нечистый попуталъ, отвѣчалъ стрѣлокъ. Отъ дороги, что́ ли, всего изломало: спина болитъ....

— И на спину вина, и въ брюхо вина! сказалъ Гойко, ощупывая у больнаго спину. Э, братъ! только тебѣ ѣхать нельзя!.. никакъ нельзя!.. Пускай, хозяйка, онъ у васъ денёкъ пролежитъ. Вотъ тебѣ и деньги за него. А потомъ найми тележку, дасъ

надежнымъ человѣкомъ въ Парижъ отправь. А не то, будетъ зло....

— Да изъ чего ваша милость за меня платить изволите?

— По дружбѣ къ господину головѣ. И я сегодня здѣсь по его милости: дай Богъ ему здоровья! Только ты верхомъ, а я пѣшкомъ: ѣхалъ, ѣхалъ, да на полпути колесо кракъ! Тамъ, я думаю, и досихъ-поръ лежитъ на дорогѣ; а кучеръ, вѣрно, на трехъ до Парижа добрелъ.

— Возьмите мою лошадь, жалобно сказалъ стрѣлокъ.

— Спасибо. А кому отдать?

— Да вотъ кто-нибудь изъ нашихъ прiйметъ.

— Карету городскаго головы! закричалъ съ площади ливрейный лакей.

Кучера́ бросились къ каретамъ, стрѣлки къ лошадямъ, а Гойко по указанiю, вскочилъ на свободнаго коня и, вмѣстѣ съ прочими стрѣлками, подъѣхалъ къ мосту.

На мосту стояли голова, Пуссенъ и Корнель.

— Умоляемъ васъ! провожая голову, говорилъ Пуссенъ: промедлите этимъ страшнымъ, несправедливымъ приговоромъ.

— Не могу. Для васъ я задержалъ бы часы, солнце; но у кардинала милліонъ глазъ, милліонъ ушей.... Не могу!

— Какъ вы думаете, Корнель? не уѣхать ли и мнѣ? сказалъ Пуссенъ.

— Не совѣтую, замѣтилъ голова. Вмѣстѣ что̀-нибудь выторгуете.

Корнель знаками подтверждалъ мнѣніе головы.

— А! и ты здѣсь! сказалъ голова, увидѣвъ Гойка между стрѣлками. Садись лучше въ карету. Я думаю, тебѣ есть что́ поразсказать, а мнѣ послушать.

Гойко уже сидѣлъ возлѣ головы. Занавѣски задернулись, раздалось щелканье бича, и поѣздъ мѣрно покатился въ Парижъ.

Проѣзжая мимо Каталонцевъ, голова поклонился капитану, а Гойко, поблѣднѣвъ, опустилъ голову и закрылъ рукою глаза. «Четвертая глупость! подумалъ онъ: надо было задернуть занавѣску и съ той стороны.»

— И лучше! сказалъ капитанъ: покрайней-мѣрѣ насъ избавили отъ убійства. Пускай его казнятъ судомъ. Пойти доложить кардиналу.

— А гдѣ же трое товарищей? спросилъ Каталонецъ.

— Вѣрно, опять въ кандалы заковали, отвѣчалъ капитанъ, и спокойно поѣхалъ съ отрядомъ въ за́мокъ.

— Ну, что́ ты, Гойко? сказалъ голова: слышалъ, чѣмъ порѣшилъ кардиналъ? Въ пол-часа отправить капитана изъ Парижа, въ четыре дня изъ Франціи..... Надо съ ума сойти! Что̀ я успѣю въ пол-часа сдѣлать?..... Въ пол-часа! Развѣ свою карету дать? знаешь, старую, синюю?.... Для дороги хороша....

— Благодѣтель мой! отвѣчалъ Гойко: вы знаете: что я служу вамъ и вѣрно и усердно. Вы дали намъ съ Сарой гражданство и безопасность. Я еще не успѣлъ ничѣмъ отплатить вамъ....

— Ну, такъ что́ же? спросилъ голова.

— А вотъ что́. Я вывезу Вальероля въ вашей каретѣ за границу, а потомъ, въ той же каретѣ, ворочусь. Лошадей не нужно: только свистну на рынкѣ, будутъ! Ужь мнѣ, вѣрно, на роду написано въ чужихъ каретахъ разъѣзжать. Вы только конвой приготовьте.

— Преумно! преумно!.... А сколько, ты полагаешь, нужно денегъ?

— Триста добрыхъ пистолей: а вамъ заплатитъ кардиналъ. Вѣдь высылаютъ безъ суда, по волѣ Ришліё: онъ и плати! У васъ же есть всегда съ нимъ счеты.

— А ты какъ знаешь?

— Да не вы ли сами вчера сказали?

«Вотъ глупо, подумалъ голова: если я

и вправду обмолвился!»— Ну, быть по-твóему! сказалъ онъ громко.

— Стой! закричалъ Гойко.

Карета остановилась.

— Чтó ты хочешь дѣлать?

— Да чтó мы? ракомъ поземъ! Я возьму у стрѣлковъ свободную лошадь и въ три мига буду въ Парижѣ. Пока вы дотащитесь до ратуши со всею важностью, приличною вашему сану, я все приготовлю. Тогда не трудно будетъ въ пол-часа исполнить волю кардинала.

— Голова согласился, и Гойко ускакалъ. Онъ еще былъ въ виду, какъ Тромбара съ Каталонцами остановилъ карету головы.

— Гдѣ Гойко? спросилъ Тромбара.

— Ускакалъ въ Парижъ.

— Не можетъ быть! Онъ гдѣ-нибудь здѣсь у васъ спрятался.

— Ищите.

Тромбара отдернулъ занавѣску и убѣдился въ истинѣ.

— Да вотъ онъ! сказалъ голова, указывая на дорогу.

Едва примѣтной точкой чернѣлся Гойко на ясномъ горизонтѣ. Тромбара вскочилъ на коня, и весь отрядъ стрѣлою полетѣлъ къ Парижу.

ГЛАВА XI.

ДЕНЬ БЛАГОДАРНОСТИ.

Голова пріѣхалъ прямо къ городской ратушѣ. Старшины чинно и безмолвно уже сидѣли въ залѣ за перегородкой. Народъ во множествѣ стоялъ на паперти, и спорилъ съ городскими стрѣлками. Имя капитана де-Вальероля было у всѣхъ на языкѣ; но стрѣлки толковали народу, что голова поѣхалъ просить прощенія и скоро привезетъ радостное извѣстіе. Едва показалась торжественная городская карета, чернь окружила ее, и, примѣтивъ, что голова въ хорошемъ расположеніи духа,

привѣтствовала его и поздравляла. Голова, ласково кланяясь на обѣ стороны, вошелъ въ залу засѣданій. Старшины, исполнивъ предписанный законами церемоніялъ торжественнаго входа головы, почти единогласно спросили, что́ будетъ съ де-Вальеролемъ.

— Съ какимъ де-Вальеролемъ, господа? сказалъ голова, съ видомъ удивленія. Мы захватили слугу г. Пуссена по ложному доносу. Все обнаружилось. Прошу считать капитана де-Вальероля по-прежнему государственнымъ изгнанникомъ, находящимся внѣ предѣловъ Франціи; прошу такъ записать и въ актахъ. Особенныя порученія кардинала-герцога не позволяютъ мнѣ сегодня заниматься дѣлами. Засѣданіе отлагается до вечера.

Голова всталъ и заднимъ крыльцомъ отправился домой. Старшины кое-какъ успокоили народъ. Все утихло на ратушевой площади.

Подходя къ своему дому, голова былъ изумленъ исправностью Гойка: старая синяя карета стояла уже у крыльца; Гаръ-Піонъ помогалъ тремъ проворнымъ парнямъ запрягать добрый шестерикъ лошадей смѣшанной андалузской породы. Удивленіе головы возрасло еще болѣе, когда онъ увидѣлъ у воротъ своихъ капитана Тромбару съ Каталонцами.

«Вѣрно, подумалъ онъ: Гойко попалъ въ большую дружбу къ кардиналу, если Тромбара за нимъ гоняется по всему Парижу.»

— Гдѣ Гойко? грубо спросилъ Тромбара.

— Гдѣ Гойко? отвѣчалъ Гаръ-Піонъ: да вы бы у меня спросили! Швейцарскій капитанъ кардинала остановилъ его на улицѣ и повелъ въ ришліёвскій дворецъ, въ типографію: видно слѣдствіе какое.

Тромбара со злости сильно ударилъ ногами въ брюхо лошади.

— Проклятые Швейцары! бормоталъ онъ: черти! всегда у насъ добычу вырываютъ.... Постой! дай Богъ только поссориться, я исковеркаю цвѣточную рожу, съ малиновымъ носомъ, этого альпійскаго попугая!.... Впередъ!

И отрядъ шагомъ, медленно, потащился на мостъ.

Городской голова вошелъ въ гостиную. Капитанъ де-Вальероль ходилъ изъ угла въ уголъ скорыми шагами. Спокойствіе было написано на прекрасномъ его лицѣ. Голова объявилъ волю кардинала.

— Милость великая! сказалъ капитанъ: неожиданная! Я считалъ себя на канунѣ смерти; всѣ надежды мои не простирались далѣе Бастиліи; я уже воображалъ

какъ въ темницѣ представлюсь маршалу Бассомпіеру, какъ онъ, и въ заключеніи, встрѣтитъ меня остроумными шутками.. . и вдругъ такая милость! Достойный сановникъ, конечно, я вамъ ею обязанъ. Довершите же ваши благодѣянія, пошлите за Эвелиной. Мы отправимся и вѣчно будемъ прославлять милосердіе кардинала.

— Капитанъ, простите, я долженъ отказать вамъ въ этомъ счастіи.... Васъ однихъ приказано отправить, однихъ, въ теченіе получаса: остается десять минутъ....

— Все готово! сказалъ Гойко, входя въ комнату въ кучерскомъ платьѣ, въ огромныхъ сапогахъ, въ рыжемъ парикѣ, и прихрамывая.

— Гойко! воскликнулъ съ ужасомъ голова: тебя ищутъ!

— Искали; но мы объяснились, и я больше имъ не нуженъ до возвращенія. Но пожалуйте же намъ, для формы, бумагу въ Ліонъ, а не то, господинъ голова, мы не уѣдемъ далеко.

— А вы развѣ на Ліонъ?

— На Ліонъ, капитанъ, на Ліонъ.... не такъ ли? Капитанъ молчалъ. Голова писалъ бумагу.

— Но я не знаю, какъ мнѣ отпустить тебя, Гойко: кажется, ты нуженъ...

— Благодѣтель! сказалъ Гойко: меня хотятъ повѣсить!

— За что?

— Не спрашивайте..... молчите..... вы меня не видали..... пусть ищутъ..... А вы, господинъ капитанъ, будьте спокойны: наши и ваши дамы пріѣдутъ по первому письму, куда назначимъ. Гаръ-Піонъ всѣхъ ихъ привезетъ. И деньги у нихъ есть, и г. Пуссенъ поможетъ, и все будетъ хорошо. Остается пять минутъ для нашей безопасности..... Ѣдемъ!

— Простите, капитанъ! вотъ вамъ честное слово, я приму отцовское участіе въ судьбѣ вашей дочери! сказалъ голова, обнимая де-Вальероля.

— И въ судьбѣ Джудиты! сказалъ капитанъ.

— И въ судьбѣ Сары! шепнулъ Гойко.

— Всѣхъ, всѣхъ! отвѣчалъ голова со слезами. Беззащитной невинности—покровомъ Богъ и земная власть закона. Простите!.. . Гойко, ты мнѣ служилъ вѣрно, и я, кажется, умѣю быть благодарнымъ.

— Погодите, господинъ голова, я вернусь къ вашей каретѣ, когда уже кардинала будетъ допрашивать Всевышній!

Голова вздрогнулъ. Окна задребезжали.

— Смотрите! сказалъ Гойко, и всѣ оглянулись.

Сильный градъ, въ голубиное яйцо, разбивалъ стекла и стучалъ въ ставни.

— Не первое предвѣстіе! Онъ не увидитъ новаго года.... Ѣдемъ! Мы не успѣемъ выѣхать за ліонскую заставу....

Градъ пересталъ, и солнце освѣтило грязную улицу. Бичъ захлопалъ: кони рванулись. Гаръ-Піонъ и голова безмолвно смотрѣли вслѣдъ изгнанникамъ.

— Такъ-то, любезный! сказалъ голова.

— Такъ-то, господинъ голова! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ.

— Я обѣщалъ помочъ и Эвелинѣ и какой-то Джудитѣ, и бѣдной Сарѣ.... да какъ и чѣмъ я помогу имъ?

— Сидите смирно, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ. Ваше дѣло помогать, когда попросятъ, а если что́ нужно будетъ, я у васъ и попрошу, а вы и сдѣлаете.

— Хорошо, любезный другъ, хорошо! Дѣлать добро я люблю.

— За то и Парижъ васъ любитъ.

— И не такъ еще полюбитъ! Скоро ратуша заговоритъ иначе, особенно если слова моего Гойки сбудутся.

— А что онъ сказалъ, господинъ голова?

— Да такъ, притчу. Не знаю, зачто я полюбилъ этого жидёнка.

— Вотъ и я тоже, господинъ голова, никакъ этого понять не могу. Грѣшенъ

нечего сказать, друженъ съ жидомъ. Каждую субботу къ исповѣди хожу, а всё-таки люблю: такой благодарный!

— И умный.

— И ученый.

— И хитрый.

— Для враговъ!.... Представьте, господинъ голова! вчера только узналъ я, и то случайно, что знаменитый нашъ маркизъ де-Кокъ—Гойко!

Голова поблѣднѣлъ.

— Быть не можетъ!.... Онъ и на ратушу пасквили писалъ!

— Пока Сара была въ темницѣ. А потомъ, помните книжонку «Добрый Голова»?

— Какъ же, какъ же! улыбаясь отвѣчалъ голова. Такъ и это его?.... Очень пріятно. Какой благодарный человѣкъ! Но слава Богу что уѣхалъ изъ Парижа!

═══

Въ квартирѣ новаго и добровольнаго изгнанника, Джироламо и Джованни прилежно и громко учили свои уроки. Джудита любовалась красотой Сары, Сара красотой Джудиты: обѣ сидѣли за рукодѣльемъ.

— Я очень неспокойна, сказала Сара: Гойко такъ тревожно простился со мною и утащилъ Гаръ-Піона.

— Жаль, что я спала, не могла разспросить, отвѣчала Джудита. Всю ночь я и глазъ не свела: зато утромъ сонъ одолѣлъ, и я проспала нѣсколько часовъ безъ сновидѣнія.

—Онъ такъ никогда не прощался со мною; даже въ темницѣ я была счастливѣе, сказала Сара, и задумалась.

Джудита также была погружена въ размышленіе. Ей на яву снился Вальероль. Она сравнивала нѣжнаго, мечтательнаго юношу Вальтелинской Долины съ этимъ сильнымъ, плотнымъ мужчиной, котораго она недавно обнимала въ вандомскихъ палатахъ. Волоса у него уже были съ просѣдью; несчастія изрыли морщинами лобъ; но онъ былъ во сто кратъ очаровательнѣе вальтелинскаго Вальероля..... И какъ это естественно! Между первымъ и послѣднимъ свиданіемъ протекло пятнадцать лѣтъ! и какихъ лѣтъ!..... Слезъ, стыда, неудачной мести, тяжкихъ потерь, безпрерывныхъ надеждъ заплатить Джуліо за всю полноту несчастія, не ножомъ, не ядомъ, не стыдомъ: нѣтъ, нѣтъ! чѣмъ же?..... она и сама не знала; но тайная жажда создала въ ея кипящемъ воображеніи какой-то неопредѣленный идеалъ мести; сердце больное, покрытое безчисленными язвами, въ постоянномъ раздраженіи,

хранило дикую вѣру, что эта мечта когда-нибудь осуществится. Появленіе Вальероля не могло быть цѣлебнымъ..... нѣтъ! онъ снялъ кору съ самыхъ глубокихъ ранъ; признаніе въ любви зажгло ихъ новымъ, ядовитымъ огнемъ. Онъ повиновался обязанностямъ, онъ умѣлъ такъ долго быть вѣрнымъ, добродѣтельнымъ, несчастнымъ; а она? ...., Теперь онъ можетъ располагать своимъ сердцемъ и рукою, свобода Джудиты въ ея власти; а дѣти? а месть? а эти ненавистныя дѣти?..... Неужели въ такомъ романѣ можетъ быть благополучная развязка?..... Нѣтъ! къ прежнимъ ужаснымъ, едва выносимымъ, чувствамъ прибавилось новое—безнадежность, и глаза Джудиты, ничего не видя, разбѣгались по широкой и грязной улицѣ пустыннаго предмѣстья.

Гаръ-Піонъ шелъ впереди, за нимъ городскія носилки и двѣнадцать пѣшихъ стрѣлковъ.

—Кого это несутъ къ намъ? спросила Сара, когда носилки повернули къ воротамъ.

Вошелъ голова съ Гаръ-Піономъ. Женщины перепугались.

— Радъ, сказалъ голова: очень радъ, что нахожу васъ дома. Мы исполнили

тяжкій долгъ: отправили вашего друга и твоего мужа за границу.

—Куда? вскрикнули обѣ.

—Будьте спокойны, и благословляйте милосердіе кардинала-герцога. Обоимъ слѣдовала смертная казнь: кончилось ссылкой.

—А Гойко за что? спросила Сара.

—Высланъ не Гойко, а маркизъ де-Кокъ..... Крѣпко шалитъ!..... Но и вамъ здѣсь не безопасно.

— Какъ? да мы въ чемъ же виноваты? спросила Джудита покраснѣвъ.

— Будто во Франціи въ наше время есть невинные! отвѣчалъ голова. Всѣ виноваты! Но всѣхъ вдругъ наказать нельзя: мы и устроили очередь. Кто первый поутру на глаза, тащи его къ допросу!

Голова горько улыбнулся и, помолчавъ, продолжалъ: — На нынѣшній день довольно и двухъ. Станемъ принимать мѣры, чтобы не быть назначенными жертвами на завтра. Что вы намѣрены дѣлать, Джудита?

— Простите моему смущенію, господа. Я отдаю себя совершенно подъ вашу защиту.

— Но я желалъ бы знать ваши намѣренія.

— Первое, разстаться, развестись съ Депортомъ! Онъ мнѣ мужъ.....

Джудита остановилась, взглянувъ на дѣтей.

— Разводъ дѣло здѣшняго епископа: ратуша въ этомъ вамъ пособить не можетъ. А попросить епископа, написать вамъ нужныя бумаги..... это дѣло другое, и я готовъ къ вашимъ услугамъ. Нѣтъ ли еще какихъ желаній, Джудита?

— О! есть, есть! если вы такъ добры. Возьмите дѣтей моихъ; отдайте ихъ куда угодно: пускай учатся. Я хочу купить имъ мѣста прокуроровъ въ парижскомъ парламентѣ, пристроить.....

— А есть у васъ на это деньги? Вѣдь мѣста теперь не дешевы, потому что приближается борьба трудная и для этихъ чиновниковъ не безвыгодная. Министерство Мазарини мы встрѣтимъ иначе .... И Ришліё не въ состояніи предупредить неминуемаго несчастія! Довольно перенесли мы униженія; довольно городъ заплатилъ въ бездонное казначейство кардинала. Италіянецъ Мазарини не будетъ пользоваться такою постыдною снисходительностію. На дняхъ я собираюсь отказать и самому Ришліё: надо же положить конецъ такому безбожному разоренію! Я этого ни передъ кѣмъ не скрываю, и мѣста оттого дороже.

— Посмотрите, господинъ голова, вотъ эти бумаги, посмотрите, довольно ли будетъ для дѣтей моихъ?

— Вы поэтому участвуете въ парижскомъ долгу? сказалъ голова, перелистывая бумаги. Большія суммы въ рукахъ правительства. Но всѣ эти обязательства выданы на имя кавалера д'Орбиньи. Наслучай, вамъ надо продать ихъ въ городѣ, и я вамъ устрою это дѣло. А дѣтей зачѣмъ въ парламентъ? Они уже порядочные мальчики: будутъ до поры до времени считаться моими секретарями. Я ихъ постараюсь приготовить для службы. Богатые молодые люди, они могутъ пріобрѣсти осѣдлость и парижское гражданство. Но они дворяне.....

— А развѣ это мѣшаетъ дѣлу?

— Уладимъ, уладимъ! Возьмите ваши бумаги.

— Нѣтъ, господинъ голова, вотъ вамъ и дѣти. Возьмите ихъ. А я подамъ объ разводѣ и уѣду изъ Франціи.....

— Куда же?

— На родину, въ Сондріо.

— А пока, не хотите ли переѣхать ко мнѣ? Мы получимъ отъ Гойка письма, и тогда вамъ уже удобнѣе будетъ выѣхать изъ Франціи: будете знать, гдѣ капитанъ де-Вальероль. Вѣдь я полагаю, вамъ же придется отвезти Эвелину?

— Господинъ голова, вы ангелъ-хранитель нашъ! Я готова. Но Сара?

Голова грустно посмотрѣлъ на Сару и сказалъ: — По-мнѣ, я взялъ бы къ себѣ и Сару; но моя жена.... Она, знаете, такая набожная.

— Оставьте, господинъ голова! сказалъ Гаръ-Піонъ. Гойко много для меня сдѣлалъ: я отслужу его женѣ.....

Голова пожалъ руку Гаръ-Піону и сказалъ:—Сегодня день благодарности! Но, любезный, сейчасъ перемѣни квартиру и назови Сару другимъ именемъ, своею женой, дочерью, племянницей, какъ хочешь: только сейчасъ! Я думаю, вамъ не долго переѣхать.

— Конечно, господинъ голова, конечно! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, схватилъ со стула покрывало и родъ нынѣшняго салопа съ капюшономъ и кутасами, набросилъ все это на Сару, и сказалъ: — Пойдемъ!

Сара, молча, повиновалась. Джудиту посадили въ носилки, и голова съ дѣтьми и стрѣлками провожалъ ее пѣшкомъ, съ трудомъ пробираясь около заборовъ грязнаго предмѣстья. Не успѣли они уйти изъ широкой и длинной улицы, какъ Тромбара съ Каталонцами появился у дому, нанятаго Гойкомъ. Всѣ сосѣди собрались смотрѣть на нелюбимыхъ гостей.

На вопросы Тромбары, фуршатскіе обыватели отвѣчали такъ сбивчиво, нелѣпо, съ насмѣшками передразнивая испанское произношеніе, что взбѣшенный капитанъ чуть-было не скомандовалъ къ атакѣ. Наконецъ одна старуха будто сжалилась надъ Тромбарой и съ важностью сказала:

—Перестаньте сердиться, сударь. Гнѣвомъ ничего не узнаете. Гойка вашего уже три дня ни кто изъ насъ не видалъ; а больше жильцовъ здѣсь и не было.

Каталонцы сдѣлали однако же вторичный обыскъ, и съ досадой отправились въ Рюэль. Толпа народу провожала ихъ насмѣшками, стихами маркиза де-Кока, и долго соображала на улицѣ, какія бы могли быть причины такого усердія лѣнивыхъ Каталонцевъ.

ГЛАВА III.

ССОРЫ.

— Позовите Мазарини! сказалъ Ришліё, входя въ свой рюэльскій кабинетъ.

Мазарини не замедлилъ.

— Поздравляю васъ, поздравляю! мрачно привѣтствовалъ его кардиналъ. Сенъ-Марсъ читалъ сатиру королю. Требуютъ отъ меня объясненія..... требуютъ грубо..... Видно, партія получила тѣло и новыя силы. Благодарю васъ за неловкость. Вы не потрудились замять такой важной, такой дурной интриги.

— Благодѣтель мой! отвѣчалъ Маза-

рини, повѣрите ли? я не знаю до-сихъ-поръ, откуда этотъ громъ!

— Еще бы вы дѣлали наперсникомъ своихъ тайнъ Депорта! Конечно, и жена могла ему разсказать. Но приписка де-Кока? Надо изслѣдовать..... Но скажите: что̀ я долженъ отвѣчать королю?

— Отвѣчайте ему испанскою войною. Все готово.

Кардиналъ улыбнулся, и съ удовольствіемъ посмотрѣлъ на Мазарини.

— Но скажите, спросилъ онъ ласково: чѣмъ вы намѣрены оправдать себя? какъ располагаете кончить эту исторію?

Мазарини молчалъ, злобно улыбаясь.

— Понимаю! сказалъ кардиналъ. Позовите Депорта!—Досадный Италіянецъ! примолвилъ Ришліё тихо. Но его умъ нуженъ для Франціи, его несчастія для моей славы; а случай началъ мое дѣло: народъ уже не любитъ Мазарини.

Кардиналъ усѣлся, и въ-очередь дралъ за уши своихъ кошекъ. Бокинемъ сталъ ворчать, кошки кричали. Кардиналъ ударилъ ногой: ему стало дурно. Вошелъ Депортъ. Кардиналъ выздоровѣлъ.

— Гдѣ вы печатали сатиру на Мазарини? спросилъ кардиналъ, и, не позволяя отвѣчать, продолжалъ:—Хорошъ, хорошъ! Его женили, возвысили, обогатили, а онъ присталъ къ Сенъ-Марсу, къ

молодежи, къ моимъ врагамъ! Я не разсчитываю на благодарность, но взыскиваю за неблагодарность. Я приготовилъ вамъ маркизатъ, мосьё Депортъ, послѣ покойнаго маркиза Демюни. Я заплатилъ за него дорого, но и ваши услуги не маловажны. Еще двѣ, три сатиры, также на этотъ счетъ, и еще одно условіе: представьте новую маркизу въ лучшія общества, уговорите ее снять съ себя глупую, неприличную въ наши времена скромность: пусть признается, что повѣсть, описанная въ сатирѣ,—ея повѣсть. Маркиза должна быть хороша собой, и ея несчастія нисколько не помрачатъ ея достоинствъ въ глазахъ нашихъ дамъ: напротивъ, я обѣщаю живѣйшее участіе.... больше! любовь всей нашей молодежи, стихи; я самъ напишу стихи! Но не забудьте, любезный маркизъ, что все это тайна, и тайна, которая мнѣ столько же дорога, какъ вамъ голова и свобода. Поняли?..... А что Сенъ-Марсъ? что̀ Эвелина?

Депортъ долго не могъ вымолвить слова: онъ ничего не понималъ въ рѣчи кардинала. Ришліê съ злобною улыбкою глядѣлъ на Депорта, и любовался его замѣшательствомъ, наконецъ снова повторилъ свои вопросы; — Ну, что жъ Эвелина? что̀ же Сенъ-Марсъ?

—Ваша эминенція, мы потеряли Эвелину навсегда! Пьяный слуга Пуссена....

— Довольно, довольно! перервалъ кардиналъ. Что мнѣ за-дѣло до вашихъ домашнихъ ссоръ? Я не мѣшаюсь въ ваши келейныя интриги. Вы свободны, господинъ маркизъ; вы мнѣ больше не нужны.

Холодный потъ градомъ катился по блѣдному лицу Депорта; онъ дрожалъ; слова путались. Кардиналъ не сводилъ съ него своего ужаснаго взгляда, и стучалъ сухими пальцами по рѣзному поручню креселъ.

— За что такая немилость, ваша эминенція? съ трудомъ прошепталъ Депортъ.

— Какая немилость? Да и кчему вамъ моя милость? Сенъ-Марсъ въ силѣ: сегодня, завтра первый министръ. Поѣзжайте въ Сенъ-Жерменъ.

Депортъ заплакалъ и сталъ божиться, что ни въ чемъ не виноватъ, ничего не понимаетъ, что все напуталъ Гойко. При имени Гойка, кардиналъ измѣнился въ лицѣ и хлопнулъ въ ладоши. Вошелъ слуга.

— А что Тромбара? спросилъ кардиналъ.

— Ожидаетъ позволенія войти!

— Зови!

Вошелъ Тромбара, и объявилъ, что

нигдѣ не могли отыскать Филиппа Ліонскаго. Кардиналъ написалъ записку и спокойно сказалъ капитану: — Отдайте городскому головѣ,.... отошлите, хотѣлъ я сказать. — Такъ это все напуталъ Гойко? продолжалъ онъ, когда Тромбара вышелъ. Кто же этотъ Гойко?

— Онъ у меня служилъ на посылкахъ; по всѣмъ признакамъ, жидъ; являлся всегда поутру; за каждую услугу безсовѣстно требовалъ денегъ: вотъ все наше знакомство.

— И въ этомъ я вижу умъ, смѣтку. Но кто же писалъ сатиру?

— Понять не могу.

— Но она про вашу жену.

— Я догадался; но ваша эминенція не мало удивитесь, если я доложу, что повѣсть Джудиты была до-сихъ-поръ мнѣ совершенно неизвѣстна.

— Въ-самомъ-дѣлѣ?

— Клянусь вамъ! клянусь...

— Позвольте. А Эвелина? Кто назначилъ свиданіе въ Тюильрійскомъ Саду?

— Ахъ, Господи Боже мой! И это обвиненіе падаетъ на меня!.... Да, ваша эминенція! вы и не знаете всего. Это преразвратная дѣвчонка: еще до переѣзду въ мой домъ, она имѣла нѣсколько интригъ съ молодежью. Одного я скоро открылъ, и, благодаря вашей эминенціи,

онъ въ Седанѣ. О другихъ я недавно узналъ въ рамбульетскихъ палатахъ. Тамъ трое поссорились за нее: каждый увѣрялъ, что онъ пользуется ея расположеніемъ. Самъ де-Вальероль, какъ извѣстно, человѣкъ нетрезваго поведенія; убилъ, въ пьяномъ видѣ, жену. Онъ потворствовалъ всѣмъ шалостямъ дочери. Ваша эминенція, вѣроятно, изволили слышать, что сыновья герцога Вандомскаго въ самый день изгнанія, украли въ предмѣстьѣ какую-то женщину, которую освободили городскіе стрѣлки. По всѣмъ соображеніямъ, это была Эвелина; а теперь она, какъ вы думаете, чѣмъ занимается? Ужасъ напалъ на меня, когда я узналъ: она служитъ художникамъ натурщицей, и позвольте сказать откровенно: мнѣ кажется, ваша эминенція, по милосердію своему, изволили приказать выслать не Вальероля, а просто слугу, а можетъ-быть, и Вальероля, только не такого нѣжнаго отца, какъ объ немъ думаютъ, потому что онъ прибѣжалъ ко мнѣ въ домъ пьяный и все кричалъ на дочь свою: «Пойдемъ къ Пуссену! Пуссенъ тебя ожидаетъ!» а теперь я узналъ, что она поутру еще служила мосье Пуссену натурщицей. Такъ извольте сами разсудить: что́ все это можетъ значить? Конечно, за такую натурщицу можно вступиться, тѣмъ болѣе, что

мнѣ сказывалъ маркизъ Дюземидъ, будто и самъ Пуссенъ въ этотъ вечеръ былъ ужь слишкомъ веселъ, а дежурный лакей при домѣ доложилъ мнѣ, что бочки вина, поставленной въ погребу на годъ,... уже не стало! Мадамъ Рамбулье́ пишетъ романъ «Эвелина». Если это вѣрная картина прежней жизни этой притворщицы, такъ я ужь не знаю, чего и ждать отъ нея. Вашимъ прозорливымъ умомъ потрудитесь вникнуть во всѣ эти обстоятельства, и рѣшите что́ мнѣ дѣлать.

Кардиналъ задумался и, помолчавъ, отвѣчалъ:— Ботъ что́: молчать до времени. Посмотримъ, поглядимъ: все обнаружится. Но знаетъ ли объ этомъ Сенъ-Марсъ?

— Я пробылъ все это время при Пуссенѣ, и не могъ съ нимъ видѣться.

— Такъ поѣжай же въ Сенъ-Жерменъ, скажи про отношенія Эвелины съ Мазарини, про свиданіе, и только. Прочихъ подробностей онъ не долженъ знать до времени. Маркизатъ можешь изъ шутки обратить въ пріятную истину, но прежде я желалъ бы видѣтъ будущую маркизу.... Нѣтъ!..... нѣтъ!.... поѣзжай въ Сенъ-Жерменъ и сиди тамъ, пока не позову.

— Благодѣтель мой! позвольте поцѣловать край одежды....

— Ступай, ступай!

Каминъ пылалъ въ отдѣленіи рюэльскаго дворца, гдѣ помѣстилась герцогиня Эгильіонская. Очаровательная хозяйка лежала на бархатной кушеткѣ. Передъ ней стоялъ Корнель, и декламировалъ тираду изъ новой трагедіи своей «Помпей». Пуссенъ, облокотясь на мраморную доску, покрывающую каминъ, прилежно слушалъ могучіе стихи римской трагедіи. Де-Нойé и Шавиньи, въ темномъ углу за каминомъ, прилежно дремали. Въ раскрытыя двери вошелъ Ришліё, и остановился. Никто не замѣтилъ, какъ вошелъ онъ: свѣтъ отъ камина не освѣщалъ той стороны, гдѣ были двери. Кардиналъ спокойно любовался красивой картиной и красивыми стихами. Особенное одушевленіе замѣтно было въ чтеніи Корнеля. Мерцающій блескъ огня освѣщалъ слезы на глазахъ герцогини. Мрачная фигура Пуссена рисовалась недвижной статуей. Корнель кончилъ, и сталъ ходитъ по залѣ.

— Это совершенно новый языкъ, сказалъ Пуссенъ: такъ еще не говорили по-французски.

— Что̀ если бы кардиналъ услышалъ ваше мнѣніе! сказалъ Корнель, продолжая ходить.

— А что́?

— Именно за языкъ нѣтъ мнѣ пощады. По мнѣнію кардинала, именно языкъ

у меня и не чистъ и не свойственъ характерамъ моихъ дѣйствующихъ лицъ.

— Какой вздоръ! простодушно сказалъ Пуссенъ. Бѣда, когда наше бѣдное искусство считаютъ забавой, игрушкой! Можно, пожалуй, и шалить перышкомъ, и стишки дѣлать; но принять на себя званіе судьи въ дѣлѣ искусства, но печатать, даже подъ чужимъ именемъ, плохія піесы.... Я удивляюсь кардиналу въ этомъ отношеніи, какъ удивляюсь ему въ страшной политикѣ....

— О! я съ вами не согласна, сказала герцогиня. Мой дядя былъ бы первоклассным писателемъ....

— Въ такомъ только случаѣ, перервалъ Пуссенъ: еслибы въ то же время Корнель былъ первымъ министромъ Франціи. Я думаю, герцогу Ришліё, поэту, было бы лучше и свободнѣе, нежели поэту Петру Корнелю.

Кардиналъ боялся измѣнить себѣ, но больныя ноги не могли долѣе его поддерживать. Въ темнотѣ онъ сталъ искать кресла, и не могъ найти. Шорохъ возбудилъ вниманіе.

— Кто тамъ? спросила герцогиня.

— Это я, поэтъ Ришліё, отвѣчалъ кардиналъ. Я слышалъ послѣднія слова, и желалъ бы знать начало вашего разговора. — «Вотъ будутъ лгать! подумалъ

Ришліё, и усѣлся въ низенькихъ креслахъ, которыя подкатили ему де-Нойе и Шавиньи.

— Герцогиня была перепугана неожиданнымъ появленіемъ кардинала. Пуссенъ недоволенъ, а Корнель подошелъ къ окну, и съ досадой тихо сказалъ:—Прощай милость къ Пуссену!.... и за меня! Личное чувство перевѣситъ государственную пользу!

— Ну, что́ же вы говорили? спросилъ кардиналъ, поправляя на ногахъ какой-то плащъ, который герцогиня принесла изъ своей спальни и на́-скоро покрыла имъ кардинала. Видно вы сердитесь на меня. Я помѣшалъ вашей дружеской, искренней бесѣдѣ... Да отвѣчайте же!

Пуссенъ не могъ и не хотѣлъ молчать долѣе.

— Вы слышали все, эминенца. Простите искренности. Вы слышали все. Мы васъ открыли не на прямой дорогѣ. Жаль, что вы не нашли спокойныхъ креселъ и не дослушали.

— Продолжайте, продолжайте! сказалъ кардиналъ съ трудомъ выговаривая слова.

— То, что́ имѣло бы существо и дѣйствительный видъ истины, теперь покажется только дерзостью.

— Это совершенно новый языкъ, тихо сказалъ Корнель де-Нойе: такъ еще

не говорили по-французски. Проститесь съ своими художественными мечтами.

— Слѣдовательно, спросилъ кардиналъ: существо этой истины для меня не выгодно?

— Конечно, отвѣчалъ Пуссенъ: если ее безопасно нельзя сказать въ глаза вашей эминенціи.

— Отчего же нельзя?

— Оттого, что въ рукахъ вашей эминенціи королевскія арміи и всѣ тюремные замки.

Вы сердитесь на меня за де-Вальероля?.... Успокойтесь, успокойтесь! я не отниму у васъ Эвелины... Богъ съ вами! Я не отдамъ ее Депорту, хотя бы слѣдовало. Довольны ли вы?

— Ваша эминенція! продолжайте быть защитникомъ несчастныхъ, и еще есть время заслужить благословеніе Франціи.

Всѣ встали. Герцогиня не знала, какъ предупредить бурю: звала слугъ, требовала свѣту. Небольшая гостиная освѣтилась. Кардиналъ былъ на ногахъ: губы и кулаки его сжались: онъ дрожалъ отъ злости. Всѣ, кромѣ Пуссена, были въ полномъ замѣшательствѣ, которое еще болѣе увеличилось неожиданнымъ появленіемъ Сенъ-Марса. Но, къ всеобщему удивленію, Ришліё въ одно мгновеніе измѣнился; сталъ спокоенъ, важенъ, величест-

венъ. Сенъ-Марсъ невольно остановился въ десяти шагахъ отъ кардинала, и, почтительно преклонясь, сказалъ:—Его величество располагаетъ сегодня провести ночь въ рюэльскомъ замкѣ. Охота кончится черезъ четверть часа.

Новое изумленіе. Кардиналъ безмолвствовалъ: дыханіе его стало тяжело, глаза окрасились кровью; онъ закашлялъ, и показалась кровь: Ришліё поблѣднѣлъ; но присутствіе духа его не оставило.

— Садитесь, Сенъ-Марсъ. Грѣшно вамъ забывать больнаго старика. Вы у меня единственный сынъ, и я не разъ сожалѣлъ, что уступилъ васъ королю. Садитесь. Такъ его величество впервые, и то случайно, хочетъ осчастливить мое уединеніе своимъ присутствіемъ?.... Благословляю Небо и Его щедроты!.... Да! мнѣ это утѣшеніе было нужно, какъ въ засуху благодатная струя живительнаго источника. Садитесь, господа, садитесь! окончимъ нашу бесѣду!

— Но, можетъ-быть, ваша эминенція прикажете что-нибудь изготовить къ принятію короля? сказалъ де-Нойé.

— Я, какъ вѣрный слуга его величества, всегда готовъ къ принятію моего государя, во всякую пору, погоду, вездѣ..... Что, маркизъ? каково идутъ ваши дѣла?

— У меня, по милости вашей эминенціи, вовсе нѣтъ дѣла. Цѣлый день сижу сложа руки. Звукъ рога его величества для меня звукъ сладостный: на коня и въ поле, въ погоню за дикимъ кабаномъ!

— А дѣла любовныя что? какъ идутъ? спросилъ кардиналъ, лукаво грозя пальцемъ. У васъ теперь новый соперникъ изъ комедіи «Опекунъ и любовникъ», можетъ-быть, счастливый.... Но не сердитесь! надо всегда нѣсколько хладнокровія, благоразумія. Я васъ долго этому училъ.

— Я и слѣдую вашимъ совѣтамъ.

— Это въ политикѣ, перервалъ кардиналъ: и я очень радъ вашимъ успѣхамъ; но въ дѣлахъ любовныхъ вы неосторожны. Гдѣ есть соперники, и соперники счастливые, тамъ упрямство не нужно, а хладнокровный торгъ, благоразумныя предложенія,.... и дѣло кончено!

— Я не понимаю вашей эминенціи.

— Отвыкли! зачѣмъ рѣдко ѣздите въ Рюэль? Представьте, господа! Сенъ-Марсъ, бывало, прежде не лѣнился ежедневно уведомлять меня лично о здоровьѣ его величества, былъ такъ ко мнѣ привязанъ, что не скрывалъ малѣйшихъ разговоровъ своихъ съ королемъ: я зналъ все отъ одного Сенъ-Марса; а теперь....

Сенъ-Марсъ покраснѣлъ такъ, что всѣ

сравненія съ красными предметами будутъ недостаточны: побагровѣлъ! И этого мало: сердце его разрывалось стыдомъ. Кардиналъ страшно унизилъ маркиза въ глазахъ женщины, въ глазахъ Пуссена и Корнеля, въ глазахъ Франціи, и злобно любовался слѣдствіями смертельнаго удара.

— А теперь, снова началъ кардиналъ, волочится за женами и дѣвицами, теряетъ по-пустому время въ заговорахъ и сходбищахъ. Похоже ли это все на великаго конюшаго самаго нравственнаго короля въ Европѣ? Избѣгаетъ моихъ совѣтовъ... Да я самъ былъ молодъ! Я далъ бы вамъ наставленія несравненно лучше тѣхъ, какія вамъ могутъ дать де-Ту и Депортъ....Но постойте! погодите! я вамъ отомщу по-своему. Я сдѣлаю для васъ новую маркизу, достойную прилежнаго искательства, и сдѣлаю это именно для вашей школы, для вашего упражненія.

Раздались охотничьи рога. Кардиналъ всталъ и, взявъ канделабръ со многими свѣчами, бодро пошелъ на-встрѣчу королю. Де-Нойе и Шавиньи послѣдовали его примѣру, и также ушли съ канделабрами. Сенъ-Марсъ, молча, опустивъ голову, пошелъ за ними.

— Что вы надѣлали? сказала герцогиня, обратясь къ Пуссену.

— Подалъ прошеніе объ отпускѣ моемъ въ Италію, и только!

Сказавъ это, Пуссенъ почтительно поклонился герцогинѣ и ушелъ.

— Бѣгите за нимъ, бѣгите! сказала герцогиня Корнелю. Онъ готовъ надѣлать глупостей.... Чего добраго, уѣдетъ безъ позволенія!

Корнель побѣжалъ, а герцогиня взяла послѣдній канделабръ и пошла въ библіотеку кардинала.

ГЛАВА IV.

ВИЗИТЪ.

На паперти параднаго крыльца, кардиналъ и государственные секретари со свѣчами не долго ожидали короля. Людовикъ, въ охотничьемъ платьѣ, на черномъ конѣ, подъѣхалъ одинъ. Сенъ-Марсъ принялъ лошадь, и отдалъ кардинальскому конюшему, а король, войдя на паперть, отступилъ съ удивленіемъ....

— Какъ вамъ не стыдно, mon cousin! сказалъ Людовикъ: на крыльцѣ! безъ плаща и шляпы!

— Счастіе небывалое, счастіе неожиданное....

— Пойдемъ, пойдемъ! сказалъ король. Вы простудитесь. Ступайте впередъ.

— Государь!....

— Ступайте, ступайте! Не повторяйте одной и той же сцены два раза. Вы сами комикъ, знаете театральныя правила.

Ришліё, молча, повиновался.

Въ большой гостиной Ришліё поставилъ канделабръ на столъ и отступилъ, униженно указывая королю на огромную софу съ высокою спинкою и боками, которые вверху соединялись и составляли родъ балдахина, украшеннаго гербомъ и герцогскою короною.

— Mon cousin, я къ вамъ за дѣломъ, сказалъ король.

— Жалѣю, отвѣчалъ кардиналъ, что ваше величество изволили безпокоиться: я теперь совершенно здоровъ, и завтра хотѣлъ ѣхать въ Сенъ-Жерменъ, просить разрѣшенія открыть военныя дѣйствія и осадить Перпиньянъ.

— Какъ? сказалъ изумленный король. И вы не шутите?...

Кардиналъ зазвонилъ. Вошелъ слуга.

— Позовите Шавиньи съ бумагами.

— Не нужно, не нужно! сказалъ король, вставъ. Я очень радъ, mon cou-

sin.... больше, я благодаренъ. Обнимите меня. Эта война у меня на душѣ.

«Богъ знаетъ»! подумалъ кардиналъ, но отвѣчалъ спокойно: — Я всегда, ваше величество, стремился къ одной цѣли, осуществлять ваши полезныя намѣренія. Надѣюсь, эта война будетъ послѣдняя, и кстати, она уничтожитъ глупый заговоръ и разрушитъ еще глупѣйшій трактатъ.

Король измѣнился въ лицѣ, и эта перемѣна не скрылась отъ зоркаго взгляда кардинала.

— Я сдѣлалъ съ своей стороны все, продолжалъ Ришліё, не ожидая отвѣта. Завтра, если ваше величество сегодня слушать бумагъ не изволите, я представлю вамъ, государь, около трехъ-сотъ подробныхъ повелѣній на-счетъ испанской войны. Военныя дѣйствія расчитаны на три года. Окола ста относятся до военныхъ успѣховъ, шагъ за шагомъ, побѣда за побѣдой. Главное — осада Перпиньяна. Это запутанное, трудное дѣло изложено на сорока листахъ съ семьюдесятью планами: это важнѣйшая часть похода. Вторая тетрадь несравненно пространнѣе, но предметъ требуетъ исчисленія самыхъ мелочныхъ подробностей на-счетъ снабженія войскъ продовольствіемъ. Третья — исторія всѣхъ моихъ дѣйствій на-счетъ присоединенія къ Франціи Ка-

талоніи. Четвертая будетъ листовъ шестьдесятъ: соображенія по управленію всей Франціи во время войны. Пятая, весьма обширная, — исторія государственнаго долга, успѣхи погашенія долговъ въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ, и подробныя мѣры къ дальнѣйшему ихъ уничтоженію, а равно къ пріобрѣтенію нужныхъ суммъ, для испанскаго похода. Въ этомъ отношеніи ваше величество не оставите соблюсти величайшую осторожность. Злонамѣренные люди, которые, къ-несчастію, пользуются вашимъ расположеніемъ, поселили не только въ Парижѣ, но и въ другихъ городахъ, самыя невыгодныя мнѣнія на счетъ издержекъ для испанской войны. Получить деньги отъ народа, — прежде такой легкій, маловажный процессъ, — теперь будетъ дѣломъ труднымъ, требующимъ безчисленныхъ изворотовъ: въ запискѣ своей я помѣстилъ главнѣйшіе. Непомѣрные расходы по строенію Лувра, кажется, надо будетъ отложить на́-время и отпустить Пуссена: одно содержаніе этого художника обременительно; а если занять его дѣятельность приличными заказами, и платить за нихъ соотвѣтственно знаменитости художника и достоинству труда, то я опасаюсь, что мы будемъ въ такомъ же положеніи, въ какомъ былъ святѣйшій

отецъ папа Левъ X, который, какъ извѣстно вашему величеству, не имѣя суммъ и возможности расплатиться съ Рафаэлемъ, располагалъ его сдѣлать кардиналомъ и церковный ленъ обратить въ уплату долга. Изъ числа трехъ-сотъ бумагъ, послѣдняя заключаетъ всю мою службу, со всѣми искренними мыслями на-счетъ дальнѣйшихъ дѣйствій министерской власти. Государь! усердіе мое вамъ извѣстно; но слабость моего здоровья, степень припадковъ, усталость.... способности притупились. Повѣрите ли, ваше величество, что иногда я нѣсколько часовъ лежу въ безпамятствѣ отъ напряженія умственнаго? Разнообразіе предметовъ, неудача мѣръ, которымъ всѣми способами препятствуютъ злонамѣренные люди, все это....Государь! пощадите мою старость!... Я теряю силы!....

Кардиналъ схватился за спинку креселъ. Испуганный Людовикъ насильно усадилъ его. Слабость смертная разлилась по лицу кардинала; но, примѣтно крѣпясь и съ трудомъ поднимаясь, онъ зазвонилъ и приказалъ позвать Шавиньи, де-Нойé и Мазарини съ бумагами.

— Чтó вы хотите дѣлать? спросилъ король.

— Сегодня я еще на службѣ, и ни какая болѣзнь не можетъ оправдать ме-

ня, если пренебрегу дѣлами, которыя не терпятъ отлагательства. Міръ разрушится, если заря покажется полу-часомъ позже предписаннаго порядка. Государство — такой же міръ: мелочныхъ пружинъ, гвоздиковъ — тма! Заржавѣетъ одинъ, и вся громада остановится... Государь, десять минутъ времени! Все готово: подпишу, и тогда я спокоенъ на два, на три часа.

Секретари вошли.

— Гдѣ ваши бумаги, кардиналъ? спросилъ Ришліё у Мазарини.

— Я забылъ ихъ въ Парижѣ, но, я думаю сейчасъ привезутъ.

Ришліё поморщился и сказалъ де-Нойѐ: —Покажите ваши!— И развернувъ портфёйль, спросилъ съ неудовольствіемъ: — Что́ это? королевская граммата Пуссену?... Сюблѐ контрасигнировалъ!... Государь! съ упрекомъ сказалъ кардиналъ.

— Мы спѣшили, mon cousin, послать въ Рюэль... Впрочемъ, контрассигнируйте: это не помѣшаетъ.

— Государь! смѣю возобновить мое представленіе.

— Нельзя, нѐльзя кардиналъ. Я лично все это обѣщалъ Пуссену. Эта граммата съ моихъ словъ. Нельзя, нельзя! Потомъ дѣлайте что́ хотите, но граммату послать должно. И что жъ? Можно Лувра и не перестраивать. И довольно ли искусенъ

этотъ Пуссенъ? Мнѣ кажется, трудно довѣрить Лувръ человѣку нетрезваго поведенія.

— Человѣку грубому, прибавилъ кардиналъ, дерзкому, который считаетъ себя не меньше папы римскаго.

— Человѣку, тихо прибавилъ Мазарини, которому не стыдно въ королевскомъ домикѣ, по близости дворца, содержать любовницу.

Изумленный де-Нойѐ не успѣвалъ переводить глазъ съ короля на Ришлiё, съ Ришлiё на Мазарини, и невольно посмотрѣлъ на Шавиньи, ожидая, что и онъ броситъ камешекъ.

— Неужели? съ ужасомъ спросилъ король.

— Я такъ слышалъ, отвѣчалъ Мазарини. За вѣрность не ручаюсь.

— А я такъ поручусь! сказалъ Ришлiё. И представьте, государь: Пуссенъ человѣкъ пожилой, собой нельзя сказать чтобы былъ хорошъ.... давно ли въ Парижѣ? и что́ же?... Пуссенъ счастливый соперникъ Сенъ-Марса!

— Сенъ-Марса? воскликнулъ король. Этого быть не можетъ! это клевета!

— Отъ вашего величества этого не скроетъ Депортъ. Эвелина жила у него нѣкоторое время.

— Неужели я долженъ молчать? сказалъ де-Нойе на ухо Шавиньи.

— Разумѣется, отвѣчалъ Шавиньи.

— Пустяки, пустяки! сказалъ король. Это ребяческая шалость. Не вѣрю. Но эта Эвелина должна быть хороша?

— Государь, въ ней странное сходство съ дѣвицей, о которой не смѣю теперь напомнить здѣсь, сказалъ Мазарини.

Король задумался..

— Портретъ дѣвицы Эвелины, говорятъ, верхъ совершенства, продолжалъ Мазарини.

— Какъ? спросилъ король: уже и портретъ? — «Это вѣрно для меня,» подумалъ Людовикъ, улыбаясь, и весело сталъ ходить по комнатѣ.

— А вотъ, сказалъ кардиналъ, и проектъ перестройки всего Лувра. Ваше величество, мы все изготовили; но теперь.... я не знаю....

— Одну галерею, сказалъ король: одну галерею! Не скупитесь, mon cousin.

— Но эта одна галерея будетъ стоить милліоновъ.

— Всё равно, всё равно, mon cousin. Зато у меня будетъ портретъ.

— Надо это дѣло отложить.

— Не откладывайте: я утверждаю, сказалъ король, взялъ бумагу изъ рукъ кардинала, и надписалъ: «Приступить не-

медленно къ работамъ въ галереѣ. Людовикъ.»

Кардиналъ закрылъ портфёйль и отодвинулъ, какъ-будто не желая разсматривать бумагъ долѣе.

Вошелъ слуга, и, на цыпочкахъ подойдя къ Мазарини, подалъ портфёйль изумленному кардиналу.

— Что это? спросилъ Мазарини.

— Вашъ кучеръ подалъ.

— А! бумаги привезли, сказалъ Ришліё, протягивая руку. Пожалуйте, пожалуйте!

Мазарини повиновался. Развернувъ портфёйль, Ришліё сдѣлалъ такую кислую гримасу, что Мазарини не удержался и спросилъ: — Что тамъ такое?

— Кчему эти тонкости? сказалъ кардиналъ, откладывая въ сторону синій печатный листъ. Вы нарочно мѣшаете вздоръ въ государственныя дѣла. Вы этимъ желаете показать, что для васъ такъ же легки занятія важныя, какъ летучія сплетни для людей злонамѣренныхъ.

— А! это вѣрно знаменитая сатира маркиза де-Кока? спросилъ король съ примѣтнымъ удовольствіемъ.

— Того самаго, тихо замѣтилъ кардиналъ, который написалъ приговоръ гренобльскаго парламента.

Король вспыхнулъ. Неосторожный Ма-

зарини сдѣлалъ намѣкъ на злую и гнусную сатиру, написанную на рожденіе дофина. Самъ Мазарини испугался своей неосторожности и примѣтно смутился. Помолчавъ, онъ продолжалъ:

— По-крайней-мѣрѣ это послѣдній подвигъ маркиза. Слѣдъ найденъ. Охота наша кончится торжественною казнью маркиза.

— Онъ открытъ? съ нетерпѣніемъ сказалъ король. Не медлите, mon cousin! прошу васъ, не медлите!

— Дѣло щекотливое, отвѣчалъ кардиналъ, отдавая Мазарини пустую порфёйль. Я передамъ это дѣло моему преемнику.

— Оставьте насъ, господа! сказалъ король, и секретари удалились.—Перестаньте шутить, mon cousin, продолжалъ король. Я васъ не пущу, рѣшительно не пущу Вы должны, какъ я, умереть на своемъ мѣстѣ.

— Въ монашеской келіѣ, въ Римѣ....

— Пустяки! пустяки! Вы должны окончить наше великое дѣло французской монархіи.

— Не могу, государь.

— Я хочу!

— Я не въ силахъ.

— Мы будемъ за васъ молиться.

— Не молитвы нужны мнѣ, государь, а жертвы

— Говорите!

— Удалите Сенъ-Марса, ... сошлите его въ отдаленный замокъ, ... дайте его мнѣ.... Я найду мѣсто въ Бастиліи!

— Это безчестно! Я такой же рыцарь, какъ и онъ. Возьмите Пуссена. Вы противились его вызову, вы преслѣдуете его: возьмите Пуссена, отвезите въ Римъ.... куда хотите.

— Это не жертва, государь, а необходимость.

— Но за что́ вы вооружились противъ Сенъ-Марса?

— И противъ не одного Сенъ-Марса... де-Ту...

— А! васъ пугаетъ заговоръ?.... Успокойтесь, успокойтесь! Я самъ въ этомъ заговорѣ.

— Вы, государь?

— Да, я самъ! Это придворная шутка, вечерняя моя забава. Я наблюдаю, какъ дѣйствуютъ эти люди, какія у каждаго способности: вотъ и все тутъ. Неужели вы могли подумать, mon cousin, что я позволю дурачиться молодымъ людямъ съ важною цѣлью?

— Ихъ цѣль удалить меня. Я хочу предупредить постыдное паденіе отъ рукъ ничтожной молодежи. Не́ужели я заслужилъ этотъ стыдъ, заплативъ за свое

усердіе здоровьемъ, сномъ, удовольствіями жизни? Я предвидѣлъ все, и приготовилъ къ сдачѣ, не только всѣ дѣла мои, но даже намѣренія, достойнѣйшему.

— Mon cousin, какъ вамъ не стыдно руководствоваться такимъ мелкимъ самолюбіемъ!.... Я прекращу свою забаву, и вы должны быть спокойны. Съ этой минуты, заговора нѣтъ, и мы друзья попрежнему: дайте вашу руку!

Ришліё поцѣловалъ почтительно руку короля, и сказалъ съ грустью: — Мечты желаннаго отдохновенія! вы разрушились.

— Отдохнемъ въ сырой землѣ! сказалъ также съ грустью Людовикъ. А пока, отдохнемъ по-человѣчески: пойдемъ спать! Пора.

Кардиналъ схватилъ канделабръ, и проводилъ Людовика въ опочивальню. Возвратясь въ кабинетъ, онъ съ злобной улыбкой сказалъ де-Нойе и Шавиньи: — Заговоръ, пока, шутка. Мы не дадимъ вѣтренникамъ остепениться. Позовите Пуссена.

— Онъ уѣхалъ! запинаясь, отвѣчалъ де-Нойе.

— Куда?

— Въ Парижъ.

— Это по дорогѣ въ Италію! Попросите его пожалуйста, чтобы онъ сдѣлалъ

мнѣ рисунокъ подвижныхъ креселъ съ двумя столами, да виньетку къ этой рукописи монаха о министерской власти, да еще что-нибудь.... два фабричные узора для обоевъ. Надо занимать его заказами, а то онъ можетъ жаловаться, что мы не заботимся объ его славѣ.... Шавиньи! завтра поутру принесите мнѣ подробную роспись войскъ, назначенныхъ для испанскаго похода, а ввечеру мы отправимся въ Нарбонну: надо думать о продовольствіи войска; а оттуда на войну. Отдайте по моему дому всѣ нужныя приказанія.... Прощайте.

ГЛАВА V.

ЗАКАЗЫ.

— Что это Пуссенъ не ѣдетъ? спросилъ Фукіерръ, разодѣтый въ-пухъ, прогуливаясь по дурно настланнымъ доскамъ въ луврской галереѣ. Вчера мы прождали его до полудня; сегодня уже около часу мы всѣ здѣсь: а онъ не ѣдетъ!

— Вѣрно, вчера онъ отпраздновалъ завоеваніе любовницы, искалъ натуры для новой вакханаліи: эти предметы въ ходу! сказалъ Дезюмидъ, окруженный толпою мелкихъ художниковъ, искавшихъ

покровительства великаго знатока, маркиза-художника.

— Я свое сдѣлалъ, замѣтилъ Лемерсіѐ: галерея готова; можно расписывать. Кажется, не дурно?

— Удивительно! безподобно! я въ Римѣ ничего подобнаго не видалъ! безстрастно, но громко провозглашалъ маркизъ. Эти огромныя мѣста для картинъ такъ хорошо украшены лѣпною работою, съ истиннымъ вкусомъ, такъ угаданы размѣры.... Удивительно!

На другомъ концѣ галереи, небольшой кружокъ молодыхъ художниковъ былъ занятъ своимъ разговоромъ, но восклицанія маркиза прервали бесѣду.

— Вотъ видишь, Лебрёнъ, какъ дурно когда въ художествахъ рука руку моетъ! Мнѣ кажется, я слышу Вуэ. Заговоритъ Обари: тотъ же Вуэ! заговоритъ Польтіеръ: тотъ же Вуэ! Они условливаются въ своемъ мнѣніи, и по-неволѣ оно дѣлается единственнымъ, общимъ.

— Посмотримъ, Ла-Гиръ, что́ скажетъ Пуссенъ. Ты черезъ-чуръ, кажется, вооружаешься противъ Симона Вуэ.

— Ахъ, Лебрёнъ! и ты и Мишель, вы всѣ ученики Вуэ: вамъ и прилично защищать Вуэ, какъ своего духовника, которому вы довѣряете ежемѣсячные грѣхи; а я независимъ, и люблю только хорошее.

— О! нѣтъ, Ла-Гиръ! сказалъ Михаилъ Корнель: ученики по-неволѣ! Гдѣ же было взять въ Парижѣ другаго учителя?

— Ложь, ложь, Мишель! закричалъ Лебрёнъ. Я полюбилъ Пуссена какъ человѣка, удивляюсь ему какъ художнику, но Вуэ всегда считаю человѣкомъ отличныхъ дарованій, руководство его—полезнымъ, благодарность — моимъ долгомъ, защиту справедливости — обязанностью честнаго художника. Партіи губятъ государства, не только художества.

Слова молодаго художника, въ свою очередь, достигли противуположнаго конца галереи. Фукіерръ взбѣсился.

— Мальчишки! какъ торжественно рѣшаютъ достоинства старыхъ художниковъ! Какой тонъ принимаютъ на себя!... Пусть же голодаютъ ожидая своего патріарха! Я усталъ; я не какой-нибудь краскотёръ, не барышникъ, которому назначены сроки для торговъ.... Прощайте, господа!

Фукіерръ ушелъ.

— Я полагаю, Лемерсіè, что и мы должны сдѣлать то же, сказалъ Дезюмидъ.

— Пожалуй, отвѣчалъ Лемерсіè, и уѣхалъ съ маркизомъ.

Прочіе не знали, на что́ рѣшиться. Недоумѣніе ихъ разсѣялось: вошелъ Пус-

сенъ. Онъ остановился посереди галереи, и безмолвно разсматривалъ ея размѣры, украшенія и нѣкоторыя уже исполненныя работы. Улыбка, то презрительная, то горькая, измѣняла крѣпко сжатыя губы художника. Иногда вырывались и слова, но безъ связи: нельзя было понять, что́ онъ думалъ, какое образовалось мнѣніе у Пуссена о луврской галереѣ.

Осмотрѣвъ внимательно всѣ подробности, Пуссенъ спросилъ весьма тихо: — Лемерсіѐ не бывалъ сегодня?

— Только-что уѣхалъ, отвѣчалъ Михаилъ Корнель.

— Простите, господа! Меня такъ заняла галерея, что я и не успѣлъ васъ привѣтствовать. — Много работы! прибавилъ Пуссенъ со вздохомъ: много работы!

— Вамъ не нравится галерея? спросилъ Ла-Гиръ.

— Нѣтъ. Я не знаю, какой здѣсь порядокъ: нужно ли мнѣ писать или довольно живаго языка. Право, съ этой перепиской мы не кончимъ галереи и въ три года. Можно умереть до того времени. Почти все надо начинать снова.

— Какъ? съ основанія? спросилъ Ла-Гиръ.

— Надо бы, да ужъ что построено,

то построено. Но эти своды, эти мѣста для картинъ, эта лѣпная работа, наконецъ пейзажи въ окнахъ.... я ужь право не знаю, на что́ это похоже! Слава Богу, что еще работа не пропала. Надо будетъ этотъ пейзажъ, что написанъ для опыта, снять съ штукатуркой. Работу художника должно уважать; но оставаться ей въ галереѣ нѣтъ ни какой возможности. Для этого есть особый, приличный родъ живописи. Не оскорбляйтесь, господа. Работы впереди много: а если ужь дѣлать, такъ дѣлать хорошо! Кому принадлежитъ этотъ пейзажъ?

— Барону, барону! кричали художники: Фукіерру! что со шпагой пишетъ! Фламандцу!

— Мнѣ очень непріятно, но вкусъ требуетъ этой жертвы. Не правда ли?

Всѣ изъявляли единодушное согласіе, а многіе рѣшились спросить о намѣреніяхъ Пуссена. Когда онъ объявилъ имъ, что, соглашаясь съ общею мыслью Лувра, который положено совершенно перестроить, онъ полагаетъ украсить галерею только въ немногихъ мѣстахъ живописью, а впрочемъ убрать копіями съ превосходнѣйшихъ античныхъ статуй и барельефовъ, художественная Франція пріуныла. Надежды на многочисленныя работы разрушились. Когда же Пуссенъ

сказалъ, что передъ главнымъ фасадомъ Лувра онъ намѣренъ поставить мѣдную копію съ античной группы Монте-Кавалло, ропотъ сдѣлался гласнымъ. Скульпторъ Кастаніѐ съ презрѣніемъ сказалъ: — Парижъ не Римъ: онъ имѣетъ до ста ваятелей. Довольно, кажется, головъ: могутъ изобрѣсти что-нибудь новое, получше старой дряни.

— Можетъ-быть, съ улыбкой отвѣчалъ Пуссенъ. На себя я рѣшительно не полагаюсь. Радуюсь французской изобрѣтательности. У насъ, въ Римѣ, есть произведенія Буонароти, Бернини, многихъ великихъ ваятелей; а старина для меня все однако же лучше. Да я полагаю, что французскимъ художествамъ и не мѣсто въ проходной галереѣ: остается еще цѣлый Лувръ! Впрочемъ, господа, я упрямъ въ моихъ мнѣніяхъ. Какъ угодно, сердитесь или нѣтъ, я иначе не соглашусь заниматься луврскими работами.

Пуссенъ ушелъ. За нимъ ушли Лагиръ, Лебрѐнъ, Лессюэръ, Михаилъ Корнель, и еще весьма немногіе. Прочіе остались въ галереѣ, даже не отдали Пуссену отвѣтнаго поклона.

Доро́гой, разговоръ продолжался. Молодежь была очарована величественною сухостью Римлянина, и съ сожалѣніемъ съ нимъ разсталась у воротъ его домика.

Пуссенъ вошелъ въ покои въ самое то время, когда Гаръ-Піонъ оканчивалъ длинное описаніе, какъ вывезли они съ Гойкомъ капитана; какъ Гойко сказалъ ему за тайну, что на Ліонъ они не поѣдутъ или по-крайней-мѣрѣ объѣдутъ, потому что Гойко — извѣстный пасквильный мастеръ маркизъ де-Кокъ, и кардиналъ поймаетъ его въ Ліонѣ; какъ онъ взялъ отъ головы письмо въ Ліонъ только ради хитрости, и какъ Джудита подаетъ объ разводѣ, съ тѣмъ, чтобы, когда капитанъ напишетъ, гдѣ онъ остановится, взять Эвелину и служить ей до смерти матерью. Жакъ Стелла и Гаспаръ Дюге прилежно слушали разсказъ Гаръ-Піона. Эвелина пополняла его во многихъ мѣстахъ объясненіями, такъ что всѣ тайны, всѣ отношенія, столь сложныя и запутанныя, совершенно и подробно стали ясны двумъ ученикамъ Пуссена.

— Что же намъ теперь дѣлать? спросила Эвелина.

— Дочь моего друга, отвѣчалъ Пуссенъ, не откажется принять нашихъ услугъ. Два верхніе этажа въ вашемъ распоряженіи. Между-тѣмъ мы обо всемъ подумаемъ, похлопочемъ, и дѣло уладится.

— Де-Нойе! доложилъ придворный лакей, и государственный секретарь вошелъ въ гостиную.

— Какая честь! сказалъ Пуссенъ.

— Перестаньте, перестаньте! отвѣчалъ де-Нойе. Лучше бы мнѣ лежать въ постелѣ, нежели имѣть непріятность посѣщать васъ съ такими порученіями.

— А что такое?

— Кардиналъ проситъ....

Де-Нойе остановился.

— Договаривайте, договаривайте! Я ко всему готовъ.

— Вы были неосторожны, любезный Пуссенъ.

— Я былъ искрененъ. Что́ угодно кардиналу? Мнѣ платятъ; я наемникъ, и безъ ропота исполню приказанія, лишь бы они были въ моихъ силахъ.

— Кардиналъ проситъ сдѣлать ему рисунокъ подвижнаго кресла съ двумя столами.

— Гаспаръ! подай карандашъ и бумагу. — И только? спросилъ Пуссенъ, чертя въ маломъ видѣ проектъ рисунка.

— Виньетку къ этой книгѣ.

— Я просмотрю ее сегодня, а завтра сдѣлаю рисунокъ. Все?

— Нѣтъ еще, дорогой Пуссенъ. Кардиналъ проситъ еще два узора для обыкновенныхъ, простыхъ обоевъ.

— Большіе или мелкіе цвѣты? спокойно спросилъ Пуссенъ.

— Невозмутимый!.... Надежды мои

воскресаютъ: ваше терпѣніе обезоружитъ мимолетную злобу.

— Вы ошибаетесь, почтенный сановникъ. Я буду вести реестръ своимъ работамъ. Когда мой трудъ, какого бы онъ ни былъ рода, покроетъ полученныя мною деньги, тогда ни какая сила не заставитъ меня терять драгоцѣнное время. Скажите кардиналу, что всѣ эти глупости едва ли выгодно заказывать Пуссену: онъ дорогъ. Я оцѣняю не предметъ и матеріялы, а время. Такимъ образомъ рисунокъ будетъ дороже креселъ. Я полагаю около трехъ часовъ времени, назначеннаго для сочиненія эскизовъ.... да, около ста добрыхъ пистолей. Но это все-одно. Неудовольствіе не сдѣлаетъ изъ меня барышника: я не измѣняю своихъ привычекъ. Вамъ извѣстно, что на оборотѣ моихъ картинъ всегда выставлена цѣна, на которую еще никто не жаловался. Я то же сдѣлаю и съ этими пустяками.... Теперь, я полагаю, все?

— И еще не все. Теперь моя единственная просьба. Сдѣлайте для меня мадону..... какъ хотите, но такую, чтобы ее называли «мадоной Пуссена,» какъ говорятъ «мадона Рафаэля».

— Вы хотите усладить горечь порученій кардинала-герцога. Но, достойный человѣкъ, останется ли у меня довольно

времени быть дѣйствительнымъ художникомъ, благоговѣйно предаться размышленію о Пресвятой Дѣвѣ, и сдѣлать сердце свое сколько-нибудь готовымъ къ принятію благодати, которая непремѣнно должна руководить кистью художника, когда онъ изображаетъ святыню? Постараюсь, но не обѣщаю. Теперь удостойте выслушать мои просьбы. Первая: надо уничтожить всѣ лѣпныя украшенія въ луврской галереѣ и пейзажи въ окнахъ.

— Помилуйте! они уже теперь стоютъ до сорока тысячъ ливровъ!

Пуссенъ улыбнулся и сказалъ: — Въ художественномъ отношеніи, они ничего не стоютъ; въ матеріяльномъ, это воровство. За десять тысячъ можно надѣлать подобныхъ орнаментовъ и втрое больше и втрое лучше. Я не умѣю писать картинъ, какъ и не умѣю смотрѣть на картины, въ потемкахъ; а за виноградными кистями, двухъ-локтевыми раковинами и за рамкой въ два фута толщиною, не много свѣту доберется до картины. И къ-чему такъ много картинъ въ проходной галереѣ? Неужели Франція такъ богата, что въ состояніи во всѣ эти огромные простѣнки поставить дѣйствительно достойныя произведенія? Множество обличаетъ иногда только безвкусіе. И не лучше ли отдѣлать эту галерею въ чистомъ,

благородномъ стилѣ? Посерединѣ одинъ большой плафонъ; гдѣ нужно, одноцвѣтомъ написать украшенія въ видѣ барельефовъ, напримѣръ, всю исторію Геркулеса; вмѣсто живописныхъ наддверниковъ и надоконниковъ, которыхъ надъ окнами и видно не будетъ, поставить хорошія мраморныя копіи съ лучшихъ античныхъ барельефовъ; между оконъ мраморныя же копіи съ античныхъ статуй: полъ выстлать мраморами въ-квадратъ, и галерея будетъ вполнѣ новая: весела, величественна, и совершенно согласна съ своею цѣлью. Плафонъ и исторію Геркулеса я напишу самъ. И едва ли въ мірѣ найдется галерея, которая бы стóила такъ мало.

— Но Лемерсіе?....

— Это дѣло другое. Пріймите на себя отвѣтственность, и я займусь только живописью гдѣ мнѣ укажутъ. Но пока я отвѣчаю за красоту всей галереи, украшенія Лемерсіé и пейзажи Фукіерра должны быть уничтожены. Вторая просьба: уволить меня отъ переписки. Чего добраго? одно несвойственное выраженіе, — и мнѣ могутъ навязать процессъ....

— Вы насъ обижаете, Пуссенъ!

— Довольно тото, чтó я видѣлъ и вижу. Кажется, я смѣю думать о предосторожностяхъ.

— Но сами судите: возможно ли все дѣлать на словахъ? Сегодня я въ Парижѣ, завтра въ Сенъ-Жерменѣ, послѣзавтра въ Фонтенбло́.

— Такъ назначьте мнѣ секретаря, который бы отвѣчалъ за всѣ выраженія, а я буду ему говорить содержаніе.

— Перестаньте ребячиться, любезный мой другъ! Вѣдь вы будете имѣть дѣло только со мною.

— Въ продолженіе короткаго времени меня встрѣтили такія неожиданныя событія, что я, признаюсь, и вамъ не совсѣмъ довѣряю.

— Перестаньте, перестаньте! наша дружба основана на другихъ началахъ.

— Нѣтъ основаній, подъ которыя не могутъ подкопаться клевета и зависть.

— Только условимся въ искренности, Пуссенъ, и вы должны быть безопасны.

— Меня въ искренности обязывать не нужно. Третья просьба....

Вошелъ лакей, а вслѣдъ за нимъ Гордъ.

— Пуссенъ! его величеству угодно имѣть живописные святцы. Не угодно ли вамъ будетъ заняться изготовленіемъ ликовъ всѣхъ годовыхъ святыхъ къ отъѣзду короля....

— Я не хорошо понимаю васъ. Какіе святцы?

— Небольшія картинки съ изображеніемъ святыхъ, ежедневно празднуемыхъ, для большаго походнаго молитвенника его величества.

— Когда же его величество отправляется въ походъ?

— Въ воскресенье послѣ обѣда.

— Триста-шестьдесятъ-шесть картинокъ въ пять дней? со смѣхомъ спросилъ Пуссенъ.

— По-крайней-мѣрѣ на одинъ будущій мѣсяцъ, потому что молитвенникъ въ двѣнадцати частяхъ; а потомъ будете подсылать на мое имя.

Терпѣніе Пуссена поколебалось; но присутствіе де-Нойе, любовь къ доброму королю, предшествовавшій разговоръ, все это заставило его рѣшиться, и онъ отвѣчалъ: — Не приказывайте только невозможнаго. Для его величества картинки будутъ готовы.

— Сверхъ-того, его величество весьма не доволенъ своими комнатами въ Фонтенбло́ и приказалъ вамъ составить рисунки для новой перекраски этихъ комнатъ. Работы должны быть окончены во время отсутствія короля, а рисунки утверждены до отъѣзду.

— Я убѣжденъ, спокойно отвѣчалъ Пуссенъ: что вы пополняете приказанія христіаннѣйшаго короля. Онъ на слугу

своего не возложитъ невозможнаго. Подумайте сами: мнѣ надо ѣхать для этого въ Фонтенбло́, снять всѣ размѣры и воротиться къ воскресенью. Судите: когда же я успѣю подумать о томъ, какъ нарисовать мои мысли, особенно когда въ то же время надо отдѣлать тридцать картинокъ? Не правда ли, король не такъ приказывалъ?

— Я не знаю: волю королевскую мнѣ передалъ господинъ великій, отвѣчалъ Гордъ.

Де-Нойе посмотрѣлъ на Эвелину, и она покраснѣла. Пуссенъ ничего этого не замѣтилъ и, обращаясь къ де-Нойе, сказалъ: —Помогите! научите, что мнѣ отвѣчать?

— Я еще сегодня постараюсь объ этомъ доложить королю, и пришлю вамъ отвѣтъ ночью, отвѣчалъ де-Нойе.

Вошелъ маркизъ Дезюмидъ безъ докладу.

— Маркизъ! съ удивленіемъ сказалъ Пуссенъ: я не надѣялся уже съ вами видѣться въ моемъ домѣ.

— Неволя, одна неволя, господинъ живописецъ.... порученіе королевы.... Король въ воскресенье ѣдетъ въ походъ. Королева желаетъ напутствовать его величество небольшимъ медальіономъ съ изображеніемъ Людовика Святаго, и удо-

стоила поручить это дѣло вамъ. День прощальный назначенъ въ субботу: медальіонъ долженъ быть готовъ въ пятницу, живопись въ четвергъ.

— А сегодня вторникъ! съ нетерпѣніемъ сказалъ Пуссенъ.

— Да что это для васъ значитъ? отвѣчалъ Дезюмидъ. Я донесу, что порученіе ея величества я исполнилъ.

Маркизъ поклонился и уѣхалъ.

Терпѣніе Пуссена истощилось. Онъ мрачно посмотрѣлъ на де-Нойе. Тотъ прилежно дѣлалъ карандашомъ какое-то исчисленіе.

— Вы видѣли? вы слышали? сказалъ Пуссенъ примѣтно измѣнившимся голосомъ.

У насъ передъ королевскимъ отъѣздомъ всегда много хлопотъ. Вы не повѣрите, чего не наприказываютъ. Но мы, въ такихъ случаяхъ, прибѣгаемъ къ хитрости и что́ можно, то дѣлаемъ чужими руками. Простите, дорого́й Пуссенъ! Теперь и сидѣть у васъ совѣстно: такъ много дѣла!.... Простите! Г. Гордъ, поѣдемъ!

Пуссенъ стоялъ въ раздумьѣ посереди комнаты. Гаспаръ, Стелла и Эвелина съ участіемъ безмолвно смотрѣли на озабоченное лицо Пуссена. Одинъ Гаръ-Піонъ рѣшился прервать молчаніе.

— Да почему бы вашей милости не

слушаться добраго совѣта: что́ можно, сдѣлать самому; чего нельзя, принанять кого-нибудь? Вотъ господинъ Депортъ: тотъ никогда ничего самъ не дѣлалъ..... Да онъ бы умеръ въ сутки, если бы сдѣлалъ все то, что́ ему на одинъ день заказывали!

Пуссенъ улыбнулся, и сказалъ: — Чего добраго, они и меня на эту доску хотятъ поставить! А что̀ г. Депортъ? неужели, послѣ всѣхъ этихъ подвиговъ, живъ, здоровъ, веселъ!

— Я навѣдывался въ вандомскія палаты: не возвращался. Я ему и двери отперъ: Богъ съ нимъ! да не бывалъ. Вотъ и теперь опять пойду. Гойко приказалъ служить ему, да присматривать.

— Ступай, Гаръ-Піонъ, ступай. Не забудь: батюшка поручилъ тебѣ Джудиту.

— Неизвольте безпокоиться! Она теперь и красныхъ не боится. А итти, пойду. Счастливо оставаться!

— Поклонись Джудитѣ, сказала ему вслѣдъ Эвелина.

— Съ моимъ удовольствіемъ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, и пошелъ домой садомъ.

Толпа гуляющихъ преслѣдовала Гаръ-Піона до вандомскихъ палатъ. Исторія Вальероля была предметомъ общаго раз-

говора. Многіе дѣлали Гаръ-Піону вопросы, но драгунъ мѣрно и ровно продолжалъ шествовать, отвѣчая любопытнымъ:— Не ваше дѣло! Не ваше дѣло!

ГЛАВА VI.

МОНОЛОГЪ И ЭЛЕГІЯ ГАРЪ-ПІОНА.

Гаръ-Піонъ вошелъ въ свою прежнюю каморку и нашелъ, къ особенному удовольствію, трубку свою на обычномъ мѣстѣ.

— Ну! сказалъ онъ: это хоть въ сказку! Три дня Гаръ-Піонъ трубки не курилъ: въ три дня ее не утащили! Конечно, трубка не дорогая, старая; но старый солдатъ лучше служитъ. Что табакъ, что порохъ, всё равно. И старый оселъ умнѣе молодаго жеребца. И то правда: конечно, въ Парижѣ много старыхъ ос-

ловъ.... провели мы ихъ съ Гойкой! Только теперь одному что-то не ловко.... Чортъ побери! Съ Депортомъ ладить все одно, что волка ласкать. Да не возьметъ хитрость, такъ я и въ загривокъ когти запущу..... Ахъ! канальство! Какъ бы мнѣ, на первыхъ порахъ, ухитриться?.... Экой жидъ проклятый! Нѣтъ того, чтобы приступу научить.... Ну, да Богъ милостивъ!

Изъ этого монолога замѣтно, что Гаръ-Піонъ былъ, можетъ-быть, въ первый разъ въ жизни въ сильномъ волненіи. Судьба оставила его одного: все семейство Гаръ-Піона расползлось. Какъ недвижная скала въ пустынѣ, онъ остановился посреди пустой гостиной и, забывшись, продолжалъ курить трубку. Пустивъ клубъ дыму, Гаръ-Піонъ вознесъ очи горé и съ чувствомъ сказалъ громко:— Правду говорилъ отецъ Андрей третьягодня на проповѣди: «И опустѣетъ домъ, и только дикіе звѣри въ нихъ проживать будутъ, и стѣны сгніютъ» ... и много онъ еще говорилъ, и все правда!

Опять облако дыму.

— «И будетъ пепелище.... и никто не узнаетъ, кто проживалъ на второмъ, кто на третьемъ этажѣ; негдѣ будетъ зимней порой погрѣться; некому въ каминѣ затопить, и все это правда!.... и...

Трубка погасла.

— Да! ужасно печально говорилъ отецъ Андрей! продолжалъ Гаръ-Піонъ, усѣвшись на столъ и болтая ногами. Есть и пѣсня на этотъ счетъ:

Стоитъ въ полѣ домъ,
Домъ съ однимъ окномъ,
Окно безъ стекла,
Безъ печи труба;
Надъ трубою котъ
Пѣсенку ведётъ....

Да, ужасно печальная пѣсня!

И прохожій сторонитъ,
Котъ его манитъ:
Мяу, мяу!.....

И, зажмурившись, Гаръ-Піонъ передразнивалъ кота, воображая, будто онъ сидитъ на трубѣ вандомскихъ палатъ. Едва онъ открылъ глаза, какъ началъ креститься и читать молитвы. Передъ нимъ стоялъ длинный консисторскій клерикъ, въ черной, еще длиннѣйшей рясѣ, въ шляпѣ, поднявъ кверху руку съ черною палочкой; въ другой онъ держалъ бумагу и собирался читать.

Гаръ-Піонъ опомнился и, сидя на столѣ, сказалъ:— Позвольте, позвольте! не ошибитесь! Я... Гаспаръ Гаръ-Піонъ, фамиліи.... не помню, драгунъ, подъ кофандой маршала Шомберга.... (И вдругъ

перемѣнилъ тонъ.) А если вамъ угодно говорить съ господиномъ Депортомъ, такъ онъ за вами.

Клерикъ оборотился, и объявилъ приглашеніе отъ парижскаго епископа явиться къ духовному суду консисторіи, для опроверженія показаній Джудиты Депортъ, урожденной Ваоли, требующей законнаго и немедленнаго разводу.

Эта неожиданная гроза разразилась въ самое то время, когда Мазарини, въ свѣтскомъ плащѣ и въ испанской шляпѣ съ перьями, вошелъ въ смежную комнату. Депортъ не зналъ что́ отвѣчать; но Мазарини бросилъ свое маскерадное платье, вошелъ въ гостиную, и твердымъ голосомъ сказалъ клерику: — Скажите епископу, что Джудитѣ должно отказать.

— Невозможно, ваша эминенція, невозможно! Мы такъ-было и думали, но ни одинъ законъ не подошелъ. Причины слишкомъ важны. По ошибкѣ, жалоба прочитана соборно, даже при Сорбонскихъ профессорахъ. Дѣло получило гласность.

— Ну, такъ скажите епископу, что дѣло, столь важное, по моему мнѣнію, можетъ пролежать годъ и два: опасно спѣшить рѣшеніемъ.

— Можно, ваша эминенція, можно! отвѣчалъ клерикъ.

— Вы изъ новой Сорбонской академіи? спросилъ Мазарини.

— Имѣю счастіе....

— Хорошо учатъ, хорошо приготовляютъ. Поблагодарите отъ меня епископа. Я вами очень доволенъ. Ступайте.

— Нѣтъ, мой будущій епископъ, нѣтъ! сказалъ Депортъ: не такъ! вы все это можете объявить настоящему епископу, но Депорта вы не нашли въ Парижѣ: онъ въ Сенъ-Жерменѣ, и неизвѣстно, когда возвратится.

— Можно, господинъ маркизъ, можно, отвѣчалъ клерикъ, кланяясь, и ушелъ.

— Зачѣмъ же это? спросилъ Мазарини.

— Бога вы не боитесь! отвѣчалъ Депортъ. Кардиналъ хочетъ видѣть маркизу Джудиту..... понимаете ли?

— Ну!.....

— Мы погибнемъ, хотя и ея участь рѣшена. Кардиналъ не оставитъ ея на свободѣ..... Ты зачѣмъ здѣсь? закричалъ Депортъ, вспомнивъ, что Гаръ-Піонъ былъ третьимъ собесѣдникомъ.

— Жду вашихъ приказаній.

— Ступай къ чорту!

— Слушаю-съ, покорно сказалъ Гаръ-Піонъ, вышелъ, и, притворивъ двери, продолжалъ невидимо участвовать въ тайной бесѣдѣ.

ГЛАВА VII.

БАРРИКАДЫ.

Жена головы полюбила Джудиту: несчастіе лучшій проводникъ къ сердцу женщины. Обѣ создавали планы, какъ провести лѣто, потому что разводъ дѣло продолжительное, а іюнь мѣсяцъ былъ уже у воротъ. Рано голова возвратился изъ ратуши съ особенно довольнымъ, таинственнымъ видомъ.

— Удивительныя у васъ дѣти! сказалъ онъ, садясь въ кресла. Вы ихъ умно воспитывали. Они уже познакомились со всѣми старшинами и со многими перво-

статейными купцами. Только и слышалъ я сегодня: «Пожалуйте ко мнѣ съ матушкой откушать..... Навѣщайте нашъ домъ: у меня есть тоже дѣти...», и тому подобное. Всѣмъ нравится ихъ открытый видъ, умныя рѣчи, ненависть къ кардиналамъ, любовь къ королю и дофину. Многіе возлагаютъ на нихъ даже государственныя надежды.

Джудита злобно улыбалась.

— Что̀ слышно о разводѣ, господинъ голова? Это самое главное!

— Посланъ вызовъ къ Депорту, и правительствующее и ученое духовенство въ полномъ собраніи выслушало просьбу. Установленный срокъ для явки противной стороны десять дней.

— Депортъ изъ нихъ сдѣлаетъ сто.

— Какъ можно!.... какъ можно!.... Но я всегда оставляю пріятное для заключенія. Я сегодня получилъ записочку, весьма занимательную....

Голова вынулъ затасканный лоскутокъ бумаги, развернулъ, и прочелъ слѣдующее: «Въ Ліонъ, за полчаса до нашего отъѣзда, посланъ отрядъ Швейцарцевъ. Мы своротили съ дороги. Отсылаемъ вашей милости карету, а сами, кратчайшимъ и совершенно безопаснымъ путемъ, подъ именемъ маркитантовъ, отправились съ военнымъ отрядомъ къ

италіянскимъ горамъ. Отрядъ перейдетъ въ Вальтелину, гдѣ мы и ожидаемъ нашихъ женъ и дочерей и храбраго рыцаря.»

Джудита нѣсколько разъ перечитывала записку. Вошелъ Гаръ-Піонъ, второй разъ въ жизни въ сильномъ волненіи.

— Чортъ побери! сказалъ онъ истинно по-рыцарски. Сударыня! вамъ надо бѣжать изъ Франціи: бѣжать сегодня, сейчасъ, если можно!

— Что̀ такое? что такое? въ-очередь всѣ спрашивали Гаръ-Піона.

— Какъ что̀ такое! Кардиналъ послалъ за вами надежныхъ людей, хочетъ самъ васъ допросить обо всѣхъ тайныхъ дѣлахъ.

— Слава Богу, слава Богу! я ихъ выведу на чистую воду....

— А́ послѣ что̀ будетъ?..... Что̀ будетъ послѣ?..... Ва́съ положено запереть куда-нибудь въ благонадежное мѣсто, потому что тайна нужна только одному кардиналу.... Запереть навсегда, на всю жизнь, потому что кардиналъ Мазарини вотъ что́ сказалъ Депорту: «Ришліё во всемъ мнѣ помогаетъ; онъ упрячетъ Джудиту, а я обязанъ продолжать всѣ мѣры его министерства.»—Тутъ Депортъ: «Но она все знаетъ, она меня погубитъ, она меня не пощадитъ.» — «Тѣмъ лучше, тѣмъ

лучше! со смѣхомъ отвѣчалъ Мазарини: пора и тебя припрятать. Кардиналъ уѣзжаетъ, можетъ-быть, уѣхалъ, и ты мой арестантъ.» — «Кардиналъ!» завопилъ Депортъ. — «Ни слова! Со мною ножъ, за мною Швейцары.» — «Но вы безъ меня не сыщете Джудиты.» — «Только на этомъ условіи ты свободенъ, но, на случай, даю тебѣ спутниковъ, которые будутъ вѣрнѣе твоей тѣни.» — «Но зачѣмъ же ее допускать къ кардиналу? спросилъ Депортъ. Моя мысль, не лучше ли самимъ упрятать Джудиту?» — «Куда?» спросилъ Мазарини. — «Земля просторна,» отвѣчалъ Депортъ, и они другъ другу пожали руку.

Дѣти Джудиты стояли въ дверяхъ, и съ ужасомъ слушали разсказъ Гаръ-Піона. Голова всталъ и торжественно сказалъ: — Созвать ратушу и городскую стражу!

— Никогда! никогда! съ достоинствомъ сказала Джудита. Я никогда не соглашусь быть причиною вашей ссоры съ кардиналами. Гаръ-Піонъ правъ: надо бѣжать изъ Франціи, но съ Эвелиной.

— Никогда! отвѣчалъ на это Гаръ-Піонъ. Какъ они пожали другъ другу руку, такъ и сказали: «Пойдемъ!» Я спрятался за занавѣсъ. Идутъ. Я за ними. Въ прихожей, — вы знаете, какова она, — набито Швейцарцевъ, человѣкъ тридцать.

Половина отправилась въ Тюильрійскій Садъ, къ домику Мену, съ Депортомъ; а прочіе остались, стали по всему дому шарить и грабить. Я въ окно, да на сосѣднюю крышу. Кричатъ: «Лови, лови!» Я схватился за колодезное бревно, перевѣсился.... проклятое на смази такъ меня о землю и брякнуло!... Чортъ возьми, хуже ядра вальтелинскаго! Да ужь тутъ, вижу, дѣло не до увѣчья: не въ больницу итти; сначала поползъ, а потомъ и расходился. Такъ ужь вамъ къ Эвелинѣ бѣжать не приходится, а развѣ въ за́мокъ Орбиньи. По дорогѣ и Сару захватимъ.

— Карету! закричалъ голова: карету и сотню стрѣлковъ.

Гаръ-Піонъ, хромая, ушелъ исполнить приказаніе головы.

— Дѣти мои! вы слышали все? со слезами спросила Джудита.

— Уѣзжайте, матушка, уѣзжайте! Мы отомстимъ за васъ!

— Да будетъ съ вами мое благословеніе!....

—Не прощаться! безъ прощаній! Карета готова. Стрѣлки насъ догонятъ.

Въ той же, знакомой намъ, дорожной каретѣ уѣхала Джудита съ Гаръ-Піономъ. Не прошло и четверти часа, какъ съ одной стороны Мазарини, съ другой Де-

портъ, подошли къ дому головы. Дѣти съ крикомъ убѣжали въ спальню жены головы, и просили у нея оружія. Жена головы заперла двери и стала ихъ усовѣщевать. Между-тѣмъ голова съ важностью ввелъ гостей въ залу.

— Что̀ угодно вашей эминенціи? сказалъ голова, садясь въ кресла насупротивъ Мазарини и не приглашая Депорта занять мѣсто.

— Вотъ пріятель мой, дворянинъ его величества, ординарный живописецъ Депортъ, пришелъ къ вамъ съ жалобой, а я его ходатаемъ.

— Въ чемъ ваша жалоба, господинъ дворянинъ и ординарный живописецъ его величества?

— Жена сбѣжала, не могу отыскать.

— Она поѣхала въ городской ратушевой каретѣ къ его эминенціи, кардиналу-герцогу, въ Рюэль, просить объ ускореніи развода съ вами.

— Помилуйте, господинъ голова! да вы не должны потворствовать разврату! сказалъ Мазарини.

— Я знаю свои обязанности, и долженъ васъ предувѣдомить, господинъ кардиналъ, что ратуша добраго города Парижа прійметъ свои мѣры противъ соблазнителей и подкупателей, какого бы они званія и чина ни были.... Г. Де-

портъ! епископу сдѣлано ложное донесеніе, якобы вы находитесь внѣ города. Клерику Ромуальду де-Шатилю я запрещаю входить въ городъ, даже въ процессіяхъ къ Парижской Божіей Матери, а васъ подъ стражей, какъ ослушника епископскихъ повелѣній и подкупателя, представлю завтра въ соборное засѣданіе правительствующаго и ученаго духовенства.

Неожиданныя мѣры и рѣшительность, съ какою говорилъ голова, ясно показывали, что ему все извѣстно. Мазарини первый опомнился и отвѣчалъ:

— Задержать дворянина, полагаю, не въ правѣ парижская ратуша.

— Ратуша въ это и мѣшаться не будетъ: это мое личное право. Оно еще болѣе оскорблено Депортомъ въ садахъ тюильрійскихъ: онъ изволилъ ходить тамъ съ вооруженными людьми.

— Это мои Швейцарцы.

— Назначенные только для охраненія вашей особы, отнюдь не для сопутствія Депорту.

— Такъ что же вы хотите дѣлать? съ запальчивостью сказалъ Мазарини. Не вздумаете ли вы задержать и меня?

— Почему же нѣтъ? хладнокровно отвѣчалъ голова. Еще одно лишнее слово,

и повѣсть о кардиналѣ Де-ла-Валеттѣ можетъ повториться.

— Купчишка!.... гляди за своими бондарями и замшевыми продавцами, а я тебя завтра же отлучу отъ церкви!

— Это что-то новое! сказалъ голова, вставъ и ударяя въ ладоши. — Васъ двое, продолжалъ голова: надо принять мѣры.

Онъ опять захлопалъ. Никто не являлся.

— Видно, ваша гвардія, сказалъ Мазарини, гдѣ-нибудь въ погребу пируетъ съ членами ратуши. — Пойдемъ, Депортъ!

Голова заступилъ дорогу, и закричалъ:

— Ни съ мѣста!

Въ то же время за дверьми послышался шумъ. Съ крикомъ вбѣжали въ комнату дѣти Джудиты. Толстая Варвара, жена головы, держала обоихъ за руки. Мазарини и Депортъ поблѣднѣли. Оба, забывшись, закричали: — Дѣти мои!

— Не ваши! съ бѣшенствомъ простоналъ Джироламо: не ваши! Мы дѣти Джудиты, мы ея мстители!

— Возьмите же эту первую жертву сыновней мести! сказалъ голова, указывая на Депорта, возьмите, граждане Парижа, недостойнаго пришельца, италіянскаго ремесленника, Филиппа делла-Порту!

Мазарини не сводилъ глазъ съ прекрасныхъ юношей, которыхъ месть одушевляла: и дѣлала еще прелестнѣе, милѣе. Сердце кардинала наполнилось неисповѣдимымъ чувствомъ; онъ плакалъ и не отиралъ слезъ. Но Депортъ дрожалъ какъ листъ, и не сводилъ глазъ съ покровителя-сообщника. Разсудокъ гаснетъ въ страстяхъ, гдѣ замѣшается родство. Мазарини бросился обнимать дѣтей, но Джироламо оттолкнулъ его съ проклятіемъ; Джованни мрачно повторилъ ихъ. Между-тѣмъ сбѣжались люди, и вошелъ очередной десятникъ.

— Траншѐ! отведи въ сторожевую избу этого господина, и пошли къ старшинамъ. Немедленно пусть собираются къ допросу обманщика делла-Порты, который осмѣлился проживать въ Парижѣ подъ чужимъ именемъ, имѣлъ дерзость обмануть государя, министровъ, и употреблялъ высокія милости только для постыдныхъ видовъ ... Ведите!

— Кардиналъ! кардиналъ! стоналъ Депортъ.

— Стойте! закричалъ Мазарини. Я беру его на поруки.

— Нельзя! съ твердостію отвѣчалъ голова. Вы, ваша эминенція, благоволите удалиться, если не хотите быть причиною и жертвою непріятныхъ послѣдствій,

передъ которыми я не намѣренъ останавливаться. Добрый городъ Парижъ на меня смотритъ. Я щажу васъ для Ришліе, только изъ дружбы къ кардиналу-герцогу.

— Голова! закричалъ Джироламо, а сегодня еще старшина Лери читалъ законъ короля Карла Пятаго....

— Не наступило время еще, отвѣчалъ голова. Оно не далеко.... и тогда ни какая сила не избавитъ васъ отъ преслѣдованій закона!.... Ведите преступника!

Депорта увели. Джироламо и Джованни пошли посмотрѣть, какъ производится законное задержаніе преступника. Въ комнатѣ остались Мазарини и голова.

— Все, сказалъ Мазарини, схвативъ за руку голову: все за Депорта и этихъ двухъ мальчиковъ!

— Все за права города Парижа! все за права великаго государя нашего, Людовика Справедливаго!

— Такъ вы намѣрены вести со мною войну? спросилъ Мазарини.

— Война, Мазарини! отвѣчалъ голова: война!

— Я первый буду въ вашемъ станѣ.

— Она начнется казнью Депорта.

— Какъ ушей своихъ вы не увидите этой казни!

— Завтра, на зарѣ, соберется парламентъ....

— Я разгоню васъ, купцы и мытари!

— Де-ла-Валетта судили ваши купцы и мытари!

— Я задушу тебя! закричалъ Мазарини, и бросился на голову.

Тотъ схватилъ доску со стола, и бойцы кружились, упираясь животами въ доску. Во время этой трагикомической сцены вошли старшины въ указномъ облаченіи. Мазарини исчезъ.

— Господа! въ моемъ лицѣ, Парижъ боролся съ Мазарини, сказалъ утомленный голова.

— Парижъ былъ съ баррикадами, сказалъ Лери съ улыбкой.

Голова и всѣ разсмѣялись.

ГЛАВА VIII.

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ ЦИННЫ.

Было поздно. Въ садахъ кардинальскаго дворца прогуливалось избранное парижское общество, ожидая шести часовъ. Представленіе Цинны всегда привлекало множество народу, особенно когда всѣмъ было извѣстно, что Корнель въ Парижѣ и, вѣроятно, по родительской привязанности къ лучшему своему произведенію, не пропуститъ спектакля. Два года Парижъ не видалъ въ театрѣ Корнеля, во-первыхъ, потому что онъ постоянно жилъ въ Руанѣ, а во-вторыхъ, и потому, что,

не отдѣлавъ окончательно Поліевкта, онъ не хотѣлъ посторонними, иногда и грязными впечатлѣніями, возмущать тотъ высокій міръ, въ которомъ жили и дѣйствовали герои христіанской трагедіи.

— Гдѣ вы сегодня? спросилъ молодой человѣкъ прекрасной наружности у юноши съ красивыми кудрями, но съ лицомъ одушевленнымъ, сверкающими глазами и гордой осанкой.

За обоими собесѣдниками были пажи и нарядные слуги.

— Самъ не знаю. А вы, принцъ?

— Я, по обыкновенію, на сценѣ. По милости кардинала, у насъ теперь на самой сценѣ есть сборная ложа.

— Принцу Конти, сказалъ юноша, не должно бы одолжаться милостями кардинала.

— На-исходѣ, мой добрый Конде, на-исходѣ! Право, теперь и ссориться съ нимъ не стóитъ: полу-мертвый человѣкъ.

— Этотъ полу-мертвый уморитъ еще многихъ.

— Богъ съ нимъ!... Такъ гдѣ же вы сегодня? Пойдемъ къ намъ въ ложу.... А вотъ и Мазарини! Вы гдѣ сегодня, кардиналъ? въ сборной?

—Въ кардинальской, отвѣчалъ Мазарини съ примѣтнымъ неудовольствіемъ.

—Не стыдно ли вамъ оставлять товарищей? Знаете, гдѣ мы сегодня послѣ спектакля?

— У васъ каждый день новое мѣсто забавъ.

— Совсѣмъ нѣтъ! Голова заважничалъ, и мы хотимъ проучить купцовъ городскихъ. Ратуша прибила на всѣхъ углахъ объявленіе: на всѣхъ предмѣстьяхъ запрещаютъ сходбища послѣ полуночи. Если нельзя на предмѣстьѣ, такъ мы и рѣшили сегодня, послѣ спектакля, прямо въ Сите, и въ биржевой тавернѣ, что насупротивъ ратуши, затѣять пляску и весь нашъ гвалтъ.

— Я съ вами! съ примѣтною радостью сказалъ Мазарини. Но мнѣ надо переодѣться....

— Кчему? отвѣчалъ принцъ Конти. Я васъ переодѣну на сценѣ. Мнѣ всѣ актеры знакомы.

Куранты заиграли на башнѣ, тогда еще деревянной, церкви святаго Роха, и всѣ бросились въ театръ. Ложи были наполнены дамами въ самыхъ вычурныхъ прическахъ и костюмахъ. Изъ ложъ, что на сценѣ, выкинули на подмостки ковры и подушки, и нѣсколько человѣкъ улеглось почти у ногъ актеровъ. Впереди лежали принцы Конти и Конде; за ними нѣсколько человѣкъ молодежи изъ пер-

выхъ фамилій; Мазарини скрывался въ самой глубинѣ ложи. Въ партерѣ было два ряда почетныхъ креселъ, которыя раздавались по назначенію самаго кардинала. Между креслами и оркестромъ не было перилъ: музыканты мѣшались съ почетными гостями.

— У кардинала опять новый музыкантъ, сказалъ Конде, указывая на вошедшаго въ оркестръ Пуссена.

— Судя по губамъ, это долженъ быть фаготъ, отвѣчалъ принцъ Конти; а по платью, Гасконецъ.

— Нѣтъ, изъ Прованса.

— Только ужь изъ провинціи, это навѣрное! Посмотрите: онъ садится на почетное мѣсто.

— Это Пуссенъ, замѣтилъ Мазарини. Не долго ему сидѣть на этомъ мѣстѣ!... Видѣли?

— А что?

— Онъ покачнулся.

— И глаза красны....

— Вѣрно, съ обѣда.

— Изволили кушать, съ коварной улыбкой сказалъ Мазарини, вдвоемъ съ своей любовницей.... Вотъ господа, прелесть!

— Мазарини, замѣтилъ Конде, можетъ перечесть по пальцамъ всѣхъ красавицъ Парижа. Нумеръ первый?...

— Любовница Пуссена, проворно досказалъ Мазарини.

— Неужели?.... А нельзя ли видѣть? спросилъ Конти.

— Должно! Иначе, у васъ, господа, мѣщанскій вкусъ.

Грянула музыка, и всѣ замолчали. Конти раскланивался съ знакомыми дамами. Конде читалъ первый актъ Цинны изъ печатной книги, прочіе также кланялись дамамъ. Музыка кончилась: на сцену вошли Эмилія и Фульвія. Превосходный вступительный монологъ Эмиліи былъ пропущенъ: актеры полагали, что онъ лишній и только наводитъ на зрителей скуку.... Ужь эти актеры! Вольтеръ, который впрочемъ понималъ Корнеля не лучше актеровъ, первый упросилъ Эмилію возстановить превосходный монологъ.

— Мазарини! сказалъ Конти, старая знакомая....

— Принцъ! говорите тише: она уже замужемъ и корчитъ вѣрную жену.

— Еще бы! Переходя изъ рукъ въ руки, Эмилія стала римской матроной, и я въ этомъ вижу разумъ кокетки. Чѣмъ же она теперь занимается?

— Собираетъ деньги.

— Да это прежнее ремесло!

— Теперь только перемѣнились сред-

ства. Посмотрите, принцъ: сегодня новая Фульвія. Эмилія играетъ дурно, потому что Фульвія очень не дурна собой.

— Да она вдвое моложе Эмиліи: за что же сердиться?

— Спросите у нихъ. Женщины не прощаютъ молодости, зачѣмъ она молода.

— Мазарини огромный философъ! замѣтилъ Конде, и бросилъ цвѣтокъ къ ногамъ Фульвіи.

Эмилія покраснѣла до ушей, и машинально продолжала читать стихи. Вошелъ Цинна.

— Ну, накричится же онъ сегодня! сказалъ Конти; на-бѣду сегодня въ голосѣ. Я думаю, не лучше ли будетъ, во время мужскихъ сценъ, укрываться въ ложѣ?

— Не ловко опускаться въ ложу, сказалъ Конде. Когда захлопаютъ, тогда развѣ.

— Ну такъ давайте хлопать!.... Чтожъ они замолчали?

Актеры дѣйствительно остановились и молчали, преклонясь почтительно. Корнель въ это время вошелъ въ оркестръ и пробирался на свое мѣсто. Конде первый замѣтилъ Корнеля и сказалъ о томъ Конти. Всѣ встали; за ними поднялись съ мѣстъ своихъ дамы, и весь партеръ

загремѣлъ: «Да здравствуетъ великій Корнель»!

Испуганный неожиданнымъ пріемомъ, Корнель поспѣшилъ на свое мѣсто, раздавилъ по-дорогѣ віолу, не извинился, и усѣлся; но громкія восклицанія подняли его съ мѣста. Принцы не садились, дамы тоже; партеръ гремѣлъ. Корнель почтительно раскланялся на всѣ четыре стороны. Все утихло и пришло въ прежній порядокъ.

— Неужели, спросилъ его Пуссенъ, ришліевскій театръ не умнѣе ришліевской академіи?

— Хорошо, что хозяинъ уѣхалъ, отвѣчалъ Корнель, а то, за этотъ тріумфъ я долженъ бы поплатиться такимъ же торжественнымъ уничиженіемъ.

— Они уже познакомились, проворчалъ Мазарини: добра не будетъ.

— Кто познакомился? спросилъ Конде.

— Одна дама съ однимъ молодымъ человѣкомъ.

— Вы считаете его опаснымъ соперникомъ?

— Да!.... въ нѣкоторомъ отношеніи.

Актъ кончился. Вся публика встала, всѣ лица обратились къ Корнелю, всѣ голоса снова загремѣли его славу. Но вышли актеры, и опять все затихло.

— Мнѣ должно бѣжать, сказалъ Кор-

нель. Радость народа какъ буря, возрастаетъ до неистовства.

— Чѣмъ же можетъ кончиться эта буря? спросилъ Пуссенъ.

— Проводами, отвѣчалъ Корнель, которыхъ уже никакъ не проститъ кардиналъ-герцогъ. Я и такъ уже виноватъ передъ нимъ, зачѣмъ пришелъ въ театръ.... Нечего дѣлать! надо бѣжать изъ театра, надо бѣжать изъ Парижа. Поліевкта моего не хотятъ играть: такъ что́ мнѣ дѣлать въ Парижѣ? Но передъ отъѣздомъ въ Руанъ, я долженъ предостеречь васъ, г. Пуссенъ. Клевета объявила васъ отчаяннымъ пьяницей. Будьте осторожны.

— Неужели кто-нибудь вѣритъ такимъ глупостямъ? съ улыбкой спросилъ Пуссенъ.

— Весь Парижъ! отвѣчалъ Корнель, весь Парижъ, кромѣ меня и главныхъ клеветниковъ..... Простите! Бѣгу. Расположеніе публики можетъ погубить меня, а жена.... а дѣти....

Корнель всталъ и пробирался къ выходу, но, примѣтивъ, что актеры запнулись и партеръ заволновался, онъ поспѣшно сѣлъ на пустое мѣсто у самаго входа, и выползъ изъ театра тогда уже, какъ сильное впечатлѣніе, произведенное мастерскими стихами и отличною игрою

актеровъ, привело публику въ новой восторгъ.

Пуссенъ вполнѣ предался интересу превосходной трагедіи. Изрѣдка только мысль о клеветѣ мелькала далекой тѣнью; но когда піеса кончилась и публика расходилась, негодуя на Корнеля, зачѣмъ лишилъ ее возможности, послѣ трагедіи, разыграть комедію подъ заглавіемъ «Уличная Слава Писателя»; когда театръ опустѣлъ и на сценѣ, въ недавнемъ Римѣ, появились кардинальскіе лакеи и стали убирать декораціи; когда переодѣтые принцы и дворяне, проходя сцену съ пѣсней несли въ тріумфѣ на римскихъ носилкахъ Фульвію и, преклонивъ предъ ней колѣна, шутовски изъясняли восторгъ свой, будто произведенный Фульвіей въ ничтожной ролѣ наперсницы; когда Эмилія, оскорбленная тріумфомъ Фульвіи, стала бить служанку и бранить мужа, который, будучи Августомъ, владыкой міра, спокойно сквозь пальцы смотритъ на униженіе жены своей; когда все это смѣшалось въ жалкую картину человѣческой суетливости и пустоты, — тяжело стало Пуссену. Блаженъ, кому Провидѣніе подарило радужную призму, черезъ которую онъ можетъ смотрѣть на окружающіе предметы: не отымайте отъ глазъ этого веселаго стеклышка! иначе, надо

бѣжать отъ людей, строить вавилонскую башню, и поселиться на заоблачномъ ея темени. Знаменитый пьяница не могъ въ эту минуту простить клеветѣ: суетливость заразительна, и великая душа взалкала мести. Пуссенъ опрометью бросился изъ пустаго театра. Но принцы и дворяне долго еще продолжали свою комедію. Лакеи потушили лампы: собесѣдники зажгли факели. Фульвія сидѣла на носилкахъ.

— Царица! сказалъ маркизъ Дезавё: украсьте праздникъ цитерскій вашимъ присутствіемъ! Мы намѣрены обратить сегодня Парижскій Островъ въ островъ любви; мы хотимъ въ неприступныхъ стѣнахъ Ситè утвердить престолъ Киприды. Богатѣйшіе купцы принесутъ жертвы къ вашимъ стопамъ; первые юноши Франціи будутъ вамъ услуживать: на первый случай осмѣлюсь представить себя, принца Конти, и Кондè, молодаго героя, которому обѣщаютъ четыре войны и четыреста побѣдъ; первые писатели Франціи воспоютъ славу вашу: Корнель, Котлé... если хотите, кардиналъ Ришліё, всѣ, всѣ!... И такъ, обожаемая царица....

— Безъ свиты? отвѣчала кокетка.

— Свита будетъ!

И дворяне бросились за кулисы, пой-

мали двухъ дѣвчонокъ изъ прислужницъ, и опредѣлили ихъ нести шлейфъ Киприды. Замаскированный незнакомецъ за руку втащилъ насильно на сцену Эмилію.

— Куда вы меня ведете? кричала Эмилія.

— Въ свиту нашей Киприды, въ свиту Киприды! отвѣчалъ незнакомецъ.

— Помилуйте! сказалъ Конти: она сама богиня! она сама степенная и ревнивая Минерва!

— Минерва? съ бѣшенствомъ закричала Эмилія, вырываясь изъ рукъ незнакомца.

— Нѣтъ, нѣтъ! кричалъ незнакомецъ. Успокойтесь! вы просто нимфа, которую я, сатиръ, укралъ и тащу съ собой гулять на цитерскій праздникъ.

— Что̀ же ты, глупая голова, молчишь? сказала Эмилія своему Августу, который стоялъ въ смѣшномъ нарядѣ за кулисой, и глядѣлъ на приготовленія къ цитерскому празднику.

Августъ подошелъ къ Эмиліи и съ трагическою важностью сказалъ:

— Ступай на празднество, и пиръ укрась собой!
Киприду побѣди блистательной красой!
Разруша жертвенникъ и взявъ сребро и злато,
Спѣши къ Юпитеру съ добычею богатой,
И съ колесницею, и злато и жену
Я буду ожидать на Каменномъ Мосту!

Общее «браво́» отвѣчало на безкорыстную выходку Августа. Даже сама Эмилія улыбнулась. Незнакомецъ, держа за руку Эмилію, сказалъ что-то на ухо Августу и своей плѣнницѣ, а потомъ громко возгласилъ, передразнивая Августа:

— О нимфа нѣжная! и ты, Олимпа царь,
Довольны ль вы, друзья?...

Оба, дѣлая утвердительный знакъ головой, отвѣчали:

Довольны, государь!

Опять общее «браво́». На Киприду и на старую нимфу набросили покрывало, и, съ пѣснями, всѣ отправились въ Сите́.

ГЛАВА IX.

ПРИСТУПЪ И РЕТИРАДА.

— Ворота еще не заперты, сказалъ маркизъ Дезавё, когда буйные собесѣдники переходили мостъ.

Въ тѣсныхъ улицахъ Сите́, между лавокъ, мастерскихъ и часовень встрѣтили ихъ городскіе стрѣлки съ многими урядниками и городскимъ старшиною.

— Именемъ короля, остановитесь! закричалъ старшина Лери.

— Именемъ короля, пропустите! отвѣчалъ Кондѐ.

— Стой! закричалъ Конти. Вступимъ въ переговоры. Что́ вамъ угодно?

— Если вамъ не извѣстно послѣднее повелѣніе парижской ратуши....

— Извѣстно, извѣстно! отвѣчали всѣ, даже и женщины.

— И какъ намъ запрещено пировать на предмѣстьяхъ ради умноженія городскаго доходу, то мы и признали за-благо осчастливить и обогатить Ситѐ нашимъ посѣщеніемъ.

Сказавъ это, Конти вынулъ шпагу, и всѣ послѣдовали его примѣру.

— Съ дороги! закричалъ онъ и старшина и стрѣлки невольно посторонились.

Въ трактирѣ, противъ самой ратуши, все было давно готово къ принятію гостей; но мэтръ Креманъ, не желая ссориться съ городскимъ начальствомъ, заперъ на-замо̀къ двери и погасилъ огни. Шалунамъ это было извѣстно. Двери выломали, но окна пощажены. Царицу усадили на почетное мѣсто. Эмилія обидѣлась, и только удивительное искусство замаскированнаго незнакомца возстановило общее спокойствіе. Начался пиръ. Собесѣдники вскорѣ достигли до извѣстной степени одушевленія. Шумъ возрасталъ. Явился голова со всѣми старшинами, и требовалъ, чтобы дворяне немедленно вышли изъ Ситѐ.

— Съ тѣхъ поръ, отвѣчалъ Конти, какъ я имѣю счастіе быть старшиною нашего веселаго общества, ни какой безпорядокъ не возмутилъ спокойствія гражданъ добраго города Парижа. Кто вамъ далъ право, господинъ голова, стѣснять привилегіи французскихъ дворянъ? Завтра походъ: мы должны ѣхать. Продолжительная война съ вами на предмѣстьяхъ невозможна и мы пришли искать возстановленія правъ нашихъ прямо въ Ситѐ, въ городъ.

— Подумайте, ваша свѣтлость, что́ скажетъ король, если узнаетъ....

— Молчите, господинъ голова! Это ужь не ваше дѣло.

— Не мое дѣло?... Посмотримъ! завтра соберется парламентъ; я принесу жалобу....

— Посмотримъ! Я и вашимъ парламентамъ объявляю войну, а васъ прошу быть моимъ посломъ и прокуроромъ.

— Нѣжная, безбородая молодость извиняетъ ваше дерзкое обращеніе....

— Смотрите, чтобы дерзость ваша не перешла предѣловъ и не кончилась помѣщански.... Вонъ!

— Вонъ! закричало голосовъ двадцать, и голова съ старшинами, молча удалились.

Смѣхъ, шутки и насмѣшки провожали градоначальника.

— И этотъ купчишка, сказалъ замаскированный незнакомецъ, сегодня на рынкѣ схватилъ дворянина за то, что онъ поцѣловалъ лавочницу, и держитъ бѣднаго въ сторожевой избѣ!

— Что̀? закричали почти всѣ: въ сторожевской избѣ? въ ратушѣ?... Въ походъ!

И дѣйствительно, обнаживъ шпаги, всѣ собесѣдники были уже на крыльцѣ ратуши. Стража обращена въ бѣгство, Депортъ освобожденъ. Въ первыя минуты восторга, онъ цѣловалъ руку незнакомца и жалобно пищалъ: - «Никогда не забуду благодѣяній вашей эминенціи!»

Побѣдители возвратились въ таверну и сложили мечи свои къ ногамъ Фульвіи. Незнакомецъ съ освобожденнымъ плѣнникомъ исчезли. Никто не могъ понять, куда они дѣвались. Эмилія, была неутѣшна · униженная, обманутая она придиралась къ каждому слову Фульвіи, стала бранить ее. Наконецъ первая актриса ришліёвскаго театра ударила перчаткой свою наперсницу. Дворяне хохотали, не принимая участія въ женской войнѣ, и, когда перестрѣлка дошла до генеральнаго сраженія и обѣ стороны вступили въ рукопашный бой, шалуны исчезли,

оставивъ трактирщику, вмѣсто уплаты, двухъ разбитыхъ актрисъ.

— Отворяй ворота! закричалъ незнакомецъ.

— Кто̀ идетъ? спросилъ сторожевой.

— Капитанъ Тромбара!

Стрѣлокъ съ трепетомъ повиновался.

— Куда же мы теперь? спросилъ блѣдный Депортъ, безпрестанно оглядываясь.

— Домой.

Карета за мостомъ ожидала кардинала, и они отправились.

Въ небольшомъ дворцѣ Мазарини всѣ окна были освѣщены; толпа Швейцарцевъ наполняла сѣни; слуги въ разныхъ покояхъ дремали у дверей. Съ пріѣздомъ хозяина, все оживилось.

— Сколько васъ ни есть, сказалъ Мазарини въ сѣняхъ, въ походъ! на всю ночь! — Начальство надъ вами я поручаю этому господину, прибавилъ кардиналъ, указывая на Депорта.

— Ради служить вашей эминенціи! отвѣчали Швейцарцы.

— Что̀ вы хотите дѣлать? спрашивалъ Депортъ, слѣдуя бѣгомъ за Мазарини.

— Найденъ слѣдъ! Джудита въ за̀мкѣ у д'Орбиньи. Кавалеръ уѣхалъ въ испанскій походъ съ людьми и оружіемъ: замокъ беззащитенъ. Пока Джудита свободна, я не могу быть спокоенъ.

— Нѣтъ, кардиналъ, силой мы не возьмемъ замка; да если бы и взяли, что́ проку? Поступокъ слишкомъ громкій, опасный. Гораздо лучше подкупить людей: деньги то же оружіе. Но я такъ бѣденъ... вы знаете...

— Сколько же нужно денегъ?

— Тысячи три, четыре ливровъ, и Джудита будетъ въ нашихъ рукахъ. Швейцарцы пусть будутъ: не мѣшаетъ; но деньги главное.

— Возьмите, возьмите этотъ кожаный мѣшокъ съ золотомъ. Тутъ станетъ чѣмъ подкупить Барберини. А я ѣду прямо въ Сенъ-Жерменъ, проститься съ королемъ и на-прощаньѣ выпросить для васъ открытый листъ, безопасную граммату. Письмо съ королевской печатью, и тогда голова въ дуракахъ... Но поздно!... ступайте.

Депортъ отыскалъ, несмотря на позднее время, карету и лошадей, и заѣхалъ въ вандомскія палаты. Тамъ было все опечатано, и два городскіе стрѣлка сидѣли на львахъ, нѣкогда любимыхъ креслахъ Гойка и Гаръ-Піона. Стрѣлки, завидѣвъ Депорта и Швейцарцевъ, исчезли. Печати сняты. Изъ тайниковъ своихъ Депортъ перетаскалъ мѣшки съ серебромъ и золотомъ, драгоцѣнные предметы, нѣкоторыя бумаги, и, нагрузивъ ими каре-

ту, отправился въ путь. Пѣшіе Швейцарцы чинно за нимъ слѣдовали. Всю ночь и цѣлый день шествіе продолжалось безъ малѣйшаго случая. На вторую ночь остановились путники для отдыху въ дурной и одинокой аустеріи. Сильная порція вина одолѣла утомленныхъ Швейцарцевъ. За нѣсколько золотыхъ монетъ хозяинъ отыскалъ свѣжихъ лошадей.

Депортъ сѣлъ въ карету. Кучеръ не смѣлъ хлопнуть бичемъ, но добрые кони и безъ понужденія унесли дворянина Депорта изъ парижскаго округа, черезъ пять дней изъ предѣловъ Франціи...

До свиданія, Депортъ! Когда-то мы увидимся?

ЭВЕЛИНА ДЕ ВАЛЬЕРОЛЬ.

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

РАЗЪѢЗДЪ.

РАЗЪѢЗДЪ.

Les amoureux se devisent aux dames,
Comptent leurs cas, jurent Dieu et leurs ames:
Que leur amour, tant les tourmente et nuit
Qu'ils n'ont repos la seule heure de nuit,
Font de piteux, soupirent et lamentent;
Mais pour certain je crois qu'en cela mentent.

GUILLAUME CRETIN.

ГЛАВА X.

ТОРЖЕСТВО ИСТИНЫ.

Возвратясь изъ театра, Пуссенъ принялся за работу. Присутствіе Эвелины, Гаспара, Стеллы нѣсколько разогнало мрачныя его мысли. Съ небольшимъ въ три часа, Пуссенъ нарисовалъ, на лос-

куткахъ, всю исторію Геркулесовыхъ подвиговъ.

— Теперь за главное! сказалъ онъ съ довольной улыбкой: пока голова не омрачилась новыми неудовольствіями.

—Что́ же вы называете главнымъ? спросила Эвелина.

— Плафонъ! По-крайней-мѣрѣ, этимъ невѣждамъ я оставлю поучительный урокъ. Я представлю имъ многомысленную аллегорію: Время защищаетъ Истину.... И не уйдете вы отъ страшной пытки сѣдаго старика! Онъ вымучитъ у васъ истину; онъ выроетъ изъ пыли неопровержимыя обвиненія; стоустая молва разнесетъ позоръ вашъ по всѣмъ предѣламъ свѣта, и кровавыя страницы исторіи запятнятся грязью гнусныхъ и темныхъ дѣяній вашихъ!.... Время! время! несокрушимъ твой щитъ, какъ безсмертна твоя коса смерти! Сбрасывая плевелы, вмѣстѣ съ драгоцѣнными растеніями, съ твоей безмѣрной жатвы, ты прячешь подъ щитомъ своимъ вѣрную объ нихъ память.... Я буду правъ передъ потомствомъ: есть время!

Никогда Гаспаръ не видалъ Пуссена въ такомъ сильномъ раздраженіи: и тѣни римскаго философа вы бы не нашли въ воспаленныхъ глазахъ, въ тяжеломъ дыханіи, въ злобной улыбкѣ художника!...

И онъ когда-то вѣрилъ возможности нравственной независимости на этомъ свѣтѣ, въ этой скучной и смрадной темницѣ, гдѣ просторно только одному себялюбію!

— Неужели вы будете еще работать? спросилъ Гаспаръ.

Я не могу спать. Меня грызутъ всѣ обстоятельства парижской жизни моей; память не представляетъ ничего утѣшительнаго; воображеніе живописно не бесѣдуетъ со мною: я радъ, что еще глаза что̀-нибудь видятъ, рука не дрожитъ, и въ трудѣ постепенно забываю кардинала, враговъ-покровителей и враговъ-гонителей. Конечно, я забываю и то, что̀ вы не обязаны платить безсонницей за привязанность ко мнѣ. Ступайте спать!

— Намъ и на умъ сонъ нейдетъ! Но, мосье Пуссенъ, отчего вы занимаетесь работами для галереи, а не спѣшите исполнить обѣщанныхъ срочныхъ работъ?

— Милая Эвелина, я расчелъ, что эти работы заказаны только для того, чтобы меня обидѣть.

— Если вы не исполните ихъ, значитъ обида достигла своей цѣли.

— Справедливо, сказалъ Пуссенъ, улыбаясь: но скучно.....

— Зачѣмъ же вы обѣщали?

— Справедливо. Позвольте начать святцы съ Екатерины-Великомученицы.

— Какъ хотите, только начинайте, отвѣчала Эвелина, поправляя рабочую лампу и подавая карандашъ, который перекатился-было по столу на ея сторону.

— Вы меня не поняли. Пусть исполнится клевета Депорта: вы будете служить мнѣ натурой. Ни въ ономъ лицѣ я еще не встрѣчалъ такого изящнаго страданія.

— Такъ рисуйте же, пока я не развеселилась.

— Давайте рисовать!

Карандашъ тронулся.

— Забавно! сказалъ Пуссенъ, продолжая работать: мнѣ уже, видно, навсегда суждено счастіе находить высокое утѣшеніе домашней жизни съ чужими людьми!.... Мадамъ Пуссенъ, мадамъ Пуссенъ!

И художникъ задумался. Вдругъ на дворикѣ послышался разговоръ.

— Дома мосье Пуссенъ?

— Что̀ за дьявольщина! отвѣчалъ привратникъ, глядя въ форточку своей ложи. Похоже ли это на придворныхъ людей?.... За-полночь гости! Мосье Пуссенъ спитъ.

— Врешь! во всѣхъ окнахъ свѣтло: видно бранжичаетъ.

— Такъ что̀ жъ за бѣда? отвѣчалъ привратникъ съ досадою. Мало ли гдѣ свѣтло? да какое кому дѣло?

Привратникъ продолжалъ еще долго свой монологъ. Между-тѣмъ въ гостинную вошелъ Фукіерръ въ щегольскомъ, шитомъ шелками кафтанѣ, съ огромнымъ пирамидальнымъ парикомъ, и при шпагѣ.

— Что̀ вамъ угодно, баронъ? спросилъ Пуссенъ, забывъ, что этотъ титулъ данъ былъ Фукіерру въ насмѣшку.

Фукіерръ схватился за шпагу.

— Какъ вы смѣете? сказалъ онъ, съ гордостію закинувъ голову назадъ.

— Простите, это шутка, сказалъ Пуссенъ, нѣсколько смущенный своею забывчивостію. Позвольте спросить, что̀ вамъ угодно?

Я вамъ не позволю шутить ни на словахъ, ни на дѣлѣ. Вы не властны измѣнять королевскихъ повелѣній. Я получилъ шпагу за мои пейзажи, а вы, что за ваши муміи и красныя вакханаліи, что̀ получили вы?

— Между прочимъ, зависть и ненависть плохихъ художниковъ.

— Я на свой счетъ вашихъ глупостей не принимаю: въ васъ говоритъ вино!

— Господинъ баронъ! сказалъ Гаспаръ, вскочивъ съ мѣста: я васъ велю вытолкать, если вы осмѣлитесь сказать еще одно подобное слово!

— Я говорю правду.

— За такую правду бьютъ!

— Оставь его, Гаспаръ, сказалъ Пуссенъ, садясь за столъ и чертя карандашомъ фигуру Фукіерра. Продолжайте, продолжайте, господинъ баронъ: а я, пока, нарисую вашъ портретъ и отошлю къ Черкоцци, въ его знаменитую коллекцію чудаковъ.

— Вы смѣете!..

— Такъ, такъ, господинъ баронъ! Голову немного повыше.... Хорошо, хорошо! Продолжайте говорить.

Бѣшенство овладѣло Фукіерромъ, но и благоразуміе не совсѣмъ оставило его: онъ видѣлъ, что Гаспаръ въ полной готовности исполнить обѣщаніе; Стелла также всталъ съ мѣста, а Эвелина, закрывъ лицо платкомъ, помирала со смѣху.

— Прекрасная картина! любовница смѣется, любовникъ рисуетъ, два разбойника готовы броситься на благороднаго человѣка! сказалъ Фукіерръ, почти задыхаясь.

— Благороднаго, но не благорожденнаго, съ достоинствомъ отвѣчала Эвелина: ложь и клевета живутъ только въ крови мѣщанской.

Дворянинъ Фукіерръ, при всей знаменитой дерзости своей, пришелъ въ совершенное смущеніе. Упрекъ изъ устъ дѣвушки, упрекъ мѣткій, сказанный съ достоинствомъ, какого онъ не встрѣчалъ и въ палатахъ рамбульетскихъ и въ при-

хожихъ королевы, и на антресоляхъ придворныхъ дамъ, неожиданно и сильно поколебалъ его заносчивость.

— Перестаньте, перестаньте! Что вамъ угодно, мосье де-Фукіерръ? Скажите коротко и ясно.

— Коротко и ясно: я буду писать мои пейзажи въ окнахъ галереи.

— Нѣтъ!

— Буду!

Говорю вамъ, нѣтъ! потому что, вопервыхъ, это величайшее безвкусіе, а вовторыхъ, и пейзажи ваши очень плохи.

— Ужь не пуссеновскіе ли лучше?

— Прескверные, но ваши еще хуже. Однимъ словомъ, какъ начальникъ вашъ, я принужденъ прибѣгнуть къ дарованной мнѣ государемъ власти, и приказываю вамъ оставить работы въ галереѣ. Всѣ рисунки другихъ картинъ, назначенныхъ для дворцовъ его величества, приказываю вамъ принести завтра для исправленій, согласно королевской грамматѣ. Наконецъ еще разъ, какъ начальникъ вашъ, приказываю вамъ не являться ко мнѣ безъ зову, а теперь, какъ хозяинъ, прошу оставить меня въ покоѣ.

— Вы не шутите? фистулой запѣлъ Фукіерръ.

— Пуссенъ, во всю жизнь свою, не позволилъ себѣ шутки.

— Если такъ, такъ знайте же: передъ вами не живописецъ, а дворянинъ Фукіерръ, который проситъ, требуетъ удовлетворенія.

— А вы еще не удовлетворены?

— Поединка: понимаете ли вы? поединка.

— Я не мальчикъ, котораго можно разгорячить до глупости: понимаете ли вы? За нарушеніе законовъ и неприличное, грубое и дерзкое поведеніе съ начальникомъ, я велю посадить живописца Фукіерра на хлѣбъ и воду.

— Неслыхано, не видано!

— Такъ услышите, увидите! Проголодаетесь, будете спокойнѣе и умнѣе. Я добръ съ добрыми и строгъ съ дерзкими.... Ступайте.

— Что́ скажетъ король на все это?

— Скажетъ: «Я далъ Пуссену власть, и заставлю уважать мою довѣренность.»

— Посмотримъ! Король еще не уѣхалъ, и я прямо въ Сенъ-Жерменъ.

— Только постарайтесь вернуться завтра и передъ захожденіемъ солнца принести рисунки заказанныхъ вамъ работъ.

Оглушенный неожиданною строгостію и величіемъ Пуссена, Фукіерръ безъ оглядки бѣжалъ по лѣстницѣ.

— Что́ такъ скоро изъ гостей? спрашивалъ его привратникъ, отпирая калитку.

— Пошелъ къ чорту! отвѣчалъ Фукіерръ, ударивъ привратника.

— Пошелъ ты самъ къ чорту! сказалъ привратникъ, толкнулъ Фукіерра и заперъ калитку.

— Я обиженъ, я обезчещенъ! кричалъ баронъ, и проклятія его, вовсе не дворянскія, долго еще раздавались въ тюильрійскихъ аллеяхъ.

Никто не ложился. Гаспаръ и Стелла смѣялись надъ забавною гордостью Фукіерра. Пуссенъ съ грустію посматривалъ на Эвелину и продолжалъ работать. «Любовница! подумалъ онъ. Сдѣлали меня пьяницей!..... Чего добраго? что стоитъ для этихъ изверговъ помрачить доброе имя невинной дѣвушки?» И карандашъ пересталъ повиноваться художнику.

— Какъ хотите, а спать пора!.....Гаспаръ, разбуди Жаннету.... Ступайте, Эвелина, съ Богомъ!

Эвелина простилась и ушла въ свою спальню. Стелла и Гаспаръ улеглись и скоро заснули. Примѣтивъ, что сонъ взялъ свое, Пуссенъ пошелъ въ мастерскую, зажегъ подвижную пирамиду о сорока свѣчахъ, и сталъ работать эскизъ большаго плафона. Вдохновеніе въ ночной тишинѣ возвратилось, разогрѣло могучую голову: небо искусства разверзлось, и высшее наитіе, которое люди именуютъ

геніемъ, стало оплодотворяться. Это — чисто мистической процессъ, состояніе магнетическое. Художникъ видитъ, ощущаетъ, слышитъ, такъ тонко, такъ нѣжно, что черта его приближается къ рисунку натуральному: всѣ запасы опыта и ученія укладываются въ памяти, какъ на палитрѣ, сами собой; самый механизмъ ускоряется до быстроты неимовѣрной; мечта осуществляется не по днямъ, а по часамъ, и три часа подобной работы непремѣнно обогащаютъ искусство новымъ превосходнымъ, такъ-называемымъ безсмертнымъ произведеніемъ.

— Истина! говорилъ Пуссенъ: ты не должна бояться ни зависти ни раздору. Они уронили тебя; но ты спокойна и прекрасна по-прежнему въ очаровательной наготѣ своей! Злоба порочнаго міра не оставитъ тебя, не позволитъ обитать даже въ пустынѣ..... Въ пустынѣ! Конечно, истина можетъ жить только въ пустынѣ. Море... ни что не дѣлаетъ вида такъ пустыннымъ, какъ огромное пространство воды.... налѣво море. Люди есть, но они живутъ далеко отъ истины. Вдали, подъ туманомъ, городъ: жилище истины. Нѣсколько сухихъ деревъ нѣсколько голыхъ камней, и два, три куста колючихъ растеній. Но истина ненавистна людямъ и въ сосѣдней пустынѣ,

и за-моремъ, и подъ землею: изгнать ее! Мало: должно извести ее со свѣту! И мгновеніе страшнаго событія наступило: истина пала; она уже въ рукахъ раздора и зависти. Сѣдой старикъ, неподкупный Сатурнъ, бросилъ и часы свои и косу, и любовь времени, дитя времени, святая истина, спасена!.... Четыре фигуры, и очень довольно!...

Эскизъ былъ конченъ. Солнце освѣщало его съ любовью, какъ-будто спасеніе истины озарило міръ яркимъ свѣтомъ. Пуссенъ сидѣлъ въ креслахъ и любовался на свое произведеніе: онъ какъ-бы отомстилъ за все коварной зависти и невѣжеству, успокоился и вздремнулъ..... Стукъ кареты разбудилъ Пуссена. За нимъ стояли Гаспаръ и Стелла, и безмолвно наслаждались превосходнымъ созданіемъ плафона. На лѣстницѣ послышались шаги, въ сосѣдней комнатѣ голосъ Эвелины и Жаннеты. Пуссенъ ничего не видѣлъ, кромѣ своей картины, даже не обратилъ вниманія на вошедшаго Сенъ-Марса. Маркизъ былъ въ охотничьемъ платьѣ: у широкаго пояса висѣлъ кабаній ножъ; сапоги съ огромными раструбами и длинными шпорами; въ рукѣ шляпа безъ перьевъ, съ золотымъ гребешкомъ. Лицо, походка, движенія, обнаруживали неудовольствіе.

— Вы меня должны извинить, сказалъ Сенъ-Марсъ: я отъ короля.

— Господинъ Великій! отвѣчалъ Пуссенъ: мнѣ всегда пріятно васъ видѣть; но государь меня проститъ, если я досихъ-поръ не успѣлъ нарисовать картинокъ для его молитвенника: дѣло трудное!

— Не объ немъ рѣчь, господинъ живописецъ, не объ немъ рѣчь. Вы обѣщали государю портретъ.....

— Онъ готовъ, отвѣчалъ Пуссенъ, и снялъ съ веревочки портретъ дѣвицы Лафайетъ, нарисованный пастилью. Надо покрыть его стекломъ, и вотъ что́ замедлило исполненіе священной воли моего государя. Но къ вечеру онъ будетъ готовъ. Помогите мнѣ, любезный Стелла.

— И вы рѣшаетесь, сказалъ Сенъ-Марсъ съ улыбкой: послать его величеству такую дрянь?

— Дрянь? съ гордостію спросилъ Пуссенъ.

— Дрянь, дрянь! Вы полѣнились написать масляными красками. Вамъ было некогда: медовый мѣсяцъ любви помѣшалъ вамъ исполнить священную волю короля. И вы думаете этими пустяками извинить свое нерадѣніе въ глазахъ его величества? Вы сомнѣваетесь въ его прозорливости? Вы рисуете кресла для кар-

динала и виньетки для монашескихъ книгъ, написанныхъ въ поддержку ришліёвскаго министерства: вотъ ваши занятія! И эти картины тоже для кардинала? А этотъ портретъ? вѣрно, подарокъ вашей женѣ?.. Но вы не отошлете его въ Римъ: король приказалъ привезти портретъ Эвелины въ Сенъ-Жерменъ.... Его величество въ ваши домашнія дѣла, въ ваши сердечныя тайны мѣшаться не хочетъ, но очень желаетъ посмотрѣть на прелестницу, которая легко побѣдила вашъ стоицизмъ.

— Что́ вы хотите сказать, господинъ маркизъ?

— Я ужь все сказалъ. А теперь беру портретъ вашей любовницы, и ѣду въ Сенъ-Жерменъ.

Сенъ-Марсъ пошелъ прямо къ портрету, и уже протянулъ руку, чтобы снять его съ треножника.

— Не трогать! закричалъ Пуссенъ, и заступилъ Сенъ-Марсу дорогу.

— Вы можете написать другой портретъ: она у васъ. И кчему портретъ, когда оригиналъ въ вашихъ объятіяхъ? А этотъ я возьму.

— Никогда! съ жаромъ сказалъ Пуссенъ, и выхватилъ кабаній ножъ изъ-за пояса Сенъ-Марса.

Портретъ Эвелины обратился въ мелкіе кусочки. Наступивъ на нихъ ногою,

Пуссенъ отдалъ ножъ Сенъ-Марсу, и съ дивнымъ величіемъ, съ римскимъ своимъ спокойствіемъ, холодно сказалъ маркизу:

— Возьмите ваше оружіе, и поѣзжайте въ Сенъ-Жерменъ. Скажите кому заблагоразсудите, что Пуссенъ не позволитъ даже шутки на-счетъ невинной и несчастной дѣвушки. Скажите моему государю, что я спѣшу пасть къ ногамъ его и просить о помилованіи за мое ослушаніе. Да позволитъ представить себѣ всѣ причины моего негодованія и, можетъ-быть, дерзкаго, неумѣстнаго поступка. Я раздражителенъ.... нѣтъ! я сталъ раздражителенъ въ Парижѣ.... Маркизъ! вы еще не испытали клеветы?

Смущенный Сенъ-Марсъ стоялъ передъ Пуссеномъ какъ ученикъ, которому учитель дѣлаетъ строгій выговоръ.

— Неужели, тихо спросилъ онъ, неужели всѣ эти слухи....

— Ложь, безстыдная ложь, презрѣнная ложь! сказала Эвелина, отирая слезы и съ важностью приближаясь къ Пуссену.

Взявъ за руку безмолвнаго художника, Эвелина обратилась къ Сенъ-Марсу. Она, казалось, выросла въ эту минуту. Огненные глаза блистали негодованіемъ, губы дрожали, руки тряслись, слова прерывались. Сенъ-Марсъ опустилъ глаза;

прочіе смотрѣли на Эвелину, какъ говорятъ, въ-оба. Душевная буря разрѣшилась слезами: дѣвушка зарыдала и бросилась на грудь неподвижнаго Пуссена, снова схватила его руку и, прижавъ къ устамъ, потомъ къ сердцу, сказала довольно твердымъ, но примѣтно измѣнившимся голосомъ:

— Вы заступили мѣсто отца; вы исполнили долгъ родителя и честнаго человѣка; вы не выдали меня на посмѣяніе людей, утопающихъ въ развратѣ.... Великій человѣкъ! имъ не понятны ваши добродѣтели. Вижу: не васъ преслѣдуютъ, не васъ гонятъ.... меня, меня! Для меня нѣтъ безопасности, для меня нѣтъ счастія.... Да! я люблю, и любить не перестану. Они, вотъ эти великіе злодѣи, вотъ эти записные волокиты, для которыхъ честь женщины — игрушка, добродѣтель — личина потѣшная, благородство — въ гербахъ и девизахъ, вотъ эти рыцари порока, защитники соблазна, они выслали изъ Франціи моего отца два раза, выгнали моего Альфреда, и теперь принялись за васъ. Ваша добродѣтель служила мнѣ послѣднимъ щитомъ земнымъ. Но знайте, маркизъ, скажите и Мазарини, скажите и Депорту, скажите всему дворянству французскому, что для нихъ нѣтъ Эвелины. Даже черная мысль

не достанетъ до убѣжища, которое я избираю, избрать обязана.... Простите, дорогой отецъ мой! Теперь васъ оставятъ въ покоѣ.... Простите!

И Эвелина снова зарыдала, и снова бросилась на грудь Пуссена.

— Скажите моему отцу, когда увидитесь, что дочь его до конца сохранила его святыя правила, и теперь въ безопасной Долинѣ Благодати (Val-de-Grace) не разстается ни съ нимъ, ни съ добродѣтелью, въ теплыхъ и непрерывныхъ молитвахъ!

Всѣ вздрогнули. Сенъ-Марсъ упалъ на колѣни передъ печальной дѣвой, и умолялъ простить его дерзости, забыть прошедшее. Эвелина, качая головой, тихо отвѣчала:

— Кто можетъ вѣрить злу, тотъ злой человѣкъ.... Простите!

Эвелина ушла медленно, торжественно, поклонясь ласково Гаспару и Стеллѣ.

— Вы лишили меня дочери, маркизъ, но спасли честь невинной жертвы какого-то адскаго разсчету.

— И вы позволите ей исполнить это безумное намѣреніе?

— Я самъ отвезу ее въ Долину Благодати. Я человѣкъ слабый, ничтожный, гонимый: у меня нѣтъ средствъ противустать такимъ сильнымъ, такимъ упря-

ными врагамъ. Я исполню послѣдній долгъ отца, передамъ ее святому покрову Пресвятой Дѣвы.

— Да будетъ! сказалъ Сенъ-Марсъ, крѣпко сжавъ руку Пуссену со слезами на глазахъ. Я любилъ ее. Мнѣ совѣстно передъ вами, мнѣ стыдно. Я не умѣлъ быть добродѣтельнымъ, и каюсь вамъ. Вы достойны быть духовникомъ моимъ, скорѣе нежели наши кардиналы.

Пуссенъ обнялъ Сенъ-Марса и, поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ:

— На все доброе я считаю себя въ правѣ благословить васъ.

— На все доброе, съ грустію сказалъ Сенъ-Марсъ. Кажется, я одинъ только думаю не о себѣ.

— И кажется, вы одни только можете быть полезны для бѣдной Франціи. Милость короля....

— Безплодная милость, пока власть королевская въ рукахъ злодѣя!

Збѣжала Жаннета, расплаканная и растрепанная.

— Г. Пуссенъ! г. Пуссенъ! спасите! Моя госпожа помѣшалась: въ монастырь идетъ! Приказала мнѣ разспросить у всѣхъ, гдѣ монастырь Визитокъ.

— Превосходная мысль! я передамъ ее

на руки сестрѣ Авреліи! сказалъ Пуссенъ, и ушелъ въ комнаты Эвелины.

Сенъ-Марсъ печально поклонился художникамъ и уѣхалъ.

Пуссенъ и Эвелина были уже на крыльцѣ, когда на дворикъ вошла Марія д'Орбиньи съ сестрою кавалера и слугой.

— Куда вы? спросила Марія, обнимая Эвелину.

— Въ монастырь Визитокъ.

— Къ обѣднѣ?

— На житье!

— Какъ! вы хотите оставить свѣтъ навсегда?

— На неопредѣленное время. Принять священный чинъ безъ воли отца я не имѣю права, но безопаснаго убѣжища въ Парижѣ для меня не осталось болѣе.

— Къ-сожалѣнію, вы совершенно правы. И Джудита раздѣлила судьбу вашу.

— Какъ! и она укрылась въ монастырѣ?

— Нѣтъ, она укрылась у меня въ замкѣ. Мужъ мой отправился въ походъ; вооруженная прислуга наша самая ничтожная; между-тѣмъ насъ увѣдомилъ Сенъ-Маръ, что кардиналы свидѣлись въ Сенъ-Жерменѣ и рѣшили, во что бы то ни стало, отнять у меня Джудиту. Вы можете вообразить нашъ ужасъ. Всю ночь мы строили проекты и тотчасъ же ихъ

перемѣняли. Поутру люди увѣдомили насъ, что кардинальскіе Швейцарцы ночевали въ сосѣднемъ трактирѣ на ліонской дорогѣ. Не оставалось времени разсуждать: переодѣтыя поселянками, Джудита и Сара усѣлись въ деревенскую повозку; Гаръ-Піонъ снялъ послѣдній усъ, надѣлъ деревянные башмаки и одежду поселянина, и сѣлъ кучеромъ; они уѣхали, а мы всѣ бросились въ церковь, и напутствовали ихъ теплыми молитвами.

— Куда же они поѣхали?

— Въ Седанъ.

— Альфредъ! они увидятъ тебя, они тебя обрадуютъ, успокоятъ.... Пойдемте, г. Пуссенъ, пойдемте! Мы еще застанемъ у Визитокъ обѣдню.

— Поѣдемъ въ моей каретѣ, сказала Марія, и всѣ отправились въ монастырь.

ГЛАВА XI.

КОГО СЛУШАТЬ?

Небольшой Сенъ-Жерменъ сталъ многолюднѣе Парижа: всѣ чиновники высшаго правительства, все высшее духовенство, маршалы, генералы, все съѣхалось въ Сенъ-Жерменъ. Даже королеву и дофина привезли туда. Прислугѣ не было мѣста: она помѣщалась въ шатрахъ за паркомъ, въ полѣ. Королевская кухня не могла продовольствовать всѣхъ гостей. Гордъ терялъ голову, какъ удовлетворить всѣмъ требованіямъ, успокоить обиженныхъ, умилостивить недовольныхъ.

Но и въ этомъ многолюдствѣ Людовикъ былъ одинъ. Печальный Дюбоа хлопоталъ одинъ около добровольнаго отшельника.

— Не забудь Филиппова ящика, сказалъ король, укладывая собственноручно письма, стихи и ноты въ небольшой ларчикъ.

— Онъ уже со мной, отвѣчалъ Дюбоа.

— А гдѣ самъ Филиппъ?

— Не видать давно.

— Пуссенъ его обидѣлъ. Съ тѣхъ поръ и глазъ не кажетъ.

Вошелъ Сенъ-Марсъ.

— Ну что́, маркизъ? есть портретъ?

— Есть, ваше величество.

— Покажи.

— Онъ не со мною. Пуссенъ самъ привезетъ его.

— Когда?

— Завтра.

— Мы ѣдемъ сегодня.

— Дюбоа можетъ послать его въ Нарбонну съ нарочнымъ.

— Весьма умно. А похожъ?

— Двѣ капли воды. По скорости, онъ сдѣланъ пастилью, но ни какая живопись не сравнится съ нѣжностію этой мастерской работы.

— А что́, Пуссенъ доволенъ ли мною?

— Онъ обожаетъ ваше величество; но

клеветники и кардинальскіе шпіоны его замучатъ. Представьте, ваше величество: Пуссенъ, кромѣ воды, ничего не пьетъ..

— Я такъ и думалъ.

— А дѣвушка, о которой вамъ говорили — невинная дочь одного капитана, котораго кардиналъ выгналъ изъ Франціи, за то, что капитанъ не согласился на безчестное предложеніе Мазарини....

— Представь себѣ! я угадалъ.

— Пуссенъ принялъ ее подъ свое покровительство: вотъ и все тутъ. Узнавъ о клеветѣ, Пуссенъ поѣхалъ прямо къ Визиткамъ, и поручилъ невинную жертву благочестивой Лафайетъ.

— И не ошибся въ выборѣ, сказалъ король: сестра Аврелія только одна во всей нашей Франціи можетъ служить для молодой дѣвушки образцомъ благочестія и добродѣтели. Жаль, что мы не увидимся съ Пуссеномъ.

— Не послать ли за нимъ?

— Насъ ждутъ въ церкви.... насъ ждетъ Испанія. Но мы найдемъ средства изъявить наше удовольствіе Пуссену. Одѣвайтесь, маркизъ, и пойдемъ въ церковь.

— Государь! пусть лучше сегодня не видятъ меня при особѣ вашей. Въ церквѣ кардиналы, кардиналисты. Я буду ожидать ваше величество у кареты.

— Хорошо, хорошо! Но зайди въ другую церковь и отслужи обѣдню. Пока твою отчитаютъ, наша едва начнется. Ступай.

Король пошелъ во внутренніе покои, Сенъ-Марсъ къ каретѣ.

Кардиналъ, въ особомъ отдѣленіи сенъ-жерменскаго дворца, сидѣлъ въ креслахъ, и внимательно слушалъ наставленія лучшихъ парижскихъ врачей. Когда, истощивъ всѣ предупредительныя средства, врачи въ совѣтахъ своихъ стали повторяться, кардиналъ прервалъ ихъ разсужденія, и, обратясь къ Мазарини, сказалъ тихо:

— Вы остаетесь въ Парижѣ моимъ намѣстникомъ; но, кардиналъ, прошу объ одномъ: гдѣ бы я ни былъ, пришлите мнѣ бѣглую чету..... въ Мадритъ даже, если судьба войны благословитъ наше оружіе.

— Я постараюсь, генералиссимусъ, исполнить ваше приказаніе немедленно.

— Не называйте меня этимъ пустымъ именемъ: оно мнѣ дано въ насмѣшку. Я отплачу этому нарѣченному конетаблю. Я думаю, и наши бѣглецы сидятъ гдѣ-нибудь подъ полой пажа-министра.

— Не прикажете ли еще чего, ваша эминенція?

— Сдѣлайте подробное изслѣдованіе, что

тамъ надѣлали въ городѣ принцы и дворяне. Если они въ самомъ дѣлѣ напали на ратушу и освободили Депорта, какъ жалуется голова и королю и мнѣ, то, послѣ испанской войны, они поплатятся за эти шутки. Хорошо что я не показалъ королю этой жалобы.... Не по-рыцарски, а по-разбойничьи! Главное: увѣдомьте меня, кто былъ замаскированный незнакомецъ, который обѣщалъ моей Минѣ, моей старой Минѣ, тысячу ливровъ. Онъ хотѣлъ только унизить меня, представить скупцомъ. Мало мнѣ стóило выдать замужъ Мину и пристроить!... Сдѣлайте милость, не забудьте открыть этого замаскированнаго незнакомца.

— Я постараюсь, отвѣчалъ Мазарини, нѣсколько смутясь и поправляя крестъ. Но чтó будетъ съ Пуссеномъ, съ галереей?

— Оставьте это на попеченіе де-Нойé. Я ему дамъ нужныя наставленія.

— Король идетъ! король идетъ! раздалось въ сосѣднихъ покояхъ, и кардиналы вышли навстрѣчу Людовику.

Увидя, что король по галереѣ идетъ одинъ, безъ свиты, Ришліё сказалъ тихо Мазарини:

— Не безъ умыслу нѣтъ никого изъ новаго министерства!

Вошли въ церковь. Вслѣдъ за Людо-

викомъ вошла королева, за нею дофинъ съ воспитателями. Въ свитѣ королевы, состоявшей изъ немногихъ дамъ и кавалеровъ, шелъ, съ особенною важностію и странными ужимками, дворянинъ Фукіерръ. Органы заиграли; архіепископъ бордоскій съ причетомъ совершилъ литургію, и, въ краткой, но сильной проповѣди, изложилъ причины войны, надежды и намѣренія правительства, и военную славу временъ Людовика. Архіепископу всѣ вѣрили, даже король: собственные его подвиги, во время осады Ла-Рошели, давали словамъ его вѣсъ и важность. Принявъ благословеніе всего парижскаго духовенства и архіепископа бордоскаго, король простился холодно съ королевой, поцѣловалъ и благословилъ сына, и вышелъ изъ церкви. На лѣстницѣ, король какъ-будто что-то вспомнилъ.

— Да, да! гдѣ де-Нойе?

Де-Нойе протѣснился. Король, взявъ его за руку, повелъ съ собой и дорогой сказалъ:

— Берегите мнѣ Пуссена, берегите пуще глазу! Всѣ возможныя удобства и облегченія моему Рафаэлю! Я могу на васъ положиться. Я васъ не забуду.... Прощайте.

Король оставилъ его руку и пошелъ

далѣе. Де-Нойѐ остановился, желалъ дать дорогу членамъ королевской фамиліи и занять въ ходѣ свое урочное мѣсто. Прошла королева, прошелъ и дофинъ съ своими спутниками. За ними шелъ первый министръ, и также взялъ за руку де-Нойе́, повелъ съ собою, и на́-ухо сказалъ:

— Не забудьте, любезный другъ: по возвращеніи, мы не должны застать Пуссена въ Парижѣ. При первомъ капризѣ, при первой просьбѣ ѣхать въ Италію, отпустите. Пишите ко мнѣ въ Нарбонну, и почаще. Прощайте.

Кардиналъ также оставилъ руку де-Нойе́, и продолжалъ шествіе. Де-Нойе́, изумленный, раздосадованный, потерялъ свою очередь и не хотѣлъ уже догонять торжественнаго ходу, возвратился въ свою комнату, и, къ удивленію, нашелъ тамъ Симона Вуэ и Лемерсіе́.

— Уѣхали! сказалъ Лемерсіѐ, глядя въ окно.

— Помилуйте! Я полагаю, они будутъ разъѣзжаться до вечера: до четырехъ-сотъ каретъ, по счету Горда.

— Какъ меня ни обижаютъ, а Богъ съ ними: дай Богъ успѣха!

— Дай Богъ успѣха! сказалъ Вуэ съ злобной улыбкой. Въ полѣ свободнѣе.

Де-Нойе́ боялся быть тайнымъ свидѣтелемъ дальнѣйшей дружеской бесѣды,

и громко сказалъ обоимъ обычное привѣтствіе. Оба обернулись съ живостью молодыхъ людей. Де-Нойѐ указалъ имъ на кресла, а самъ усѣлся на диванѣ и сбросилъ парикъ.

— Кажется, пора привыкнуть къ этимъ церемоніаламъ, сказалъ де-Нойе́, отирая потъ съ лица: а не могу; каждый разъ устаю какъ рабочая лошадь; для меня легче просидѣть ночь съ перомъ въ рукахъ нежели выдержать полный королевскій выходъ. Сбиваюсь въ мѣстахъ, забываю время поклоновъ и поздравленій.... Нѣтъ! плохой я придворный..... Что́ новаго, господа?

— Много, отвѣчалъ Вуэ. Я пріѣхалъ просить васъ сдѣлать со мною расчетъ.

— Какой расчетъ?

— Когда меня отставили, картинъ однако же мнѣ не возвратили. Мнѣ теперь представился случай выгодно сбыть ихъ королевѣ Христинѣ. Шведскій посланникъ, знаменитый Гуго ванъ-Гроотъ, убѣдительно просилъ меня написать для доброй королевы пять, шесть картинъ. Но я старъ, признанъ неспособнымъ, безталантливымъ..... еще какія-то даны мнѣ названія. Я человѣкъ простой, и, несмотря на всю горечь такой немилости, не могу, не смѣю предаться отчаянію, но и писать мнѣ трудно, нѣтъ охоты: какъ-то

на все, даже на кисть, гляжу съ презрѣніемъ. Слава Богу, что я еще сколотилъ себѣ независимое состояніе и могу не просить милостынь. Королевѣ Христинѣ, искренней любительницѣ художествъ, которая не только любитъ, но и разумѣетъ искусство, пріятно подарить нѣсколько картинъ. Ришліё я дарить ничего не намѣренъ. Не хочу также, чтобы деньги, которыя слѣдуютъ мнѣ, были отданы этому новому Рафаэлю, Апеллесу, достойному такой Греціи, какова ришлёвская Франція.

— Мастеръ Симонъ! я не удивляюсь, что вы себѣ нажили такъ много враговъ.

— Перестаньте, excellentissime, повторять старыя сказки. Гдѣ эти враги? Ришліё, можетъ-быть, вы по должности, открытый ратушею обманщикъ делла-Порта, итальянскій маляръ, котораго прозорливые люди приняли за какого-нибудь гонимаго Доминикина; Пуссенъ, который художественнымъ краснорѣчіемъ сдѣлалъ себѣ художественную славу; наконецъ маркизъ Дезюмидъ, который насмѣшилъ Римъ, поправляя Рафаэля, и удивилъ Парижъ куринымъ царапаньемъ: и будто это враги! Съ доброй Франціей мы въ ладу, а добрый король по-сю-пору молится передъ образами, написанными моею плохою кистью. Пока еще, новые

Рафаэли меня не замѣнили, а что̀ будетъ дальше, увидимъ. Такъ вы позволите надѣяться, что мои картины....

— Будутъ вамъ возвращены, сказалъ спокойно де-Нойé.

Вуэ закусилъ губы, потому что не ожидалъ такого отвѣта. Помолчавъ, онъ продолжалъ:

— Вы простите мнѣ, если я осмѣлюсь спросить, когда я могу надѣяться получить ихъ.

— Сегодня. Къ возвращенію короля, Пуссенъ напишетъ новыя.

— Ни какого сомнѣнія! Онъ необыкновенно быстръ въ работѣ. Говорятъ, они въ Римѣ спорили, кто скорѣе напишетъ сто картинъ, онъ или три такіе же посредственные художника, фамилій не упомню.... Побѣдилъ!

— А за какія картины вамъ не заплачено?

Вуэ перечелъ ихъ по именамъ и по цѣнѣ. Составилась небольшая сумма.

— Видите, мастеръ Симонъ: я разсудилъ, что безъ разрѣшенія короля, я не могу выдать картинъ. Я немедленно пошлю докладъ его величеству, прикажетъ ли государь замѣнить ваши вялыя произведенія хорошими, хотя бы даже и не пуссеновскими; а чтобы въ то же время окончить и съ вами расчетъ и не имѣть

поводовъ слушать непріятности, которыя вы позволяете себѣ говорить, я плачу за эти картины. До шведскаго посланника и вашихъ патріотическихъ съ нимъ сдѣлокъ мнѣ нѣтъ ни какой нужды. Извольте ваши деньги.

Де-Нойé всталъ, вынулъ изъ секретаря мѣшокъ съ золотомъ, отсчиталъ всю сумму, объявленную Вуэ, и снова усѣлся на прежнее мѣсто.

— Видите, любезный мастеръ Симонъ, сказалъ онъ смущенному Вуэ: какъ вы сами себѣ вредили и продолжаете вредить съ досаднымъ упрямствомъ?

— Вы человѣкъ умный, отвѣчалъ Вуэ: и должны понимать, каково жить главѣ французской школы, человѣку, который чувствуетъ и свое достоинство и свои заслуги, съ людьми, которые не имѣютъ вкусу и управляютъ насильно въ нашей области.

— Будетъ ли этому конецъ, мастеръ Симонъ?

— Я кончилъ! Теперь ваша очередь, Лемерсіé.

— Конечно, достойный нашъ зодчій будетъ сколько-нибудь обходительнѣе, учтивѣе главы французской школы.

— Я молчу. Лемерсіé, начинайте.

— Я не знаю, какъ начать, дорогой другъ. Послѣ всего, что сдѣлали съ ва-

ми, послѣ всего, что̀ я теперь слышалъ, я не знаю, сто́итъ ли начинать. Не смѣю надѣяться, что во мнѣ подозрѣваютъ сколько-нибудь таланта, если васъ, достойный учитель и дѣйствительный основатель французской живописной школы, считаютъ посре́дственнымъ, вялымъ художникомъ.... Нѣтъ! конечно я постараюсь избѣжать такихъ непріятныхъ сужденій о моемъ талантѣ, внушенныхъ корыстолюбіемъ домашнихъ Рафаэлей, и начну съ конца, который несомнѣнно уже рѣшенъ въ главной управѣ нашихъ художествъ. Осмѣлюсь нижайше просить моего начальника оказа́ть мнѣ послѣднее благодѣяніе, уволить отъ должности главнаго королевскаго архитектора.

Де-Нойе́ задумался. Вуэ торжествовалъ побѣду, но не долго. Де-Нойе́ всталъ, подошелъ къ столу, взялъ перо и бумагу, и, подавъ ихъ Лемерсіе́, сказалъ съ величайшимъ хладнокровіемъ:

— Извольте. Я готовъ. Но напишите ваши желанія на бумагѣ.

Лемерсіе́ былъ, въ свою очередь, смущенъ не менѣе Вуэ, но, нечего дѣлать, сѣлъ и написалъ короткую просьбу объ увольненіи.

— Хорошо! сказалъ де-Нойе́, прочитавъ бумагу, сѣлъ за столъ, и написалъ на прошеніи: «Уволить, по строжайшемъ об-

слѣдованіи всѣхъ расходовъ, употребленныхъ господиномъ Лемерсіé по всѣмъ работамъ во дворцахъ и домахъ его королевскаго величества. Обслѣдованіе поручается первому живописцу его королевскаго величества, господину Пуссену, съ избранными, по его усмотрѣнію, тремя ординарными живописцами и тремя зодчими. *Де-Нойé*.»

— Потрудитесь отдать это Пуссену. Но исполнивъ ваше желаніе, любезный Лемерсіé, я считаю себя, какъ начальникъ, въ правѣ спросить о причинахъ вашего неудовольствія.

Лемерсіé, блѣдный, испуганный, не сводилъ глазъ съ ужаснаго рѣшенія, и не могъ отвѣчать ни слова. Въ душу де-Нойé закралась жалость: онъ былъ убѣжденъ, что извѣстная строгость Пуссена не пощадитъ счетовъ Лемерсіé, откроетъ злоупотребленія; но де-Нойé уважалъ талантъ Лемерсіé, и, видя необходимость лишиться Пуссена, котораго онъ надѣялся замѣнить ванъ-Дейкомъ или Кортоной, не хотѣлъ потерять навсегда лучшаго французскаго зодчаго.

— Перестаньте читать, сказалъ онъ, ласково ударивъ испуганнаго Лемерсіé по плечу: разскажите лучше, отчего вдругъ пришла намъ на умъ такая рѣшительность?

— Слѣдовать.... обслѣдовать мои поступки!... Гдѣ же королевская довѣренность?... Я работалъ слишкомъ годъ, и теперь все уже лежитъ въ развалинахъ: и вы спрашиваете о причинахъ моего неудовольствія!

— Любезный Лемерсіе́, это было недоразумѣніе. Вы болѣе съ Пуссенномъ работать не будете. Для васъ я всегда найду занятіе. Галерея совершенно поручена Пуссену. Весьма естественно, вы сдѣлали по-свòему, онъ хочетъ передѣлать по-свòему: дѣло вкуса.

— Дурнаго вкуса, невѣжества, незнанія! Чтò онъ построилъ? чтò онъ проектировалъ?... Охотничій домъ въ Сенъ-Жерменѣ!... Конечно, великая заслуга! а я, слава Богу....

— И съ этимъ я не спорю. Мнѣ самому жаль трудовъ вашихъ въ галереѣ; но прибѣгать къ такимъ мѣрамъ, кажется, не слѣдовало. Вы во мнѣ имѣли друга, и начали....

— Извините меня, достойный покровитель!

— Миръ, миръ! перебилъ де-Нойе́, разрывая бумагу.

— Господинъ архитекторъ! сказалъ Вуэ въ бѣшенствѣ: я это зналъ напе-

редъ. Купцы и зодчіе думаютъ только о барышахъ.... Прощайте.

Вуэ бросился къ дверямъ.

— Мастеръ Симонъ! мастеръ Симонъ! а ваши деньги?....

— Дарю на бѣдныхъ!

Въ это самое мгновеніе вошелъ Фукіерръ, и, сдѣлавъ нѣсколько балетныхъ поклоновъ, подалъ де-Нойé записку.

— Посмотримъ, сказалъ Вуэ, остановясь: какъ поступитъ нашъ баронъ.

Де-Нойé прочелъ записку и отворотился отъ Фукіерра.

— Такъ-то, Лемерсіé! началъ де-Нойé въ прежнемъ топѣ: вы избрали благую часть. Чтó добраго въ непрерывныхъ ссорахъ, въ искательствахъ, подъискахъ, во всѣхъ этихъ мелкихъ и нечистыхъ дорожкахъ лабиранта зависти? Замѣтьте: талантъ не завидуетъ.... всегда гордъ, всегда искрененъ. Иногда больно отъ геніальнаго правдолюбія, да стерпится, слюбится.... Мастеръ Вуэ совсѣмъ дѣло другое: онъ кончилъ блистательный путь, не можетъ итти далѣе, а въ художествѣ «остановился» значитъ пошелъ назадъ. Дворъ и Франція обогатили его. Надо было самому знать честь и вò-время, со славою, самому сойти съ художественнаго поприща, уступить мѣсто, можетъ быть, не достойнѣйшему, но человѣку,

который творитъ, производитъ согласно съ измѣнившимися понятіями времени. Не такъ дѣйствовалъ Вуэ: чувствуя свою немощь, онъ хотѣлъ поддержать свою славу именно художественнымъ краснорѣчіемъ, и каждый, кто осмѣливался съ нимъ не соглашаться, несъ судьбу Катилины. Вы знаете, что наконецъ и Цицерона не взлюбили. А вы, Лемерсіé, еще въ полной силѣ. Я самъ принужденъ былъ утвердить приказаніе Пуссена, и вчера ваши орнаменты загромоздили всю галерею своими обломками; но меня утѣшала мысль, что благородное соревнованіе Лемерсіé докажетъ Пуссену, что онъ поступилъ съ нимъ какъ плохой политикъ и какъ слишкомъ себялюбивый, взыскательный художникъ.

— И докажу, достойный покровитель, докажу вашему Пуссену, что строить фантазіи въ мечтательныхъ пейзажахъ не значитъ еще понимать зодчество.

— Что̀ же касается до васъ, г. Фукіерръ, я очень жалѣю, что вы безпокоили королеву вашими ссорами и сплетнями. Вы меня поставили въ необходимость разыскать все дѣло, и, вѣроятно, это не будетъ для васъ выгодно. Вы бы должны дорожить милостью королевы. Но пейзажи въ окнахъ.... простите,

Пуссена еще не было въ Парижѣ: я первый возставалъ противъ такого безвкусія.

Вошелъ слуга и доложилъ: — г. Пуссенъ!

— Вотъ кстати!... Проси... Мнѣ весьма пріятно васъ видѣть, г. Пуссенъ! Вы должны примирить всѣ неудовольствія, которыя возникли по вашей милости. У насъ никогда еще не бывало такого шуму изъ пустяковъ. Вы успѣли обидѣть всѣхъ нашихъ художниковъ. Всѣ эти господа пришли на васъ жаловаться.

— И я то же пришелъ съ жалобой на безстыдныхъ клеветниковъ, отвѣчалъ Пуссенъ съ важностью. Я не знаю, какъ принять королевскія повелѣнія: шуткой или въ самомъ дѣлѣ повелѣніями съ положительной цѣлію.

— Не понимаю, какъ можно въ этомъ сомнѣваться.

— Въ такомъ случаѣ, я не понимаю, почему эти повелѣнія не объявлены всѣмъ этимъ господамъ. Я одинъ работать не въ силахъ; а эти господа продолжаютъ дѣлать свое, не спрашивая у меня ни совѣтовъ, ни распоряженій. Я не сомнѣваюсь въ ихъ высокихъ талантахъ, и, если бы королю угодно было подчинить меня ихъ руководству, я умѣлъ бы повиноваться. Но г. Лемерсіе, несмотря на то, что я приказалъ разбить чудовищные

и чрезмѣрно тяжелые орнаменты въ одномъ концѣ залы, не удостоилъ меня спросить о причинахъ, чего я хочу, и сдѣлалъ распоряженіе продолжать точно такую работу въ другомъ концѣ галереи. Мало того: г. Лемерсіе публично говорилъ въ галереѣ неприличныя на счетъ мой рѣчи, которыхъ я, безъ-сомнѣнія, не повторю въ присутствіи образованнаго человѣка, и публично возвѣстилъ, что не пройдетъ мѣсяца, и разрушенные уроды воскреснутъ, а меня съ такимъ же безчестіемъ выгонятъ изъ Франціи, съ какою честію притащили изъ Рима, за уши, какъ упрямаго школьника. Г. де-Нойе, спрашиваю васъ, какъ я долженъ принимать слова г. Лемерсіе, личнымъ ли выраженіемъ оскорбленнаго самолюбія г. Лемерсіе или отголоскомъ мыслей его покровителей?

Всѣ молчали. Пуссенъ снова началъ.

— Теперь о г. Фукіеррѣ. Кто онъ? какія имѣетъ порученія отъ короля? какою властію пользуется въ галереѣ? Мнѣ объ этомъ ничего не сказано; а между-тѣмъ, г. Фукіерръ вчера, въ глубокую ночь, ворвался ко мнѣ насильно, наговорилъ тму грубостей, обидныхъ клеветъ, и принудилъ меня къ строгости. Я не шутилъ, и, желая оправдать довѣренность короля, объявляю, что обѣщанные мною аресты,

штрафы и другія взысканія, всѣ будутъ имѣть мѣсто, если у титулованныхъ господъ художниковъ нѣтъ другихъ чувствъ, на которыя можно дѣйствовать кроткими мѣрами. Я никогда не осмѣлюсь принять королевскихъ повелѣній за шутку, никогда не позволю считать себя бездушнымъ пугаломъ, которое поставили въ саду для игрушки.... г. де-Нойѐ, разрѣшите мои сомнѣнія.

Всѣ молчали. Де-Нойé съ неудовольствіемъ отвѣчалъ:

— Если вы имѣете королевскія грамматы и повелѣнія, поступайте какъ вамъ велитъ долгъ вѣрнаго подданнаго его королевскаго величества.

— Исполняя долгъ, о которомъ вы говорите, я не буду болѣе безпокоить васъ испрошеніемъ добрыхъ совѣтовъ; но какъ исполнительная власть по всѣмъ постройкамъ его величества возложена на васъ, то я прошу, на первый случай, дать урокъ г. Фукіерру и повторить при мнѣ, что мѣры строгости, какія назначу для успѣха общаго дѣла, будутъ въ точности приведены въ исполненіе по первому моему требованію.

— А я мечталъ, отвѣчалъ съ грустію де-Нойé: что демонъ самолюбія обитаетъ только въ душахъ середняго порядка!

— Не самолюбіе, сказалъ съ улыбкой

Пуссенъ, а нѣкоторое познаніе слабостей человѣческихъ руководствуетъ моими поступками. Удостойте меня прямымъ отвѣтомъ на вопросъ, который я имѣлъ честь предложить вамъ.

— Кротости, г. Пуссенъ, кротости: вотъ чего я ожидалъ отъ философа живописцевъ!

— Не съ ними! отвѣчалъ Пуссенъ, указывая на Фукіерра и Лемерсіé.

— Они уже не подъ начальствомъ вашимъ, они уволены, сказалъ де-Нойé съ примѣтной досадою.

— Никто не могъ ихъ уволить безъ моего согласія! Прежде они должны быть наказаны, а потомъ, можетъ-быть, я ихъ уволню, если не образумятся.

— Послушайте, г. Пуссенъ: неужели вы безъ шутокъ думали, что кто̀-нибудь позволитъ, кому бы то ни было, обращаться съ достойными и заслуженными художниками какъ съ учениками, которые моютъ ваши кисти?

— Такъ зачѣмъ же играть комедію? сказалъ Пуссенъ: зачѣмъ же давать повелѣнія, которыхъ я кроткими мѣрами не могу исполнить?.... Какъ я буду работать, когда Лемерсіé, въ той же галереѣ, лѣпитъ своихъ уродцевъ, чтобы закрыть мои картины, а г. Фукіерръ пачкаетъ окна пейзажами, и еще ночью, съ

грубостью и нахальствомъ врывается въ домъ мой, изрыгаетъ клеветы и вызываетъ своего начальника на поединокъ?.... Извольте... я знаю правила чести; но прежде снимите съ меня дарованныя королемъ права, а потомъ не откажите быть моимъ секундантомъ.

— Это ужь слишкомъ, Пуссенъ! сказалъ де-Нойé съ горячностію. Ваша строгость похожа на педантизмъ сельскаго учителя. Конечно, господа художники нѣкоторымъ образомъ подчинены вамъ; но вы обязаны тѣмъ же уваженіемъ къ ихъ талантамъ, какимъ они обязаны къ вашему. И по архитектурѣ, мы еще не видали вашихъ работъ, а Лемерсіé отдали справедливость не одни соотечественники.

— Я утомлю ваше вниманіе подробнымъ критическимъ разборомъ всѣхъ недостатковъ луврской галереи, и на-сегодня замолчу; но не оставлю безъ доказательствъ моего мнѣнія, принудившаго меня уничтожить сорока-тысячныя работы. Впрочемъ, я не знаю еще здѣшнихъ цѣнъ, и замуйсь этимъ предметомъ съ особеннымъ усердіемъ, потому что король и кардиналъ жаловались на чрезмѣрные по галереѣ расходы. Пока не угодно ли просмотрѣть мои предположенія?

Пуссенъ вынулъ изъ папки общій планъ и разрѣзы галереи: ни какого сходства съ разрушенной! Все было проектировано въ чистомъ римскомъ стилѣ; подробности были нарисованы съ особенною тщательностію Гаспаромъ и Стеллой; вся галерея была сложена изъ вѣрныхъ копій съ изящныхъ остатковъ древностей. Лемерсіé покраснѣлъ; де-Нойé разсматривалъ съ удовольствіемъ; Фукіерръ глядѣлъ въ окно; Симонъ Вуэ подошелъ къ де-Нойé и сказалъ съ примѣтною досадою:

— Очень, очень не дурно, но ничего оригинальнаго, это все заимствованія.

Пуссенъ молчалъ и рылся въ своихъ папкахъ.

«Какъ бы хотѣлось мнѣ, подумалъ де-Нойé: окончить эту галерею и выжить Пуссена къ пріѣзду короля!»

— Но здѣсь множество статуй, барельефовъ, каріатидъ, сказалъ онъ: это потребуетъ времени....

— Тѣмъ болѣе, отвѣчалъ Пуссенъ: что все это надо отливать въ Римѣ: здѣсь ничего не съумѣютъ сдѣлать.

— Но подумайте, сказалъ де-Нойé: чего же это будетъ стоить!

— Вся галерея, со всѣми моими работами, шестьдесятъ тысячъ ливровъ.

— Вы шутите, Пуссенъ!

— Во всю жизнь мою я не позволилъ себѣ шутки, говоря о художествѣ. А вотъ, не угодно ли посмотрѣть нѣкоторыя подробности? Вы видите, въ общемъ планѣ, рядъ барельефовъ. Они будутъ написаны, и вотъ для нихъ рисунки.

Пуссенъ показалъ исторію Геркулеса въ очеркахъ.

— Да вы сами Геркулесъ! сказалъ де-Нойе́, разсматривая превосходные очерки.

— Позвольте! сказалъ Пуссенъ и вышелъ.

— Господа! согласитесь, сказалъ де-Нойе́: что и мысль и подробности превосходны.

Художники хранили молчаніе и презрительную улыбку. Пуссенъ воротился, держа въ рукахъ, съ особенною осторожностію, незасохшій еще эскизъ плафона.

— Я его везъ въ каретѣ съ большимъ трудомъ, и не жалѣю, сказалъ Пуссенъ, поставивъ на свѣтъ свою картину.

Художники закусили губы. Вуэ покраснѣлъ. Пуссенъ глядѣлъ на нихъ съ сожалѣніемъ великодушнаго побѣдителя.

— Вотъ мои мысли, г. де-Нойе: жду вашихъ приказаній, сказалъ онъ, поставивъ картину на стулъ.

Де-Нойе обнялъ и разцѣловалъ Пуссена.

— Вамъ ли сомнѣваться въ моемъ одобреніи? сказалъ онъ тихо. Но я возобновлю мою просьбу: не оскорбляйте людей съ талантами. Они нѣкоторымъ образомъ правы.

— Позвольте, отвѣчалъ Пуссенъ: подарить вамъ эскизъ моего плафона на память, а о другихъ обстоятельствахъ донести вамъ письменно.

— Кчему все это, г. Пуссенъ?

— Вы хотите, чтобы исполнилась моя живописная притча.... Поручаю себя времени; но, для оправданія передъ потомствомъ, позвольте мнѣ немедленно приступить къ работамъ вь галереѣ. Признаюсь, я очень доволенъ, что г. Лемерсіе и г. Фукіерръ получили увольненіе. Мнѣ не нуженъ ни архитекторъ, ни пейзажистъ: я и самъ окончу галерею, и самъ напишу пейзажи. Но попрошу у васъ послѣдней милости.

— Говорите, говорите!

— Стражи къ моему дому и стражи къ луврской галереѣ. Я хочу запереться, и въ нѣсколько недѣль она готова! Тогда вы меня отпустите на время въ Римъ. Я вернусь съ женой, и пріймусь за Лувръ, котораго, во всякомъ случаѣ, въ этомъ году мы перестроить не можемъ.

— Все будетъ исполнено, отвѣчалъ де-Нойé, съ трудомъ скрывая примѣтную радость.

— Такъ простите!

Пуссенъ на-скоро собралъ свои рисунки, сложилъ въ папку, поклонился и уѣхалъ.

Художники стали откланиваться. Де-Нойé съ особенною сухостью отпустилъ Вуэ и Фукіерра, но удержалъ Лемерсіé.

— Послушайте, Лемерсіé. Какъ хотите, помиритесь съ Пуссеномъ.

— Подумайте сами, достойный покровитель, могу ли....

— Притворно, притворно! Мнѣ нужна эта галерея къ пріѣзду короля, а безъ вашего содѣйствія, онъ матеріяльно затруднится въ архитектурныхъ работахъ.

— Но чѣмъ же могу помочь я? спросилъ Лемерсіé съ коварной улыбкой.

— Такъ послушайте, Лемерсіè! Если добромъ вы не хотите мнѣ оказать услуги, то я вамъ приказываю. Всякая остановка по архитектурной части въ галереѣ на вашей отвѣтственности.... Прощайте!

Де-Нойе ушелъ въ другую комнату, а Лемерсіé на дворикъ, гдѣ его ожидали сообщники. Приложивъ палецъ къ гу-

бамъ, Лемерсіè вышелъ на крыльцо, не останавливаясь. Всѣ трое усѣлись въ одну придворную карету и отправились въ Парижъ.

ГЛАВА XII.

ЗАТВОРНИКЪ.

Немного художниковъ работало въ луврской галереѣ: самъ Пуссенъ, Гаспаръ, Стелла, Ла-Гиръ, Дюфреноа, Михаилъ Корнель, и еще два, три, которыхъ имена затерялись. Галерея была уже близка къ окончанію. Барельефы in chiaroscuro, изображавшіе подвиги Геркулеса, были уже написаны, плафонъ совершенно оконченъ и лѣса сняты. Одинъ входъ былъ заколоченъ на-глухо; у другаго стояли на стражѣ два карабиніера, не въ галереѣ, а въ смежномъ покоѣ. Двери были заперты.

— Еще два, три дня, сказалъ Пуссенъ: и все будетъ кончено! Теперь довольно: пойдемъ!

Всѣ вышли; Пуссенъ, послѣдній, заперъ галерею, и отправился домой съ Гаспаромъ и Стеллой. Немного спустя, пришли въ смежный съ галереей покой, гдѣ столи карабиніеры, Лемерсіе и Фукіерръ.

Лемерсіе занялся соображеніями, какимъ образомъ передѣлать этотъ покой и соединить его прилично съ другими залами, уже существовавшими или предположенными. Фукіерръ непрерывно величалъ Лемерсіе́ титулами маркиза, графа, даже маршала. Карабиніеры стояли въ струнку, не смѣя даже взглянуть другъ на друга.

— Что̀, съ вами ключъ? спросилъ Лемерсіѐ; взяли вы у Пуссена?

— Со мной, почтительно отвѣчалъ Фукіерръ. Г. Пуссенъ только-что оставилъ галерею и отдалъ мнѣ ключъ на случай вашего пріѣзду.

— Отворите галерею.

Фукіерръ отворилъ. Лемерсіе, съ особенною важностью, вошелъ въ галерею, и двери захлопнулись.

— Какъ ты думаешь, Андрей, кто они? спросилъ карабиніеръ, вынимая табакерку.

— Не знаю, Ѳома, отвѣчалъ Андрей, нюхая табакъ. Должны быть королевскіе: такъ важно и говорятъ и ходятъ. Намъ и не понять о чемъ они толковали.

— Ужь и не понять! Отчего же не понять? Дѣло простое. Я полагаю, Андрей, это королевскіе обойщики. Все на локти у нихъ, на футы, да на дюймы. Сталобыть, они мѣру прикидываютъ. Галерею кончатъ не сегодня, такъ завтра: ну, а видишь, по всему дворцу есть и занавѣси, и обои, и мебели, и все, а тутъ еще ничего; такъ ихъ и прислали.

— Помилуй! да одинъ при шпагѣ.

— Ну, это королевскій дворникъ. Вѣдь у короля и слуги — дворяне.

— А этотъ-то маркизъ, графъ, маршалъ.

— То-то умная голова! Ты и разбери, что маршалы безъ шпаги не ходятъ. А ты знаешь, какой норовъ у городскихъ купцовъ: всѣ другъ друга величаютъ маркизами и графами.... Насмѣшники, чортъ ихъ побери! Да что́ будешь дѣлать? Деньги у нихъ: имъ и кланяются!

Лемерсіе́ и Фукіерръ вышли, заперли галерею и съ печальными лицами отправились во внутренніе покои дворца.

— Видно, мало барышей насчитали, сказалъ Ѳома: такія длинныя рожи!

— Не бойся, Ѳома, городскіе купцы народъ смышленый. Позволь имъ только кайму приставить гдѣ нибудь, такъ счетъ будетъ длиннѣе каймы.

— Что́, братъ Андрей, смеркается: теперь никто не пожалуетъ?

— Такъ что́ жъ?

— Давай спать!

— Давай, только въ-очередь.... Начинай!

Ѳома усѣлся на полу и заснулъ, а Андрей, гуляя, вполголоса напѣвалъ:

«Былъ на свѣтѣ капитанъ
Въ семь локтей длиною».... и прочая.

Собрался совѣтъ государственныхъ секретарей. Мазарини предсѣдательствовалъ. Ришліё требовалъ отъ добраго города ссуды значительныхъ суммъ, и поручалъ привести это дѣло къ доброму окончанію коллегіально. Голова, который былъ, по неловкости Мазарини, приглашенъ въ совѣтъ, отказалъ секретарямъ рѣшительно, прибавивъ къ тому обѣщаніе, что и впредь онъ не намѣренъ давать денегъ безъ приговоровъ парламента, и то на основаніи безчисленныхъ постановленій, изъ которыхъ умный голова напомнилъ совѣту

около сорока. Совѣтъ кончился; голова уѣхалъ. Канцлеръ обѣщалъ уладить дѣло посредствомъ парламента, и также уѣхалъ. Мазарини объявилъ тогда секретарямъ, что кардиналъ лежитъ въ Нарбоннѣ, безъ надежды на выздоровленіе, что важныя обстоятельства требуютъ рѣшительныхъ мѣръ, и что всѣ секретари должны поспѣшить отъѣздомъ въ Нарбонну.

— Я ѣду сегодня же, сказалъ Мазарини.

— Я завтра, сказалъ де-Нойé, и простился съ товарищами.

Въ прихожей де-Нойé толпилось множество художниковъ, между ними Лемерсіé и Фукіерръ.

«Что̀ это значитъ? подумалъ де-Нойé. Вѣрно, Пуссенъ написалъ новую превосходную картину.

— Милости просимъ, милости просимъ! сказалъ онъ громко, входя въ гостиную. Что́ новаго?

— Много, отвѣчалъ Лемерсіé: очень много. Но я хотѣлъ бы сообщить вамъ наединѣ.

Де-Нойé и Лемерсіé вошли въ кабинетъ.

— Ну что̀? спросилъ де-Нойé.

— Пуссенъ почти совсѣмъ окончилъ галерею.

— Быть не можетъ! Я этого никакъ

не ожидалъ..... Но что̀ значитъ это *почти?* Можетъ-быть, еще на два мѣсяца работы.

— Какое на два мѣсяца! И на два дня не остается!

— Быть не можетъ!.... Но, отъ такой поспѣшности, я полагаю....

— Вы и не ошибаетесь. Это миніатюрная работа, исполненная помеломъ; тысячи мелкихъ украшеній, не лѣпныхъ, какъ предполагалъ я, а намалеванныхъ. Представьте, какъ бы это было хорошо, если бы на церкви ватиканской, вмѣсто дѣйствительнаго балюстрада, поставить декорацію, писанную на полотнѣ водяными красками, или, вмѣсто башень на церкви Парижской Божіей Матери, поставить картонныя трубочки съ прорѣзью!.... Признаюсь; я не завистникъ, но радъ....

— Я не знаю, чему тутъ радоваться. Война продолжится еще мѣсяца три, четыре, и я его заставлю все передѣлать.

— Непремѣнно, непремѣнно! отвѣчалъ Лемерсіе́. Я говорю уже не изъ зависти, а потому, что мнѣ жаль васъ, моего покровителя: пріѣдетъ король, и на васъ и на меня, и на всѣхъ, пенять будетъ.

— И какъ это досадно! сказалъ де-Нойе́: я завтра долженъ ѣхать: галереи я не видалъ, тревожить Пуссена теперь не

хочется: поздно; а безъ него ее видѣть нельзя.

— Можно, можно, только если вы захотите сохранить тайну.

— Конечно, я не выдамъ васъ. Но какъ?

— Если вы не заняты, мы можемъ исполнить наше намѣреніе тотчасъ.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ.... Пойдемъ!— Погодите, господа, сказалъ де-Нойе́, проходя гостиную и кланяясь художникамъ: черезъ четверть часа я вашъ.

Изъ садовъ тюильрійскихъ вся новая академія Пуссена, вмѣстѣ съ своимъ предсѣдателемъ, возвращалась съ прогулки.

— Что́ это? спросилъ Ла-Гиръ: кажется, въ нашей галереѣ свѣтъ?

— Что за вздоръ! сказалъ Пуссенъ. Ключъ у Гаспара, стража на мѣстѣ: не ошибаетесь ли вы?.... Нѣтъ! точно. Вѣрно, Гаспаръ забылъ что́-нибудь и пошелъ.

— И я и ключъ, мы оба здѣсь, сказалъ Гаспаръ. Посмотрите, посмотрите! свѣтъ исчезъ.

— Не показалось ли намъ?

— Кажется, мы видѣли всѣ и своими глазами.

— Пойдемъ, справимся, сказалъ Ла-Гиръ.

— А если это не люди? сказалъ Гаспаръ. Вамъ случалось видѣть не-людей?

— Что́ за вздоръ!

— Вздоръ?.... Не говорите. Я имѣлъ печальный случай удостовѣриться, что на свѣтѣ, кромѣ настоящихъ людей, есть еще и другіе люди, о которыхъ не ловко разсказывать теперь подъ-вечеръ.

— Пойдемъ всѣ вмѣстѣ! сказалъ Пуссенъ съ улыбкою. Авось, не-люди людей побоятся!

— Всѣ вмѣстѣ, дѣло другое, отвѣчалъ Гаспаръ, и всѣ пошли въ Лувръ.

Стража дремала; на вопросы о странныхъ посѣтителяхъ, отвѣчала въ испугѣ, что никого не было, и академія пошла въ обратный путь, споря о привидѣніяхъ, тѣняхъ, колдунахъ и прочая.

— Не смѣю спорить, сказалъ Ла-Гиръ. Самому мнѣ встрѣчаться не удавалось не только съ чортомъ, но даже съ малѣйшимъ его пажомъ; а слышать, слышу. Ришліе вѣритъ колдунамъ, и представьте, до какой степени: передъ отъѣздомъ въ Нарбону, какой-то колдунъ предрекъ

кардиналу болѣзнь; Ришліё приказалъ схватить его; нигдѣ не отыскали: исчезъ, ушелъ....

— Ушелъ? съ важностью сказалъ Гаспаръ: отъ Ришліе ушелъ?.... Послѣ этого, не вѣрьте нечистой силѣ!... Но вѣрно ли это?

— Каталонецъ Тромбара самъ разсказывалъ въ зеленомъ кабачкѣ дворянамъ.

— Что жъ кардиналъ? спросилъ Гаспаръ.

— Умираетъ. Врачи отказались. Онъ послалъ искать колдуновъ, но нигдѣ найти не могутъ, потому что и колдуны ему не вѣрятъ.

— Измѣна! измѣна! кричалъ Михаилъ Корнель, выбѣгая изъ домика Мену. Ахъ! вы здѣсь, учитель!... а я васъ ищу!

— Чтó такое? спросилъ Пуссенъ съ неудовольствіемъ.

— Де-Нойé былъ у васъ въ галереѣ.

— Когда?

— Сейчасъ. Я отъ него. Тамъ много нашихъ: всѣ знаютъ.

— Чтó жъ, у него другой ключъ?

— Не у него, а у Лемерсіé. Они ходили вмѣстѣ, осмотрѣли галерею со свѣчами. Де-Нойé бранилъ Лемерсіè за кле-

вету, но и на васъ сердитъ. Говоритъ: «Галерея не дурна, но много недостатковъ. Всему виною проклятая поспѣшность. Впрочемъ я самъ виноватъ.»

Михаилъ подробно разсказалъ, что́ въ галереѣ не нравится де-Нойе́. Пуссенъ слушалъ молча, безъ улыбки и досады. Прочіе хохотали. Когда Михаилъ кончилъ разсказъ свой, уже въ гостиной, Пуссенъ сказалъ тихо:

— Нечего дѣлать! для блага художествъ во Франціи, должно не говорить, а написать проповѣдь. Передъ отъѣздомъ надо расчитаться со всѣми. Гаспаръ, садись и пиши.

— Мы, можетъ-быть, помѣшаемъ, сказалъ Ла-Гиръ.

— Нѣтъ, друзья мои! Вы послѣдняя надежда французскихъ художествъ. Глядя на васъ, я буду и умнѣе и краснорѣчивѣе... Пиши!

— Пуссенъ походилъ по комнатѣ, нѣсколько минутъ подумалъ, и сталъ диктовать:

«Подобно одному древнему философу...

— Но это не начало! что̀ это? письмо, записка, просьба? сказалъ Гаспаръ.

— Правда, правда! Пиши. «Государь мой, подобно одному древнему философу, желалъ бы и я, чтобы можно было ви-

дѣть, что̀ происходитъ въ душѣ человѣка: тогда въ ней не только были бы открыты порокъ и добродѣтель, но вмѣстѣ и познанія и хорошія ученыя начала; а это весьма было бы выгодно для ученыхъ людей, потому что лучше бы могли оцѣнять ихъ достоинства. Но природа поступила иначе, и судить о способностяхъ человѣка въ наукахъ и художествахъ столько же трудно, какъ и о хорошихъ или дурныхъ наклонностяхъ его въ нравахъ....»

— Вы начинаете, Николо, нѣсколько дерзко, сказалъ Гаспаръ. Ваши выраженія можно перевести на простонародный языкъ: выйдетъ, коротко, но обидно, выйдетъ: «Милостивый государь, вы невѣжда.»

— Послѣ тайнаго посѣщенія моей галереи, я уже не обязанъ къ этому господину прежнимъ уваженіемъ. Онъ не лучше другихъ, а я обсахариваю мои слова какъ умѣю. Пиши. «Сколько бы ни были обширны изученіе и опытность ученыхъ, не возможно принудить всѣхъ остальныхъ людей, чтобы они имѣли полную вѣру во все то, что̀ говорятъ ученые. Это истина, извѣстная во всѣ времена, особенно въ-отношеніи къ живописцамъ, не только древнимъ, но и новымъ, какъ напримѣръ Аннибалъ Караччи и Домини-

кино: у нихъ не было недостатка ни въ искусствѣ, ни въ знаніи, по которымъ можно бы судить о ихъ талантѣ; но этотъ талантъ не былъ однако же въ нихъ признанъ, сколько по ихъ несчастному жребію, столько и по интригамъ завистниковъ, которые во всю свою жизнь пользовались и славой и счастіемъ незаслуженными. Я могу поставить себя на ряду съ Караччи и Доминикиномъ относительно несчастія. Я жалуюсь на то, что вы обращаете вниманіе на клеветы моихъ враговъ, тогда-какъ вы должны бы быть моимъ покровителемъ, потому что именно вы подаете поводъ этимъ клеветамъ, снимая ихъ картины съ мѣстъ, съ тѣмъ, чтобы поставить на ихъ мѣсто мои. Всѣ тѣ, которые трудились въ бывшихъ работахъ большой галереи и надѣялись получить отъ того какой-либо прибытокъ, также и тѣ, которые надѣялись получить нѣсколько картинъ моей руки, но лишились къ тому возможности, по случаю запрещенія, которое вы мнѣ сдѣлали, «не работать въ частныя руки,» всѣ эти люди — мои враги, всѣ кричатъ противу меня. Мнѣ ихъ нечего бояться: по милости Божіей, я пріобрѣлъ богатство, не принадлежащее къ дарамъ фортуны; нельзя его отнять, и съ нимъ я могу идти всюду. Несмотря на то огорченіе,

что со мной поступаютъ такъ дурно, могло бы доставить мнѣ довольно поводовъ къ изложенію причинъ, заставляющихъ поддерживать мнѣнія мои, болѣе твердыя и основательныя, нежели мнѣнія другихъ, и показать вамъ невѣжество моихъ клеветниковъ. Но боязнь, навести на васъ скуку, принуждаетъ меня сказать коротко, что тѣ, которые стараются поселить въ васъ отвращеніе отъ работъ, начатыхъ мною въ большой галереѣ, или невѣжды или люди злобные. Цѣлый свѣтъ и вы должны бы примѣтить, что я, не случайно, но съ намѣреніемъ, избѣгалъ тѣхъ недостатковъ и уродливостей, которыя достаточно обнаруживались уже въ начаткахъ Лемерсіе, именно, дебелости и непріятной тяжести, излишняго пониженія свода, который будто падалъ, вмѣсто того чтобы возвышаться; особенно холоднаго сочиненія, меланхоліи, бѣдности и сухости виду во всѣхъ частяхъ. Всѣ эти части слѣплены вмѣстѣ, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, онѣ совершенно противуположны, чего не можетъ допустить здравый смыслъ и разсудокъ; напримѣръ, части слишкомъ толстыя вмѣстѣ, съ вытянутыми, огромныя съ крошечными, слишкомъ сильное съ слишкомъ слабымъ, и съ придачей всѣхъ другихъ несобразно-

стей. Въ цѣломъ не было ни какого разнообразія; ни что́ не было поддержано: во всемъ было замѣтно отсутствіе связи, послѣдовательности. Величина мѣстъ для картинъ не имѣла ни какой соразмѣрности съ разстояніемъ: на этихъ мѣстахъ ничего бы нельзя было видѣть, потому что они были продѣланы въ самой серединѣ своду, и прямо надъ головами зрителей; глядя на картины, зрители должны бы, такъ-сказать, ослѣпнуть. Вся галерея заключала въ себѣ тѣ же недостатки. Архитекторъ подчинилъ себя извѣстнымъ консолямъ, которыя владычествовали вдоль всего карниза, и эти консоли не въ равномъ числѣ: съ одной стороны четыре, съ противуположной пять. Вотъ что́ заставляло или разрушить всю работу, или оставить нестерпимые недостатки. Надо знать, что есть два способа смотрѣть на предметы: одинъ глядѣть на нихъ просто, другой— разсматривать ихъ со вниманіемъ....»

Гаспаръ остановился, и положивъ перо, спросилъ Пуссена:

— Ловко ли это будетъ, Николо? Вы начинаете съ азбуки всѣмъ извѣстной.

— И несмотря на всеобщую извѣстность этой азбуки, милліоны не умѣютъ читать, а судятъ о стихахъ; милліоны не умѣютъ глядѣть, а наслаждаются жи-

вописью. Но если одинъ изъ этого множества призванъ управлять художествами, надо его научить, хоть шутя, нашей азбукѣ и повторить ему самыя пошлыя, но вмѣстѣ самыя необходимыя, истины... Пиши! «Видѣть просто, значитъ принимать естественнымъ образомъ, посредствомъ глаза, форму и сходство видимаго предмета; разсматривать со вниманіемъ, значитъ что человѣкъ, кромѣ простаго и естественнаго принятія формы посредствомъ глаза, изъискиваетъ еще съ особеннымъ тщаніемъ способы хорошо узнать тотъ предметъ.»

— Какъ хотите, сказалъ Гаспаръ: а право, кажется, совѣстно.

— Пиши, пиши! отвѣчалъ Пуссенъ, и продолжалъ диктовать: «Поэтому можно сказать, что простой взглядъ, или aspectus, есть дѣйствіе естественное, а то, что̀ я называю воззрѣніемъ, prospectus, есть принадлежность разума и зависитъ отъ трехъ вещей: отъ глаза, отъ точки зрѣнія, и отъ разстоянія предмета отъ глаза, и весьма было бы желательно, чтобы тѣ, которые принимаютъ на себя право произносить приговоры, хорошо знали именно эту науку. Вслѣдствіе этого должно обратить вниманіе, что простѣнокъ галереи имѣетъ двадцать-одинъ футъ вышины и двадцать-четыре фута

длины отъ одного окна до другаго. Ширина самой галереи, заключающей въ себѣ все пространство, съ котораго можно смотрѣть на простѣнокъ, двадцать-четыре фута. Картина, что́ по-серединѣ каждаго простѣнка, въ двѣнадцать футовъ длины и въ девять высоты, вмѣстѣ съ рамой. Такимъ образомъ галерея, по ширинѣ своей, соразмѣрно велика, для-того чтобы съ перваго взгляду увидѣть картину, помѣщенную по-серединѣ между каждыхъ двухъ оконъ. Зачѣмъ же говорятъ, что картины, помѣщенныя между оконъ, слишкомъ малы, тогда какъ всю галерею должно разсматривать по частямъ, каждый простѣнокъ отдѣльно? Съ того мѣста, и на томъ же разстояніи, должно видѣть, съ перваго же взгляду, половину линіи своду, и должно знать, что все размѣщенное мною въ этомъ сводѣ должно считаться къ нему привязаннымъ, прилѣпленнымъ, и не требовать, чтобы какая-либо часть совершенно отъ него отдѣлялась или, на-оборотъ, углублялась далѣе поверхности арки. Напротивъ всѣ части должны составлять ея линіи, опредѣлять ея фигуру. Если бы части, привязанныя, или какъ-будто привязанныя, къ своду, и другія, которыя считаютъ слишкомъ малыми, я увеличилъ въ размѣрахъ про-

тиву ихъ настоящихъ пропорцій, я впалъ бы въ тѣ же погрѣшности и показался бы такимъ же невѣждой, какъ и тѣ, которые до меня производили и производятъ еще до-сихъ-поръ различныя значительныя работы. Изъ этихъ работъ ясно видно, что они не знаютъ, что́ дѣлаютъ, въ противность наукѣ, въ противность образцамъ, предлагаемымъ самою природою. Части, самыя огромныя, самыя массивныя они ставятъ на мѣстахъ самыхъ возвышенныхъ, а поддерживать эту тяжость заставляютъ тѣла самыя нѣжныя, слабыя. Это грубое невѣжество причиною, что всѣ зданія, построенныя съ такимъ недостаткомъ науки и разсужденія, кажется наклоняются и падаютъ подъ собственною тяжестью, тогда какъ они должны бы возвышаться, легко, стройно, свободно стоять на землѣ, сами себя безъ труда поддерживая, какъ учитъ природа и разсудокъ. Кто не пойметъ, какой бы произошелъ безпорядокъ, если бы я размѣстилъ украшенія во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ требуютъ того мои критики, или если бы тѣ украшенія, которыя я уже помѣстилъ, были увеличены противу настоящихъ размѣровъ? Они бы представились подъ угломъ несравненно бо́льшимъ, съ излишнею силою, и такимъ образомъ оскорбляли или утомляли глазъ,

потому что, по всему своду, во всѣхъ его частяхъ, свѣтъ одинаковъ и равенъ. Не казалось ли бы, что та или другая часть наклоняется, отдѣляется отъ галереи, и разрываетъ пріятную послѣдовательность другихъ украшеній? Если украшенія — предметы съ существомъ, съ тѣломъ (по крайней-мѣрѣ, я утверждаю. что они такими кажутся), кто будетъ такъ простъ, что взгромоздитъ огромную тяжесть туда, гдѣ она никакъ не можетъ удержаться? Но всѣ тѣ, которые предпринимаютъ большія работы, не вѣдаютъ, что уменьшеніе предметовъ въ зрачкѣ нашемъ происходитъ совершенно по инымъ законамъ. Впрочемъ, мнѣ никогда и не предлагали исполнить самое превосходное произведеніе, какое только я могу вообразить, и если бы меня къ тому обязать вздумали, я сказалъ бы откровенно мое мнѣніе и не посовѣтовалъ бы приступать къ предпріятію столь большому и столь трудному для хорошаго исполненія, во-первыхъ, по недостатку въ Парижѣ способныхъ для такой работы мастеровъ, во-вторыхъ, по времени, слишкомъ продолжительному, какое бы для того требовалось, и, въ-третьихъ, по излишнимъ издержкамъ. Я считаю, что не слѣдовало бы употреблять огромныхъ суммъ на галерею столь обширную, ко-

торая во всякомъ случаѣ будетъ только проходною, и притомъ можетъ со-временемъ прійти въ то же дурное состояніе, въ какомъ я засталъ ее. Небреженіе и недостатокъ любви въ нашей націи къ изящнымъ произведеніямъ столь велики, что едва успѣютъ ихъ окончить, какъ уже никто объ нихъ и не думаетъ: напротивъ, не рѣдко находятъ удовольствіе въ томъ, какъ бы ихъ разрушить. И такъ, я полагаю, что я исполнилъ порученіе короля очень хорошо, отдѣлалъ галерею съ бо́льшимъ вкусомъ, съ бо́льшею пріятностію и красотою; и сочиненіе и расположеніе лучше, болѣе разнообразія, и менѣе времени, гораздо менѣе издержекъ, противу того, что́ было начато. Впрочемъ, если угодно принимать разные совѣты и новыя предложенія, которыя враги мои могутъ дѣлать ежедневно, и если эти предложенія понравятся болѣе нежели мои, то, несмотря на всѣ основательныя доказательства, выше въ защиту моихъ мнѣній изложенныя, я не буду противиться; напротивъ, я охотно уступаю мое мѣсто другимъ, которые признаны будутъ способнѣйшими, и по-крайней-мѣрѣ буду имѣть то́ утѣшеніе, что я послужилъ поводомъ къ открытію во Франціи людей способныхъ, которыхъ до меня не знали. Эти люди

могутъ украсить Парижъ отличными произведеніями, которыя принесутъ честь націи.»

Гаспаръ опять положилъ перо и сказалъ:

— Николо, кажется, не совсѣмъ скромно. Подумаютъ, что вы разсердились.

— А ты думалъ, нѣтъ? Конечно, разсердился. Неужели, за всѣ эти глупости, за всѣ нападки невѣжества и злости, ты прикажешь благодарить? И еще не все. Это что̀ до галереи: теперь пиши о другихъ работахъ.

— Но, Николо, да за эти письма васъ могутъ выбросить изъ Парижа!

— Лишь бы не въ Бастилію, не на эшафотъ, а прочее только можетъ обрадовать меня. Я съ умысломъ удержалъ молодыхъ нашихъ друзей. Мое письмо не останется тайной. Но ты усталъ, Гаспаръ. Дай я допишу еще нѣсколько словъ: и кончено!

Пуссенъ сдѣлалъ свои приписки. Гаспаръ отнесъ письмо, и возвратился съ отвѣтомъ.

— Есть отвѣтъ! есть отвѣтъ! какъ это любопытно! кричали художники, окружая Пуссена, который прочелъ имъ слѣдующее:

«Государь мой, вы какъ-то говорили мнѣ, что хотите переѣхать въ Парижъ

съ женою, но для того считали нужнымъ лично отправиться въ Италію. Галерея почти готова. Я уѣзжаю и могу васъ удержать своимъ отсутствіемъ. Никогда я не желалъ вамъ дѣлать малѣйшихъ непріятностей, и потому, на случай благополучнаго окончанія галереи, даю вамъ отпускъ въ Италію, на время, какое найдете нужнымъ для устройства вашихъ дѣлъ. Воспользуйтесь отсутствіемъ его величества. Король васъ не отпуститъ. Слѣдующія суммы будутъ вамъ выданы изъ моего казначейства. Дай Богъ увидѣться.

«*Де-Нойе.*»

Всѣ были опечалены. Пуссенъ былъ необыкновенно веселъ, схватилъ карандашъ, сказалъ: — Теперь послѣдняя записка моимъ врагамъ! — и сталъ чертить эскизъ послѣдняго подвига Геркулеса. Художники, несмотря на свою печаль, внимательно глядѣли на работу, и общій хохотъ по-временамъ прерывалъ тишину Пуссеновой келіи.

ГЛАВА XIII.

КАРЧМА.

Солнце закатилось. Лошадь приставала. Гаръ-Піонъ по-своему расточалъ увѣщанія бѣдной клячѣ, но не хотѣлъ уже бить невольную лѣнивицу.

— Если бы намъ добраться до какой-нибудь деревни: послѣднія деньги можно отдать, а ужъ на старой клячѣ нельзя ѣхать. И старуха-то, барыня: за́мокъ есть, а доброй лошади пожалѣла!... Эхъ, да кажется.... нѣтъ! не кажется, а въ самомъ дѣлѣ, деревня!

Спутницы проснулись, и обѣ въ одинъ голосъ спросили: — Гдѣ ты видишь деревню?

— А это что́? не деревня?... Поглядите! и въ деревню въѣзжать не надо: карчма, что стогъ сѣна, торчитъ.... Ба! и рогатки!.... Вѣрно, за́мокъ близко. А можетъ-быть, и земля уже не наша.

— Стой! закричалъ толстый мужикъ, выходя къ рогаткѣ: именемъ герцога Бульіонскаго, кто, откуда, зачѣмъ?

— Изгнанники, изъ Парижа, торопливо отвѣчала Джудита. Просимъ покрова и защиты у благороднаго герцога Бульіонскаго. Ѣдемъ въ Седанъ.

Мужикъ, снявъ шляпу, отвѣчалъ: — Конечно, и одежда ради безопасности....

— Да вѣдь не маршаломъ же ѣхать мнѣ осужденному на эшафотъ! сказалъ Гаръ-Піонъ.

— Господинъ маршалъ, отвѣчалъ мужикъ: просимъ прощенія. Мы люди простые. Наши рогатки только такъ, даже не для защиты, а чтобы проѣзжіе границу знали.... Милости просимъ. Герцогъ будетъ радъ. Нынче какъ испанская война стала, такъ и гостей нѣтъ. Видно, Краснаго въ Парижѣ нѣтъ?...

— Въ Нарбоннѣ, любезный, въ Нарбоннѣ, отвѣчалъ Гаръ-Піонъ. Кажется пришла за нимъ бѣда: околѣетъ!

— Дай-то Господи! сказалъ мужикъ, отворяя рогатку и проводя на мостъ лошадь, которая съ трудомъ передвигала ноги; потомъ заперъ рогатку, отворилъ ворота карчмы, и втащилъ въ темный сарай пассажировъ. — Берта, Берта! кричалъ мужикъ: огня! Господинъ маршалъ съ дочерьми пріѣхалъ. Ужъ не взъищите, господинъ маршалъ: комнатка у насъ одна да большая общая изба....

— Мы люди военные, ко всему привыкли.

Берта вышла съ лучиной и освѣтила грязный сарай. Гаръ-Піонъ на рукахъ перенесъ Джудиту и Сару на огромный камень, составлявшій крыльцо, паперть, преддверье, сѣни, а самъ занялся своей клячей.

— Что́ это вы, господинъ маршалъ? Позвольте....

— Пошелъ братъ, къ своему дѣлу! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ. Я привыкъ ко всему.... А какъ тебя зовутъ, про-случай?

— Ѳадеемъ, господинъ маршалъ, отъ рожденья зовутъ Ѳадеемъ.

— Сходи-ка ты, Ѳадей отъ рожденья, завтра въ деревню, да спроси, нѣтъ ли у кого продажной лошади, на промѣнъ съ придачей.

— Какъ не быть, господинъ маршалъ!

Добрый конь есть у сосѣда, вотъ тутъ за лѣскомъ, въ королевской деревушкѣ. А сколько пожалуете придачи?

— Да кто́ же безъ товару торгуется?

— Правда, правда, господинъ маршалъ! Я сбѣгаю, приведу....

— Да что́ я ночью увижу?

— Правда, правда, господинъ маршалъ! Такъ я на зарѣ....

— Вотъ это дѣло!

— А что́ изволите кушать, господинъ маршалъ?

— Да что́? Извѣстно, барынѣ сыру да масла, а мы и хлѣбомъ сыти будемъ.

— Барынѣ? сказалъ Ѳадей, почесываясь и отворяя дверь Гаръ-Піону, который несъ въ избу подушки. — Вотъ тебѣ, дураку, и маршалъ! сказалъ Ѳадей, ударивъ себя по лбу. Да постой! мое не ушло.... Ну, а что́, если этотъ маршалъ — Гаръ Піонъ? а эта барыня — любовница того человѣка?.... Тьфу, ты чортъ! не ошибиться бы. А сто пистолей въ карманѣ?... Вотъ дурачьё: пищутъ, а бѣглецы подъ носомъ!

Берта вышла за дровами.

— Что́ стоишь, ротъ разинулъ? Помогъ бы.

— Помогу, Бертушка, помогу!.... Богъ послалъ, кажется, сами подвернулись.

— Что́ ты врешь?

— Тише, не горлань!... Знаешь кто́? сказалъ Ѳадей, показывая на двери.

— Ну, кто́?

— Ахъ ты, италіянская хитрость! плоха ты была, видно, отъ рожденья. Капитанъ сманилъ: не умѣла денегъ нажить.... И я бы на тебѣ не женился, когда бы папскій капитанъ приданаго не далъ! Что́ ты за краля такая?.... Вѣдь изъ нашего же роду; хлѣбъ по нашему молотила. Долго, видишь, въ барствѣ жила: мѣсяцъ; ото всего отвыкла. А я, матушка, одинъ за двухъ; съ осьми лѣтъ по гостинницамъ; да ужъ дай только Богъ Красному многія лѣта, а лучшей гостинницы не сыщешь..... Чортъ его знаетъ, какъ онъ этихъ Французовъ поджариваетъ: не успѣешь рогатокъ отворять; а ужъ который на нашу землю, золотую! въ руки на радости, а иногда и того. ..

— Ужъ молчалъ бы ты про *того!* Такъ тебя и въ околоткѣ прозвали, Ѳадеемъ-предателемъ:

— Что̀ ты врешь?

— Вру?.... погоди! наткнешься ко́гда-нибудь, сказала Берта, и вошла съ охабкой дровъ въ избу.

— Экъ, нажилъ себѣ помощницу! ворчалъ Ѳадей, оставшись одинъ: и поведенія-то была такого, не лучшаго, и такъ-сказать пригожество такое не-француз-

ское, и прожили мы чортъ-знаетъ какъ: я и солдатомъ не былъ, а всю жизнь въ сраженіи.... Надо же было этому проклятому капитану на меня такой хомутъ накинуть! И деньги-то плевыя. Жилъ я себѣ спокойно мальчикомъ въ гостинницѣ на большой дорогѣ: какъ съ ножомъ къ горлу присталъ: «Женись; да женись! самъ гостинницу снимешь!» Снялъ я и гостинницу, и съ его плечъ обузу: правда! да самому-то чортъ возьми, ни какой помощи! А будь жена молодецъ, тотчасъ бы лисой и подѣхала туда сюда, про то про сё, такъ ненарокомъ и смѣкнула бы, тѣ ли?.... Нечего дѣлать! надо самому подползти къ этому маршалу. Усъ?.... Эка бѣда, что усъ! Не такіе еще на человѣкѣ бываютъ шишки, а спадываютъ. Вотъ и я былъ съ волосами, да оплѣшивѣлъ..... Что́ же? и усъ могъ вылѣзть: да и бритвы ѣсть: что́ деревня, бородобрѣй. Рожа точно такъ исковеркана. Только отчего у него двѣ барыни? Та, плутовка, черноватая, вѣрно, любовница..... Да и какой тутъ грѣхъ?.... Не на смерть же ее потащутъ, а на того.... Такъ-сказать, ни какого грѣха, ни какого грѣха!.... Да и что̀ грѣхъ? Ѳадей отродясь безгрѣшенъ лишь бы ребра цѣлы, да карманы полны, а тамъ пожалуй, пусть даже и поколотятъ въ придачу,

плеткой, лишь бы не палкой..... и деньги, деньги!

Ѳадей вошелъ въ избу. Берта стояла у печки, облокотя голову на руку, и, въ раздумьи, глядѣла на огонь. Гости были въ единственной комнатѣ. Гаръ-Піонъ стлалъ постель для своихъ дорогихъ дочерей. Всѣ трое разговаривали тихо: слышны были только порывы веселости Гаръ-Піона. Берта не примѣтила, какъ вошелъ мужъ, и продолжала думать свою обычную думу. Гаръ-Піонъ вышелъ изъ комнаты въ общую избу, и, по привычкѣ, поглаживая лѣвую губу, сказалъ довольно громко:— Знатно пробиваетъ дорогой! Пока мы будемъ кружить по чортовымъ мостамъ, отрастетъ.

— Онъ! это онъ! подумалъ Ѳадей, присѣлъ, привалился въ уголъ, и притворился спящимъ.

— Ну, дорогая хозяюшка! теперь, какъ ретирада кончилась благополучно, не грѣшно и трубку выкурить.... Что́, можно?

Гаръ-Піонъ сталъ набивать трубку. Берта, молча, взяла лучину, зажгла, и протянула руку къ Гаръ-Піону, не обращая на него ни какого вниманія.

— Айда спасибо, хозяюшка! сказалъ Гаръ-Піонъ, приложивъ къ огню трубку. — Слышь ты, баба! сказалъ Гаръ-Піонъ, отступивъ и уронивъ трубку.

— Что̀ такое? спросила разсѣянно хозяйка.

— Да ты погляди-ка на меня хорошенько!

— Чего я тамъ не видала? сказала Берта, поднявъ высоко лучину.

— Берта! сказалъ съ чувствомъ Гаръ-Піонъ.

— Гаръ-Піонъ! вскрикнула Берта, уронивъ въ свою очередь лучину.

«Это что̀-то̀ новое, подумалъ Ѳадей: да ужъ за все про все одна плата!»

— Ахъ, ты, измѣнница! сказалъ Гаръ-Піонъ, принимая на себя шутливый тонъ: ну, вотъ тебѣ образецъ постоянства! Гляди: рожу исковеркало, безъ усовъ, безъ мундира; а все холостъ.

— Лучше бы ты женился, Гаръ-Піонъ, чѣмъ напоминать мнѣ всѣ несчастія.

Берта заплакала.

— Полно, полно! я пошутилъ. Гдѣ нашему брату тягаться съ папскими капитанами? Хотя они чиномъ по-ниже нашихъ капитановъ, а всё-таки старше капрала; а мнѣ только черезъ годъ обѣщано было капральство. Не будь на свѣтѣ ядеръ, такъ чего добраго?.... Ну, да я не унываю! А я твоего капитана видалъ и въ городѣ.

Въ какомъ городѣ?

— Извѣстно, въ какомъ: въ Парижѣ.

Нынче онъ дрянь: такой сталъ изношенный!... да и дошелъ далеко: изъ капитановъ въ папскіе полковники, а потомъ въ папскіе генералы, или кардиналы.... какъ у нихъ называется?

— Джуліо уже кардиналъ? закричала Берта.

Джудита отворила дверь, и съ ужасомъ смотрѣла на грязную соперницу.

Дай Богъ ему счастья! продолжала Берта. Я за него буду Богу молиться!

— За что̀? спросилъ Гаръ-Піонъ.

— Да за то, что онъ меня со стыдомъ на родинѣ не оставилъ. Въ Кіавенѣ ужъ и такъ поговаривать стали.

— Да, велика бѣда!

— Да, велика, Гаръ-Піонъ! Все перенесла бы, только не стыдъ.... Да полно объ этомъ толковать! Ну, что̀ ты?

— Да я же тебѣ сказывалъ. Слава Богу, ядро.... потомъ черти въ Парижѣ шалить стали; потомъ мы изъ омута и выскочили; и вотъ, я думаю, теперь ужъ страхъ можно и спрятать.

— Ой, нѣтъ!

— А что̀?....

— Кардиналъ противъ границы за лѣскомъ устроилъ гнѣздо. Тутъ всѣ мужики — Швейцарцы, а староста — капитанъ, и не одного изъ нашей карчмы, изъ-за нашихъ рогатокъ, Швейцарцы

домой поволокли.... Да ты не бойся: только знатныхъ хватаютъ, а вашу братью, солдатъ, да женщинъ,не трогаютъ. И теперь-то старыхъ въ послѣднюю войну, перерѣзалъ герцогъ Буліонскій, а эти — новичьки, еще и дѣла не смыслятъ, да и побаиваются, потому что седанскіе солдаты въ нашей деревнѣ. Вотъ какъ миръ сталъ, еще никого не тронули: только выпить заходятъ.... Ну, готовъ и ужинъ твоимъ господамъ! Возьми-ка, Гаръ-Піонъ, по старой дружбѣ, изъ шкафика двѣ оловяныя тарелки да солонку. Пойдемъ.

Гаръ-Піонъ и Берта понесли въ комнату скудный ужинъ. Ѳадей исчезъ. Джудита входила во всѣ подробности любви Берты съ Джуліо. Берта разговорилась. Прошло не мало времени. Дамы улеглись. Гаръ-Піонъ съ Бертой вышли въ большую избу.

— Гдѣ это Ѳадей? съ безпокойствомъ сказала Берта. Ой, Гаръ-Піонъ! говори правду: эта барыня — важная особа? Швейцарцы не даромъ каждый день навѣдывались, что́-то съ мужемъ толковали. Гляди: Ѳадей ушелъ.... не быть добру!

— Что́ за чертовщина?.... а что́, если въ самомъ дѣлѣ? сказалъ Гаръ-Піонъ.

— Да ужъ не иначе! Ѳадея-предателя нигдѣ нѣтъ.

— Что́ намъ дѣлать?

— Подымай барынь: пусть одѣваются; а я покуда, въ деревню побѣгу, скажу нашимъ солдатамъ; а вы, какъ-только готовы, огородомъ,.... слышишь? огородомъ,.... только не по дорогѣ; а тамъ лѣскомъ стежка есть: не собьетесь; прямо на дворъ къ старостѣ. Только поскорѣе! А мы, той же стежкой, на встрѣчу, съ солдатами? такъ дастъ Богъ и выручимъ!

Берта скрылась. Гаръ-Піонъ зарядилъ аркебузъ. Джудита и Сара одѣвались. Вдругъ выстрѣлъ изъ Гаръ-Піонова аркебуза возвѣстилъ о началѣ сраженія. Швейцарецъ плавалъ въ крови на порогѣ; трое, стоявшіе за убитымъ, не посмѣли войти въ избу, и только пересвитывались. Гаръ-Піонъ положилъ спокойно аркебузъ къ ногамъ своимъ, и вынувъ изъ-за пояса два длинные пистолета, простеръ объятія къ Швейцарцамъ, но они захлопнули двери. Свистъ продолжался. Крикъ женщинъ возмутилъ спокойствіе Гаръ-Піона. Джудита вбѣжала полу-одѣтая въ избу. Сара кричала: «Спасите»! Гаръ-Піонъ хотѣлъ броситься на помощь къ несчастной, но изъ дверей комнаты показались Швейцарцы. Крикъ Сары слышался все дальше и

дальше. Гаръ-Піонъ выстрѣлилъ, и еще убилъ одного Швейцарца, но другіе схватили Джудиту. Еще выстрѣлъ: еще одинъ Швейцарецъ заплатилъ жизнію за встрѣчу съ Гаръ-Піономъ. Но заряжать пистолеты было уже поздно: Гаръ-Піонъ схватилъ аркебузъ, и какъ Геркулесъ, наносилъ вокругъ смертельные удары. Но нельзя было спасти Джудиты: ее вытащили съ Сарой, схватили на руки, и понесли. Въ воротахъ, съ огнями, показались седанскіе солдаты. Джудита отбита, но Сары ни гдѣ не нашли. Гаръ-Піонъ, въ героическомъ жару, не различалъ союзниковъ отъ непріятелей, и сталъ-было аркебузомъ благодарить за помощь, но Берта его обезоружила. Гаръ-Піонъ бросился въ погоню за Сарой. Седанцы его остановили, говоря, что это и безполезно и опасно. Неутѣшный Гаръ-Піонъ не вѣрилъ, чтобы у него могли украсть Сару, сталъ объискивать карчму, и на сѣновалѣ нашелъ Ѳадея. Схвативъ въ охабку предателя, Гаръ-Піонъ вынесъ Ѳадея изъ сарая. Седанцы, Берта, Джудита, всѣ пошли за нимъ.

— Вотъ твое мѣсто, Іуда! сказалъ Гаръ-Піонъ, и Ѳадей полетѣлъ въ грязный колодезъ.

Долго еще крики его возмущали окрестную тишину, но никто объ немъ не

заботился: одна Берта подошла къ колодцу и умоляла его покаяться. Въ отвѣтъ Бертѣ, изъ глубины колодца, вылетѣлъ камень.

—Промахнулся! съ бѣшенствомъ закричали Седанцы, и груда камней погребла навсегда предателя Ѳадея.

ГЛАВА XIV.

АБЕНЪ-ГАССАНЪ.

Не тó уже Сондріо: и города старѣютъ. Миръ уничтожилъ военный постой, на который такъ жаловалась Джудита; но зато Вальтелина значительно обѣднѣла. Многіе привыкли къ веселой жизни съ военными людьми, и переѣхали въ богатѣйшіе города сѣверной Италіи; множество женщинъ ушло съ завоевателями: скучно, пусто въ Сондріо! Домъ Ваоли, ни кому не принадлежащій, никому не нужный, былъ на-глухо заколоченъ, и когда капитанъ Вальероль пріѣхавъ въ

Сондріо, пошелъ къ головѣ и просилъ дозволенія купитьдомъ Ваоли, голова не мало изумился. Тридцать другихъ, и лучшихъ и новыхъ, домовъ предлагалъ онъ капитану; но Вальероль требовалъ дома Ваоли.

— Такъ возьмите же его даромъ! Сиротскаго добра не продамъ. Какъ знать? можетъ-быть, и хозяйка найдется.

— Она непремѣнно возвратится въ отечество, отвѣчалъ капитанъ: вмѣстѣ съ моею дочерью.

— А помните, господинъ капитанъ, сказалъ голова съ улыбкой: какъ вы отъ нея бѣгали? А кончилось тѣмъ, что сами же ее и увезли!

— Признаться ли вамъ, господинъ голова? Тогда мнѣ и жениться нельзя было... какъ при живой женѣ?...

— Конечно, конечно!.... Теперь не требую: вы устали съ дороги; но когда поотдохнете, вы мнѣ разскажете эту забавную исторію.

— Съ удовольствіемъ, съ удовольствіемъ.

Домъ Ваоли оживился. Гойко вычистилъ и поубралъ комнаты. Сосѣди узнали добраго капитана, и поползли въ гости. Для Сондріо прибытіе такого гостя было истиннымъ праздникомъ, событіемъ, эпохой. Такъ и время считали; говорили: «Двѣ недѣли, два дня, два мѣ-

сяца, послѣ капитанскаго пріѣзду.... » Сколько обрадовало жителей прибытіе капитана, столько возмущало ихъ появленіе Гойки. Наружность обличала происхожденіе; привычка къ таинственному языку не могла быть оставлена, и одно только дружеское съ нимъ обращеніе капитана нѣсколько успокоивало добрыхъ и простыхъ жителей Сондріо.

Въ тотъ же день капитанъ написалъ письма; какъ отправить?... Почтъ не было: миръ прекратилъ всякія сношенія съ Франціей; нанять некого. И глубокая тоска овладѣла и капитаномъ и Гойкомъ: въ Парижѣ такія опасности! въ Парижѣ такъ ждутъ вѣсточки!...

Смерклось. Капитанъ ходилъ въ большой комнатѣ взадъ и впередъ скорыми шагами; по другой діагонали ходилъ Гойко. Нѣсколько разъ они встрѣчались и, молча давали другъ другу дорогу. Стало и совсѣмъ темно. Гойко вздохнулъ, зажегъ свѣчу, поставилъ на столъ, и съ чувствомъ сказалъ Вальеролю:

— Капитанъ, гдѣ ваши письма?

— На что́ тебѣ?

— Завтра я ѣду въ Парижъ.

— Ты съума сошелъ!

— Не могу, капитанъ, долѣе жить безъ моей Сары. Была она, моя райская птица и въ темницѣ, а все однако же я

не испытывалъ такой тоски: сонъ пропалъ, ѣсть не хочется, жить безъ нея все одно, что нести пытку ришлiёвскихъ парламентовъ.... все одно! А тутъ еще авось обману, авось не узнаютъ; ктому же идетъ испанская война; молодежь заваритъ кашу: не до меня кардиналамъ... Давайте ваши письма! Я рѣшился, и завтра ѣду въ Парижъ.... Чортъ его знаетъ, что́ онъ нейдетъ!...

— Кто̀?

— Проклятый купчина. Совсѣмъ сторговался.... Ага! Ну, теперь все пойдетъ на ладъ.

Вошелъ купецъ и за нимъ мальчики втащили два огромные короба ленточекъ, булавокъ, гребешковъ, разнаго рода̀ бисеру, коралловъ, мелкихъ гранатовъ, разныхъ бездѣлушекъ изъ лавы, и тому подобныхъ товаровъ.

— Что́ это? спросилъ Вальероль.

— Это моя парижская поклажа. Принимаюсь за старый промыслъ.... Авось посчастливится!

Гойко тщательно пересмотрѣлъ всѣ товары, переложилъ ихъ въ походные ящики и чемоданы, расплатился, и сталъ веселъ, какъ-будто цѣль его путешествiя уже кончилась и весьма благополучно.

— Ты не шутя рѣшаешься на такой безумный подвигъ? спросилъ капитанъ.

— Если бы у васъ женой была Сара, капитанъ, вы бы съ ножомъ бросились на кардинала за одну минуту разлуки. Теперь только понимаю, какъ я люблю мою Сару, моего друга, моего.... Ахъ, какъ всѣ эти выраженія глупы!... Сару, мою Сару: вотъ и все тутъ!

— Жидъ! невольно сказалъ капитанъ съ чувствомъ.

— Жидъ, съ горькою улыбкою повторилъ Гойко, и поглядѣлъ на капитана съ состраданіемъ. — Жидъ, продолжалъ онъ угрюмо, съ возрастающимъ однако же жаромъ. Когда-нибудь вы узнаете, въ какомъ страшномъ училищѣ пріобрѣтаются чувства.... Что́ я говорю! мы съ вами и до-сихъ-поръ не вышли изъ класса, и сидимъ на одной скамьѣ. Были у меня, какъ и у васъ, отецъ и мать. Не знаю, какъ у васъ, а у меня отецъ былъ извергъ: Ришліё добрякъ въ сравненіи съ Абенъ-Гассаномъ....

— Такъ ты испанскій Мавръ?

— Отецъ мой былъ испанскій жидъ; мать моя была украденная дѣвушка изъ хорошей фамиліи, изъ Сарагосы. Абенъ-Гассанъ былъ краше Сенъ-Марса; по-уму, хитрѣе Мазарини; по учености, первый врачь во всей Испаніи. Въ крещеніи онъ назывался Кипріаномъ, но въ тайной вѣрѣ Ахавомъ Абенъ-Гасса-

номъ. Всѣ испанскіе жиды слѣдуютъ этому правилу, то есть, выдаютъ себя за Мавровъ и христіанъ, потому что наша несчастная печать, которую мы носимъ на лицѣ, нашъ отвѣка особо устроенный языкъ, не позволяютъ называть себя чистыми Испанцами. Искусному врачу и молодому красивому мужчинѣ не долго соблазнить легковѣрную и страстную дѣвушку; но въ Испаніи нельзя было оставаться: безбрачные любовники нашли безопасное убѣжище сначала въ Ліонѣ, потомъ въ Ла-Рошели. Родился я; гугенотъ меня окрестилъ по-своему; отецъ сдѣлалъ жидомъ; мать открыла тайну, сказала на исповѣди духовнику, не изъ злобы, но изъ страху, и мы должны были бѣжать. Въ Ліонѣ Абенъ-Гассанъ получалъ значительные доходы отъ пользованія безчисленныхъ больныхъ, но истрачивалъ все на женщинъ и кости. Не знаю причинъ, но помню, какъ однажды ночью вооруженные люди вошли въ наше жилище вмѣстѣ съ отцомъ моимъ, схватили мать мою, завязали ей ротъ, и унесли несчастную. Абенъ-Гассанъ почти до солнца считалъ и пересчитывалъ деньги. Съ-тѣхъ-поръ мы уже и не видались съ доброю матерью; на всѣ вопросы мои, Абенъ-Гассанъ отвѣчалъ: «Она преступница. Справедливые законы лишили те-

бя матери. Молчи, не напоминай мнѣ о недостойной.» На другой день мы оставили Ліонъ, кружили, шатались по разнымъ городамъ; наконецъ, въ какой-то деревушкѣ, послѣ ночлега, по-утру, я не нашелъ моего отца: онъ уѣхалъ одинъ, куда?... я никогда его не спрашивалъ. И я, въ той же австеріи, гдѣ былъ брошенъ, сталъ служить хозяевамъ. Черезъ годъ, дослужился я до того, что уже имѣлъ нѣсколько золотыхъ монетъ въ карманѣ, простился съ христіанами, и отправился въ Ліонъ. Надежда открыть, гдѣ моя несчастная мать, насильно влекла меня въ дорогой городъ. Первые дни прошли въ безполезныхъ поискахъ; на шестой день, какъ теперь помню, въ пятницу, грустно стало мнѣ: я вспомнилъ, какъ мы приготовлялись встрѣчать субботу у тайнаго раввина Ровоама бенъ-Юсуфа, между Французами мастера Рольдеро; вспомнилъ, какъ онъ не-разъ наставлялъ и благословлялъ меня. Стало вечерѣть, и я ... какъ ужъ это случилось, не знаю... вошелъ безпрепятственно въ обширную комнату или мастерскую Ровоама, служившую намъ синагогой. Столы были поставлены, безчисленныя свѣчи зажжены, ставни плотно заперты; но въ залѣ я нашелъ только тринадцати-лѣтнюю дочь Ровоама. Сара, увидѣвъ незнакома-

го человѣка, закричала. Прибѣжалъ Ровоамъ и работники, и я не могу описать вамъ радости, съ какою меня принялъ старикъ и вся его паства. Скоро собрались и гости, именитѣйшіе ліонскіе купцы, врачи, нѣсколько человѣкъ солдатъ, и два придворные лакея (я вамъ забылъ сказать, что дворъ въ это время находился въ Ліонѣ). Я долженъ былъ разсказать мои похожденія нѣсколько разъ съ-ряду. Послѣ совершенія всѣхъ молитвъ и обрядовъ, Ровоамъ всталъ и сказалъ торжественно: — «Дѣти и братья! не забудьте по исходѣ субботняго дня, законовъ милостыни. Мудрый Элеазаръ говоритъ въ шестой книгѣ нравственныхъ изрѣченій: «*Милостыня имѣетъ то же зерно и ту же скорлупу, что и постъ и молитва. Творите въ субботу обѣты; по вся дни седмицы исполняйте ихъ. Мысль безсребрянна, и ржа нечистая не осквернитъ вашей памяти.*» Все братство отвѣчало раввину благоговѣйнымъ преклоненіемъ головъ. На другой день, когда отошла суббота, Ровоамъ возобновилъ вопросъ о милостынѣ, и до ста добрыхъ пистолей назначило мнѣ братство для первой помощи. Я отказывался отъ милостыни, по какому-то странному чувству гордости, которое у насъ строго воспрещено въ случаяхъ общественной щедрости. Но

Ровоамъ, намомнивъ о законахъ, похвалилъ мое безкорыстіе. По-утру я получилъ мои пистоли, купилъ съ помощью Ровоама тму бездѣлушекъ, поставилъ мою лавочку на колеса, и пустился на другой день путешествовать самымъ пріятнымъ образомъ по улицамъ Ліона. Молодыя дамы особенно полюбили меня. Каждое утро я посѣщалъ ихъ подворотни, богатѣлъ не по днямъ, а по часамъ, но не хотѣлъ разстаться съ моею драгоцѣнною лавочкой. Послѣднее утреннее посѣщеніе было къ Сарѣ; отъ избытковъ, каждый день Сарѣ гостинецъ. Ровоамъ замѣтилъ любовь нашу, но дочь старшаго Еврея, по мнѣнію ліонскихъ богачей, не могла быть женою мелкаго торговца, хотя я торговалъ и больше ихъ и лучшими товарами. Однажды поутру я привезъ къ маркизѣ, не скажу имени, четыре нитки крупнаго жемчугу. Маркиза любила долго торговаться съ молодымъ купцомъ. Слово за слово, маркиза со вздохомъ сказала: — «Какъ жаль что ты жидъ!» — «Какъ вамъ не стыдно!» сказалъ я. — «Полно, полно, Филиппъ. Мнѣ жаль тебя. И ты на спискѣ.... у васъ есть и предатели.» Я поблѣднѣлъ. — «Не пугайся, продолжала она: я тебя выручу.» — «Изъ чего, маркиза?» — «Но, сказала она, запинаясь:

мнѣ кажется, что мы всѣ люди. Однако жъ, и то правда, на вашу скромность трудно полагаться. Боже сохрани, какая-нибудь ссора, и вы....» Маркиза покраснѣла, путалась, глядѣла на меня съ такимъ страннымъ выраженіемъ; ктому же она была весьма не дурна собой. Я вздохнулъ, она тоже. Маркиза отвернулась; я разсыпался въ жалобахъ и упрекахъ на человѣческіе предразсудки, на то, на другое. Не прошло пяти минутъ, я сидѣлъ на низкомъ табуретѣ у ногъ маркизы; не прошло получаса, и я продалъ мой жемчугъ за такую дорогую цѣну, какой вѣрно не получалъ ни одинъ изъ ліонскихъ первостатейныхъ купцовъ: я продалъ мой товаръ за тройную плату; третья была государственная тайна. Кардиналъ изобрѣлъ средства обличить насъ въ жидовствѣ, и полагалъ сохранить тайну, съ тѣмъ чтобы мы платили за нее въ кардинальскую казну ежегодно до сорока тысячъ ливровъ. Ночью Ровоамъ собралъ Евреевъ, объявилъ имъ опасность. Придумали противудѣйствія; заплатили, правда, дорого; но мѣра была отмѣнена. Съ государственными людьми торговался мелкій ліонскій торговецъ Филиппъ, чрезъ посредство женщинъ, и наградою за успѣхъ была Сара. Я былъ очень богатъ: домъ мой въ Ліонѣ былъ

убранъ съ роскошью; Сара ходила всегда въ драгоцѣнныхъ камняхъ и шелкахъ; но я не мѣнялъ образа торговли: въ дрянной лавочкѣ дешевыя бездѣлушки, но за пазухой и въ карманахъ все, что́ можно было въ Ліонѣ достать драгоцѣннаго. Купцы изъ христіанъ стали за мной присматривать. Маркиза и другія придворныя дамы воротились въ Парижъ. Я далъ ей слово, и мы съ Сарой и съ лавочкой явились на Мосту Парижской Богоматери. По-утрамъ я торговалъ на мосту не больше часу, потомъ отводилъ Сару домой, а самъ дѣлалъ свой обиходъ. Но, капитанъ, проклятая вещь красота! Не знаешь своего капитала. Не могу вспомнить хладнокровно, сколько зла навязало мнѣ на шею это несносное тѣлесное богатство. Я не могъ оставлять моего дому: дворяне, безъ зазрѣнія совѣсти, стали заглядывать въ мои окна; я не успѣвалъ перемѣнять квартиръ; писали къ женѣ моей письма, на которыя, разумѣется, всегда отвѣчалъ я. Наконецъ, я успѣлъ спрятать Сару такъ тайно, что даже мысль, казалось, не могла проникнуть въ ея обитель. Въ три какихъ-нибудь недѣли, я исхудалъ, пожелтѣлъ, лишился сна; во многихъ домахъ перестали нуждаться въ моихъ товарахъ, потому что я сталъ желтъ. Мар-

киза уѣхала въ свои помѣстья. Мнѣ стало скучно, дурно; я захворалъ. Только тайные Евреи прилежно навѣщали больнаго. Одинъ изъ нихъ былъ лазутчикомъ у Ришліё и у Мазарини вмѣстѣ. Не знаю за что́, онъ любилъ меня, приходилъ каждый день, разсказывалъ всѣ сплетни, всѣ новости, всю подноготную чернаго міра. Когда я захворалъ, онъ и жена были при мнѣ неотлучно. Помощь врача, котораго ко мнѣ прислалъ одинъ богатый Еврей, была безполезна. Эвое, — такъ назывался мой другъ, — привелъ другаго, и этотъ другой былъ мой отецъ... Ахъ, капитанъ! Увидѣвъ отца, я все забылъ, я все простилъ. Мнѣ стало легче, лучше. Онъ такъ перемѣнился: кротость, любовь къ сыну, раскаяніе, всѣ лучшія человѣческія качества, казалось украсили вечеръ жизни Абенъ-Гассана. Онъ переселился ко мнѣ. Я выздоровѣлъ. Мы стали жить весело, спокойно. Скоро я замѣтилъ тайную печаль Абенъ-Гассана: онъ задумывался какъ-то страшно; разсудокъ его возмущался; какія-то невѣдомыя муки терзали его душу. Я молилъ его открыть свое сердце, и Абенъ-Гассанъ разсказалъ мнѣ страшную повѣсть своихъ несчастій. Не хочу вамъ повторять его разсказу: почему?... вы увидите. Но изъ словъ его оказалось, что у

него слишкомъ много долговъ, что его уже болѣе полугода преслѣдуютъ и если откроютъ, не пощадятъ. Я принесъ ему всѣ мои деньги, бо̀льшую часть драгоцѣнностей. Онъ плакалъ, цѣловалъ мои руки, три дня расплачивался, и, казалось, совершенно успокоился. Капитанъ....

Голосъ Гойка задрожалъ, лицо измѣнилось, глаза покрылись слезами; онъ задыхался и съ трудомъ могъ проговорить:

— Капитанъ! онъ.... обокралъ меня!

— Какъ! спросилъ Вальероль: такъ всѣ эти несчастія....

— Ложь, сказка! почти вскричалъ Гойко. Онъ зналъ, что у меня есть душа, сердце, и выманилъ все. Долго я оставался однако же въ полномъ заблужденіи, считалъ себя добрымъ сыномъ, и только. Торги мои день ото дня шли хуже; желчь работала.... Не смѣйтесь, капитанъ: я сталъ поэтомъ. По цѣлымъ ночамъ я писалъ стихи на моихъ старинныхъ любовницъ, на всѣ случаи прошедшей жизни. Отецъ мой былъ необыкновенно ученъ; онъ поправлялъ мои арабскіе стихи, читалъ мнѣ французскія скучныя пошлости рамбульетскихъ писателей. Я сталъ, для шутки, самъ складывать французскія вирши, и Эвое всякій разъ помиралъ со смѣху. Однажды,

когда я ему читалъ родъ шуточной поэмы: «Мужъ въ хлопотахъ». Эвое горько улыбнулся и сказалъ: «Эй смотри, Самуилъ, чтобы Ахавъ не сдѣлалъ изъ тебя шуточной исторіи!» — «Что̀ ты хочешь этимъ сказать?» —«Нѣтъ.... такъ... У тебя жена хороша, а нашъ Ахавъ то и дѣло въ вандомскія палаты ходитъ.» — «Ну такъ что́ жъ?» — «Эхъ, Самуилъ! если бы ты принялся за тайное ремесло, которымъ, благодареніе Богу, я съ такимъ успѣхомъ занимаюсь пять лѣтъ, ты бы привыкъ угадывать, не по глазамъ, а по̀-носу, намѣренія человѣка.... И я не теряю надежды: ты можешь прикидываться маркизомъ, туркомъ; ты умѣешь перенимать языкъ и походку чужихъ людей, передразнивать до обмана звѣрей, и.... словомъ, твоя звѣзда велика!» — «Да что́ же отецъ мой?» — «Да потрудись сходить со мной къ Вандомамъ: ты увидишь, что́ это за народецъ. Самъ герцогъ ни то ни се.... такъ-себѣ, добрый человѣкъ, любитъ хорошо поѣсть, попить, поохотиться за дичью, а дѣти и за женщинами. Больныхъ тамъ нѣтъ: такъ за чѣмъ же туда ходитъ Ахавъ?» Я дрожалъ отъ ревности и негодованія. Эвое продолжалъ: «За Вандомовъ я не боюсь: сегодня или завтра, ихъ всѣхъ перехватаютъ. Мы на нихъ взвели такой

доносъ, отъ котораго не отдѣлаются. Старый герцогъ теперь въ помѣстьяхъ: можетъ-быть, его и захватить не удастся, а ужъ дѣтки..... поминай какъ звали! сгніютъ въ Бастиліи!» — «За что̀» — «Да по разсчету Ришліё такъ нужно. Наше дѣло — только исполнять, да деньги получать.» Въ этихъ словахъ хитраго Эвое раскрылся совершенно новый для меня міръ. Мы условились съ Эвое замѣчать за Ахавомъ, и на первый случай разъузнать гдѣ онъ бываетъ. Впродолженіи нашего поиску, то есть, въ какихъ-нибудь пол-часа, мы встрѣтили на улицахъ Парижа болѣе тридцати Евреевъ. Всѣ новые знакомцы занимались ремесломъ Эвое; одни въ пріемахъ казались ему подчиненными, другіе равными. Каждый поглядывалъ на меня сомнительно, но Эвое говорилъ на̀-ухо одно слово, и каждый былъ совершенно откровененъ и искрененъ. Признаюсь, я весь дрожалъ отъ ужасу, но каково было мое положеніе, когда одинъ изъ *нашихъ*, на вопросы Эвое, объявилъ, что Ахавъ на предмѣстьѣ съ Вандомами? «Много ли ихъ? спросилъ Эвое. — «Трое: молодой герцогъ и два товарища.» — «Силой ничего не сдѣлаешь,» сказалъ печально Эвое. Но я уже его не слушалъ, опрометью бросился домой; вбѣгаю: Ахавъ сидитъ на

своемъ обычномъ мѣстѣ, и внимательно читаетъ книги. «Гдѣ Сара?» закричалъ я въ бѣшенствѣ. — «Не знаю,» тихо отвѣчалъ Ахавъ. Я осмотрѣлъ всѣ углы: Сары нигдѣ не было. Я схватилъ отца за грудь, и требовалъ Сары; онъ клялся: я не вѣрилъ; онъ сталъ со мной бороться и хотѣлъ достать тайный ножъ: я угадалъ его намѣренье и выхватилъ свой прежде. Мгновеніе.... о Боже великій! Ты спасъ меня отъ грѣха, въ которомъ нѣтъ прощенія! Извергъ повинился: жену роднаго сына онъ продалъ Вандомамъ, какъ нѣкогда продалъ мать мою марсельскому купцу. И ее увлекли также, завязавъ горло, во время искусственнаго сна. Я оттолкнулъ ненавистнаго и хотѣлъ ворваться въ вандомскія палаты. Тамъ нашелъ я только городскихъ старшинъ и стрѣлковъ. Мнѣ объявили, что преступники давно уже захвачены и, вѣроятно, высланы изъ Парижа. Бѣгу домой. Надежда найти освобожденную Сару меня окрыляла. Но я прибѣжалъ къ моему порогу, когда изъ оконъ бросалось пламя: огонь пожиралъ деревянныя хижины, одну за другою; улица наполнялась народомъ; сосѣди проклинали нашего хозяина, зачѣмъ онъ держалъ жидовъ. Я бѣжалъ, самъ не зная куда и зачѣмъ. Сильная рука остановила меня на улицѣ: то былъ

Эвое. Онъ нѣсколько ободрилъ меня, успокоилъ, и повелъ съ собою. Не забудьте: тогда уже наступила суббота. Въ домѣ Эвое нашелъ я болѣе ста человѣкъ Евреевъ. Мое несчастіе, мое непритворное краснорѣчіе, одушевленный видъ, сдѣлали сильное впечатлѣніе на тайныхъ клевретовъ Ришліё. Опять складка, опять лавочка на колесахъ. Наконецъ и Сара открыта въ городской тюрьмѣ. Требовали откупа пять-сотъ экю. Прежде мнѣ бы эта сумма показалась бездѣлицей, но въ бѣдности моей, въ нищетѣ.... Не стану вамъ разсказывать, на какія средства я рѣшился: довольно, что въ нѣсколько мѣсяцовъ я зналъ всѣ тайны Парижа, писалъ и печаталъ сатиры на кардинала, на городскаго голову, на старшинъ, на всѣхъ, на всѣхъ.... Я былъ тотъ страшный маркизъ де-Кокъ, котораго имени одного не могла снести герцогиня Эгильіонская, королева и всѣ придворныя дамы; я былъ тотъ страшный духъ ночи, о которомъ говорили чудеса; я былъ тотъ невидимый лазутчикъ, который узнавалъ содержаніе тайныхъ думъ первыхъ государственныхъ людей. Всѣ возможные виды, костюмы, языки, образы употребилъ я въ короткое время. И представьте: этотъ ужасный человѣкъ былъ только слугою

недостойныхъ лазутчиковъ Ришліё, и не могъ набрать пяти-сотъ экю слишкомъ въ девять мѣсяцовъ!... Гаръ-Піонъ выручилъ: я вамъ уже разсказывалъ; но съ той поры, какъ Сара получила свободу, счастіе полилось на меня дождемъ: у меня явился цѣлый полкъ слугъ; я въ одно время видѣлъ и слышалъ, что́ дѣлалось во всемъ Парижѣ. Благодарность слишкомъ далеко увлекла меня. Я зналъ, что кардиналъ вѣритъ колдунамъ и чародѣямъ. Я воспользовался его слабостью, но глупо, безполезно: я не разсчелъ, что онъ никогда не захочетъ быть въ зависимости отъ такого пріятеля и, при первой возможности, отправитъ меня на висѣлицу. Но теперь я еще успѣю побывать въ Парижѣ до его возвращенія. Перпиньянъ не скоро сдастся, и мнѣ досадно, что я потерялъ почти два мѣсяца. Впрочемъ, все къ лучшему: я понялъ всю цѣну моей Сары; я понялъ что и я, отверженный сынъ человѣчества, могу быть счастливъ; я понялъ...»

Стукъ повозки остановилъ разсказъ Гойка. Не успѣли собесѣдники отворить окна́ и поглядѣть на улицу, какъ въ покой, блѣдно освѣщенный нагорѣвшими свѣчами, вошли Джудита, Альфредъ Дени и еще какая-то женщина.

— Джудита! повторялъ нѣсколько разъ капитанъ, обнимая дорогую гостью.

— Сара! кричалъ Гойко, спѣша на встрѣчу другой женщинѣ.

Но глаза его помутились; крикъ отчаянья вырвался изъ груди; онъ отступилъ отъ нея въ ужасѣ: то была Берта. Вошелъ Гаръ-Піонъ. Коротко было ихъ печальное объясненіе. Еще передъ полуночью; Гойко съ товарами оставилъ унылое Сондріо.

ГЛАВА XV.

НОСИЛКИ.

Всѣ возвращались въ Парижъ, послѣ кровавой трагедіи, разъигранной въ Ліонѣ двѣнадцатаго сентября 1642 года. Король уже былъ въ Сенъ-Жерменѣ, Мазарини въ Парижѣ. Со дня на день ожидали прибытія торжествующаго кардинала. Онъ стеръ съ лица земли Сенъ-Марса и де-Ту; но смерть неотступно сидѣла у шелковыхъ подушекъ, плыла съ нимъ по синимъ волнамъ Роны въ великолѣпной баркѣ, пересѣла потомъ въ чудную по-

ходную комнату, устроенную изобрѣтательнымъ Шавиньи для больнаго Ришлiё, и медлила, казалось, съ умысломъ. Тѣлохранители кардинала устали. Домъ на мгновенiе остановился. Другая смѣна, снявъ шляпы и сложивъ ихъ въ обозную фуру, почтительно подошла къ крючькамъ, перекинула на плечи ременныя помочи, и домъ тихо, незамѣтно, не дрогнувъ, повисъ въ воздухѣ. Шествiе двинулось. Въ комнатѣ, кардиналъ лежалъ на шелковыхъ малиновыхъ подушкахъ; изрѣдка открывалъ онъ сонные глаза, и смотрѣлъ въ необъятное поле. У рабочаго стола сидѣлъ Шавиньи, и читалъ подробное донесенiе обо всѣхъ обстоятельствахъ суда и казни Сенъ-Марса и де-Ту. Кардиналъ не могъ произнести отъ слабости ни одного слова, но улыбка изрѣдка коверкала плотно сжатыя губы. Чтенiе еще продолжалось, когда комнату принесли въ какую-то деревню. Ворота были тѣсны: въ мгновенiе все было сломано. Всѣ жители высыпали на улицу и преклонились передъ ненавистнымъ. Казнь Сенъ-Марса не была уже тайной во всей Францiи, и Каталонцы длинными саблями принуждали народъ кричать: «Да здравствуетъ великiй кардиналъ!» Ришлiё съ трудомъ приподнялся на постели, Шавиньи опустилъ окно,

и блѣдный, страшный князь церкви посылалъ дрожащею рукою благословеніе народу, который съ злобною радостью видѣлъ въ чертахъ его несомнѣнные признаки смерти. Рука, благословлявшая своихъ враговъ, дрожа, остановилась въ воздухѣ, губы раскрылись; лѣвою рукою кардиналъ сдѣлалъ движеніе, которое Шавиньи привыкъ понимать. Раздался звонокъ: комната остановилась; но кардиналъ, блѣдный, полу-мертвый, уже лежалъ на подушкахъ, и не могъ произнести слова. Шавиньи стоялъ предъ нимъ съ нѣмымъ вопросомъ. Прошло нѣсколько мгновеній: улица опустѣла, всѣ въ ужасѣ разбѣжались. На лицѣ кардинала изобразилась какая-то жалкая, горькая просьба; но Шавиньи не могъ понять ее, и только оглядывался. Ришліё наконецъ, съ особеннымъ трудомъ, произнесъ: — Онъ здѣсь?

— Кто́, ваша эминенція? Намѣкните... скажите...

— Маркизъ де-Кокъ.

Шавиньи выскочилъ изъ комнаты. Вся деревня была обыскана: ни какого слѣда. Толпа народу опять собралась, и, послѣ обыску, провожала Шавиньи до самой лѣсенки подвижнаго дому. Когда отворилась дверь, многія головы дерзко

заглянули во внутренность, и снова толпа разбѣжалась.

— Нѣтъ? спросилъ кардиналъ съ довольной улыбкой. Слава Богу! вѣрно, мнѣ показалось.

Домъ опять понесли. Давно минули деревню. Шавиньи продолжалъ чтеніе. Ришліё перелегъ на другой бокъ, и тихо спросилъ, указывая пальцемъ на полъ: — Что́ это?

Шавиньи поднялъ бумажку, и прочелъ нѣсколько словъ, написанныхъ карандашомъ:

«Я здѣсь... васъ провожаю... до кладбища! Не отстану, пока Мазарини не отдастъ Сары.»

Кардиналъ затрепеталъ всѣмъ тѣломъ, лишился голосу и долго пролежалъ безъ движенія, съ закрытыми глазами. Комнату несли дальше и дальше. Ришліё опомнился, когда стало смеркаться. Онъ приподнялся на постели, оглянулся и спросилъ съ примѣтнымъ опасеніемъ: — Намъ придется ночевать въ полѣ?

— Если движеніе безпокоитъ вашу эминенцію....

— Нѣтъ. Добрые люди несутъ такъ тихо, такъ осторожно. Но.... я не знаю, отчего я сдѣлалъ этотъ вопросъ.

— Мы будемъ въ Рюэлѣ около полуночи.

— Въ Парижъ, Шавиньи, въ Парижъ!.. Гойко уже въ Парижѣ!

═

— Кто́ тамъ? спросилъ кардиналъ Мазарини, не отпирая дверей своего изящнаго кабинета.

— Гонецъ отъ кардинала-герцога, отвѣчалъ Люи.

— Ступай сюда, сказалъ Мазарини, взявъ за руку Са́ру и уводя въ ротонду.

Дверь кабинета отворилась, и вошелъ слуга въ кардинальской ливреѣ.

— Что́ скажешь, любезный? спросилъ Мазарини, не обращая вниманія на вошедшаго.

— Въ кардинальскомъ дворцѣ получено извѣстіе, что его эминенція пожалуетъ прямо въ Парижъ. Я поспѣшилъ васъ увѣдомить.

— Очень благодаренъ.

— Сверхъ-того получено извѣстіе, что маркизъ де-Кокъ возвратился въ Парижъ и пишетъ на вашу эминенцію сатиру.

Мазарини поглядѣлъ на посланнаго: передъ нимъ стоялъ высокій, длинный мужчина въ рыжемъ парикѣ, съ рыжими усами, съ пригорбомъ и кривымъ ртомъ Мазарини никогда не видалъ такого безобразнаго человѣка въ покояхъ

кардинала, и невольное чувство необъяснимаго страху, проползло въ сердце Италіянца. Онъ не умѣлъ отвѣчать непріятному незнакомцу, и неловко спросилъ: — Кто́ вы?

— Я? сказалъ незнакомецъ со смѣхомъ: я?.... И вы меня не узнаете, стараго вашего слугу!

— Право, не помню.

— Я и не сержусь. У васъ такъ много подобныхъ мнѣ знакомыхъ, что одинъ списокъ составилъ бы книгу. Но все это не мѣшаетъ мнѣ служить вашей эминенціи съ прежнимъ усердіемъ, и, помоги Господи, съ прежнимъ успѣхомъ. На первый случай, доложу вамъ двѣ вещи. Первая, будьте осторожны: связи съ жидовкой не оправдаетъ и кардинальскій пурпуръ; вторая, будьте осторожны: васъ хотятъ отправить вмѣстѣ съ старшимъ братцемъ. Вы ему доставили копію съ испанскаго трактата.....

— Послушайте! ради самого Бога, кто́ вы?

— Ваша эминенція изволите смѣяться! Наружность моя не такъ легко выходитъ изъ памяти, какъ пустое незначащее имя.

— Право, любезный другъ.....

— Право, господинъ кардиналъ, мнѣ забавно такое объясненіе. Но приготовьтесь къ странному, непріятному допросу

Кардиналъ знаетъ объ Сарѣ, которая спрятана у васъ въ ротондѣ. И еще, можетъ-быть, сегодня потребуютъ отъ васъ отчету.

Мазарини примѣтно смутился и съ поспѣшностію отвѣчалъ:

— Благодарю васъ, любезный другъ; но если ваши свѣдѣнія такъ далеки и точны, то не можете ли вы меня выручить?

Ротъ горбуна значительно выпрямился.

— Съ большимъ удовольствіемъ, сказалъ онъ.

— Спрячьте Сару на два на три дня, пока я улажу это дѣло.

— Съ большимъ удовольствіемъ. Каждый день я буду являться къ вашей эминенціи съ донесеніями о вашей Сарѣ.

— Добрый человѣкъ! Я начинаю припоминать васъ.

Незнакомецъ кланялся.

— Но объяснимся послѣ; а теперь.... берите Сару, и съ Богомъ! Кардиналъ можетъ пріѣхать прямо ко мнѣ. Ужъ если есть подозрѣнія... просто, случай, одинъ случай строитъ всю судьбу.... Сара въ ротондѣ. Возьмите ее.... Но, послушайте! какъ же мнѣ, въ случаѣ надобности отъискать васъ?.... Да! вы сами будете навѣщать меня. Прекрасно.... Случай! продолжай твое дѣло: я повинуюсь.... До свиданія! Ступайте.

Незнакомецъ ушелъ въ ротонду. Мазарини вышелъ изъ замѣшательства и, съ трудомъ подавляя хохотъ, бросился въ сѣни, заперъ двери, разбудилъ Швейцарцевъ.

— Не пугайся Сара, шопотомъ сказалъ незнакомецъ, хватая ея за руку. Узнай своего мужа: это я, Самуилъ... Тише! ради самого Бога, тише!..... Но стóитъ ли еще выручать тебя?... Отвѣчай! чиста ли ты?

— Богъ благословилъ мою твердость, отвѣчала Сара. Гойко въ восторгѣ схватилъ ее за руку и потащилъ въ кабинетъ, потомъ на балконъ, и, по веревочной лѣстницѣ, спустился съ нею на улицу. Мазарини спрятался въ темномъ углу сѣней и ожидалъ дорогóй жертвы. Воображенію его представлялась торжественная картина казни Гойка, радость кардинала-герцога; мысли толпились въ дѣятельномъ умѣ Италіянца. Вдругъ на улицѣ послышался крикъ: «Воры, воры!.. лови!» и мимо крыльца пронеслась толпа народу.

«И я поймалъ вора! весело думалъ Мазарини. Не знаю, догонятъ ли они своего, а мой попался.»

Но Гойко не появлялся. На верху была тишина могильная. Мазарини испугался; взявъ дюжину Швейцарцевъ, онъ

пошелъ наверхъ, но открытая дверь на балконъ коротко и ясно объяснила, что́ случилось.

═

Гойко и Сара, окруженные толпой городскихъ стрѣлковъ, смиренно стояли передъ головою. Дѣти Джудиты умоляли скорѣе отпустить Гойка; но голова вынулъ бумагу и, подавая имъ, печально сказалъ: — Прочтите.

Скорбно потупили глаза дѣти Джудиты.

— Отведите ихъ въ городскую темницу! сказалъ голова, и стрѣлки повиновались.

Гойко не обронилъ ни одного слова, и когда десятникъ толкнулъ его, чтобы вести куда́ указано, Гойко сказалъ громко и весело: — Пойдемъ, Сара! Богъ милостивъ!

ГЛАВА XVI.

ЛАТИНСКАЯ БЕСѢДА.

Что́ бы сказали, не только дамы, но даже бо́льшая часть нашихъ литераторовъ, если бы писатель, предлагающій читателямъ опытъ строго-историческаго романа, вздумалъ, для бо́льшей исторической точности, написать всю эту главу по-латинѣ? Но въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что всѣ лица, въ настоящей главѣ выведенныя, разговаривали по-латинѣ. Такова была мода, обычай между учеными людьми. Не рѣдко, вмѣсто латинскаго, употребляли и другіе

языки, но только греческій или еврейскій.

Грустный сентябрь кончился. Съ каждымъ днемъ, теплота, какъ тѣнь, сокращалась на сѣверномъ полушаріи. Настали холодные вечера, и каминъ запылалъ въ рабочей комнатѣ Гуго Гроція. Не много гостей окружало мертвую красавицу и любовалось ея тѣлодвиженіями. Она сама собой вставала съ креселъ, кланялась гостямъ, ходила по комнатѣ, потирала руки, поправляла локоны, словомъ, была совершенно живая женщина, дѣлала глазки, улыбалась, и если бы вздумала прогуляться по улицамъ Парижа, вѣроятно, половина городскихъ красавицъ лишились бы своихъ любовниковъ титулованныхъ (titrés), любовниковъ съ обязанностію быть скромными (à discretion), любовниковъ для торжествъ (de parade), любовниковъ тайныхъ, обожателей, чтителей, и вообще приверженцевъ разныхъ классовъ и названій.

Пуссенъ не могъ надивиться, ходилъ по слѣдамъ красавицы, и безпрестанно оборачивался, сомнительно поглядывая на Декарта, который съ улыбкою смотрѣлъ на свое произведеніе.

— Я не смѣю, да и не хочу показы-

вать публично мою Франсиску, сказалъ Декартъ: сожгутъ и отца съ дочерью!

— Такъ это твоя побочная дочь, о которой писалъ Воецій въ Сорбоннскую Академію? спросилъ, съ примѣтною радостью, Пико́.

— Не побочная, а родная, какъ видишь; дочь духа, а не плоти. Воецій видѣлъ ее черезъ окно въ Утрехтѣ, и... клевета уже достигла Парижа́!

— Я очень радъ, сказалъ Пико́: что могу разувѣрить нашихъ сорбоннскихъ философовъ.

— Благодарю тебя, Пикоціусъ. Не должно оправдывать меня въ томъ, въ чемъ я, какъ человѣкъ, не могу быть безгрѣшенъ. Я слышу, что ты переводишь на французскій начала моей философіи. И этимъ я, признаюсь, не доволенъ. Рано. А для ученыхъ людей они понятны и въ подлинникѣ. Бальé пишетъ мою біографію, и это я знаю, но попрошу не печатать ее до моей смерти, по-крайней-мѣрѣ до моего отъѣзда въ Швецію.

— Какъ въ Швецію? спросили всѣ единогласно.

— Да вотъ, по милости Гуго. Онъ познакомилъ меня письменно съ своей удивительной королевой: приходи́тся ѣхать для личнаго знакомства! И признаюсь:

теперь людямъ, полюбившимъ науку, кромѣ Швеціи, въ цѣломъ мірѣ жить негдѣ. Дивлюсь, какъ меня не убили въ Утрехтѣ, какъ не узнали въ Парижѣ, что послѣдній шведскій курьеръ есть Картезій, что германскій философъ принимаетъ французскаго въ службу шведской королевы.

— Да, замѣтилъ Гуго, сидѣвшій въ углу кабинета за кипою бумагъ, дописывая по-латинѣ длинное письмо: и чтобы этого не могло случиться завтра, я отправлю тебя, Картезій, сегодня.... «Tuus, augustissima Regina, diligentissimus servus Hugo Grotius».... Готово!

Гуго всталъ и подошелъ къ кружку гостей. Мертвая красавица была уложена въ футляръ. Всѣ усѣлись, и Гуго сталъ читать латинское письмо къ королевѣ Христинѣ. Съ первыхъ словъ, ужасъ изобразился на внимательныхъ лицахъ слушателей. Гуго описывалъ казнь Сенъ-Марса и де-Ту въ Ліонѣ, равнодушіе короля къ прежнему любимцу, новый заговоръ противъ Ришліе, возникшій между приверженцами Сенъ-Марса, наконецъ послѣднее свое свиданіе съ королемъ въ Сенъ-Жерменѣ.

— Какъ, развѣ онъ ужь пріѣхалъ? спросилъ Пуссенъ.

— «Я сегодня изъ Сенъ-Жермена,

продолжалъ читать Гуго. Меня привели къ его величеству съ обычною таинственностію. Когда король считалъ себя въ полной безопасности отъ посторонняго слуха, онъ подошелъ ко мнѣ, взялъ за руку, и усадивъ, по обыкновенію въ кресла противъ себя, сказалъ съ грустію: «Вы были правы: заговоръ не могъ быть удаченъ; ни у кого не доставало рѣшительности. Вы были правы. Надо ожидать его смерти. Одного боюсь: я могу умереть прежде. Просите королеву, сестру мою, любить моего сына и мою несчастную Францію, и примите мою искреннюю благодарнось за тѣ счастливыя мгновенія, которыя я имѣлъ случай провести въ вашей пріятной и поучительной бесѣдѣ. Какъ человѣкъ, не будьте строги къ моимъ слабостямъ. Мнѣ жаль *ихъ*... Но, по-крайней-мѣрѣ, монархія уцѣлѣла. Я не зналъ объ этомъ глупомъ трактатѣ. *Они* меня обманули. Не слѣдовало прибѣгать къ помощи нашихъ враговъ. Вы знаете, вы помните, я склонялся на *ихъ* желаніе и хотѣлъ заключить миръ съ Испаніей по вашему совѣту.... Ну, что́ нашъ Декартъ»?—Ты простишь мнѣ, королева, если я, по необходимости, сказалъ королю ложь. Декартъ уже сидѣлъ въ парижскомъ моемъ кабинетѣ, подъ замко̀мъ, въ бесѣдѣ съ другомъ

своимъ Пико́, съ добрымъ Бальѐ, Петромъ Корнелемъ и Николаемъ Пуссеномъ; но я увѣрилъ короля, что Декартъ не согласился на мои предложенія и, опасаясь настоятельныхъ требованій со стороны своего короля у голландскаго правительства, оставилъ Нидерланды или по-крайней-мѣрѣ распространилъ такой слухъ. Король примѣтно былъ доволенъ тѣмъ, что отказъ Декарта уволилъ его отъ новыхъ хитростей и безполезныхъ начинаній. На слова мои король отвѣчалъ: «Я такъ и думалъ. Прости дорогой Гуго; но въ Парижѣ не разглашай, пока, о моемъ пріѣздѣ. Завтра или послѣ завтра принесутъ кардинала: тогда...« Король замолчалъ. Я откланялся и воротился въ Парижъ. Боюсь за Декарта и спѣшу отправить его къ тебѣ сегодня же. Кардиналъ не любитъ писателей, которые не нашли случая похвалить его, а по мыслямъ, принадлежитъ къ римскимъ гонителямъ картезіянизма. Если можешь, августѣйшая, отмѣни утреннія бесѣды. Рене́ согласился, но здоровье его плохо: и въ здѣшнемъ климатѣ, онъ встаетъ часовъ въ девять, десять, а въ Швеціи... Но да будетъ по желанію твоему. Я, именемъ твоимъ, уволилъ Рене отъ всякаго придворнаго церемоніяла, и не могу описать его признательности.»

— Ничего, Гуго, сказалъ Декартъ, когда Гроцій окончилъ чтеніе : пріучу себя, привыкну. Въ пять часовъ встаютъ всѣ поселяне, а королевѣ нельзя же для меня перемѣнить порядокъ жизни. Было время, и я занимался по-утрамъ. Да и умъ свѣжѣе, и королева легче будетъ соображать метафизическія истины , пока государственныя хлопоты не развлекутъ любознательнаго вниманія. Но если ты полагаешь , что опасность такъ близка , то посылай же меня: я готовъ; прощаться мнѣ не съ кѣмъ: всѣ здѣсь. Вещей не много, и тѣ уложены.

— А лошади и повозки готовы, отвѣчалъ Гуго.

Всѣ встали.

Послѣ краткой молитвы, произнесенной Гроціемъ съ пресвитерской важностью, Декарта проводили до повозокъ, усадили, закутали и черезъ мѣсяцъ Швеція приняла въ свое покровительство еще одного великаго мужа семнадцатаго столѣтія.

— Куда же ты? спросилъ Гуго, держа за руку Пуссена.

— Кто на сѣверъ, кто на югъ! отвѣчалъ Пуссенъ. Сегодня ночью я буду уже на пути въ Италію.

— Какимъ образомъ?

— Не спрашивай, а добрòмъ помни.

— Дружбы и памяти! отвѣчалъ Гуго, обнимая Пуссена.

— И я, сказалъ тихо Корнель: къ-сожалѣнію не изъ Франціи, а по-крайней-мѣрѣ изъ Парижа. Я не хочу встрѣчаться съ палачомъ Сенъ-Марса. Пока я въ Руанѣ, обо мнѣ не вспомнятъ.

Пико̀ и Бальé возвратились съ Гроціемъ въ покои. Пуссенъ и Корнель пошли поспѣшно, каждый своей доро̀гою. Расходясь, они пожали другъ другу руку, и, какъ-будто условясь, тихо сказали:— Навсегда!

Проходя мимо кардинальскаго двора, Пуссенъ замѣтилъ необыкновенное движеніе. Было еще не такъ поздно, а почти всѣ окна были освѣщены.

— Пріѣхалъ кардиналъ? спросилъ Пуссенъ у слуги, который почти опрометью бѣжалъ куда-то.

— Пріѣхалъ г. де-Нойé, а кардиналъ развѣ ночью.

Это извѣстіе придало крылья Пуссену. На лѣстницѣ своего домика, онъ встрѣтился съ городскимъ головою.

— Дѣло, дѣло! важное дѣло, Римлянинъ! сказалъ голова.

— Милости просимъ! отвѣчалъ на̀-скоро Пуссенъ, вбѣгая въ гостиную, гдѣ Гаспаръ разсказывалъ любопытной молодежи чудеса объ Италіи.

— Небольшая тайна, сказалъ голова.

— Говорите, говорите: это все мои друзья. Я спѣшу. Кардиналъ можетъ пріѣхать еще сегодня, король также.... Что̀ такое?

—Капитанъ Вальероль вамъ кланяется.

—Боже! Ты одинъ не забываешь несчастныхъ!..... Какъ кстати это напоминаніе!.... Въ суматохѣ, я могъ забыть.... Но гдѣ же онъ?

— Въ Сондріо, въ домѣ Джудиты. Тамъ и она, тамъ и Гаръ-Піонъ, тамъ и Альфредъ. Но ихъ несчастный гонецъ, неблагоразумный Гойко, въ темницѣ, съ несчастной женою. За часъ до его ареста я получилъ отъ кардинала увѣдомленіе, что Гойко въ Парижѣ, что я долженъ, ради дружбы кардинала, ради всего на свѣтѣ, употребить всѣ усилія; словомъ, на дняхъ несчастный Гойко оставитъ этотъ свѣтъ.

— Богъ милостивъ! сказалъ Пуссенъ. Ваше сердце будетъ орудіемъ Промысла. Благодарю васъ за всѣ эти извѣстія, но, извините, мнѣ еще много работы сегодня. Надо написать въ галереѣ послѣднюю картину, взять изъ монастыря Эвелину и уѣхать изъ Парижа.

Молчаливое изумленіе продолжалось нѣсколько мгновеній. Пуссенъ продолжалъ:

— Господа, послѣднюю услугу! Фонари,

краски, дорожную повозку, лошадей, молчанія!

— Все будетъ! крикнули молодые люди, и схватили шляпы.

— Ничего не будетъ! сказалъ голова, удерживая Стеллу въ дверяхъ. Помогайте по вашему ремеслу, а отправленіе въ дорогу, это по моей части. Скажите только, въ которомъ часу?

— Сейчасъ, сію минуту! съ нетерпѣніемъ отвѣчалъ Пуссенъ. Стелла останется здѣсь, уложитъ всѣ вещи, заѣдетъ за мною въ Лувръ, а Гаспаръ, въ галереѣ, на-скоро положитъ грунтъ. Рисунокъ у тебя: проведи контуры... Да не нужно! только подмостки приготовьте: въ часъ будетъ готова картина! А я пока въ монастырь.

— Возьмите мою карету: не близко, сказалъ голова.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ Пуссенъ, уже на лѣстницѣ.

Въ монастырѣ Визитокъ всѣ уже спали. Только въ келіи сестры Аврелiи теплилась сонная лампада надъ раскрытою книгою. Аврелія и Эвелина тихо бесѣдовали.

— Я очень неспокойна сегодня, сказа-

ла сестра Аврелія. Не знаю почему, за вечерней молитвой, меня возмущали мысли невольныя. Боюсь не случилось ли чего съ королемъ. На войнѣ, на охотѣ, въ трудахъ ученыхъ, онъ не щадитъ своей жизни, а эта драгоцѣнная жизнь такъ нужна для Франціи.... При всѣхъ наружныхъ слабостяхъ Людовика, онъ, одинъ во всей Франціи, знаетъ причины многихъ дѣйствій кардинала. Ришліё хочетъ угодить Людовику, но употребляетъ средства, противныя Господу, и справедливый Людовикъ лично ненавидитъ министра.... Милая Эвелина, еще не поздно: станемъ молиться за короля!... Какъ жаль, что я не знала о твоихъ несчастіяхъ, когда онъ въ послѣдній разъ навѣстилъ монастырь!... Но Богъ милостивъ: станемъ молиться!

По корридорамъ стараго монастыря послышались шаги. Двери отворились, и въ келію дѣвицы Лафайетъ вошла сестра старшая.

— Неразлучныя! печально сказала она: вамъ должно разстаться.

— Защитите меня! закричала Эвелина, схвативъ за руку сестру Аврелію.

— Успокойтесь, Эвелина! сказала настоятельница: васъ требуетъ г. Пуссенъ, именемъ отца.

Сестра Аврелія встала, взяла покрыва-

ло, свѣтскій женскій плащъ Эвелины, и стала одѣвать подругу.

— Отецъ и Пуссенъ зовутъ.... разстаться съ вами! почти вскричала Эвелина. И, можетъ-быть....

— О! успокойтесь, Эвелина! Пуссенъ сегодня ночью оставляетъ Парижъ и ѣдетъ съ вами прямо въ Сондріо, гдѣ живетъ вашъ отецъ, какая-то Джудита и какой-то Альфредъ.

— Всѣ, всѣ дорогіе моему сердцу! со слезами воскликнула Эвелина, и упала передъ иконой Богоматери.

Сестра Аврелія и настоятельница также молились.

— Десница Божія видимо ведетъ васъ къ земному счастію, сказала сестра Аврелія: повинуйтесь!

ГЛАВА XVII.

ПОСЛѢДНЯЯ КАРТИНА.

Де-Нойе ходилъ скорыми шагами по залѣ, во дворцѣ кардинальскомъ. Тревога и досада написаны были на мрачномъ лицѣ *маленькаго добряка*, какъ его называли придворныя дамы. «Что въ самомъ дѣлѣ! подумалъ онъ: неужели столько разсказовъ, преданій, повѣрій, — игра случая, мечты суевѣрнаго воображенія?... Страхъ казни испугалъ мудрецовъ, которые добивались таинствъ природы; глупая чернь не могла повѣрить дивной, непостижимой учености, и всѣхъ колдуновъ,

чародѣевъ, отнесла къ клевретамъ ада!... Да и не простительно ли прибѣгать къ ихъ помощи тамъ, гдѣ знаніе врачей не видитъ болѣе ни какихъ средствъ, ни какой возможности къ спасенію такой драгоцѣнной жизни?... Ришліе долженъ умереть!... умереть скоро!... на дняхъ.... Волосъ поднимается дыбомъ! Мнѣ кажется, будто трупъ его, какъ безмѣрное дерево, валится и давитъ Парижъ, разрушаетъ Францію... И мы сами, огнемъ и желѣзомъ, преслѣдовали колдовство! мы сами истребили до тла эту подземную ученость! Ни слѣда не могу отыскать во всемъ Парижѣ, во всѣхъ окрестностяхъ, а срокъ, назначенный врачами, приближается!... Кто́ тамъ?

Въ углу залы показался маркизъ Дезюмидъ.

— Что́ вамъ угодно, маркизъ? спросилъ де-Нойе́.

— Кардиналъ еще не пріѣхалъ?

— Нѣтъ еще.

— Королева приказала спросить о здоровьѣ.

— Слава Богу, лучше. Я получилъ самыя утѣшительныя извѣстія.

— Скажите, сдѣлайте одолженіе, какъ это вы позволяете въ Луврѣ работать при огнѣ?

— Онъ еще не уѣхалъ! невольно про-

изнесъ де-Нойе, и опомнился. Да,.... это къ пріѣзду короля.... Эй! кто́ тамъ? Позовите Лемерсіе, Фукіерра, Вуэ,... словомъ кого-нибудь!

—Королева просила увѣдомить о пріѣздѣ кардинала.

— Непремѣнно, непремѣнно, отвѣчалъ де-Нойе, и ушелъ въ кабинетъ кардинала.

«Какъ заботятся объ его смерти! какъ хитро одушевили молодыхъ капитановъ королевской стражи! Они поклялись убить умирающаго. Надо бы намъ съ Шавиньи подумать и о себѣ: мы вторыя жертвы. А тутъ этотъ Пуссенъ не уѣхалъ! Кардиналъ узнаетъ, огорчится..... Надо съ ума сойти съ этими художниками!»

Такъ думалъ де-Нойе́, когда всѣ трое, Вуэ, Лемерсіе́ и Фукіерръ, вошли въ кабинетъ, вслѣдъ за Рюзомъ.

— Ахъ, господа! сказалъ де-Нойе́ безо всякихъ предварительныхъ привѣтствій: сходите, посмотрите, что́ тамъ дѣлается въ Луврѣ!

— Но,... запинаясь, началъ-было Лемерсіе́.

— Господи Боже мой! сказалъ де-Нойе́: ступайте, когда вамъ говорятъ! — И ушелъ въ спальню кардинала, хлопнувъ дверью.

— Пойдемъ! сказалъ Фукіерръ: прика-

зано! Сдѣлаемъ по-крайней-мѣрѣ суматоху.

— Пойдемъ, равнодушно отвѣчали Вуэ и Лемерсіе, и всѣ трое отправились въ Лувръ.

Издали они еще увидѣли карету въ четыре лошади, которую окружали фонари, но лицъ невозможно было различить. Карета медленно покатилась; крики раздавались долго по всей площади; фонари разбрелись въ разныя стороны; но галерея всё-еще была освѣщена. Ничего не понимая, что́ происходило въ Луврѣ, художники осторожно вошли во дворецъ, еще съ бо́льшимъ опасеніемъ приближались къ галереѣ, наконецъ со страхомъ заглянули, и что̀ же увидѣли?.... Двѣ пирамиды освѣщали еще свѣжую картину, написанную одноцвѣтомъ, изображавшую послѣдній подвигъ Геркулеса: полу-богъ поражаетъ Глупость, Невѣжество и Зависть. Одинъ краскотёръ убиралъ подмостки, другой любовался картиной и громко повторялъ: — Чортъ знаетъ, что́ такое! Посмотри будто съ нихъ писалъ!

— Съ кого?

— А вотъ со старыхъ нашихъ маляровъ.

— Это похоже на васъ, сказалъ Фукіерръ, обращаясь къ Вуэ и указывая на Невѣжество.

— А эта Глупость на ослѣ, это вы, баронъ?

— Впрочемъ эта Зависть и на васъ похожа.

— Нѣтъ, это портретъ Лемерсіе.

— Послушайте, господа: завтра будетъ въ Луврѣ король, можетъ оскорбиться такой неприличной картиной, сказалъ Лемерсіе, схватилъ кисть, торчавшую въ ведрѣ съ краской, и въ одно мгновеніе картины не стало.

═

— Мы въ полѣ! радостно сказалъ Пуссенъ, когда карета минула послѣдніе дома предмѣстья.

— Во Франціи нѣтъ поля свободнаго, сказала Эвелина: все темницы или мѣста казни.

— По-крайней-мѣрѣ у насъ ключи отъ этихъ темницъ: поспѣшность и осторожность! замѣтилъ Гаспаръ.

Не успѣли путешественники проѣхать и одного лiё, какъ зарево отъ факеловъ освѣтило дорогу. Католонцы окружили карету, допросили всѣхъ, осмотрѣли всѣ углы, и согнали экипажъ съ дороги на поле. Вслѣдъ за ними, шелъ отрядъ пѣшихъ Швейцарцевъ: несмотря на множество и тяжесть вооруженія, казалось, что

они идутъ по толстому ковру въ чулкахъ и башмакахъ. За Швейцарцами несли подвижной домъ, снаружи украшенный коронами и перьями. Казалось, онъ плылъ надъ дорóгою: ни какого колыханія не было замѣтно. Зеленыя занавѣси были опущены, сквозь нихъ пробивался слабый свѣтъ, и темнымъ пятномъ чертилась фигура Шавиньи. Глубокая тишина, несовмѣстная со множествомъ и великолѣпіемъ страннаго шествія, поражала невольнымъ ужасомъ. Какъ страшная, темная туча, миновалъ домъ кардинала; за нимъ опять пѣшіе Швейцарцы, опять конные Каталонцы, наконецъ обозъ, который болѣе часу медленно передвигался мимо кареты Пуссена.

Гаспаръ улыбнулся и сказалъ, глядя на послѣднюю повозку обоза: — Ну, нечего сказать! торжественныя похороны!

— Наукъ и художествъ! прибавилъ Пуссенъ, и карета покатилась.

ЭВЕЛИНА ДЕ ВАЛЬЕРОЛЬ.

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

ЛІОНАРДО,

или

ЕЩЕ ПРЕВРАЩЕНІЕ.

ЛІОНАРДО,

или

ЕЩЕ ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Ici finie mon roman.
Gasses a fait cette besoigne
Peur Phébus, duc de Bourgoigne,
Son très-cher redoubté seigneur,
A qui Jhésucrit croisse honneur:
Si lui supplie, à son pouvoir,
Qu'en gré la vieulle recevoir,
En suppliant, quand le verra,
Les défaulx qu'il y trouvera:
Et prie à ceulx qui l'orront lire,
Que de leur grâce ilz vieullent dire
Que Dieux lui pardoint ses défaulx.

ROMAN DES DÉDUITS, par Gasses de la Bigne, 1359.

ГЛАВА XVIII.

МАРІЯ МЕДИЧИ.

Въ стѣнѣ стараго города Парижа сдѣланъ былъ проломъ, потому что экипажъ, изобрѣтенный для больнаго кардинала усерднымъ Шавиньи, не могъ пройти ни

въ одни ворота. Множество фонарей освѣщало весь путь къ пролому и потомъ, далекими обходами по улицамъ, болѣе широкимъ, къ кардинальскому дворцу. Отрядъ Каталонцевъ раздѣлился на три партіи: первая поскакала во весь опоръ и разогнала всѣхъ любопытныхъ по домамъ; вторая ѣхала рысью и не позволяла народу снова собираться; третья захватывала непокорныхъ и вела съ собою. Болѣе ста человѣкъ признаны были подозрительными и отправлены въ городскую тюрьму, для изслѣдованія упорнаго ихъ любопытства. Послѣ полуночи походный домъ кардинала остановился у дворца. Ришліё не могъ подняться: его покрыли еще однимъ бархатнымъ одѣяломъ, и на простынѣ перенесли прямо въ спальню. Ни одного слова не могъ онъ сказать и, какъ-скоро положили его въ постель, сталъ дремать. Всѣ вышли въ пріемную залу и не смѣли, не могли разойтись. На площадкѣ главнаго двора собрались всѣ провожатаи кардинала. Шавиньи обходилъ ряды вооруженныхъ своихъ спутниковъ и раздавалъ драгоцѣнные подарки капитанамъ и чиновникамъ, а простымъ воинамъ деньги. Когда эта веселая церемонія была окончена, Шавиньи остановился по-серединѣ, и сказалъ довольно громко: — Друзья мои!

жизнь кардинала въ опасности; королевскіе капитаны поклялись отомстить нашему благодѣтелю за смерть Сенъ-Марса.... Мы должны беречь и защищать драгоцѣнную жизнь!

— Да здравствуетъ великій кардиналъ! громко закричала толпа.

— День и ночь нужна многочисленная стража.

— Мы всѣ готовы!

— Не всѣ, сказалъ Шавиньи: половина на отдыхъ, половина на стражу!

Капитаны заспорили, но Шавиньи сдѣлалъ на̀-скоро назначеніе, и всѣ разошлись по своимъ мѣстамъ. Всѣ выходы были заняты многочисленною стражею. Въ огромномъ дворцѣ остался только одинъ кардиналъ съ тремя испытанными слугами и съ двумя секретарями, — Шавиньи и де-Нойе́. Мазарини пріѣхалъ съ поздравленіемъ; за нимъ Дезюмидъ, голова и еще нѣкоторые: Тромбара не пустилъ ихъ даже въ сѣни.

Шавиньи, де-Нойѐ и всѣ трое слугъ, надѣли пуховые башмаки, изобрѣтенные Шавиньи, и, не слышно, въ-очередь, подходили къ полу-раскрытымъ дверямъ кардинальской спальни. Къ утру, пріѣхала герцогиня Эгильіонская, и почти въ то же мгновеніе кардиналъ проснулся. Герцогиня вошла первая, за нею

Шавиньи и де Нойé. Кардиналъ улыбнулся, и радость просіяла на печальныхъ лицахъ вошедшихъ друзей его. Только блѣдность обнаруживала слабость: впрочемъ онъ былъ бодръ, веселъ. Увидѣвъ Шавиньи, онъ протянулъ руку и сказалъ довольно твердымъ голосомъ: — Благодарю! безъ тебя въ Парижъ принесли бы только трупъ Ришліè, а душа его еще нужна на нѣсколько дней для Франціи.

— О! еще надолго!

Ришліè горько улыбнулся и отвѣчалъ:— Не пускайте ко мнѣ ни одного врача. Они сребролюбивы, а въ лабораторіяхъ у нихъ дѣлаютъ яды.

— Неужели? съ безпокойствомъ замѣтила герцогиня: вы не хотите лечиться?

— Хочу, но еще не рѣшился на выборъ, не знаю, къ кому прибѣгнуть, къ Лекó, епископу Шартрскому, моему другу и духовнику, или....

Кардиналъ не кончилъ и поглядѣлъ значительно на де-Нойè. Въ глазахъ секретаря онъ прочелъ неудачу поисковъ, и приказалъ немедленно послать за головой. Между-тѣмъ слуга доложилъ о пріѣздѣ Горда.

— Зовите, отвѣчалъ кардиналъ, и опустилъ съ постели ноги, къ общему изумленію и страху.

— Дядюшка!... ради Бога, дядюшка... что̀ вы дѣлаете?

— Я долженъ быть здоровъ и грозенъ.... Умру, но не прощу неблагодарности!

Вошелъ Гордъ.

— Государь приказалъ поздравить вашу эминенцію съ благополучнымъ прибытіемъ, и если здоровье позволяетъ пожаловать завтра въ Сенъ-Жерменъ....

— А кто̀ завтра дежурный капитанъ? спросилъ Ришліе громко и твердо.

— Д'Орбиньи.

— Такъ скажите, что я не поѣду, пока всѣ капитаны по этому списку будутъ находиться при особѣ короля.... Шавиньи! поѣзжайте въ Сенъ-Жерменъ. Если не согласятся на изгнаніе четырехъ друзей Сенъ-Марса, такихъ же, какъ и онъ, негодяевъ и заговорщиковъ, то я, пожалуй пріѣду въ Сенъ-Жерменъ, но съ моими Каталонцами, и, пока мы будемъ работать съ его величествомъ, Тромбара съ моими людьми будетъ охранять всѣ двери кабинета. Если король и на это не согласится, то я не могу болѣе заниматься дѣлами Франціи. Оставляю министерство и ѣду въ Гавръ: тамъ я губернаторъ, и этого титула, и этой управы никто у меня отнять не можетъ. Поѣзжайте съ Гордомъ.

Шавиньи медлилъ. Ришліе улыбнулся и сказалъ: — Шавиньи! я передалъ вамъ громко тайную мою волю.

Шавиньи и Гордъ уѣхали.

Кардиналъ прилегъ, но вдругъ приподнялся, и указывая съ ужасомъ въ уголъ спальни, шопотомъ спросилъ: — Это кто́?

Всѣ оглянулись: никого не было. Кардиналъ успокоился, зажмурился, но безпрестанно отворялъ глаза и осматривался.

— Тамъ въ залѣ кто-то ходитъ, сказалъ онъ, прислушиваясь.

Де-Нойе́ пошелъ, и возвратясь, объявилъ, что нигдѣ нѣтъ живой души. Прошло еще нѣсколько минутъ безмолвныхъ, страшныхъ. Ришліё дремалъ. Сны примѣтно его мучили: онъ все что̀-то отталкивалъ отъ себя рукою, и вдругъ поблѣднѣлъ во снѣ, задрожалъ, проснулся, съ бодростью вскочилъ съ постели, сорвалъ одѣяла, простыню, и, дико захохотавъ, закричалъ:

— Гдѣ же она?

— Кто́? спросили перепуганные герцогиня и де-Нойе́, поддерживая его подъ руки.

— Марія Неверская!... змѣя!... Сонъ... видѣніе....

Глухо застонали колокола во всемъ

Парижѣ. Ришліе, въ рубашкѣ, дрожа, преклонилъ колѣна. Де-Нойѐ и герцогиня не могли удержать его: онъ наклонилъ голову, благоговѣйно сложилъ руки, и, вмѣсто молитвы, завелъ странную рѣчь:

— Пользы Франціи..... королева..... клянусь и свидѣтельствуюсь Богомъ, желаніе твоего сына и моего короля, желаніе твоей Франціи, великая Марія Медичи.... Не я.... не я!...

Въ это мгновеніе вошелъ Лекó, духовникъ кардинала. Ришліе всталъ и, протянувъ одну руку къ Лекó, а другою указывая на пустой воздухъ, сказалъ жалобно:

— Она не вѣритъ. Будьте моимъ свидѣтелемъ: вы знаете всѣ тайны души моей.

Лекò помогъ усадить кардинала на постель. Колокольный звонъ возобновился.

— Чтò это значитъ, Лекò? спросилъ Ришліё, нѣсколько приходя въ себя.

— Получено печальное извѣстіе изъ Кёльна, отвѣчалъ Лекó.

Но кардиналъ не дослушалъ, и, безъ чувствъ, безъ малѣйшаго признака жизни, лежалъ распростертый на разбросанной постели. Герцогиня уложила его,

покрыла, и, почуявъ біеніе сердца, нѣсколько успокоилась.

— Неужели? спросилъ де-Нойé, подходя къ Лекó.

— Марія Медичи, мать-королева, скончалась въ Кёльнѣ, въ крайней нуждѣ и бѣдности.

— Уйдите, добрый пастырь, сказала герцогиня. Мы обманемъ его: мы скажемъ, что все это ему причудилось, что королева-изгнанница жива, что этотъ звонъ о богатомъ купцѣ изъ города.... Уйдите, уйдите! Онъ не перенесетъ этой смерти. Конечно, нечего сказать, онъ преслѣдовалъ ее и былъ причиною преждевременной смерти человѣколюбивой Маріи....

Всѣ вышли въ залу, куда вскорѣ прибылъ и голова. Герцогиня хотѣла его отправить назадъ, не допустить до свиданія, какъ вдругъ, ко всеобщему ужасу, въ кабинетѣ появился кардиналъ со свѣчею въ рукахъ, и между бумагами искалъ чего-то.

— Нашелъ! сказалъ онъ такимъ голосомъ, что всѣ задрожали, и въ рукахъ его сверкнулъ ножъ, давно знакомый читателямъ. Всё безопаснѣе.... А! господинъ голова! сюда!... сюда!... на одну минуту!... и одни!... Сюда!... Дайте мнѣ одѣться!

Слуги на́-скоро одѣли кардинала и вышли.

— Садитесь, господинъ голова, сказалъ Ришліе, улыбаясь и осматривая ножъ. Что́ новаго? Получили вы мою записку?

— Получилъ и исполнилъ, печально отвѣчалъ голова.

— Исполнили?... Что̀ вы исполнили?.. казнили?

— Нѣтъ. Вчера только ночью....

— Слава Богу! слава Богу! Онъ мнѣ нуженъ. Пришлите его, пришлите!.... Обѣщайте ему милость, утѣшьте его! Снимите съ него цѣпи; обыщите, нѣтъ ли оружія.... Но скорѣе!.... скорѣе!.... Мнѣ онъ очень нуженъ.

ГЛАВА XIX.

ПОЕДИНОКЪ.

Дѣти Джудиты стояли на крыльцѣ дома головы, въ красномъ охотничьемъ платьѣ, съ хлыстами и аркебузами. Жена головы снаряжала ихъ въ дорогу. Между-тѣмъ подвели лошадей, и они хотѣли-было уже отправиться въ путь, подъ присмотромъ стараго ратушеваго слуги. Пріѣхалъ голова.

— Куда вы, молодцы? спросилъ онъ ихъ довольно ласково.

— На охоту, папà, отвѣчалъ Жеромъ: въ зáмокъ Орбиньи, къ тетушкѣ Маріи.

— Да развѣ за вами прислали?

— Пуіѣзжалъ нарочный. Въ зàмкѣ будетъ дамская охота, шалость, забава....

— А у насъ хлопоты: кардиналъ требуетъ къ себѣ Гойко, и, я думаю, вамъ пообождать бы маленько. Кажется, слѣдовало бы проститься съ нимъ: онъ помогалъ вашей матери и всѣмъ друзьямъ.

Не успѣлъ Джироламо отвѣчать, какъ загремѣли цѣпи, и Гойко показался въ глубинѣ переулка съ городскими стрѣлками. Голова и дѣти Джудиты вошли въ залу. Вслѣдъ за ними вошелъ и Гойко.

— Снимите съ него цѣпи, сказалъ голова, и оставьте насъ однихъ.

Стрѣлки удалились.

— Чтó это значитъ, благодѣтель мой? спросилъ Гойко.

— Ничего, ничего, будь спокоенъ, отвѣчалъ голова, и пересказалъ ему разговоръ съ кардиналомъ.

Гойко улыбнулся и, помолчавъ немного, сказалъ:

— Я приготовился къ позорной казни, но умереть въ караýльняхъ кардинальскаго дворца—лучше: нѣтъ такого стыда, нѣтъ такого ужаса, не услышу поруганія и проклятій.... Но ктò защититъ, кто сохранитъ невинность моей Сары?....

— Будь спокоенъ! закричали дѣти Джудиты: мы довольно богаты....

— И слишкомъ молоды, господа. Я и на томъ свѣтѣ буду мучиться ревностью. Но, благодѣтель мой....

Гойко повалился въ ноги старому сановнику.

— Вы одни можете быть ея спасителемъ. Отецъ Сары еще живетъ въ Ліонѣ.

— Будь спокоенъ, Филиппъ: я отошлю Сару въ Ліонъ.

— Теперь простите!

Гойко обнялъ колѣна головы, облилъ ихъ горячими слезами, поцѣловалъ руки у молодыхъ людей, и бросился къ дверямъ.

— Постой! постой!.... тебя одного къ кардиналу не допустятъ, сказалъ голова, схватилъ его за руку и повелъ къ своей каретѣ.

═

Кардиналъ Мазарини смиренно стоялъ предъ креслами кардинала Ришліё и докладывалъ о заговорѣ капитановъ: они поклялись лишить жизни обоихъ кардиналовъ, Лобардемона и всѣхъ участвовавшихъ въ ліонскомъ судилищѣ; сообщники ихъ съ каждымъ днемъ умножаются; негодованіе всей Франціи противъ послѣдней казни воспламеняетъ всѣхъ, отъ ма-

ла до велика, противъ кардиналовъ..... Ришліё улыбался.

— Все это вздоръ, сказалъ онъ. Сегодня отставятъ капитановъ отъ должностей, завтра противъ нихъ наряжены будутъ слѣдствіе и судъ; и они отправятся на свиданіе съ де-Ту и Сенъ-Марсомъ.

— Еще казни? сказалъ Мазарини.

— Кто-нибудь долженъ умереть на этой недѣлѣ, или они, или мы съ вами. Говорю вамъ, все это вздоръ. Скажите мнѣ лучше, какова собой маркиза Сара.

— Очень хорошенькая жидовка. Она послужила приманкой для поимки самого маркиза. Такую любовь трудно встрѣтить и между христіанами: маркизъ прибѣжалъ за нею изъ Италіи, куда благополучно доставилъ капитана де-Вальероля, Джудиту, Альфреда Дени.

Ришліё примѣтно становился веселѣе.

— Ну, а ваша задушевная Эвелина?

— Вчера оставила Парижъ вмѣстѣ съ Пуссеномъ.

— А что, Пуссенъ уѣхалъ?.... Мы таки-поставили на своемъ. Кончилъ онъ галерею?

— Кончилъ. Но послѣднюю его картину Вуэ и Лемерсіе ночью закрасили.

— Какъ же они смѣли?

— Я сдѣлалъ бы на ихъ мѣстѣ то же,

отвѣчалъ Мазарини, подавая рисунокъ послѣдняго подвига Геркулеса.

Ришліё еще болѣе развеселился, разсматривая живописную сатиру.

— Ну, а гдѣ же теперь очень хорошенькая жидовка?

— Въ городской тюрьмѣ, вмѣстѣ съ мужемъ.

— Въ самомъ дѣлѣ?.... въ самомъ дѣлѣ? радостно сказалъ Ришліё. Ступайте, кардиналъ, ступайте, пришлите ко мнѣ человѣкъ двѣнадцать Каталонцевъ и пріѣзжайте послѣ полуночи. Я думаю, Шавиньи вернется изъ Сенъ-Жермена.

Каталонцы были разставлены за всѣми дверьми ришліёвскаго кабинета. Мазарини, де-Нойё, герцогиня и Лекó, оставались въ залѣ. Голова и Гойко вошли въ кабинетъ.

— Любезный другъ! сказалъ кардиналъ, обращаясь къ головѣ: ваша городская тюрьма тѣсна.... воздухъ нездоровый.... для нѣжной женщины онъ можетъ быть убійственъ. У меня во дворцѣ есть старая казначейская: я назначаю ее для помѣщенія жидовки Сары, которую и прошу передать на руки капитану Тромбарѣ сейчасъ, не медля ни одного мгновенія. Оставьте насъ, любезный другъ, однихъ.

Гойко поблѣднѣлъ, задрожалъ, но не

сказалъ ни слова. Когда голова ушелъ и двери тихо закрылись, Гойко, не ожидая вопросовъ кардинала, подошелъ къ нему съ страшнымъ, рѣшительнымъ видомъ, отъ котораго кардиналъ поблѣднѣлъ и задрожалъ въ свою очередь.

— Старикъ! сказалъ Гойко шопотомъ, но этотъ шопотъ былъ ужаснѣе грому: мало ли подъ управою твоею пролито крови, совершено прелюбодѣяній?.... Ненасытный тигръ! чего еще ты хочешь?

— Здоровья, запинаясь, отвѣчалъ кардиналъ.

— Кчему?.... чтобы твоимъ замирающимъ когтямъ дать прежнюю силу, твоей крови прежнее вожделѣніе, твоему уму прежнюю хитрость?.... О! зачѣмъ я не пріобрѣлъ науки взоромъ умерщвлять людей?.... Франція поставила бы мнѣ пышный памятникъ за свое освобожденіе отъ гнуснаго крокодила, который, изъ глубины своей неприступной берлоги, коситъ головы благороднѣйшихъ и невинныхъ дѣтей ея!

— Тише, безумецъ! побагровѣвъ сказалъ кардиналъ. И ты и Сара свободны: дай только годъ здоровья.

— Не могу.

— Не можешь?.... Такъ я твою Сару предамъ на потѣху моимъ Каталонцамъ.... тебя поставлю свидѣтелемъ.....

— Но самъ не увидишь этой картины: я задушу тебя! сказалъ Гойко, и бросился на кардинала.

Въ лѣвой рукѣ Ришліё загремѣлъ колокольчикъ, въ правой засверкалъ ножъ. Изъ всѣхъ дверей поспѣшно входили Каталонцы. Ришліё пырнулъ въ Гойка ножемъ, и несчастный упалъ навзничь безъ малѣйшаго признака жизни. Кардиналъ трясся какъ въ лихорадкѣ: колокольчикъ продолжалъ звѣнѣть, ножъ дрожалъ, зубы стучали, глаза горѣли какъ уголья. Каталонцы смотрѣли на кардинала и не знали что дѣлать.

— Въ Сену его!... въ Сену! сказалъ кардиналъ.

Гойко унесли.

— Въ Сену!... въ Сену! продолжалъ кричать Ришліё.

На крикъ его всѣ прибѣжали изъ залы. Поздно: смерть начала послѣднюю борьбу свою съ непобѣдимымъ въ дѣлахъ земныхъ.

ГЛАВА XXX.

ВЕСЕЛАЯ КОНЧИНА.

Это было въ субботу, двадцать-девятаго ноября 1642 года. Дворецъ наполнился кардиналами, епископами, аббатами, маршалами, придворными. Шавиньи возвратился изъ Сенъ-Жермена съ отставкой всѣмъ четыремъ капитанамъ, но, увидѣвъ, что̀ происходитъ въ кардинальской спальнѣ, спряталъ бумаги въ карманъ и, въ своей же каретѣ, отправилъ Рюза къ королю съ печальнымъ извѣстіемъ. Лекó послалъ по всѣмъ церквамъ приказаніе молиться объ исцѣленіи кар-

динала. Поздно ввечеру пріѣхалъ король во время службы, и присутствовалъ при причащеніи кардинала. Съ нимъ были всѣ придворные врачи, въ томъ числѣ старый Абенъ-Гассанъ.

— Господа! сказалъ король: за часъ его жизни — милость по вашему выбору!

Но Абенъ-Гассанъ, качая бѣлою головою, отвѣчалъ Людовику: — Дай Богъ смягчить только предсмертныя мученія его эминенціи! Они будутъ продолжительны. Горячка не скоро разрушитъ эту крѣпкую, двойную натуру.

Прочіе врачи улыбнулись, но Абенъ-Гассанъ прибавилъ: — Пять дней сроку.

Ришліе ничего не слышалъ, ничего не понималъ. Ужасная галерея историческихъ портретовъ колесомъ пробѣгала передъ воспаленными глазами: маршалы Мариліакъ и Монморанси, Лавалеттъ, Сенъ-Прель, Сенъ-Марсъ, де-Ту, графъ де-Шапель, Шалѐ, Бутель, по-очереди всходили на эшафотъ и, возвращаясь съ краснымъ на шеѣ обручемъ, почтительно кланялись кардиналу: въ какихъ-то темныхъ склепахъ рѣзали маркиза де-Мервиля, д'Оверна и Бассаньи; изъ темницъ трехъ за́мковъ, венсенскаго, бастильскаго и бисонскаго, показалась толпа плѣнниковъ: впереди шла королева Марія Медичи, за нею маршалъ Бассонпіеръ съ

вѣчнымъ на устахъ сарказмомъ, маркизъ де-Кассазъ, графъ де-Русси, Бріансонъ, графъ де-ла-Сюзъ, маркизъ де-Рульякъ, аббатъ де-Фоа̀, Шодбонъ, Соре́, Моденъ, Вотіе́, Ланшоа́, Говиль, и прочая, и прочая; потомъ сѣрая эминенція и Лобардемонъ стали подчивать ядомъ принцессу Конти, кардинала де-Берюль, маршала д'Орньяно́, герцога Савойскаго, маркиза Спинола Калатто, и множество другихъ: акты ужасной драмы были перепутаны; лица входили не въ порядкѣ: многіе появлялись такъ быстро, какъ-будто спѣшили ворваться въ память кардинала и успѣть, передъ смертью, возобновить непріятное знакомство. Кровь лилась рѣкой на страшной сценѣ; въ амфитеатръ тѣснились тысячи изгнанниковъ.... Почти никто изъ присутствовавшихъ не могъ перенести картины мученій: первый уѣхалъ король, даже не простясь съ кардиналомъ; слова, вырывавшіяся изъ замирающихъ губъ, страшныя имена, намѣки, все это раздирало душу невольнаго участника въ жестокости кардинала. Наконецъ трауръ, въ которомъ былъ король и весь дворъ, напоминалъ о главной и послѣдней жертвѣ честолюбія Ришліё. Король уѣхалъ; всѣ разошлись и, въ тишинѣ спальни, страшныя тѣни стали исчезать..... рѣже,

рѣже.... горячка утомилась, смерть захотѣла отдохнуть и отложила борьбу до утра. Воскресеніе и понедѣльникъ кардиналъ оставался въ безпамятствѣ; по утру во вторникъ онъ проснулся.

— Умираю! сказалъ онъ шопотомъ: отецъ Леонъ, я умираю!

Почти всѣ присутствовавшіе бросились въ перковь святаго Евстахія. Отецъ Леонъ, со святымъ мvромъ, поспѣшилъ въ кардинальскій дворецъ.

— Отпустите меня, сказалъ Ришліё: отпустите! Научите покаянію.... избавьте отъ этихъ мукъ.... Невыносимо!

Отецъ Леонъ сталъ приготовлять больнаго къ смерти. Исполнивъ обрядъ исповѣданія вѣры, отецъ Леонъ спросилъ:

— Прощаете ли врагамъ вашимъ?

— Отъ всего сердца, какъ умоляю Господа простить мнѣ!

— Если Господу угодно будетъ возвратить васъ къ жизни, даете ли обѣтъ съ бо́льшею вѣрностью служить Ему?

— Да пошлетъ мнѣ лучше тысячу смертей, если ему извѣстно, что я долженъ согласиться на грѣхъ смертельный!

— Молитесь же со мною о жизни и здравіи.

— Ни того ни другаго не смѣю просить у Господа: да будетъ Его святая воля!

— Если такъ, остается вамъ, какъ князю Церкви, благословить предстоящихъ.

— Увы! я недостоинъ! Но вы приказываете: я, вашею властію, вашею добродѣтелью, призываю Духа Святаго осѣнить ихъ благочестіемъ и страхомъ Божіимъ!

Ришліё приподнялся на постели и, преклоняя голову съ дивнымъ смиреніемъ, сказалъ предстоящимъ:

— Помилуйте и отпустите грѣшнику...

Онъ не кончилъ рѣчи. Кардиналы, маршалы, епископы, отвѣчали ему, какъ-будто условясь, тяжкимъ вздохомъ, и у многихъ полились непритворныя слезы.

— Простимся! сказалъ кардиналъ, падая на подушки.

Де-Нойѐ и Шавиньи первые бросились къ нему. Ришліё снялъ съ рукъ своихъ всѣ кольца и подавалъ подходившимъ. Не всѣ были удостоены этой чести: кольца получили де-Нойѐ, Шавиньи, Оксерръ, Реннъ, Ривó и Абенъ-Гассанъ, чудными пилюлями нѣсколько облегчившій неописанныя страданія умирающаго.

— Благодарю васъ.... молитесь обо мнѣ, приговаривалъ онъ каждому.

Боль возобновилась.

— Долго ли страдать мнѣ? спросилъ Ришліё.

Абенъ-Гассанъ подалъ пилюлю. Кардиналу примѣтно стало лучше: онъ заснулъ очень спокойно и, передъ самою смертью, еще разъ перепугалъ Парижъ. Всю ночь никто не спалъ ни въ Луврѣ, ни въ городѣ, ни на предмѣстіяхъ.

Наступило утро. Кардиналъ спалъ. Капитанъ Тромбара выпрашивалъ изъ спальни гостей, но никто его не слушалъ. Тромбара вышелъ въ залу и сталъ жаловаться отцу Леону:

— Помилуйте, достойный отецъ, слава Богу, слезами и молитвами, намъ удалось возвратить нашего отца изъ рукъ смерти, а эти господа....

Изъ спальни выбѣжалъ маршалъ де-Брезé, и почти кричалъ: — Отецъ Леонъ! отецъ Леонъ!

Кармелитъ поспѣшилъ въ спальню.

— Кончается, сказала шопотомъ вся толпа гостей почти въ одно слово.

Отъ этого шопотъ былъ такъ громокъ, что умирающій вздрогнулъ и открылъ глаза, которые уже не глядѣли. Неподвижные зрачки наводили ужасъ: казалось, они испытывали въ послѣдній разъ общественное мнѣніе.

Отецъ Леонъ преклонилъ колѣна у изголовья и тихо спросилъ: — Государь! узнаете ли вы меня?

— Да, мой отецъ, едва слышно отвѣчалъ отходящій.

— Хотите ли принять послѣднее разрѣшеніе?

— Да, еще слабѣе прошепталъ Ришліё.

— Вамъ трудно говорить. Постарайтесь собрать въ душѣ вашей чувства христіанскаго покаянія и смиренія, и, въ знакъ того, что вы дѣйствительно раскаяваетесь во всѣхъ грѣхахъ и порокахъ прошедшей жизни, пожмите мнѣ руку.

Ришліё сдѣлалъ усиліе и нѣсколько разъ пожалъ руку отцу Леону, который, давъ ему послѣднее разрѣшеніе и благословивъ мощами, поднесъ крестъ къ губамъ кардинала. Но Ришліё уже не могъ сложить поцѣлуя: глаза помутились; холодный потъ возвѣстилъ приближеніе кончины. Кардиналы, епископы, аббаты, маршалы, придворные и слуги герцога, наполняли нѣсколько комнатъ. Когда епископъ шартрскій и отецъ Леонъ стали читать отходную, вся толпа громко зарыдала: можно сказать, весь дворецъ вдругъ заплакалъ; слуги забыли свои мѣста и бросились въ спальню, но вошли туда въ то самое мгновеніе, когда отецъ Леонъ, закрывъ глаза кардиналу, поцѣловалъ его въ чело и, обратясь къ предстоящимъ, сказалъ глухимъ голосомъ:

— Если кто изъ васъ былъ для покой-

наго дороже меня, пусть замкнетъ уста. Изъ уваженія, я не осмѣлюсь.

Но и никто не осмѣлился. Началось безмолвное, церемоніальное прощаніе. Канцлеръ, Мазарини, Шавиньи, де-Нойé, подошли первые. Колоколъ возвѣстилъ о событіи, и весь Парижъ какъ-будто проснулся отъ тяжелаго сна, какъ-будто самъ вырвался изъ рукъ смерти. Мрачныя, пустыя улицы вдругъ оживились; кареты поскакали во весь опоръ; пѣшеходы бѣгомъ спѣшили другъ другу сообщить такое извѣстіе, къ которому, казалось бы, всѣ могли и привыкнуть и приготовиться въ теченіе пяти дней. Королева вошла съ веселою улыбкою въ кабинетъ короля. Людовикъ заплакалъ и сказалъ:

— Вы потеряли врага, я и Франція друга и опору. Но.... да будетъ святая воля Его! — Королева, вы подарили Франціи двухъ прицевъ: пора вамъ быть королевой Французовъ, а не инфантой Испанской, не австрійской принцессой.. Посмотрите: вы въ траурѣ! Вспомните, что королева-мать, Марія Медичи, умерла въ изгнаніи, потому что не умѣла умѣрить честолюбія и заглушить въ сердцѣ своемъ страсти къ Италіи.

— Государь!....

— Королева! я остался на этомъ свѣтѣ для того только, чтобы похоронить

кардинала и приготовить Францію къ другой потерѣ....

Людовикъ остановился. Королева, упавъ передъ нимъ на колѣни, цѣловала его руки и обливала ихъ слезами. Король поднялъ ее и, поцѣловавъ въ лобъ, сказалъ неравнодушно: — Будто и при *немъ* мы не могли жить счастливо?

— Да здравствуетъ король! раздался крикъ съ площади, покрытой толпами ликующаго народа.

— Глупцы! сказалъ король, схвативъ шляпу; на внутреннемъ дворѣ онъ сѣлъ въ карету, и черезъ садъ уѣхалъ одинъ въ свой сенъ-жерменскій монастырь.

ГЛАВА XX.

УТОПЛЕННИКЪ.

— Отставили! тебя отставили! кричала Марія д'Орбиньи. Король тебѣ не довѣряетъ?

— Король не соглашался, но Мазарини былъ при немъ неотлучно: этотъ коварный предатель и соблазнитель въ два часа завладѣлъ свободнымъ сердцемъ Людовика, и, когда Шавиньи объявлялъ желаніе Ришліё, я стоялъ у спальни королевской. «Что мнѣ дѣлать, mon cousin? сказалъ Людовикъ. Если я соглашусь на эти смѣшныя требованія, на эти повели-

тельныя угрозы, онъ умретъ отъ огорченія, а я вижу, что тѣни несчастныхъ ліонскихъ министровъ страшнѣе Марильяка и Монморанси, и не даютъ покою своему палачу. Какъ вы думаете, mon cousin?» — Вы знаете, государь, отвѣчала италіянская лиса, что у меня сердце женское и въ такихъ дѣлахъ всегда болѣе склонно къ милосердію. — «Я узналъ къ удовольствію моему ваше доброе сердце, сказалъ Людовикъ. Назначая васъ своимъ преемникомъ, кардиналъ думалъ только о благѣ Франціи: я это вижу... Пора! пора!... довольно этихъ трагедій, до которыхъ онъ былъ такой охотникъ! Я не отпущу моихъ капитановъ.» — Государь! здѣлайте эту уступку умирающему. Я долженъ быть откровененъ: иначе, не буду достоинъ вашихъ милостей. Всѣ четверо были въ заговорѣ Сенъ-Марса. Я съ умысломъ скрылъ ихъ участіе, но если министру вашего величества сколько-нибудь дозволено думать и о собственной безопасности, то, я долженъ признаться, не только отставка, но и смерть четырехъ капитановъ, необходимы. — «Какъ? еще казнь?» почти закричалъ король. — Послѣдняя, ваше величество: клянусь Богомъ и честью, послѣдняя! Она испугаетъ тѣхъ, которые бы противились благимъ намѣреніямъ ваше-

го величества, а милости, какія мы готовимъ знаменитымъ изгнанникамъ и заключеннымъ тотчасъ послѣ казни, и не въ одинъ разъ, а одна за другою, разувѣрятъ Францію, разсѣютъ опасенія. — «Но кардиналъ не требуетъ ихъ казни,» сказалъ король. — Отставку, ваше величество, на сегодня только отставку, а прочее сдѣлаетъ парламентъ послѣ кончичины моего благодѣтеля. — «Видно, у васъ разсчитано, сказалъ король грустно. Извольте: я подписываю.... неохотно.» Я не остался болѣе ни одной минуты у дверей спальни. Въ залѣ я нашелъ моихъ товарищей. Не успѣлъ я разсказать имъ то, что̀ слышалъ, какъ сверху сбѣжалъ маршалъ де-Брезе́, и объявилъ намъ королевскую немилость. «Это я вамъ сказалъ по должности, прибавилъ маршалъ; теперь скажу по дружбѣ: спасайтесь!.... хотятъ вашей жизни.» — Мы поспѣшили васъ увѣдомить, и....

— И что́ потомъ? спросила Марія. Вспомните о Джудитѣ, вспомните о бѣдной Эвелинѣ; посмотрите на этихъ невинныхъ героевъ, готовыхъ отмстить за несчастную мать. Я знала обо всемъ, д'Орбиньи; я приготовилась на ужасную охоту, и, если вамъ не угодно, мы втроемъ отправимся на сенъ-жерменскую до-

рогу, и кардиналъ Мазарини не будетъ преемникомъ кардинала Ришліе.

— Да, это наше намѣреніе, Марія, сказалъ д'Орбиньи, обнимая мстительную Италіянку. Вотъ, господа капитаны тебѣ разскажутъ, какой мы составили планъ. Недалеко отъ нашего замка, въ небольшомъ помѣстьѣ своемъ, живетъ королевскій врачъ, старикъ, къ которому Мазарини нерѣдко ѣздитъ за совѣтами. Теперь его повезли къ умирающему кардиналу. Помѣстье старика на Сенѣ, не будетъ пол-ліё отъ Парижа. Мы заѣзжали, но не нашли ни живой души: всѣ поселяне пошли въ Парижъ смотрѣть на пріѣздъ кардинала въ деревянномъ домѣ. Мазарини, какъ узнали мы, ѣздитъ къ нему всегда по четвергамъ, иногда и по вторникамъ, въ каретѣ, одинъ и въ свѣтскомъ платьѣ. Сегодня вторникъ, и...

— Ѣдемъ! сказала Марія. Если бы Сенъ-Марсъ былъ рѣшительнѣе, не видать бы ему ліонскаго эшафота!... Ѣдемъ!

Охотники долго гонялись за дичью въ окрестностяхъ замка. Къ-вечеру они завидѣли деревушку, цѣль своего путешествія. Улицы были полны народу: поселяне пировали и веселились.

Но мы должны возвратиться къ прошедшей субботѣ. Поселяне ловили рыбу. Старый врачъ, ихъ господинъ, съ утра,

еще уѣхалъ въ Сенъ Жерменъ по требованію короля. Въ Парижѣ, по рѣкѣ, примѣтно было необыкновенное движеніе; слышенъ былъ колокольный звонъ, который продолжался во весь день. Около полудня, по теченію, несло лодку: подъ чернымъ ея бокомъ плыло что́-то похожее на человѣка; на шеѣ у него виднѣлась веревка; конецъ ея перекинутъ былъ въ лодку; онъ изрѣдка помогалъ руками лодкѣ плыть шибче и держался на водѣ съ необыкновенною ловкостью; силы его примѣтно истощались; на слабый крикъ его, поселяне бросились въ лодки и вытащили на берегъ страннаго пловца. Къ другому концу веревки былъ привязанъ порядочный булыжникъ. Незнакомецъ не могъ говорить отъ усталости: горло его вспухло; глаза его были на-выкатѣ; вода струилась съ волосъ и платья; онъ страшно озирался, отплевывался и отхаркивалъ воду, и безпрестанно хватался за грудь.

— А что́! сказалъ Гильіомъ: отнесемъ его къ старику. Онъ скоро вернется, а, пока, Маргарита его обогрѣетъ, уложитъ въ теплую постель, дастъ ему чего-нибудь: вѣдь и она нынче смѣкать стала.

— Еще бы!.... старый жидъ и молодой волокита всему злому научатъ! сказалъ другой поселянинъ.

— Ну-ка, ребята! берите-ка рыбу!

— Куда? хриплымъ голосомъ простоналъ несчастный.

— Недалеко! Вонъ домишко съ красными ставнями.

На встрѣчу неожиданнымъ гостямъ выбѣжала прелестная молодая дѣвушка. На ней былъ синій шерстяной корсетъ, зашнурованный спереди, красная шерстяная юбка съ черною внизу оборкой: два плетеные гарусные конца сбѣгали изъ-за пояса внизъ по юбкѣ; тонкая рубашка съ широкими рукавами была украшена длиннымъ пришивнымъ воротникомъ въ складкахъ. Въ рукѣ она держала мужскую полу-шляпу, какую тогда носили окрестные поселяне, безъ различія пола.

— Что́ случилось? что́ случилось? спрашивала она съ безпокойствомъ.

Ей разсказали.

— Что́ вы! что́ вы! покраснѣвъ сказала Маргарита. Въ умѣ ли вы?.... Молодой человѣкъ, и безъ батюшки, вдвоемъ со мной, подъ одной крышей, когда мнѣ запрещено выходить на крыльцо послѣ захожденія солнца и разговаривать съ вами?.... Какъ хотите, не могу! Помочь, чѣмъ угодно́, я рада и готова, но въ домъ не пущу.

— Такъ и не нужно! отвѣчалъ Гильіомъ. Направо въ ворота!.... ко мнѣ!

— А я принесу травъ! сказала поспѣшно Маргарита.

— Не нужно!.... отваливай'.... Видно, у тебя сегодня карета будетъ.

— Такъ что̀ жъ, что будетъ? отвѣчала Маргарита, покраснѣвъ до ушей. Мало ли каретъ у насъ бываетъ?

— Да не такія,.... знаемъ мы васъ! говорилъ Гильіомъ, унося въ домъ свой незнакомца. Видишь! будто мы ужъ такъ просты и не знаемъ, что̀ парикъ что̀ шапочка, что̀ Мазарини что̀ Ришліё... Знаемъ, знаемъ, матушка'.... и дочекъ своихъ запираемъ, когда завидимъ гербовую карету, а на ко̀злахъ Ромуальда.

Больной уже лежалъ на спокойной койкѣ, но услышавъ послѣднія слова Гильіома, судоржно сталъ вздрагивать и выпучивъ глаза, водить вокругъ страшнымъ взглядомъ.

— Спасибо, ребята! сказалъ Гильіомъ, когда товарищи положили на мѣсто больнаго, раздѣли и начали расходиться; онъ заперъ двери на щеколду, и сѣлъ возлѣ незнакомца.

— Слушай, ты, кто̀ бы ты ни былъ! сказалъ Гильіомъ. Веревочку на тебя вѣрно надѣлъ какой-нибудь изъ кардиналистовъ. Ты, пожалуй, изъ страху не скажешь.... Ну, такъ я тебѣ скажу. Не бойся: вотъ и все тутъ!

Гильіомъ всталъ, принесъ теплое молоко, приготовленное дочерью, и принялся деревяннымъ черпаломъ вливать его въ горло незнакомца. Больной откашливалъ мокроты съ бо̀льшею легкостью, свѣжѣлъ, и къ-вечеру заснулъ.

Проснулся.... Темно!.... холодъ смертельный!... дождь стучалъ въ мелкія стекла оконъ, и навелъ новый, спасительный сонъ. Проснулся.... утро!... здоровъ: только опухоль не отошла отъ горла. Незнакомецъ всталъ, обошелъ весь домъ: ни живой души! Холодъ опять загналъ его на койку. Тамъ пролежалъ онъ до вечера, безъ сна и пищи; къ-ночи зимній дождь завелъ свою скучную пѣсню: незнакомецъ уснулъ; но, несмотря на перину, которою его покрыли, легкая изморозь разбудила его. Днемъ онъ замѣтилъ, гдѣ у хозяина сушеные прутья, гдѣ очагъ, и незнакомецъ, вставъ и дрожа, вытеръ огня и затопилъ дымный каминъ. Не прошло четверти часа, на улицѣ послышался лошадиный топотъ, вслѣдъ затѣмъ раздались голоса: кто-то постучался въ окно.

— Эй! послушай, добрый человѣкъ! говорилъ всадникъ: впусти насъ въ избу обогрѣться.

— Да не заперто, господа, милости просимъ! сказалъ незнакомецъ, накинувъ

на себя перину и присѣлъ въ углу комнаты. Чортъ ихъ возьми! пускай обогрѣются. Можетъ-быть, что нибудь объ нихъ и отъ нихъ узнаю.

Вошли четыре капитана королевской гвардіи.

— Право, господа, сказалъ Дюбюи, мы напрасно сдѣлали такой ужасный крюкъ. Сюда, не только аббатикъ, но, я думаю, и волкъ не заходитъ!

— Въ самомъ дѣлѣ, куда они дѣвались?.... Ни въ одномъ домѣ огня! Для поселянъ, это слишкомъ поздно.

— Послушай, любезный, спросилъ Дюбюи, примѣтивъ въ углу незнакомца: куда дѣвались ваши?

— Я не здѣшній. Меня принесли сюда больнаго, положили въ постель, покрыли, и ушли. Вотъ третій день наступаетъ: ни одной души въ деревнѣ.

— Вѣрно, пошли смотрѣть, какъ принесли кардинала въ Парижъ въ деревянномъ дворцѣ.

— Нѣтъ, милостивый господинъ: это было въ пятницу ночью, а теперь, я думаю, вторникъ....

— Вторникъ?.... Господа! кажется, аббатикъ по вторникамъ изволитъ заглядывать. Не обождать ли его?

— Спѣшить нечего, сказалъ д'Орбиньи. Да и аббатику теперь не до загородныхъ

поѣздокъ. У короля нѣтъ любимца; кардиналъ на-исходѣ: такъ теперь ему нельза сидѣть опустивъ руки.

— Такъ когда же? спросилъ Дюбюи.

— Въ слѣдующій вторникъ, отвѣчалъ д'Орбиньи.

— Слово, господа?

— Слово!... А, пока, поѣдемъ ко мнѣ въ зâмокъ. Тамъ по-крайней-мѣрѣ есть стѣны, рвы, и, можетъ-быть, посовѣстятся открытой силой.... А мы проведемъ между-тѣмъ пріятную недѣлю.

— Прекрасно, д'Орбиньи! А мы, пока, будемъ имѣть время поучиться у твоей жены по-италіянски.

— Только, пожалуста, не учите моей Маріи французской любезности! отвѣчалъ д'Орбиньи, улыбаясь: помните, что у каждаго изъ васъ есть....

— И не одна, и не одна, д'Орбиньи! со смѣхомъ сказалъ Дюбюи. Только, если намъ не удастся перевести изъ Лувра на тотъ свѣтъ....

Д'Орбиньи толкнулъ Дюбюи, поглядывая въ уголъ.

— Ну, что̀ жъ! сказалъ Дюбюи. Непріятель осмотрѣнъ: надо приготовить тайные ходы, и.... за дѣло! Право, намъ веселѣѐ было подъ перпиньянскими пушками нежели въ этой столичной засадѣ.... Ѣдемъ!

— Ѣдемъ!.... Свѣтаетъ.

И капитаны, не сказавъ ни одного слова незнакомцу, вышли изъ комнаты, сѣли на коней, и отправились въ путь.

Больной съ особеннымъ безпокойствомъ прислушивался къ стуку копытъ и къ отдаленному эху, которое издали добѣгало отъ нихъ по воздуху, захваченному легкимъ утреннимъ морозомъ. На дворѣ свѣтало; каминъ пылалъ. Незнакомецъ, убѣдясь, что всадники уѣхали, принялся не ходить, а бѣгать по комнатѣ, размахивая руками.

— Онъ трусъ!.... онъ отдастъ мнѣ Сару за эти четыре головы!.... Надо только осмотрѣться въ этой деревнѣ.

И Гойко сталъ растягивать и просушивать свое платье, которое, въ первую ночь какъ захватило его морозомъ, еще и до сихъ-поръ не могло совершенно просохнуть. Прошло около часу. Гойко былъ совсѣмъ одѣтъ. Солнце поднялось, и чудный зимній день какъ-будто радовался на небесахъ и любовался на самаго себя. Гойко вышелъ на улицу, и примѣтилъ во всей деревнѣ страшную пустоту. Кое-гдѣ, по грязи, съ одной стороны на другую, перебѣгали дѣти; изрѣдка, изъ оконъ, ихъ журили старухи. Господскій домъ стоялъ ближе къ нему; но ставни, двери и ворота были заперты.

— Зѣвать и медлить нечего!.... Но что̀ подумаютъ?.... я безъ мантіи и безъ шляпы.... Что̀ дѣлать! слава Богу и за то! Каталонцамъ было некогда, а то бы въ этотъ разъ я не отдѣлался такъ дешево.... Дай Богъ здоровья, что башмаки оставили!

Гойко вошелъ на крыльцо и постучался въ двери.

— Кто̀ тамъ? закричалъ женскій голосъ.

— Ну, Самуилъ, что̀ ты отвѣтишь? подумалъ Гойко, и онъ отвѣчалъ: — Больной, сударыня, за лекарствомъ пришелъ.

— Батюшки дома нѣтъ.

— Что̀ нужды! И вы меня вылечите!

— Вы думаете?

— Увѣренъ. Вы были такъ добры, что сами изволили мнѣ обѣщать и травъ и лекарствъ, а ваши поселяне вытащить меня изъ воды вытащили, да такъ и бросили; три дня ничего не ѣмъ, только мерзну.

— Боже мой! такъ ты тотъ утопленникъ? сказала Маргарита, отворяя двери. Войдите, обогрѣйтесь, покушайте.... и сейчасъ домой!.... потому что если батюшка....

— Не бойтесь, не бойтесь! онъ меня не застанетъ.

Гойко вошелъ въ довольно обширную и опрятную комнату, освѣщенную трехъ-

свѣтильникомъ и пылавшимъ каминомъ. Маргарита приставила къ камельку огромныя кресла съ подушками, и сама исчезла. Гойко усѣлся и началъ медленно разсматривать комнату. Одинъ уголъ былъ убранъ оружіемъ разнаго роду. Гойко задрожалъ всѣмъ тѣломъ, указывая обѣими руками въ уголъ. Маргарита, въ самое это время, вбѣжала съ блюдомъ холодной телятины.

— Что̀ съ вами? спросила она, уронивъ блюдо.

Гойко, не перемѣняя положенія рукъ, медленно поднялся со стула и подошелъ къ оружію.

— Оно!... оно! закричалъ онъ: я не ошибся.

И Гойко сорвалъ съ стѣны два ножа въ драгоцѣнныхъ футлярахъ. Маргарита вскрикнула и бросилась къ дверямъ; но Гойко̀ однимъ прыжкомъ догналъ ее, обхватилъ, и сказалъ тихо, страшно: — Одно слово, Маргарита, и васъ не станетъ! Успокойтесь лучше, и соберите ваши силы. Вы должны меня выслушать.

— Вы меня погубите, страшный незнакомецъ....

— Можетъ-быть, можетъ-быть!... Ваша жизнь въ рукахъ вашихъ. Повиновенія и прямыхъ отвѣтовъ: мнѣ больше ничего не нужно! Кто̀ вашъ отецъ?

— Не знаю.

— Какъ!

— Онъ не отецъ мнѣ... я никогда не видала отца.... Матери не помню.... мнѣ кажется, этотъ портретъ, что̀ у него въ спальнѣ, похожъ на меня, и потому, иногда глядя въ зеркало, мнѣ сдается...

— Покажите его, покажите! закричалъ Гойко, схвативъ трехъ-свѣтильникъ и вглядываясь въ черты Маргариты....

— Пойдемте, сказала Маргарита, безъ особеннаго страху, но съ какимъ-то любопытствомъ разсматривая выразительное, одушевленное лицо Гойко.

Они вошли въ небольшую комнату. Въ углу стояла кровать съ высокими занавѣсками; кругомъ, на полу и на полкахъ, расположена была дорогая аптекарьская посуда; на узкомъ простѣнкѣ, гдѣ нельзя устроить полокъ, висѣло нѣсколько дурныхъ гравюрокъ и небольшой портретъ, писанный однако же масляными красками, безъ рамокъ и покрытый на палецъ пылью. Гойко рукою старался расчисчить лицо и затрепеталъ: онъ смотрѣлъ, то на Маргариту, то на портретъ, и заплакалъ....

— Что̀ съ вами? сказала Маргарита, подхвативъ подсвѣчникъ, который уже падалъ изъ рукъ Гойко.

— Дочь моей матери! завопилъ онъ,

и, со слезами жарко обнялъ Маргариту.

— Братъ?... вы братъ мой?... Въ самомъ дѣлѣ, и въ васъ есть сходство.... Братъ?...

— Постой, Маргарита, постой! Нѣтъ ли другихъ доказательствъ?... нѣтъ ли...

— Нѣтъ ничего, кромѣ этой догадки, этого ужаснаго портрета, и когда меня ласкаетъ батюшка, когда онъ разнѣжится, мнѣ приходитъ на умъ портретъ: и на сердцѣ такъ тяжело!...

— Постой, Маргарита. Гдѣ его бумаги? гдѣ его вещи?

— Что̀ ты хочешь дѣлать?

— Не спрашивай, Маргарита. Пройдетъ часъ, другой, тогда уже будетъ поздно: я отомщу за нее, за себя, за тебя, за мою жену... за всѣхъ!... за все!... Тогда поздно будетъ думать о вещахъ и бумагахъ; тогда надо будетъ спасаться, бѣжать. Говори Маргарита: гдѣ его вещи и бумаги?

— Право, я никогда ничего не видала. Но вотъ за этой дверью его врачебная мастерская. Можетъ-быть, тамъ....

— Ключъ!

— Съ нимъ, и онъ никогда никого туда не пускаетъ.

Гойко толкнулъ ногой дверь и только тогда догадался, что она желѣзная.

— Здѣсь, здѣсь, съ восторгомъ ска-

залъ онъ: здѣсь всѣ его вещи!... Топоръ!

— Помилуй!... Всѣ сосѣди сбѣгутся.

— Правда, сестра! У тебя соображеніе наслѣдственное, фамильное... Постой! нѣтъ ли у тебя какой нибудь мантіи и шляпы?

— Есть. Но какъ мнѣ звать тебя?

— Маркизомъ, пока; просто маркизомъ.

Маргарита посмотрѣла съ недовѣрчивостью на его платье. Гойко улыбнулся.

— Ну, не хочешь маркизомъ, зови купцомъ Филиппомъ ліонскимъ.

Изумленіе ея возрастало.

— Не хочешь, такъ называй просто Самуиломъ Гойко.

— Маркизъ де-Кокъ! съ ужасомъ сказала маргарита: маркизъ де-Кокъ!... О тебѣ по церквамъ приговоръ читали: и отецъ твой былъ такъ радъ, такъ веселъ! «Наконецъ онъ найдетъ свое мѣсто, сказалъ онъ, потирая руки: или его повѣсятъ, или мы уже не увидимся!» Я тогда не могла понять его радости; но теперь.... Какіе ужасы!

— Ужасы! А что́, если я разскажу тебѣ....

И въ нѣсколько мгновеній Маргарита узнала всѣ тайны своего семейства, всю глубину пропасти, надъ которой стояла.

— Такъ это не сынъ его друга? сказала она прерывающимся голосомъ и блѣднѣя.

Гойко схватилъ ея руку и на ухо прошепталъ:

— Кардиналъ Мазарини.

Маргарита безъ чувствъ упала на грудь брата.

ГЛАВА XXII.

РОДСТВЕННИКИ.

Молотъ Гойки мѣрно стучалъ въ желѣзныя двери лабораторіи, въ ладъ съ колокольнымъ звономъ церкви, которая стояла весьма въ близкомъ сосѣдствѣ съ домомъ господскимъ. Замо́къ не подавался долго; наконецъ что́-то въ немъ лопнуло. Гойко усилилъ удары, и дверь отворилась. Ставни по-прежнему были заперты. Блѣдная, совершенно измѣнившаяся въ лицѣ, Маргарита свѣтила Самуилу. Когда они вошли въ лабораторію, радость Гойки была непомѣрна: онъ на-

шелъ многія драгоцѣнныя вещи, нѣкогда ему принадлежавшія; нашелъ нѣсколько кошельковъ съ золотой монетей; наконецъ открылъ механическій ящикъ: Гойко не ломалъ головы какъ отворить его: ударъ молота, и щепки далеко отскочили по угламъ комнаты, оставивъ на полу кипу бумагъ и еще золото. Съ жадностію пересматривалъ кладъ свой Гойко: больше десяти расписокъ въ полученіи отъ Аббенъ-Гассана денегъ взаймы на извѣстные сроки. «Пригодятся' прошепталъ онъ, и отложилъ къ прежней добычѣ.» Еще бумага... непонятная. Еще бумага графа Роспильози .

— Осемь тысячь ливровъ, закричалъ Гойко: осемь тысячь ливровъ обѣщано за мою мать! — Боже великій! продолжалъ онъ. Маргарита! ты дочь графа Роспильози ! Ты украдена отцомъ моимъ изъ Неаполя, и графъ знаетъ объ этомъ. Абенъ-Гассанъ, не получая своихъ денегъ, укралъ тебя и хранилъ, вмѣсто залога.... Изабелла! несчастная Изабелла! ты въ Неаполѣ!.... Сестра! ѣдемъ!

— Ѣдемъ, сказала Маргарита такъ равнодушно, что Гойко съ невольнымъ изумленіемъ посмотрѣлъ на нее.

Она сидѣла на полу въ безчувственности, сложивъ руки на колѣняхъ. Слезы

сами собой струились по блѣдному лицу; глаза были неподвижны.

— Что́ съ тобой? спросилъ Гойко.

— Ничего, также отвѣчала Маргарита. Ѣдемъ, вотъ и всё тутъ!.... А какъ онъ хорошъ!.... и будетъ министромъ!.... и женится на какой-нибудь принцессѣ!...

— Кто́? съ досадой и смѣхомъ спросилъ Гойко. Онъ не можетъ жениться: онъ кардиналъ..... понимаешь ли?.. . Да и думать объ немъ перестань! Черезъ два три дня и его убьютъ!

— Убьютъ!

Маргарита вскочила съ-мѣста.

— Убьютъ? кричала она: кто́?..... когда?..... за что́?

— Въ нѣсколько дней я такъ отсталъ отъ дѣлъ, Маргарита, что рѣшительно не могу тебѣ отвѣчать на эти вопросы: знаю только, что его поджидаютъ въ этой деревнѣ.

Маргарита улыбнулась, стала спокойнѣе, разспрашивала брата обо всѣхъ подробностяхъ его жизни. Время было зимнее: скоро и день прошелъ, смерклось, и Гойко, сложивъ всѣ деньги, драгоцѣнности и бумаги въ огромный мѣшокъ, ушелъ, съ намѣреніемъ припрятать сокровище гдѣ-нибудь по-сосѣдству, приготовить временное убѣжище для себя и

Маргариты, и прійти за нею въ слѣдующую ночь.

Маргарита съ какою-то радостью смотрѣла на уходящаго Гойко.

— Я успѣю все сдѣлать, говорила она: Я успѣю спасти его и спастись.

И какъ только Самуилъ исчезъ изъ виду, Маргарита, накинувъ старый плащъ Абенъ-Гассана и надѣвъ свою шляпу, которая ничѣмъ не отличалась отъ мужской, бѣгомъ умчалась изъ деревни.

Была середа, какъ читатель самъ знаетъ по разсчету. Въ Парижѣ никто не спалъ. Маргарита, безъ особенныхъ затрудненій, отъискала домъ Мазарини. Толпа льстецовъ смѣнялась толпою искателей: кардиналъ не успѣвалъ благодарить и придумывать ничего незначащія фразы. «Ришліё еще живъ, думалъ онъ. Конечно король обѣщалъ меня сдѣлать министромъ, обѣщалъ кардиналу, въ присутствіи, всей Франціи; но мѣсто любимца можетъ быть занято сегодня, и все потеряно.» Въ сѣняхъ, Швейцарцы равнодушно смотрѣли на приливъ и отливъ толпы. Имъ было приказано не затруднять приходящихъ докладами. Всѣ хвалили доступность новаго владыки, и Маргарита, вмѣстѣ съ другими, вошла въ пріемную залу.

Не видя средствъ протѣсниться къ Ма-

зарини, она закричала: — Джуліо! Джуліо! тебя хотятъ убить!

Испуганная толпа раздалась, и Маргарита, потерявъ плащь между гостями, въ костюмѣ поселянки подбѣжала къ кардиналу, схватила его за руку, и сказала: — Ахъ, какъ ты хорошъ, Джуліо, въ этомъ нарядѣ!.... Да! я и забыла, зачѣмъ пришла!.... Послушай, Джуліо! не ѣзди къ намъ въ деревню по четвергамъ и вторникамъ: тамъ тебя поджидаютъ разбойники, хотятъ убить....

Но она не могла уже говорить долѣе. Оглушенный неожиданнымъ появленіемъ Маргариты, Мазарини долго не могъ опомниться; но, нѣсколько ободрясь и успокоясь, онъ сказалъ съ лаской:

— Дочь моя, что̀ съ тобой?... кто̀ ты?.. откуда? какія причины твоего несчастія?

— Кто́ я?... откуда?.... Ты меня не узнаешь, Джуліо?.... Правъ, правъ мой несчастный братъ! правъ Гойко!

— Жидовка! раздалось въ толпѣ.

— Да! онъ мнѣ говорилъ, какъ ты обольстилъ и покинулъ Джудиту; онъ мнѣ разсказывалъ, какъ ты искалъ погибели Эвелины.

— Вонъ съумасшедшая! закричалъ кардиналъ.

— Съумасшедшая?

Маргарита расхохоталась.

— Тебя подкупили мои враги, продолжалъ Мазарини.

— Подкупили?.... враги? съ дѣтскимъ смѣхомъ повторила Маргарита.

— Но эта дерзость не останется безъ наказанія!

— Онъ убьетъ меня! закричала Маргарита отчаяннымъ голосомъ: онъ убьетъ меня!

И, быстрѣе серны, она выпрыгнула изъ залы.

— Ловите ее! закричалъ Мазарини, но пока Швейцарцы получили его приказаніе, пока его поняли, Маргарита уже исчезла въ грязныхъ и темныхъ улицахъ Парижа.

Давно ожиданная вѣсть прекратила аудіенцію.

— Кардиналъ-герцогъ отходитъ! сказалъ кто-то, и всѣ разбѣжались.

На другой день, къ-вечеру, деревня Маргариты наполнилась людьми. Крики веселія и пѣсни раздавались во всѣхъ сосѣднихъ домахъ: только одинъ господскій домъ былъ и пустъ и унылъ. На крыльцѣ сидѣла Маргарита въ глубокомъ унынiи.

— Что́ ты это, Маргарита, не радуешься? сказалъ Гильіомъ: кардиналъ умеръ!

— Умеръ?... умеръ?... совершилось!... Слушайте, слушайте: теперь я могу ска-

зать все; теперь моя тайна не повредитъ Мазарини.... Слушайте: я вамъ все разскажу.

Не прошло нѣсколькихъ мгновеній, крики и пѣсни замолкли: всѣ толпились у крыльца. Маргарита, стоя и странно размахивая руками, разсказывала свою повѣсть, отрывисто, нескладно, мѣшая и путая обстоятельства. Между-тѣмъ Абенъ-Гассанъ, верхомъ, съ тремя слугами, подъѣхалъ къ деревнѣ и, завидѣвъ у дома своего толпу, не зналъ на что́ рѣшиться. Оставивъ лошадь слугамъ, онъ подошелъ къ толпѣ незамѣтно. Вслушиваясь въ слова Маргариты, Абенъ-Гассанъ поблѣднѣлъ.

— Она съумашедшая! закричалъ онъ. Не слушайте ея: она съумашедшая!

Съ этими словами, онъ схватилъ ее за руку и втащилъ въ комнаты. Поселяне давно имѣли подозрѣніе, что Абенъ-Гассанъ — колдунъ. Несвязная исповѣдь Маргариты еще болѣе ихъ въ томъ убѣдила. Они разбѣжались и ожидали издали чего-нибудь страшнаго, чудеснаго. Мѣжду-тѣмъ Абенъ-Гассанъ, заперъ двери и таща за руку Маргариту, спѣшилъ въ мастерскую. Увидѣвъ разбитую дверь, разграбленное сокровище, онъ сломалъ руку Маргариты. Пронзительный крикъ испугалъ его. Невыразимый страхъ

овладѣлъ злодѣемъ: онъ схватилъ Маргариту за другую руку, а самъ, взявъ мѣшокъ съ горючими веществами, сталъ ихъ разбрасывать въ разныхъ углахъ, потомъ привязалъ за ноги несчастную къ кресламъ, и зажегъ домъ. Сначала крики Маргариты, потомъ и пламя, которое пробивалось сквозь ставни, возбудили вниманіе жителей. Они медленно, нерѣшительно, приближались къ дому. Между-тѣмъ Абенъ-Гассанъ бросился къ окну въ садъ, и сталъ выталкивать ставень. Можетъ-быть, по скорости, онъ дурно привязалъ несчастную; можетъ-быть, и отчаяніе придало ей силы: Маргарита освободила одну ногу и, вмѣстѣ съ креслами, дотащилась до окна. Абенъ-Гассанъ уже перекинулъ одну ногу въ садъ, но за другую, здоровою рукой и зубами, схватилась несчастная.

— Спасите!.... помогите! кричалъ онъ. Она сумашедшая, зажгла домъ: спасите!

Толпа пробилась въ садъ. Пламя распространялось. Изъ толпы кто-то подбѣжалъ къ окну и схватилъ Абенъ-Гассана за обѣ руки. При свѣтѣ пламени, они посмотрѣли другъ другу въ лицо. Абенъ-Гассанъ, въ ужасѣ, рванулся назадъ, не удержался на окнѣ, и упалъ въ комнату. Почти въ то же время огонь охва-

тилъ окно, и весь домъ представился однимъ столбомъ пламени.

— И зачѣмъ ты хотѣлъ спасти этого чародѣя? спросилъ Гиліомъ.

— Чтобы предать казни Божіей и людской отца-злодѣя! отвѣчалъ Гойко и ушелъ спокойно въ ближайшій лѣсъ къ общему изумленію и ужасу зрителей.

— Видишь, это чортъ приходилъ! сказалъ Гильіомъ: взялъ душу, и поминай какъ звали!.... Вотъ тебѣ и колдовство!

ГЛАВА XXIII.

СПОКОЙНАЯ СМЕРТЬ.

Тотчасъ послѣ смерти кардинала-герцога, Мазарини заѣхалъ домой, чтобъ переодѣться и отправиться въ Лувръ, куда всѣмъ министрамъ приказано было немедленно собраться. Не успѣлъ старый кардиналъ закрыть глазъ, какъ уже новый имѣлъ цѣлый полкъ клевретовъ, приверженцевъ, слугъ, наушниковъ и тому подобныхъ людей. Они наполнили залу доступнаго владыки еще до его пріѣзда. Мазарини зналъ всѣхъ по прежнимъ отношеніямъ, и потому безошибочно могъ

судить о способностяхъ каждаго. Окинувъ взоромъ всѣхъ предстоящихъ, онъ позвалъ Эвоэ въ кабинетъ, и спросилъ: Гдѣ Сара?

— Изъ казначейской покойнаго она переведена во дворецъ вашей эминенціи, но голова уже ищетъ несчастной и намѣревается обратиться къ вамъ съ разспросами.

— Надо, Эвоэ, увезти ее куда-нибудь изъ Парижа. Эта вдова весьма нужна для нѣкоторыхъ слѣдствій.

— Тѣмъ болѣе, отвѣчалъ Эвоэ, что Гойко живъ.

— Живъ? спросилъ Мазарини съ удивленіемъ. Но гдѣ же онъ?

— Есть слѣды, ваша эминенція: онъ былъ вчера въ Парижѣ о полуночи, и заплатилъ двумъ товарищамъ, какъ онъ называлъ, долги своей совѣсти.

— Кто́ эти двое? Зачѣмъ его не схватили?

Эвоэ улыбнулся и отвѣчалъ: — Если бы жиды такъ дешево продавали своихъ благодѣтелей, тогда бы покойный кардиналъ не могъ съ такою увѣренностью на нихъ полагаться.

— Ну, хорошо, хорошо! сказалъ Мазарини, пожимая губы зубами. Куда же мы спрячемъ Сару?

— Не мо́гу придумать.

— Вотъ куда! сказалъ Мазарини весе-

ло, садясь за письменный столъ: къ твоему другу, къ Абенъ-Гассану, въ деревню. Отвези ее съ этимъ письмомъ, и пускай закупоритъ ее вмѣстѣ съ съумасшедшею сестрой Гойка.... Всё родня, проклятая родня! Она меня преслѣдуетъ неутомимо.... Но я никогда еще въ долгу не оставался.... Поѣзжай, для безопасности въ моей каретѣ.

Эвоэ изчезъ. Чрезъ нѣсколько минутъ, Сара и Эвоэ, сѣли въ карету. Эвоэ сказалъ Ромуальду куда ѣхать, и карета покатилась. Но у крыльца стоялъ неизвѣстный: онъ какъ-будто узналъ Сару.

— Это она! шепнулъ онъ, и побѣжалъ въ городъ (Cité).

Эвоэ нѣсколько разъ напоминалъ Ромуальду, чтобы онъ ѣхалъ по-тише, не желая, скоростью возбудить подозрѣній. Минули заставу, или барьеръ, и поѣхали нѣсколько шибче. Съ разныхъ сторонъ, изъ лѣсу, выскочили всадники; лошади въ-мгновеніе были отрѣзаны; изъ кареты вытащили Сару и Эвоэ, искали Мазарини, допрашивали Ромуальда, Эвоэ и Сару, и не вѣрили ихъ показаніямъ. Между-тѣмъ городскіе стрѣлки, поспѣшно посланные за каретой, почти бѣгомъ догнали ее; заслышавъ голоса, они бросились въ лѣсъ, и, осадивъ со всѣхъ сторонъ непріятеля, устроили кругомъ пра-

вильную блокаду. По слову полковника, лѣсъ огласился криками, и нападеніе произведено одновременно со всѣхъ сторонъ. Сраженіе было непродолжительно. Д'Орбиньи отчаянно защищалъ свою жену. Съ другимъ капитаномъ, онъ успѣлъ пробиться сквозь ряды стрѣлковъ, и всѣ трое ускакали. Но дѣти Джужиты и два другіе капитана попались въ плѣнъ. Эвоэ и Сара исчезли. Ромуальдъ, также плѣнникъ, мало заботился о своей судьбѣ, но счелъ за полезное для своего господина умолчать о жидахъ. Привязавъ кое-какъ лошадей къ каретѣ, Ромуальдъ сѣлъ на козлы; капитановъ и дѣтей Джудиты посадили въ карету, и всѣ тронулись въ обратный путь медленно и важно. Дорогой, стрѣлки разговорились съ Ромуальдомъ. Полковникъ увидѣлъ свою ошибку и, зная о заговорѣ капитановъ противъ Мазарини, проклиналъ въ душѣ свою поспѣшность. Освободить ихъ значило бы отправиться за нихъ на висѣлицу; убить свидѣтеля Ромуальда.... на это не рѣшался добрый гражданинъ; лучше, показалось ему, исполнить службу по долгу совѣсти, и карета остановилась у воротъ Бастиліи, плѣнники сданы на руки коменданту, Ромуальдъ съ каретой отпущенъ, а полковникъ отправился съ докладомъ къ головѣ.

Когда стрѣлки съ добычей тронулись съ мѣста сраженія, изъ глубокаго рва тихо поднялась фигура Эвоэ.

— Вставай, Сара! сказалъ онъ тихо! буря миновалась. Но эти тучи могутъ воротиться: вставай, пойдемъ въ деревню!

Едва миновали они лѣсокъ, въ которомъ происходило сраженіе, глаза ихъ поразилъ видъ печальный, но величественный: огненный столбъ дрожалъ посрединѣ деревни и въ сѣромъ небѣ свертывался въ разнообразные завитки, образуя самъ себѣ кудрявую капитель. Путники остановились. Эвоэ сказалъ громко:

— Аббенъ-Гассанъ! который это пожаръ отъ руки твоей?

— Второй и послѣдній! отвѣчалъ Гойко, возвращавшійся, какъ мы уже видѣли, изъ деревни.

Свиданіе съ Сарой было самое нѣжное, самое радостное, разсказъ его — пламенный и красивый: въ немъ не было замѣтно прежнихъ шутокъ, двусмысленныхъ рѣчей, загадокъ. Гойко былъ тронутъ до глубины души судьбою отца и сестры, обрадованъ до восторга возвращеніемъ Сары. Онъ благодарилъ Эвоэ, и, прощаясь на-всегда, надѣлъ ему на руку многоцѣнный перстень.

— Куда же теперь? спросилъ Эвоэ: въ Парижъ?

— Ты хочешь сказать, на виселицу! отвѣчалъ Гойко. Нѣтъ! довольно глупостей надѣлалъ я въ моей жизни. Но Сара и деньги со мной. Франція — не одна земля на свѣтѣ. Мы отправимся въ Италію. Тамъ вся семья наша. Прощай, Эвоэ!

Эвоэ пошелъ по дорогѣ въ Парижъ; Гойко съ женою повернулъ въ лѣсъ; но когда Эвоэ исчезъ изъ виду, онъ вышелъ опять на парижскую дорогу, повернулъ около стѣны налѣво, и чрезъ Италіянскую Заставу, вмѣстѣ съ Сарою, проскользнулъ на предмѣстіе.

Долго ходили они изъ переулка въ переулокъ. Гойко посвистывалъ и терялъ уже терпѣніе. Далеко раздался отвѣтный свистъ; сигналы повторились; Сара дрожала. Раздался третій свистъ, и знакомые намъ два клеврета Эвоэ сошлись съ Гойкомъ на перекресткѣ, не весьма далеко отъ Новаго Моста.

— Ну что̀, ребята? спросилъ Гойко.

— Что́! отвѣчалъ незнакомецъ, одѣтый купцомъ: я достерегъ Сару, когда ее сажали въ карету, увѣдомилъ о томъ голову; послали стрѣлковъ: тѣ пошли и привезли Богъ-знаетъ кого, а Сару и Эвоэ упустили.

— Нѣтъ, нѣтъ, любезный другъ! и Сара есть, и Эвоэ у Мазарини. Все въ

порядкѣ. Но, дѣти, надо еще узнать, кого захватили стрѣлки. Послѣдняя услуга и большая награда!

— Такъ вы будете ночевать у меня?

— Не ночевать; а отдохнуть, пожалуй... Есть ли у васъ бумага? Мнѣ надо написать себѣ кое-что̀, ради безопасности.

— Все есть. Ступайте вотъ съ нимъ, а я, покуда, къ церкви Святаго Антонія.

Не прошло получаса, жидъ возвратился и разсказалъ въ подробности, кто̀ плѣнники. Гойко ударилъ себя по лбу и топнулъ ногою.

— Что̀ съ тобой, Самуилъ? спросили всѣ трое.

— Еще опасность! отвѣчалъ Гойко: еще долгъ!.... Прощайте!

Ни слезы Сары, ни просьбы товарищей не удержали его: Гойко ушелъ.

Полковникъ между-тѣмъ докладывалъ головѣ о послѣдствіяхъ своей экспедиціи. Голова примѣтно былъ недоволенъ, и, когда полковникъ окончилъ докладъ, тотъ сказалъ сухо: —Благодарю. Ступайте съ Богомъ.

Оставшись одинъ, голова не могъ успокоиться: распоряженіе его сдѣлалось причиною ареста людей, которые должны избавить Францію отъ новаго временщика.... Пусть лучше бы женщина оста-

лась въ рукахъ!.... Но онъ не успѣлъ окончить размышленія: на крыльцѣ стрѣлки съ кѣмъ-то спорили и не впускали. Голова отворилъ двери и сказалъ разсѣянно:

— Кто́ тамъ?... Поди сюда!

Вошелъ Гойко.

Голова задрожалъ при видѣ еще одного плѣнника, который добровольно пришелъ на казнь, и поспѣшно захлопнулъ двери.

— Ты живъ?... Ты безумецъ! ты ищешь насильно смерти!... Спасайся! Я тебя не видалъ.... Ступай!

— Знаю, знаю, отвѣчалъ Гойко: кто́ же васъ увѣдомитъ, что вы погубили дѣтей Джудиты?

— Какъ?... что́?...

— Они въ Бастиліи.

— Не правда! Тамъ четыре капитана.

— Два только, господинъ голова и двое дѣтей Джудиты. Зачѣмъ вы отпустили ихъ въ за́мокъ Орбиньи? Они погибнутъ прежде времени.

— Да, если не осталось довольно времени спасти ихъ... Пойдемъ!

Ворота бастильскаго за́мка отворились передъ градоначальникомъ. Комендантъ, старый солдатъ, пожалованный въ офицеры за смерть графа Соассонскаго, еще не

спалъ. Передъ нимъ стоялъ гонецъ отъ Мазарини. Солдатъ съ трудомъ складывалъ буквы посланія, потому что не болѣе двухъ или трехъ недѣль какъ сталъ онъ учиться читать.

— Чортъ возьми, какъ они пишутъ!... Ступай, скажи, что будетъ исполнено.

Гонецъ ушелъ, но его смѣнилъ голова.

— Здравствуйте, почтенный воинъ сказалъ онъ, входя въ комнату.

Солдатъ, по привычкѣ, всталъ и оставался въ почтительномъ положеніи.

— Садитесь, садитесь, господинъ комендантъ. Прикажите запереть двери: дѣло мое требуетъ тайны.

— Слушаю-съ.

Комендантъ пошелъ самъ запереть двери, но въ нихъ уже стоялъ старшій тюремщикъ Трусс́о.

— Что́ тебѣ надо? спросилъ комендантъ.

— Въ нижней палатѣ, что́ за разбой и воровство съ насиліемъ...

— Ну?

— Мясникъ Ла-Рошъ подрался съ Испанцемъ Калифорно....

— Ну?

— Не успѣли разнять: оба издохли.

— Ну?

— Да вотъ пришелъ доложить: хоронить ли ихъ, или — что̀ такой дрянью старое кладбище начинять?... и такъ тѣсно! Не прикажете ли того... ихъ въ Сену?... или вывезти?

— Погоди, подумаю. А ты, пока, мертвецовъ изъ палаты убери, чтобы примѣру дурнаго не было... Пошелъ!

Голова не могъ не улыбнуться, и сказалъ: — У васъ чрезвычайно много дѣла, господинъ комендантъ.

— Пропасть, господинъ голова! бездна! Я, знаете.... вамъ самимъ извѣстно.... старый драгунъ: съ Гаръ-Піономъ, подъ капитаномъ Вальеролемъ въ Италіи, на всемъ скаку въ цѣль стрѣляли... Важно, знаете, господинъ голова! Два пистолета, двѣ пули: что имъ даромъ въ карманахъ лежать? Вѣдь сраженіе, такъ ужъ, какое ни есть оружіе, все должно свой долгъ править. Вотъ, мы и скачемъ; саблей еще не дохватишь, такъ сабли и не трогай: а пистолеты на что?... Пали!... пифъ! убилъ!... пафъ! убилъ!... А тогда саблей сѣно коси. Двое убито: на десятерыхъ страхъ найдетъ... Ну, мы руку и набили. Другіе сабли подтачиваютъ: пустяки. Лишь-бы рука была тяжела. А мы съ Гаръ-Піономъ пистолеты осматриваемъ. Такъ что̀ тутъ за диво? Вамъ самимъ извѣстно: графъ впе-

реди скакалъ, а мы на встрѣчу! Вотъ я... пифъ!... какого-то солдата убилъ. Пафъ ... графъ съ лошади долой. А наше-то дурачье — *браво! браво!* — и прочая. Вотъ меня въ офицеры, въ коменданты небольшой крѣпостцы, изволили назначить. Тамъ хорошо было. Нѣтъ! ужъ пошло на милость: сюда старшимъ сторожемъ приставили. Чортъ возьми, и работы пропасть и скользко! Вотъ посмотрите: новый кардиналъ пишетъ ко мнѣ, къ старому солдату. Ну, сами подумайте, господинъ голова: просто каторга, галеры!

Опять вошелъ Труссо.

— Ну, что тамъ опять?

— Капитанъ Дюбюи отъ ранъ умеръ.

— Это ужъ другой!... Ну, господинъ голова, право, у васъ теперь знатный порядокъ! Бывало, мы съ Гаръ-Піономъ шутки шутимъ: станемъ въ переулкѣ за уголъ, и табакъ понюхиваемъ... Не прикажете ли?

Голова съ вѣжливостью принялъ предложеніе и понюхалъ табаку.

— Стрѣлки идутъ: мы ихъ, знаете, изъ-за угла, какъ пугнемъ, такъ кто въ лѣсъ, кто по дрова!... Кончено! всѣ по домамъ попрячутся. А нынче съ самыми храбрыми гвардейскими капитанами поцарапались и двухъ взяли.

— Только двухъ?

— Да тамъ еще есть двое, да простые охотники мадамъ д'Орбиньи, дрянь. А капитаны, правду сказать, на славу дрались: вотъ оба умерли! Ну, Труссо́, что дѣлать?... Умеръ, такъ умеръ! Ужъ какъ хочешь, а капитановъ похорони съ воинскою честью.

— Помилуйте, господинъ комендантъ! да какъ же мы въ замкѣ-то похоронимъ съ воинской честью?

— Дуракъ!.... не умничай! Ты только приготовь тѣла къ погребенію, а я ужъ завтра самъ знаю, что сдѣлаю. Ну, нѣтъ ли еще чего? Что́ маршалъ Бассомпіеръ.

— Пишетъ.

— Видно, завѣщаніе... Да напрасно! Кардиналъ умеръ, такъ его теперь на казенный счетъ въ Бастиліи держать не будутъ.... Ступай!... Вотъ такъ цѣлую ночь, господинъ голова: и каждую ночь! А днемъ начальство смотрами да тайнами мучитъ. Вотъ и эта записка не безъ тайны. Прочтите, пожалуйста. Вы стараго солдата не продадите.

Голова взялъ записку и прочелъ слѣдующее:

«Достойный герой! Сегодня попались къ вамъ въ руки четыре преступника. Они посягали на мою жизнь. Я имъ про-

щаю; но, вы знаете, наши законы неумолимы. Король приказалъ назначить коммиссію и судить злодѣевъ. Довольно публичныхъ казней: я не желалъ бы торжественныхъ наказаній на Гревской Площади, и еще за меня; гораздо было бы лучше, если бъ они умерли въ темницѣ отъ ранъ, всѣ четверо и немедленно, я счелъ бы это особеннымъ счастіемъ.»

Голова положилъ записку и значительно поглядѣлъ на коменданта.

— Ну! сказалъ старый драгунъ: желаніе добраго кардинала вполовину исполнилось, два капитана умерли отъ ранъ, а этой дряни судить не станутъ.

— Вы не поняли кардинала, сказалъ голова. Онъ совѣтуетъ вамъ убить въ тихомолку и другихъ двухъ, и донести мнѣ и моимъ старшинамъ, что они скончались отъ ранъ.

— Убить? закричалъ комендантъ, стукнувъ по столу кулакомъ, и ругательства посыпались изъ устъ достойнаго героя: убить въ тихомолку?

— Позвольте, не горячитесь: я вамъ подамъ спасительный совѣтъ. У васъ въ палатѣ, за разбой, простой порядокъ: изъ списка вычеркнуть, и въ Сену. Такъ ли?

— Кажется, такъ.

— А государственнымъ преступникамъ есть и другой списокъ и другія правила. Вотъ что вы сдѣлайте. Тѣхъ господъ изъ списка велите вычеркнуть, и напротивъ напишите собственноручно — «Брошены въ Сену», а тѣла ихъ, вмѣстѣ съ капитанскими, прикажите предать землѣ сейчасъ, и напишите ко мнѣ рапортъ, что всѣ четверо умерли отъ ранъ, кардиналу же только одно слово: «Исполнено».

— Ну?

— А! этихъ двухъ молодцовъ отдайте мнѣ.

— Какъ?... сплутовать?... Вы, господинъ голова, предлагаете сплутовать мнѣ, старому драгуну, который вмѣстѣ съ Гаръ-Піономъ, подъ капитаномъ Вальеролемъ...

— Да! перебилъ голова съ горячностью: да!... потому что это — несчастныя и невинныя дѣти капитана Вальероля.

— Какъ?

— Они называются Джакомо и Джироламо делла-Порта, прижиты съ Джудитой Ваоли, въ Вальтелинѣ.

— Такъ, такъ, господинъ голова! въ свою очередь прервалъ комендантъ. Я это лучше васъ знаю, и хотя Гаръ-Піонъ утверждалъ, будто у капитана съ Джудитой дѣло чисто, однако жъ я всегда

подозрѣвалъ.... Труссо! Труссо!... Позовите Труссо!

— Что вы хотите дѣлать? спросилъ голова.

— Медлить опасно. Хочу приказать...

— Сдѣлайте милость, прикажите подать себѣ ключи отъ ихъ темницы, а покойниковъ вывезти и похоронить по указанію городскаго начальства.

Комендантъ слѣпо и во всемъ повиновался головѣ: онъ написалъ по собственнымъ словамъ мудраго градоначальника рапортъ въ ратушу о смерти четырехъ преступниковъ, поименовавъ, вмѣсто мясника и Испанца, двухъ Депортовъ. Передъ утромъ уже, съ величайшею тайною, голова, и дѣти Джудиты, вышли изъ замка. Гойко разсказывалъ солдатамъ анекдоты и грѣлъ руки надъ горшками съ горячимъ угольемъ.

— Пойдемъ! сказалъ голова, и когда они далеко отошли отъ тюремнаго замка, голова остановился и оглянулся.

Никого кругомъ не было.

— Спасайтесь! сказалъ голова. Гойко, я не измѣнилъ тебѣ. Окажи мнѣ послѣднюю услугу: спрячь этихъ несчастныхъ до-поры до-времени.

— Простите, благодѣтель! сказалъ Гойко, упавъ въ ноги достойному сановнику. Я ихъ отвезу къ матери.

— Къ матери! вскрикнули оба. Нѣтъ, мы останемся въ Парижѣ: на насъ теперь лежитъ двойной долгъ мести!

Дѣти мои, вы ужъ отомщены?... Вѣрьте старику, вѣрьте моей любви къ доброму городу Парижу, вѣрьте клятвѣ!

— Но мы обѣщали матери.

— Все знаю, прервалъ голова. Это воля Джудиты: повинуйтесь! Именемъ Джудиты, я вамъ приказываю повиноваться. Пріймите мое благословеніе, и съ Богомъ!

Гойко, примѣтивъ, что голова достаетъ деньги, удержалъ его руку.

— Благодѣтель! я опять сталъ богатъ.

И онъ вкратцѣ разсказалъ головѣ всѣ происшествія, которыя такъ недавно и такъ неожиданно съ нимъ случились.

На-зарѣ уже собесѣдники распрощались: до восхожденія солнца, Гойко съ женою и два сына Джудиты оставили Парижъ, верхомъ, въ платьѣ охотниковъ.

Такимъ образомъ всѣ главныя дѣйствующія лица моей повѣсти уѣхали изъ Франціи въ исходѣ 1642 года. Для меня это особенно пріятно: я съ дѣтства не любилъ Парижа и обожалъ Италію. Съ особеннымъ удовольствіемъ переношу мѣсто дѣйствія въ страну любимую; но

позвольте проститься съ Мазарини, къ которому поздно въ вечеру, на слѣдующій день, пріѣхалъ городской голова съ двумя старшинами.

Мазарини сидѣлъ въ своемъ старомъ кабинетѣ, въ тѣхъ же креслахъ; но уже безъ прежней беззаботности и всегдашней улыбки: казалось, воздухъ перемѣнился въ этой роскошной обители италіянскаго аббатика. Вода по-прежнему смѣнялась въ драгоцѣнной ваннѣ; дорогія благовонія смиренно покоились въ дорогихъ сосудахъ, но уже не наполняли воздуха гордымъ запахомъ. Обои въ ротонду были отдернуты: въ ней царствовали пустота и тишина. На столѣ, гдѣ дотого не видно было ни одного лоскутка грубой дѣловой бумаги, лежали груды тетрадей; на полу разбросаны были кипы книгъ, относящихся къ французскому законодательству; не было свободнаго мѣста въ прекрасномъ кабинетѣ. Кардиналъ съ печальной улыбкой глядѣлъ на пламя, пожиравшее уголья, и невольно перевелъ глаза на зеркало, висѣвшее надъ каминомъ: «Время, пламя... пламя и время — братья-близнецы!... Ты упало на меня, тягостное ярмо!... драгоцѣнности, тебя украшающія, умножаютъ только твою тяжесть. Я добивался этой почетной неволи... И сколько зави-

стниковъ! И стóитъ ли защищать обладаніе этимъ недугомъ, мукой, ежеминутной горячкой власти и опасности?...»

Луи доложилъ о пріѣздѣ нашихъ знакомцевъ.

— Опять! сказалъ громко кардиналъ. Проси.

Вошелъ городской голова съ двумя старшинами. Мазарини ихъ встрѣтилъ у порогу, со всѣми признаками уваженія. Размѣнялись привѣтствіями, усѣлись, голова началъ:

— Вашей эминенціи не безъизвѣстны печальныя происшествія послѣдней ночи. Смерть кардинала-герцога возбудила различныя чувствованія въ добрыхъ гражданахъ Парижа. Желая сохранить общественное спокойствіе, я разослалъ по всѣмъ предмѣстіямъ сильные отряды городскихъ стрѣлковъ, поручивъ имъ бдительный надзоръ за порядкомъ и благочиніемъ. Одинъ изъ нихъ, будучи увѣдомленъ о нападеніи, произведенномъ на карету и людей вашей эминенціи, поспѣшилъ на помощь и захватилъ четырехъ преступниковъ, посягавшихъ на жизнь вашу.

Мазарини невольно улыбнулся, и отвѣчалъ:

— Я вижу въ этомъ случаѣ вышнее

покровительство и благодарю Парижскую Божію Матерь постомъ и молитвой.

— Несомнѣнно, продолжалъ голова: несомнѣнно! Дальнѣйшія обстоятельства утверждаютъ насъ еще болѣе въ мысли, что Богъ никогда не оставляетъ несчастныхъ. Всѣ четыре преступника, по донесенію коменданта, не могли перенести мученій совѣсти и тѣлесныхъ страданій, и, одинъ за другимъ, умерли отъ ранъ и душевнаго безпокойства.

— Неужели? спросилъ Мазарини съ притворнымъ, и не довольно искуснымъ, удивленіемъ; но губы его обличали сильную радость.

— Я счелъ обязанностью сообщить вашей эминенціи содержаніе донесенія.

— Прочтите, прочтите... Это право удивительно!

Голова началъ читать:

«Извѣстно вамъ, почтенному господину головѣ купечества и старшинамъ города Парижа, что вчера, въ часъ по полудни, полковникомъ Леша сданы на мои руки четыре преступника, безъ описи и весьма пораненные. Посему, допросивъ, я записалъ ихъ имена и званія въ книгу и распредѣлилъ, кого къ какому разряду отнести и причислить. Первый капитанъ гвардіи его величества, маркизъ де-Лернъ, скончался на-мѣстѣ отъ ранъ въ сорокъ

пять минутъ втораго часу; второй, также капитанъ гвардіи его величества, Дюбюи, умеръ при перевязкѣ ранъ въ два часа семь минутъ; а остальные два прожили еще до утра, но, несмотря на всю опытность и усердіе врачей, скончались одинъ ровно въ семь, а другой въ осемь часовъ утра. Сіи два при допросѣ объявили, что они поклялись отмстить за честь своей матери кардиналу Мазарини кровью и смертью и, не достигнувъ цѣли, предаютъ его проклятію. Имена ихъ — Жакъ и Жеромъ Депорты.»

— Дѣти мои! невольно вскричалъ Мазарини, вскочивъ съ креселъ.

Смертная блѣдность покрыла лицо его: онъ снова упалъ въ кресла. Слезы и рыданія тронули голову и старшинъ: они подошли къ кардиналу, но тотъ не могъ сказать сло́ва. Прошло нѣсколько мгновеній: Мазарини не много успокоился, и голосомъ, прерывающимся отъ плача́, сказалъ головѣ: — Эта единственная шалость молодаго офицера, я думаю, будетъ преслѣдовать меня до гроба.... Боже! Боже!.... дѣти мои!... я самъ умертвилъ васъ!

И снова слезы и рыданія. Министра какъ-будто и не бывало: передъ изумленными сановниками плакалъ и рыдалъ отчаянный отецъ. Вдругъ лицо его

будто прояснилось: онъ весь оживился, всталъ, подошелъ къ налою, преклонилъ колѣна, и сталъ молиться непрерывно. Судьба великаго министра Франціи, какъ извѣстно изъ многихъ историческихъ книгъ, была незавидна; но молитва укрѣпляла его въ продолжительныхъ и разнообразныхъ несчастіяхъ. Нравы его не исправились, правда; и привычка, и властолюбіе, все противилось перерожденію Мазарини: все такъ; но нерѣдко государственные секретари ожидали его выходу далеко за полночь: онъ молился у того же налоя, въ далекой и уединенной молельнѣ, за дѣтей Джудиты!

ГЛАВА XXIV.

ЛІОНАРДО.

Недалеко отъ Флоренціи, на богатой виллѣ Пальфи красивый палаццо неожиданно оживился прибытіемъ хозяевъ и не многихъ, дорогихъ, гостей. Вальероль, Эвелина, Джудита, Альфредъ Дени, Гаръ-Піонъ съ Бертой, заняли почти весь дворецъ. Пуссенъ остался во Флоренціи и обѣщалъ, пока пробудетъ въ тосканской столицѣ, навѣщать виллу Пальфи по-чаще. Марія считала себя побѣдительницею Мазарини, видя всѣхъ дорогихъ ея сердцу внѣ всякой опасности. Гости рас-

полагали съиграть свадьбу на виллѣ, и потомъ уѣхать въ Сондріо, въ собственный домъ Ваоли. Но свадьба со дня на день отлагалась, по причинѣ неожиданной болѣзни Джудиты. Болѣзнь эта была совершенно особаго и страннаго разряда: врачи полагали, что это родъ сомнамбулизма, потому что больная, во снѣ, безъ сна, вставала съ постели съ обыкновенною бодростью здоровой женщины и во всѣхъ углахъ искала чего-то. Пытались съ нею и разговаривать въ этомъ положеніи; но Джудита, на всѣ вопросы, отвѣчала однимъ словомъ — « Тайна! » и продолжала свои поиски, часто въ сосѣднихъ домикахъ, гдѣ жила прислуга, въ саду, въ полѣ. Утомленная, она возвращалась въ постель, и не сонъ, а какое-то безпамятство падало на красные глаза. Всѣ очередовались, и у постели недужной всегда былъ кто-нибудь на-часахъ. Вальероль почти не отходилъ отъ изголовья страдалицы, особенно когда замѣтилъ, что случайное его удаленіе возвращало ей память, чувства и поиски возобновлялись. Опасенія врачей оправдались: странный недугъ смѣнился сильной, но прерывчатой горячкой. Въ первомъ ея пароксизмѣ открылась и тайна болѣзни: она называла себя дѣто-убійцей. Казнь ихъ представлялась ей такъ живо,

съ такими страшными подробностями, что одинъ разстроенный разсказъ ея наводилъ на слушателей ужасъ. Искусство врачей восторжествовало надъ опаснымъ недугомъ, но мученія совѣсти не миновались: они смѣнились только духовнымъ покаяніемъ, постоянной и теплой молитвой. Отецъ въ Парижѣ, а мать во Флоренціи, оплакивали взаимныя преступленія.

Прошло немало времени. Подъ-вечеръ пріѣхалъ Пуссенъ съ венеціянскимъ купцомъ Ліонардо. Оба были чрезвычайно веселы, и когда всѣ, даже больная Джудита, сошлись въ залу для принятія гостей, не возможно описать всеобщаго изумленія: въ богатомъ венеціянскомъ костюмѣ, передъ удивленными зрителями стоялъ маркизъ де Кокъ! Разспросамъ не было конца.

— Я не смѣлъ и подумать, сказалъ Вальероль: чтобы ты успѣшно могъ воротиться изъ такого опаснаго путешествія.

— Э! господинъ капитанъ, Богъ благословилъ! И я долженъ признаться, что такого счастливаго путешествія мнѣ никогда не удавалось сдѣлать. Мы, ради безопасности, должны были ѣхать на Седанъ, а оттуда не медля переѣхали во владѣнія голландской республики. Драго-

цѣнности, которыя я успѣлъ возвратить изъ рукъ моего отца, проданы въ Голландіи ужасною цѣною, такъ, что въ дальнѣйшій путь я ужь долженъ былъ пуститься съ обозомъ. Но куда? .. Я зналъ, что путь по Рейну не безопасенъ, что въ Вестфаліи конгресъ: я воспользовался всѣми этими обстоятельствами, и въ Венеціи, куда мы пріѣхали послѣ трехъ мѣсяцевъ и двадцати дней утомительнаго путешествія, смѣло могъ назвать себя богачемъ; а съ золотомъ, человѣкъ — вездѣ достойный гражданинъ. Я, какъ сами видите, венеціянскій купецъ, и отправляюсь путешествовать по разнымъ городамъ Италіи, чтобы устроить прочныя торговыя отношенія купца Ліонарда со всѣми италіянскими торговыми домами. Во Флоренціи, узнавъ о пребываніи г. Пуссена, я имѣю истинное счастіе еще разъ повидаться со всѣми участниками парижскихъ нашихъ похожденій. Не вижу одного, — моего благодѣтеля и друга, Помпея.

Позвали Гаръ-Піона.

— Тьфу, ты, нечистая сила! сказалъ Помпей, увидѣвъ Гойка. Видно, тебѣ ни висѣть, ни тонуть, ни горѣть!

— Приходилось, братъ, и то и другое и третье, да вотъ Богъ миловалъ. Ну, обними же меня, дорогóй благодѣтель.

— Ладно, ладно! Я радъ твоему счастью, да обнимать жида не приходится.

— Обними человѣка, сказалъ Пуссенъ.

— Я это ужь ему разъ говорилъ, съ улыбкой замѣтилъ Гойко: да онъ мнѣ не вѣритъ.

— Вотъ вздоръ! Вѣрить, пожалуй повѣрю: да, право, какъ-то неловко.

— Да Богъ съ тобой! отвѣчалъ Гойко. Только ужь отъ гостинцевъ, братъ, какъ хочешь, не отказывайся.

— Да на что́ мнѣ?

Всѣ настаивали: Гаръ-Піонъ согласился.

— Да послушай, Помпей! ты лучше присягни: а то, потомъ, какъ станешь отказываться?

Всѣ опять настаивали: Гаръ-Піонъ поклялся усомъ, маршаломъ Шомбергомъ, и капитаномъ.

Гойко вынулъ пукъ бумагъ. Всѣ, не исключая и самого Помпея, глядѣли на эти приготовленія съ любопытствомъ. Развернувъ одну изъ бумагъ, Гойко сказалъ:—Вотъ она! —Потомъ, указывая въ окно, онъ спросилъ:—Видишь лѣсъ? За этимъ лѣсомъ славная дача со скотомъ, съ угодьями и пашнями. Хозяина давно нѣтъ, наслѣдниковъ тоже: она твоя.

— Что́ ты, съ ума сошелъ? закричалъ Гаръ-Піонъ, отступая и покраснѣвъ до ушей.

— У тебя жена есть: я ужь все знаю; да дѣтей не будетъ: не та пора. Такъ, послѣ смерти твоей, дача пойдетъ первородному сыну или дочери г-жи Дени, если Богъ благословитъ ихъ потомствомъ.

— Слышь ты, дьяволъ! закричалъ Помпей, отирая слезы: право не выдержу!

Гойко не обращалъ на него вниманія, и продолжалъ, обратясь ко всему обществу: — Вчера я продалъ великому герцогу алмазъ дорогой цѣны. Мнѣ онъ почти ничего не стоилъ: подарокъ случая; цѣна его — въ этомъ мѣшечкѣ — на обзаведеніе моему благодѣтелю Помпею!

Гаръ-Піонъ не выдержалъ и ушелъ; но скоро возвратился и сказалъ: — Кончишь ли ты?

— А вотъ сейчасъ: послѣдній гостинецъ. Солдату не приходится имѣть помѣстій: такъ я тебя, именемъ великаго герцога, жалую въ капитаны. Насилу досталъ продажное мѣсто, безъ службы. Вотъ тебѣ и бумага. Ну, я кончилъ.

— Поколотилъ бы я тебя, транжира! отвѣчалъ Гаръ-Піонъ, обоими кулаками отирая слезы, но Гойко его не слушалъ и подошелъ къ Джудитѣ, которая, въ глубокой задумчивости, казалось, не обращала вниманія на трогательный разсчетъ благодарнаго друга.

— Объ чемъ вы думаете, милостивая

госпожа? Въ бурѣ несчастій вы были такъ веселы, цвѣли какъ роза; а теперь, когда минули тучи....

Джудита посмотрѣла на него дико, возвела глаза къ небу, и стала молиться.

— За кого? спросилъ Гойко значительно.

— За невинныхъ мучениковъ, за дѣтей моихъ....

— Хороши мученики! отвѣчалъ Гойко съ обычной своей коварной улыбкой: посмотрѣли бы вы на нихъ теперь!.... Господи, какіе молодцы!

Джудита схватила его за руку. Все общество окружило Гойка. Вопросы смѣшались.

— Я не могу понять во всѣхъ вашихъ рѣчахъ ни слова, сказалъ Гойко. Вѣрно, мой другъ Депортъ пустилъ это утѣшительное извѣстіе.

— Я читала его во французской газетѣ.

— Такъ, вѣрно, Депортъ нарочно для васъ напечаталъ это извѣстіе.

— Гойко! сказала съ достоинствомъ Марія: эта шутка едва ли простительна! Подобныя утѣшенія оскорбительны..... Они погибли.

— Я былъ въ Парижѣ, и они могли погибнуть! Я видѣлъ, какъ вы сражались съ городскими стрѣлками и они мог-

ли погибнуть!.... Я могъ погибнуть, синьора, но не дѣти Джудиты!

— Гдѣ же они? закричали всѣ, кромѣ Пуссена, который, во все продолженіе обѣихъ сценъ, сидѣлъ одинъ въ углу и улыбался.

— Гдѣ они?.... Вопросъ затруднительный! Четыре мѣсяца тому назадъ, они были въ Парижѣ, въ Бастиліи; потомъ, весьма недавно, въ Тріестѣ....

— Наконецъ? опять закричали всѣ.

— Помилуйте, господа! Я такъ много выдержалъ допросовъ, что ужь никакъ не надѣялся, въ кругу друзей, удостоиться такой пытки. Они въ безопасности: кажется, довольно!

Но это не успокоило гостей и хозяевъ. Гойко медлилъ отвѣтами, мѣшалъ дѣло съ пустяками. Радость Джудиты, непомѣрная, безумная радость, мало-помалу превратилась въ тихое удовольствіе, въ благодарную молитву. Когда спокойствіе совершенно возвратилось въ больное сердце, Гойко подошелъ къ окну и спросилъ съ видомъ опасенія:

— Смеркается.... что у васъ, безопасно около Флоренціи? не слышно разбоевъ?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Вальероль: во всей Италіи тихо и спокойно; только между Римомъ и Неаполемъ, да вообще въ Аб-

руццахъ, толпы разбойниковъ попрежнему....

— Жаль; а мнѣ непремѣнно надо въ Неаполь. Развѣ моремъ?.. Ага! ѣдутъ!

Между-тѣмъ Джудита подошла къ Гойкѣ и стала разспрашивать снова о дѣтяхъ.

— Я полагаю, что вы скоро ихъ увидите, отвѣчалъ Гойко: они располагали пріѣхать вчера во Флоренцію, и сегодня вечеромъ....

— Пріѣхали! пріѣхали! закричала Джудита, и въ великолѣпномъ портикѣ поочередно обнимала, то одного, то другаго сына.

Когда все объяснилось, Джудита упала на колѣни передъ Гойкомъ, но венеціянскій купецъ Ліонардо принималъ уже нравы своей новой отчизны: поднявъ почтительно Джудиту и усадивъ ее въ кресла, Гойко просилъ составить общій совѣтъ, назначить день свадьбы, но такъ, чтобы онъ, въ продолженіе этого времени, могъ съѣздить въ Неаполь и освѣдомиться о своей матери. Пуссенъ также обѣщалъ пріѣхать къ тому времени изъ Рима. Счастіе воцарилось въ многочисленномъ семействѣ друзей и сострадальцевъ; но еще оставалось одно облако, и его уже не могъ разогнать Гойко. Джудита не могла безъ разводной выйти за-мужъ за

Вальероля. Въ качествѣ автора, я могъ бы разрѣшить и это обстоятельство, къ удовольствію читателей, но историческая вѣрность — девизъ моего сочиненія.

ГЛАВА XXV.

ДРУЖЕСКАЯ УСЛУГА.

Пуссенъ полюбилъ венеціянскаго купца Ліонардо и взялъ его съ собой въ Римъ. Едва ли когда кто́-либо изъ художниковъ удостоился такого блистательнаго пріема, какимъ встрѣтили Пуссена Римляне. Шпіоны были посланы во Флоренцію, и, узнавъ день и часъ его отъѣзда, поспѣшили въ Римъ. Далеко за городомъ встрѣтили Пуссена почти всѣ художники, многія важныя лица, вельможи, даже кардиналы. Въ городъ всѣ шли пѣшкомъ; улицы покрыты были на-

родомъ; изъ всѣхъ оконъ висѣли разноцвѣтные ковры; дамы были въ праздничныхъ уборахъ: домъ, гдѣ жилъ Пуссенъ, убрали, отъ земли до крыши, цвѣтами; комната жены Пуссена походила на модный магазинъ, по множеству и изяществу подарковъ, присланныхъ ей отъ знакомыхъ и незнакомыхъ лицъ въ день пріѣзда мужа. Всѣ величали его титулами, пріобрѣтенными имъ во Франціи; многіе выдумывали свои собственные, называли его « Возстановителемъ искусствъ», « Освободителемъ вкуса », « Побѣдителемъ варваровъ, » и такъ далѣе. Съ трудомъ онъ могъ освободиться отъ посѣтителей и поздравленій. Наконецъ, оставшись одинъ въ своемъ семействѣ, онъ невольно вспомнилъ о своемъ попутчикѣ, но никто не могъ сказать, куда купецъ дѣвался. Драгоцѣнные товары Ліонардо, тщательно уложенные въ два небольшіе ящика, спокойно лежали въ повозкѣ, которую черезъ часъ притащила чернь, и, осыпавъ цвѣтами, поставила передъ окнами Пуссена. Гаспаръ помнилъ, что до самой Испанской Площади Ліонардо не отставалъ отъ нихъ, но тутъ, вѣроятно, встрѣтилъ знакомаго и разговорился. Гаспаръ не ошибся: на Испанской Площади, орлиные глаза Гойка открыли въ далекой толпѣ зна-

комую физіономію. Не броситься на добычу тотчасъ — значило потерять ее навсегда, и Гойко не безъ труда пробрался къ дорогому знакомцу и почтительно ему поклонился. И страхъ и радость блеснули на лицѣ Депорта: онъ не зналъ, на что рѣшиться; но Гойко разрѣшилъ недоумѣніе, и, взявъ его за руку, спросилъ съ свѣтскою развязностью и равенствомъ: — Давно ли въ Римѣ? Каково поживаете?

Тонъ и одежда Гойка смутили нѣсколько Депорта, но необходимость заставила его отвѣчать ласково, и когда обычныя привѣтствія кончились, Гойко простодушно сказалъ Депорту: — Послушайте, г. Депортъ: гдѣ у васъ тутъ, въ Римѣ, надежныя гостинницы? Я ожидаю моихъ товаровъ и боюсь римскаго воровства.

— Ахъ, любезный другъ! отвѣчалъ Депортъ: да чего лучше?.... вотъ гостинница Чернаго Орла передъ носомъ.... Зайдемъ.

— Вы здѣсь и живете?

— Да.... пока. Я не рѣшился, гдѣ поселиться. Въ Римѣ скучно: хочу, сегодня или завтра, отправиться куда-нибудь...

— Каково г. Депортъ, здѣсь идетъ ваша школа?

— Школа?.... живопись?.... Вотъ глу-

пости!.... Стану ли я заниматься такими пустяками! Пора отдохнуть отъ трудовъ. Только еще не избралъ мѣста. Хочу ѣхать въ Комо или Венецію.

— Въ Венецію, г. Депортъ !.... къ намъ, къ намъ, въ Венецію.

«Ну такъ въ Неаполь!» подумалъ Депортъ, и оба вошли въ гостинницу.

Возлѣ квартиры Депорта отыскались пустыя двѣ комнаты и для Гойка, и онъ тотчасъ принялъ ключъ отъ новаго жилища.

— Послушайте, г. Депортъ: не худо бы намъ сегодня вмѣстѣ пообѣдать.

— Не могу. Меня приглашали сегодня два кардинала. Я не обѣщалъ, но всё... однако жъ....

— Э! помилуйте, г. Депортъ! такъ что́ же васъ можетъ удерживать?.... Ко мнѣ, ко мнѣ!.... И самая пора!

Депортъ нѐ-хотя согласился. Усѣлись за столъ въ комнатахъ Гойка. Слуги старались рачительно угостить венеціянскаго купца и подали обѣдъ роскошный. Гойко не удостоилъ даже отвѣдать римскаго вина: полилось испанское. Замѣчательно, что до-сихъ-поръ ни одинъ, ни другой не начинали говорить о Франціи и тамошнихъ своихъ похожденіяхъ: какъ-будто тамъ и не встрѣчались; но когда вино нѣсколько воспламенило со-

бесѣдниковъ, Гойко, замѣтивъ, что Депортъ сталъ и хвастливѣе и разговорчивѣе, осторожно, слегка завелъ рѣчь о Парижѣ.

— Какъ вы насъ всѣхъ перепугали, г. Депортъ, своимъ неожиданнымъ отъѣздомъ! Мы думали, что сообщники Сенъ-Марса спрятали васъ въ какомъ-нибудь отдаленномъ замкѣ или даже услали въ Испанію.

— Вотъ вздоръ какой!

— Но согласитесь: не видя причинъ...

— Да какія тутъ нужны причины? Украли жену, дѣтей, воспитанницу; могли расхитить достояніе, для котораго я трудился такъ долго.... расхитить, разграбить.... Нѣтъ! у меня все было уже давно обдумано: я ждалъ только благопріятной минуты, и они сами подали мнѣ средства спокойно уѣхать изъ Франціи.

— Такъ. Но вы не могли захватить всѣхъ богатствъ?

— Ну!... съ меня будетъ.

— Я удивляюсь вамъ, г. Депортъ: какъ это вы рѣшаетесь ѣздить одни съ такими суммами и по такимъ опаснымъ дорогамъ?

— Съ какими суммами?

— Вотъ я купецъ; товары мои теперь въ Неаполѣ; я пришелъ въ Римъ пѣшкомъ; два раза на меня нападали разбой-

ники: кончилось пріятнымъ знакомствомъ, и только Вамъ бы лучше воротиться во Флоренцію: тамъ всѣ пути безопасны; а въ Неаполь, я слышалъ, будто бы посланы за вами люди.

«Врешь, это ты посланъ!» подумалъ Депортъ, и отвѣчалъ громко: — Послушай, Гойко! ты, я вижу, не оставилъ прежняго ремесла; можетъ-быть, даже ты самъ.... Но скажи лучше: сколько тебѣ заплатилъ Мазарини?

—Вижу, отвѣчалъ Гойко, вы сохранили вашу знаменитую проницательность. Но вы не можете подкупить меня.... Напрасно! вы не дадите пяти сотъ ливровъ.

Сейчасъ же, мой другъ! сейчасъ, и ѣду во Флоренцію!.... Но кто́ поручится за твою вѣрность?

— Право, г. Депортъ, вы удивительный человѣкъ: при всей вашей предпріимчивости, трусливы какъ заяцъ! Неужели бы я, узнавъ васъ, пошелъ прямо къ вамъ на встрѣчу и разсказалъ всѣ тайны такого важнаго порученія?.... Что́ мнѣ въ вашей свободѣ?.... Тѣ же пять сотъ ливровъ и безъ грѣха, безъ предательства. Только объ одномъ васъ прошу: не ѣздите въ Неаполь.

— Во Флоленцію! во Флоренцію!... Вотъ твои деньги.... Прощай!

— Куда же это вы, г. Депортъ?

— Я обѣщалъ кардиналу Массими осмотрѣть его библіотеку.

— Такъ вы теперь стали заниматься по ученой части?

— Я никогда не оставлялъ книгъ, но обстоятельства принуждали заниматься пустяками.... Прощай!

Гойко раскрылъ кошелекъ, оставленный Депортомъ: тамъ было только триста ливровъ.

— Обманулъ и.... обманулся! сказалъ Гойко. Но ты не поѣдешь во Флоренцію, и, кажется, мы еще увидимся!

По корридору раздались шаги двухъ или трехъ человѣкъ; за ними, спустя мгновеніе, шелъ кто-то съ особенною поспѣшностью, и, прихлопнувъ двери комнаты Гойка, заперъ ихъ на замокъ и пустился бѣгомъ дальше. Гойко подошелъ къ окну: Депортъ шелъ по площади съ мѣшками и мѣшечками; передъ нимъ два работника несли порядочные сундуки и шкатулки. Гойко отворилъ окно и закричалъ: — До свиданія, г. Депортъ, до свиданія!

— Кто́ это васъ заперъ? сраншивалъ слуга за дверьми.

— Вѣрно, какой-нибудь мошенникъ. Ломай двери!

Это происшествіе встревожило всю гостинницу. Двери выломали, и Гойко,

утверждая, что въ такомъ мѣстѣ жить не безопасно, несмотря на всѣ увѣренія хозяина и слугъ, расплатился и ушелъ въ ту сторону, куда скрылся Депортъ.

Несмотря на всю быстроту своей походки, онъ не могъ открыть слѣдовъ. Было уже и не рано: смерклось, и Римъ освѣтился потѣшными огнями въ честь Пуссену. «Надо и мнѣ зайти къ моему казначею,» подумалъ Гойко, и завернулъ въ домъ Пуссена.

Вся зала, гдѣ совершались многодумныя бесѣды, биткомъ была набита кардиналами, аббатами и художниками; всѣ двери растворены; Пуссенъ переходилъ изъ объятій въ объятія и, по-очереди, остановился противъ Гойка.

— А! Ліонардо! сказалъ Пуссенъ съ улыбкой.

— Позвольте мнѣ сказать одно слово, сказалъ Гойко. Сохраните мои вещи до моего возвращенія изъ Неаполя. На пути не безопасно, а я получилъ такія извѣстія, что не могу медлить ни минуты.

— Съ удовольствіемъ! сказалъ Пуссенъ, и Гойко, не ожидая дальнѣйшихъ объясненій, исчезъ.

═

По дорогѣ изъ Рима въ Неаполь, въ старомъ, полуразрушенномъ домѣ, сидѣлъ Гойко за дубовымъ столомъ, съ видомъ глубокой печали. Платье на немъ было изорвано, соломенная шляпа измята: все обличало бѣдность и несчастіе. Въ углу сидѣло двое дюжихъ и молодыхъ нищихъ. Они пили вино. Хозяйка лукаво на нихъ поглядывала и пожимала плечами, указывая на Гойка. Нищіе расхохотались. Чтобы замять эффектъ этой нѣмой сцѣны; хозяйка обратилась къ Гойкѣ съ грубымъ вопросомъ: — А тебѣ ничего не надо?

— Дай чего нибудь за эти деньги, отвѣчалъ Гойко, показывая на двѣ мѣдныя монеты, которыя лежали передъ нимъ на столѣ, и какъ-будто составляли предметъ его грустныхъ размышленій.

— Можно, можно и на эти деньги быть сытымъ, отвѣчала хозяйка, и принесла тарелку макарони. — Что̀, спросила она, ставя передъ Гойкомъ бѣдное блюдо, лакомство всѣхъ фанатиковъ-почитателей Италіи: видно, тебя доро̀гой обидѣли?

— Пошла прочь, баба! грубо отвѣчалъ Гойко. Грабятъ и еще смѣются.

Гойко говорилъ по-испански, мѣшая, сколько могъ научиться въ короткое время, и италіянскія выраженія, и по-

тому хозяйка не хорошо поняла его рѣчь и опять спросила: — Ограбили?... кто́?... гдѣ?

— Да что̀ тутъ разсказывать! топнувъ ногою, отвѣчалъ Гойко. Ограбили: вотъ и все тутъ!

— Да ты бы взялъ ветурина: у нихъ у всѣхъ паспорты есть.

— Надо было прежде сказать!... Да я на нихъ и не сержусь: добро, лошадь оставили, а деньги всѣ до-тла обобрали. Такъ я съ горя самъ хочу.... Да что̀ тебѣ толковать! Скажи лучше: были сегодня ветурины?

— Нѣтъ, и сегодня и вчера никого не было. Графъ теперь такъ строго сталъ держать путь, что и ветуринамъ не вѣрятъ: все моремъ ѣздятъ.

— Ну! сказалъ громко Гойко: такъ онъ еще не былъ!... Не дай Богъ, если твой графъ прежде меня распорядится.

Нищіе подошли къ Гойку.

— Что́, прохожій, не хочешь ли вина?

— Видишь ли какіе: милостыни просятъ, а сами милостыню подаютъ! Ну, да не вѣкъ же сердиться: давайте!

Выпили.

— Давайте еще! сказалъ Гойко.

Подали, и бесѣда завязалась.

— Что́, прохожій, ты, кажется, къ вину не привыченъ?

— Погодите, погодите! Черезъ часъ, черезъ два, подъѣдутъ и червончики, и бляшки съ камнями, и часики, и перстеньки.... Протрезвимся!... Вотъ этакой сундукъ!... да шкатулки, да мѣшки и мѣшечки! Съ-виду, такой бѣдный! Не обманусь! Если бы двухъ, трехъ товарищей, такъ и бумаги не грѣхъ посмотрѣть: тамъ, я думаю, золотыми буквами написано: — Филиппъ Депортъ, живописецъ короля французскаго».... да!

Гойко продолжалъ размахивать руками и толковать несвязно. Нищіе исчезли. Гойко оглянулся: не было никого кромѣ хозяйки, дремавшей у окна. Онъ всталъ бодро и подошелъ къ хозяйкѣ. Та перепугалась, не ожидая, что такой пьяный такъ скоро протрезвится.

— Сдѣлай дружбу, сказалъ Гойко: отдай эту записочку вотъ тому господину, что́, я чай, наши сейчасъ ограбятъ. Отъ генерала.

Хозяйка тряслась какъ листъ, видя, что оборванный незнакомецъ не пьянъ, говоритъ голосомъ твердымъ, выпрямился, сталъ веселъ, и называетъ сосѣдей *своими*. Послѣднія слова довершили ея испугъ.

— Что́ же ты мяснаго ничего не покушалъ? запинаясь говорила хозяйка.

— Не надо: я сытъ. Ты только отдай записку. Вотъ тебѣ на бѣдность.

И, къ окончательному изумленію и ужасу хозяйки, Гойко сунулъ ей въ руку серебряную монету вмѣстѣ съ запиской, и исчезъ.

— Матерь Лоретская! бормотала хозяйка: такого у насъ еще никогда не творилось. Видно, графъ-генералъ своихъ людей испытываетъ,.. Какого чорта прислалъ?... Плохо, плохо!.,. Видно, мнѣ сегодня опять огня не тушить....

Хозяйка опять усѣлась. Въ небольшой смежной комнатѣ дитя со сна расплакалось. Перепугалась хозяйка, — и съ-просонья, стала кричать:-Рѣжутъ! рѣжутъ! рѣжутъ! — но, опомнясь, она нѣсколько успокоилась и пошла убаюкивать ребенка. Вдругъ раздался стукъ колесъ, и въ комнату вбѣжалъ отчаянный Депортъ. Вслѣдъ за нимъ вошелъ ветурино.

— Катарина! кричалъ послѣдній: чего-нибудь теплаго! Услышавъ голосъ ветурина, Депортъ бросился на него и, схвативъ за горло, сталъ кричать: — Отдай мои деньги, мое богатство, мои камни, мои бумаги!

Ветурино грубо оттолкнулъ Депорта и отвѣчалъ:

— Отдадутъ! Полно глотку драть: все отдадутъ, да еще съ барышами! Я вѣдь знаю генерала. Это молодцы безъ его вѣдома пошалили. Вотъ, какъ пріѣдемъ въ Неаполь, я тотчасъ въ разбойничью контору пойду, подамъ объявленіе, втрое насчитаю. Онъ съ нихъ вздуетъ. Стара штука! Унего порядокъ такой. Да я же, по-счастію, одного молодца и знаю,

— А не къ вамъ ли эта записочка? спросила Катарина. Отъ самого генерала.

— Отъ самого генерала? спросили ночные гости.

Депортъ прочиталъ скоро и громко:

«Не сердитесь, любезный Депортъ. Вы нажили свое богатство также разбоемъ и грабежемъ: оно, по праву, наше. Вы его никогда не получите; но утѣшьтесь: мы въ большой нуждѣ, а у васъ еще остается выгодное средство поправиться. Дайте вашей женѣ разводную, или, лучше сказать, продайте. Она ждетъ васъ съ нетерпѣніемъ близъ Флоренціи, на виллѣ Пальфи. Мы, я думаю, никогда не увидимся: тѣмъ лучше; но вы, безъсомнѣнія, не забудете генерала кондотіеровъ, графа Іоахима.»

— Право, подписано—генерала кондотіеровъ, графа Іоахима! сказалъ ветурино, бросился вонъ изъ избы—и былъ таковъ.

Съ полмили еще Депортъ гнался за бѣглецомъ, но чувства и ноги ему измѣнили: въ изнеможеніи, онъ упалъ на пыльной дорогѣ.

ГЛАВА XXVI.

КОСТИ.

— Я даю слово рѣдко съ намѣреньемъ исполнить! говорилъ Гойко, сидя въ богатыхъ креслахъ у огромнаго круглаго стола, обремененнаго множествомъ плодовъ и молочныхъ кушаній.

Высокія стеклянныя двери въ садъ и на дворъ были растворены, хотя было очень поздно. Глубокій мракъ застилалъ очаровательныя аллеи и цвѣтники. Съ одной стороны слышанъ былъ плескъ фонтановъ, съ другой — бѣготня озабоченной дворни. Безпрестанно, въ портикѣ и га-

лереяхъ двора мелькали фонари, носили свѣчи, стулья, ковры, цвѣты въ горшкахъ и другія принадлежности бала. Въ залѣ, за круглымъ столомъ, сидѣли собесѣдники въ слѣдующемъ порядкѣ: по лѣвую руку Гойка Пуссенъ, за нимъ Джудита, капитанъ Вальероль, Эвелина, Альфредъ, жена Пуссена, капитанъ д'Орбиньи, Марія, Гаспаръ, Джакомо и Джироламо, наконецъ капитанъ Помпей Гаръ-Піонъ. Гойко продолжалъ:

— Но, въ послѣдній разъ, я спѣшилъ исполнить данное слово съ дѣтскою боязнью. Г. Пуссенъ засвидѣтельствуетъ, что я возвратился въ день и часъ его отъѣзда. Поѣздка моя въ Неаполь была очень нужна: матушка моя умерла съ горя, свѣдавъ о несчастной кончинѣ своей дочери; весь домъ былъ неутѣшенъ, графъ въ отчаяніи; никто не смѣлъ и думать о томъ, чтобы предать землѣ обожаемую графиню: всѣ надѣялись на ея оживленіе. Четвертый день проходилъ уже со дня смерти несчастной: духовенство рѣшилось напомнить графу о послѣднемъ долгѣ; но графъ не понималъ чего они хотятъ, и никто не думалъ приступать къ печальному обряду. Я пріѣхалъ весьма кстати. Печаль и разсказъ мой облегчили страданія графа: онъ вышелъ изъ странной грусти, изъ усыпле-

нія, какого мнѣ никогда и нигдѣ не случалось видѣть. Это состояніе графа походило на безчувственное безуміе матери императора Карла Пятаго послѣ смерти эрцгерцога, ея мужа. Сначала я терялъ надежду на его выздоровленіе, но любопытные мои разсказы вливались въ сердце его по каплѣ: я долженъ былъ повторять ихъ по нѣсколько разъ; любопытство спасло разсудокъ, а увѣренность, что дочь его, Маргарита, въ нѣжныхъ лѣтахъ украденная Абенъ-Гассаномъ, умерла совершенно невинною, увѣнчала мои усилія. Но званіе медика удержало меня тремя днями долѣе того срока, какой я предполагалъ себѣ, уѣзжая отсюда. Похороны графини, великолѣпныя, сказочныя, продлили этотъ срокъ еще на два дня. Графъ хотѣлъ, чтобы я остался въ Неаполѣ, но, подъ разными предлогами, я не согласился, тѣмъ болѣе, что самъ собираюсь быть отцомъ: Сара, черезъ двѣ, три недѣли, умножитъ число гражданъ Венеціи; домъ у меня тамъ еще не устроенъ, и я, послѣ вашей свадьбы, то есть, послѣ-завтра, безъ оглядки отправлюсь туда.

— Нѣтъ, братъ! сказалъ Гаръ-Піонъ: вздоръ затѣялъ! А на моей свадьбѣ ты не будешь?

— Да прилично ли тебѣ жениться раньше капитана?

Это замѣчаніе Гойка произвело неожиданное впечатлѣніе на все общество: какъ-будто никому и въ голову не приходило, что, по всѣмъ соображеніямъ, капитану Вальеролю слѣдовало жениться на Джудитѣ; что, иначе, имъ и жить вмѣстѣ не приходилось; и прочая и прочая. Сомнѣнія разрѣшились быстро общимъ приговоромъ. Но Депортъ? но супружескія права его? но правила Церкви? Радость всеобщая смѣнилась грустью, размышленіемъ: всѣ замолкли. Между-тѣмъ на дворѣ послышался разговоръ, который болѣе и болѣе возвышался.

— Гони его прочь: какой-нибудь мошенникъ, бродяга!... А вотъ, дай только палку захватить!

На дворѣ завязалась суматоха, показались фонари, послышались крики; кто-то старался уйти отъ ударовъ и бѣжалъ прямо въ залу: фонари, палки и лица людей, ярко освѣщенныя, гнались за страннымъ гостемъ. Изъ-за стола всѣ встали. Въ залу вбѣжалъ нищій Депортъ. Взаимное удивленіе было неописанно: одинъ Гойко, казалось, ожидалъ этой сцены, подошелъ къ Джудитѣ, и сказалъ тихо:

— Не давайте ему опомниться. Три тысячи ливровъ связали васъ съ этимъ чу-

довищемъ: три тысячи ливровъ васъ отъ него избавятъ!

Джудита не могла рѣшиться вымолвить слова, но Вальероль выступилъ впередъ и сказалъ съ гордостью:

— Г. Депортъ! я передъ вами въ долгу. Король подарилъ вамъ шпагу: мы можемъ расквитаться.....

Депортъ упалъ капитану въ ноги и заговорилъ:

— Богъ наказалъ меня довольно!.... Простите, милостивый государь!.... простите!.... Видите, я нищій!.... Убейте меня.... Уменя разбойники взяли все, и, прежде всего, шпагу!

Капитанъ, съ видомъ презрѣнія и сожалѣнія, отвернулся. На всѣхъ лицахъ были написаны тѣ же чувства.

«Все дѣло испортятъ!» подумалъ Гойко, и, подымая Депорта съ полу, сказалъ ему сухо и отрывисто: — Вставайте! Надо дѣло дѣлать, а не валяться у ногъ. У васъ есть еще права и надежды.— Понизивъ голосъ, Гойко сказалъ ему на ухо:— Молчите: я васъ выручу!

Депортъ нѣсколько ободрился.

— Во-первыхъ, бой не равенъ, продолжалъ Гойко: насъ много, онъ—одинъ; мы— послѣ плотной вечери, онъ, я думаю, съ недѣлю натощакъ. И потому

долгъ состраданія и человѣчества повелѣваетъ поступить слѣдующимъ образомъ:

Гойко снялъ со стола жаренаго фазана, хлѣбъ, и подалъ Депорту.

— Вотъ, станьте у окна и покушайте; а я буду продолжать рѣчь. Конечно, въ этомъ собраніи многіе имѣютъ справедливыя притязанія на господина Депорта. Г. Пуссенъ, синьора Джудита, г. де-Вальероль, г. Дени, г. Гаръ-Піонъ, венеціянскій купецъ Ліонардо, но болѣе всѣхъ Эвелина.

Депортъ будто ничего не слушалъ, и съ жадностью пожиралъ жаркое.

— Но преступленіе господина Депорта не имѣло мѣста. Есть только догадка, не безъ доказательствъ, но требуетъ судебнаго розысканія въ парижской ратушѣ, а потомъ въ парламентѣ.

Депортъ дрожалъ, но ѣлъ.

—Я знаю вашу волю: вы хотите связать г. Депорта, у флорентинскихъ властей испросить конвой, и отправить его во Францію.

Филиппъ уронилъ тарелку и слушалъ какъ вкопанный.

— Послѣдствія несомнительны: позорная смерть! Но съ другой стороны, спрашиваю васъ, господа, какую извлечете вы пользу изъ казни г. Депорта? Будемъ говорить откровенно. Вы, г. де-Валье-

роль, желали бы жениться на синьорѣ Джудитѣ. При живомъ мужѣ этого сдѣлать нельзя: разводъ зависитъ совершенно отъ его воли. Не лучше ли продать ему жизнь цѣною развода?

Депортъ вздохнулъ. Гойко подалъ ему бутылку вина, кубокъ, и продолжалъ:

— Но я долженъ замѣтить, судя по себѣ, жизнь нищаго — та же казнь. Г. Депортъ не продастъ разводной за жизнь безъ приданаго. Подарите ему, на первое обзаведеніе, на разживу. Всё-таки, хоть и по титулу, онъ былъ мужемъ: слава и безчестіе имени наслѣдственны. Три тысячи двѣсти ливровъ на мои руки, и завтра я привезу изъ Флоренціи разводную. А до тѣхъ поръ, ручаюсь, что г. Депортъ не скроется, не убѣжитъ, и такъ далѣе. Не правда ли, г. Депортъ?

Тотъ не могъ отвѣчать отъ удивленія; но, опомнясь, сказалъ тихо:— Маловато, да.... что̀ дѣлать!.... согласенъ.

— Согласенъ! раздалось со всѣхъ сторонъ: согласенъ!

Депортъ не могъ понять ихъ восторга, который былъ весьма простымъ и естественнымъ слѣдствіемъ положенія капитана и Джудиты. Всѣ бросились поздравлять жениха и невѣсту.

«Опять путаютъ!» подумалъ Гойко, и громко закричалъ: — Деньги!

Поздравленія остановились. Ни у кого не было требуемой суммы. Пуссенъ не взялъ съ собой лишнихъ денегъ; Марія и д'Орбиньи поиздержались на переѣзды, гостепріимство и приготовленія къ свадьбѣ. Но замѣшательство было непродолжительно: Гаръ-Піонъ вытащилъ изъ кармана огромную мошну, подарокъ Гойка, и, положивъ ее на столъ, сказалъ сухо:— Тутъ больше!

«Я только этого и ждалъ, «подумалъ Гойко, и сказалъ громко: — Ну, г. Депортъ, простимся съ нашими старыми знакомыми и поѣдемъ.—Гаръ-Піонъ! окажи послѣднюю услугу: бери свои деньги и поѣзжай съ нами.... Безъ стражи, г. Депортъ....

— Понимаю, сказалъ Гаръ-Піонъ. Сейчасъ!

И, чрезъ пять минутъ, Депортъ, Гойко и Гаръ-Піонъ отправились во Флоренцію.

═

Рано поутру Гойко пошелъ къ кардиналу, разсказалъ дѣло, представилъ обоюдное согласіе супруговъ и причины развода, подарилъ отъ имени обоихъ два драгоцѣнные перстня. Около полудня пріѣхала во Флоренцію и Джудита, и тогда

же получила разводъ и разрѣшеніе на второе замужство. Депортъ, подписавъ актъ, поздравилъ Джудиту съ благополучнымъ окончаніемъ дѣла. Она ему пожелала хорошей и богатой невѣсты. Депортъ пошелъ къ Гойку получать деньги отъ Гаръ-Піона. Расплатились. Гаръ-Піонъ отправился на виллу, а Гойко обѣщалъ пріѣхать попозже, по весьма естественной, хотя и тайной, причинѣ: онъ не хотѣлъ присутствовать при обрядахъ.

Не успѣлъ уйти Гаръ-Піонъ, какъ передъ окнами на улицѣ завязалась драка.

— Вѣрно, фальшивыя кости, сказалъ Гойко.

— Какъ фальшивыя кости? спросилъ Депортъ.

— Да, отъ этого почти во всей Италіи, во всякомъ городѣ, драки и убійства. Мошенничать любятъ, а порядочныхъ костей сдѣлать не умѣютъ. Вотъ, напримѣръ, у меня есть двѣ игры: такъ пусть самъ кардиналъ свидѣтельствуетъ: ничего не найдетъ.... Чудо не кости!

— Покажи, Гойко.

— Пожалуй.

— А въ чемъ же тайна? Это самыя обыкновенныя, простыя кости.

Гойко показалъ, въ чемъ состоялъ фокусъ.

— Продай, Гойко.

— Перестаньте, г. Депортъ! Какъ это вамъ не стыдно?.... Не умѣли избавиться отъ одной бѣды, а лѣзете въ другую!

— Нѣтъ, я хотѣлъ купить для шутки.

«Таковской!» подумалъ Гойко, и, не отвѣчая, положилъ коробочку на окно.

— Ну, что жъ, продашь?

— Подите вы! Стану я вамъ вѣрить, когда вы самыхъ святыхъ обѣщаній не исполняете? Вмѣсто пяти сотъ, дали триста ливровъ. Я вамъ не мстилъ.

— Ошибся, Гойко,

—Хороша ошибка! Но вотъ, я вчера нарочно двѣсти лишнихъ ливровъ выторговалъ.

— Лишнихъ!.... Ну ужь полно, Гойко! Я знаю, они тебя подкупили, и, не будь я въ такой нищетѣ....

— Богъ съ вами, когда такъ! Мнѣ надо въ городъ ... Прощайте!

Гойко ушелъ и, черезъ нѣсколько минутъ, воротился, но уже ни костей, ни Депорта не было въ комнатѣ.

═

Немногіе гости давно уже съѣхались на виллу Пальфи. Ждали только одного венеціянскаго купца Ліонардо.

— Вѣрно, онъ захлопотался съ подарками, говорилъ Гаръ-Піонъ. Онъ что-то намѣкалъ.

Прошло еще довольно времени: Гойко не ѣхалъ. Рѣшили приступить къ обряду. Повѣсть моя кончилась самымъ блистательнымъ образомъ: вмѣсто одной свадьбы, обыкновенной принадлежности послѣдней главы всѣхъ и всяческихъ романовъ, у меня, въ одномъ мѣстѣ и въ одинъ день, сыграны были три свадьбы. Молодые вошли въ залу для принятія поздравленій, и первое принесъ Гойко. Поздравленіе его состояло въ богатыхъ подаркахъ и въ страшномъ извѣстіи: Филиппъ Депортъ былъ пойманъ въ фальшивой игрѣ, и флорентинская чернь, не ожидая суда, разорвала преступника на части.

— Не жаль! сказалъ новобрачный капитанъ Помпей Гаръ-Піонъ.

Къ этому простодушному замѣчанію венеціянскій купецъ Ліонардо прибавилъ:

— Жаль только трехъ тысячъ ливровъ!.... Кому-то они достались?

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ СЕДЬМАЯ.

ГЛАВЫ. *Стр.*

I. Кареты. 5
II. День Благодарности. 15
III. Ссоры. 29
IV. Визитъ. 44
V. Заказы. 57
VI. Монологъ и Элегія Гаръ-Піона. . . 74
VII. Баррикады. 79
VIII. Представленіе Цинны. 90
IX. Приступъ и Ретирада. 102

ЧАСТЬ ОСЬМАЯ.

X. Торжество истины. 111
XI. Кого слушать? 130
XII. Затворникъ. 156
XIII. Корчма. 177
XIV. Абенъ-Гассанъ. 190
XV. Носилки. 209
XVI. Латинская бесѣда. 218
XVII. Послѣдняя картина. 230

ЧАСТЬ ДЕВЯТАЯ.

XVIII. Марія Медичи. 239
XIX. Поединокъ. 248
XX. Веселая кончина. 255
XXI. Утопленникъ. 263
XXII. Родственники. 281
XXIII. Спокойная смерть 290
XXIV. Ліонардо. 311
XXV. Дружеская услуга. 321
XXVI. Кости. 335

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
PG3337
.K76
E94
1841
t.3-4